ЕВРОПА

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ЭПОХУ КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Под редакцией А. А. Язьковой

ВЕСЬ МИР

Серия: Старый Свет — новые времена

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ЭПОХУ КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Российская академия наук
Институт Европы

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ЭПОХУ КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Под редакцией А.А. Язьковой

ВЕСЬ МИР

Москва 2007

УДК 323+327(398)
ББК 26.89(47)
Ю 15

Руководитель научного проекта
академик РАН Н.П. Шмелев

Ответственный редактор монографии
д.и.н. А.А. Язькова

Авторский коллектив:
д.и.н. А.А. Язькова (часть I, глава 1; часть II, глава 4; часть IV, глава 10),
проф. Бьянкини С. (часть II, глава 3), д.и.н. Давыдов Ю.П. (введение),
к.и.н. Кандель П.Е. (часть III, глава 6, 7; часть IV, глава 12),
к.и.н. Романенко С.А. (часть I, глава 2; часть III, глава 6, разделы «Хорватия»,
«Босния и Герцеговина»; часть IV, глава 11), к.и.н. Рытов А.Г. (часть III,
глава 8,9), проф. Увалич М. (часть III, глава 5), д.и.н. Ходов Л.Г. (часть III,
глава 8, раздел «Греческая экономика: современный этап развития»)

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. А.А. Язькова (отв. редактор), к.и.н. П.Е. Кандель,
С.А. Забелин (отв. секретарь)

Переводчики:
С. Файн (часть II, глава 3, пер. с итал.),
С. Забелин (часть III, глава 5, пер. с англ)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 06-02-16011д.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 06-01-02104а

Мнения отдельных авторов могут не совпадать с позицией редколлегии.

ISBN 978-5-7777-0353-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В контекст европейских и международных событий XX в., а также в соответствующие представления современников Юго-Восточная Европа — регион, более известный как Балканы, неизменно вписывался как негативно окрашенная геополитическая сфера. Уже само понятие «Балканы» подразумевало его характеристику как «порохового погреба» или «уязвимого подбрюшья» Европы. К этому можно также добавить фактор многолетней своекорыстной «игры» крупных европейских и мировых держав на противоречиях между балканскими государствами.

Как же и почему возникли эти негативные стереотипы и породившие их объективные реалии? Каковы их исторические рамки и возможные перспективы стабилизации положения в Балканском регионе, который сегодня все чаще называют Юго-Восточной Европой, вкладывая в это определенный смысл? Ответы на эти вопросы могут позволить глубже понять причины, современное состояние и возможную дальнейшую эволюцию региональных балканских кризисов конца XX столетия.

Многие из нынешних сложных проблем стратегически важного и густонаселенного Балканского региона носят объективный характер. На Балканах издавна происходило соприкосновение православия, католицизма и ислама, неоднократно выливавшееся в острые религиозные конфликты. Этническая карта Балкан по своей пестроте несопоставима ни с одним другим европейским регионом (за исключением, пожалуй, Кавказа), что стало результатом множественных массовых миграций разнородных этнических групп на протяжении последних двух тысячелетий. Длительное время находясь под властью Османской

и Австрийской (затем Австро-Венгерской) империй и ощущая на себе постоянное, хотя и осуществлявшееся в различных формах воздействие политики Российской империи, народы Балканского полуострова формировались в условиях противоречивых культурно-политических влияний. Наконец, в XX в. на Балканах произошло мощное столкновение порожденных западной цивилизацией политических идеологий — коммунизма, фашизма и национализма, что еще более усилило конфликтный потенциал региона.

Многие из ныне свойственных региону проблем и их характеристик уходят, таким образом, своими корнями в прошлое. Это и исторически сложившаяся многоэтничность, и позднее формирование наций и государств, и многократная насильственная перекройка границ, и длительная борьба против иноземного господства, и, как следствие всего этого, затяжная экономическая отсталость.

Кардинальные изменения в расстановку сил в Юго-Восточной Европе внесло крушение авторитарно-тоталитарных режимов в Румынии, Болгарии, Албании и их переход к сотрудничеству с европейскими и евроатлантическими интеграционными группировками. В то же время в 90-х годах прошлого столетия регион оказался глубоко депрессивным, будучи также втянутым в новую «дугу нестабильности» в результате распада Югославии и возникновения на ее территории серии затяжных вооруженных конфликтов.

На рубеже тысячелетий государства Юго-Восточной Европы стали постепенно преодолевать доставшиеся им в наследие от прошлого проблемы на путях сотрудничества с ОБСЕ, ЕС и НАТО. Важными для них, как и ранее, остаются традиционные связи с Россией. Необходимость их углубления на новой основе остается весьма существенной как для них, так и для самой России.

Эти и многие другие вопросы находятся в центре внимания авторов предлагаемой монографии, подготовленной в Институте Европы РАН. В авторский коллектив вошли ведущие специалисты из ряда московских институтов, а также зарубежных научных центров. Хронологически исследование охватывает период 1990–2005 гг., но в ряде частей книги проблемы рассмотрены в более широкой исторической ретроспективе.

ВВЕДЕНИЕ
Место и роль Балкан в современной Европе и мире

Оценивая современную роль Балкан в системе международных отношений, нельзя не согласиться с тем, что речь идет о периферийной части Европы. Девять стран региона (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Македония, Румыния, Сербия и Черногория, Хорватия, а также европейская часть Турции) занимают территорию размером 300 тыс. кв. км. Совокупная численность его населения составляет 55 млн человек, но его ВВП едва достигает 120 млрд долл., а ВВП на душу населения в 12 раз меньше средних показателей по ЕС. Ресурсная база региона небогата. Всего этого, казалось бы, вряд ли достаточно, чтобы признать за регионом, разделенным к тому же национальными границами, заметную роль в окружающем мире. Тем не менее парадокс заключается в том, что, обладая незначительными ресурсами и являясь больше объектом внешнего воздействия, чем субъектом влияния, Балканы не раз приковывали и продолжают приковывать к себе внимание мирового сообщества и держать его в напряжении.

Историческое развитие большинства народов и государств Юго-Восточной Европы проходило по-разному: одни долгое время находились под игом Османской империи, другие — под господством Австро-Венгрии. По ним прокатились волны фашизации, затем советизации, а сегодня — вестернизации. Одни боролись за освобождение с оружием в руках, другие ждали, когда великие державы, собравшись на конференции (в Париже, Ялте, Потсдаме или Дейтоне), преподнесут им независимость (или, наоборот — еще большую зависимость). Различия в общественно-экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, принципиально разные взгляды на историю, на принципы организации власти, государства, на перспективы разви-

тия нации, спрессованные на ограниченном территориальном поле, постоянно создавали (и создают сегодня) территориальные, демографические, религиозные проблемы, культивируют предубеждения в отношениях между народами. Здесь присутствовало все — от процессов ассимиляции, межэтнических конфликтов, терроризма и нарушений прав человека до неконтролируемых миграций, торговли наркотиками, взаимодействия транснациональных криминальных структур. Все эти и подобные им национальные (межнациональные) проблемы не могли не влиять на состояние окружающей среды, международной безопасности, на формирование нового мирового порядка.

Чаще всего это влияние было отрицательным, поскольку обуславливалось совсем не теми параметрами, которые обычно определяют мощь (влияние) государства (коалиций государств) на международной арене, — военная сила, экономический, технологический, финансовый, политический потенциал. Оно было обусловлено прежде всего и главным образом отрицательным фактором — **повышенной конфликтогенностью региона,** которая временами оказывалась разрушительной и даже губительной для окружающего мира: достаточно вспомнить обе мировые войны, которые были так или иначе связаны с балканским феноменом и которые оказались роковыми для целого ряда империй (Османской, Австро-Венгерской, Российской, фашистской).

Повышенная и устойчивая конфликтогенность Балкан определялась тремя группами фундаментальных обстоятельств: геополитического цивилизационного, локального (местного) порядка.

Если говорить об обстоятельствах **геополитического порядка**, то в их основе лежит тот факт, что Балканы постоянно пребывали на стыке двух центров притяжения (двух тенденций), исторически противоборствовавших, каждый из которых надеялся утвердить (расширить) свое влияние за счет другого. В самом деле, после крушения Византии Балканы стали предмостным укреплением как для Европы, так и для Азии. Предварительным условием для давления азиатского континента и для дальнейшего продвижения Азии на европейский континент должно было бы стать обладание Балканами. Предварительным условием для европейского продвижения в Азию должно было бы также стать обладание плацдармом в виде Юго-Восточной Европы.

В настоящее время Балканы все чаще воспринимаются как своеобразный мост между Европой и Азией, по которому идет разнонаправленное движение людей, товаров, капиталов. Каждая сторона стремится к контролю над этими встречными потоками, регулируя их прежде всего в своих интересах. Запад продвинулся в этом направлении дальше: Турция — член НАТО, по ее территории идет на Запад азербайд-

жанская нефть (нефтепровод Баку–Джейхан). Но и Анкара, проявляя завидное терпение, добилась немалого: Турция, скорее всего, все же станет первой мусульманской страной, — полноправным членом ЕС.

Все эти геополитические игры вокруг Балкан в условиях, когда для их народов главным было выжить, сохранить свою национальную идентичность, по-разному воспринимались ими, формируя у каждого из них свои образы врагов, друзей, угроз, побед и поражений. Одни считали, что выживание — это вечная борьба, другие полагали, что выживание — это вечное приспособление. И все это не могло не сказаться на взаимоотношениях самих народов, населявших Балканы; многие из этих предубеждений и предпочтений сохранились и до нашего времени, многие из них сегодня институализированы в государствах, материализованы в их национальных идеях, диаспорах, религиях, идеологиях, ви́дении друг друга. Во всяком случае, сегодня практически все Балканские страны имеют определенные предубеждения друг против друга и взаимные претензии, восходящие подчас к далекому прошлому.

Второе обстоятельство, несущее в основном **цивилизационную нагрузку,** обусловлено тем, что здесь, на территории, по размерам незначительной, столкнулись три гуманитарные культуры, три политические культуры, три (если не больше) конфессии, по-разному воспринимающие такие понятия, как «мир», «власть», «общество», «личность». Каждая из этих культур стремилась утвердить здесь свое мироощущение, но это давалось с трудом, ибо предполагалось, что утверждение какого-то одного начала должно означать окончательную победу и полное поражение (искоренение) другого. Фактически взаимоотношения в регионе строились по принципу «игры с нулевой суммой» — либо абсолютная победа, либо абсолютное поражение. Теория Хантингтона о грядущем «столкновении цивилизаций» как будто бы объясняла создавшуюся на Балканах ситуацию — с той лишь разницей, что результатом все чаще виделась не «нулевая сумма», которая в постмодернистской истории имеет мало смысла, а понимание неизбежности длительного сосуществования несовпадающих (несовместимых) начал, неизбежности попыток приспособления их друг к другу. В результате ссоры, распри, конфликты народов, наций, национальностей, этносов, государств принимали затяжной, перманентный характер, становились отличительной чертой, особенностью их внутренних и внешних взаимодействий. Отсутствие стабильности также становилось спецификой региона.

Наконец, третьим **(местным)** обстоятельством, нагнетающим и удерживающим высокую температуру конфликтогенности региона,

был процесс **самоидентификации** стран региона, начавшийся не сегодня, но и до сих пор еще далеко не законченный. Как справедливо указывал Макс Вебер, нация, народность, этнос осознают себя как нечто цельное, но специфичное прежде всего при соприкосновении (взаимодействии) с другими народами и государствами, т.е. они самоидентифицируют себя, когда вступают в систему международных отношений. Именно в этой системе они ощущают свою непохожесть на других, понимают, что у них другое, свое ви́дение мира, своя миссия в нем. Поэтому обычно становление национального государства идет путем этнической гомогенизации. Применительно к Юго-Восточной Европе это, во-первых, создает серьезные проблемы с национальными меньшинствами в большинстве Балканских государств (проблемы венгерского меньшинства в Румынии и Сербии, албанского — в Сербии и Македонии, турецкого — в Болгарии, греческого — в Албании). И во-вторых, утверждение «гомогенных государств» зачастую шло на Балканах, опираясь на силу (этнические чистки) и диктатуру власти, обычно при массовой поддержке населения. Формирование этнически однородного государства серьезно мешает поэтому процессам демократизации.

Следует отметить, что процесс самоидентификации в Юго-Восточной Европе в ряде случаев далек от завершения, «формирование нации идет вдогонку», отставая от потребностей общества, от среднеевропейских стандартов. К тому же он подпитывается не только взаимодействием с окружающими «непохожими сущностями», но и постоянной подозрительностью по отношению к «ним» и в конечном счете конфронтацией с ними, ибо история приучила балканские народы к тому, что непохожий всегда был чужим, а чужой, как правило, оборачивался противником. Это происходило не потому, что этнос, национальность, государство были недоверчивыми и подозрительными изначально, а потому, что этого требовало само их выживание: выживание албанцев в Косово при режиме Милошевича, выживание сербов в том же Косово при режиме албанских сепаратистов. Вероятно по этой же причине выживание обычно мыслилось на Балканах как поглощение (покорение) ближайших (потенциальных) противников, расширение территорий, их полное подчинение себе. Возникновению повышенной конфликтогенности способствовала и прежняя колониальная практика. Для того чтобы поддерживать порядок на непокорных территориях, пришлые завоеватели проводили здесь политику «разделяй и властвуй», натравливая одни народы на другие. А исторические предубеждения живут намного дольше, нежели создавшие их режимы. Поэтому во время Второй мировой войны,

да и после распада Югославии, с таким ожесточением хорваты уничтожали сербов, сербы хорватов, потом албанцев, потом вместе сербы и хорваты обращали свой гнев на мусульман в Боснии и Герцеговине.

Временами политики и вожди теряли чувство реальности, но большие амбиции нравились малым народам, они казались вызовом окружающему миру. Поэтому одна за другой в рамках все той же самоидентификации всплывали идеи построения Великой Болгарии, Великой Сербии, Великой Албании, Великой Румынии. Чем меньшими возможностями обладала страна, тем больше она претендовала на статус «великой». Но, как показывает практика, «великие идеи» требуют великих жертв. Сосуществование же столь значительного числа претендующих на величие стран на столь незначительном территориальном пространстве представляется потенциально опасным, хотя в реальности и маловероятным.

Наличие в регионе высокого уровня конфликтогенности, противоречий, взаимной враждебности гасило импульсы к созданию и развитию собственного интеграционного потенциала, который мог бы (как показывает опыт Европейского союза) способствовать размыванию существующих противоречий, большей стыковке расходящихся национальных интересов. Когда собственной взаимной недоброжелательности не хватало, на авансцену выходили «друзья» со стороны. Так, идея создания Балканской конфедерации, которую в 40-х годах выдвигали сначала англичане, а затем и лидеры болгарских и югославских коммунистов, была с ходу отвергнута Москвой.

Между тем расхожий термин **«балканизация»** означает противоположную тенденцию — к фрагментации, государственному дроблению, постоянным распрям на этнической и территориальной почве[1]. Попытки проведения каждой новой границы на Балканах приводят к появлению новых меньшинств, которые, в свою очередь, очень скоро становятся новым источником дробления. Важно и другое: национальные и политические лидеры Балканских стран и территорий традиционно стремились вовлечь в свои споры и конфликты великие державы. Сами же они в стремлении усилить влияние в регионе за счет конкурентов охотно вовлекались в местные склоки.

[1] По оценке югославского публициста и исследователя Р. Петковича, балканизация — это состояние постоянного конфликта между Балканскими государствами и народами по поводу территорий и непрерывная атомизация Балканского региона. К этой характеристике можно добавить фактор многолетней своекорыстной игры крупных европейских держав на противоречиях между Балканскими государствами и народами, политическими элитами.

«Историю Балкан двух последних столетий, — подчеркивает Б. Шох из гессенского Фонда изучения проблем мира и конфликтов, — можно описать как арену скрещивания интересов и вмешательства великих держав». В конечном счете подобное вмешательство заканчивалось трагически как для самих великих держав, так и для стран (народов) самого региона. Достаточно вспомнить Первую мировую войну, когда запущенный маховик взаимной вражды так и не удалось остановить. «Балканская ловушка» для великих держав продолжает функционировать и в наши дни. Поспешное официальное признание правительством Германии развала СФРЮ и независимости возникших на ее месте ряда государств послужило одним из катализаторов югославской трагедии, последствия которой ощущаются поныне. Однако для Бонна главным в этом случае была возможность продемонстрировать миру, что ФРГ наконец-то созрела для проведения самостоятельной внешней политики. Первым, и наиболее ощутимым, следствием косовской драмы (военная операция НАТО против Югославии) стало ухудшение и без того напряженных тогда российско-американских отношений.

Временами великие державы, влезая в «балканскую ловушку», теряли ориентацию, объективность, способность быть нейтральными в конфликте. Забывая о провозглашенных целях, они начинали играть по правилам, установленными местными политиками. Это относится и к Соединенным Штатам, которые помогли косовским сепаратистам победить, но не смогли решить косовскую проблему, в частности не сумев обеспечить безопасность проживающих в крае сербов (то же самое произошло впоследствии в Ираке, где американцы смели диктаторский режим Хусейна, но не смогли заменить его демократией). Это относится и к России, которая попустительствовала Милошевичу даже тогда, когда он в своих интересах пытался стравить ее с американцами.

В то же время великие державы, преследуя свои интересы на Балканах, пытались опереться на различные группировки традиционного балканского общества. Каждая из этих держав искала поддержки своей линии у совершенно различных групп, тем самым разъединяя это общество, а не объединяя его для решения существующих проблем. Каждая из них считала, что именно она является примером для модернизирующихся балканских обществ, зачастую игнорируя их исторический путь и исторический опыт. Нет сомнения, что Балканы — неотъемлемая часть Европы. Но часть специфическая. Это классический субрегион с собственной историей, географией, культурой, менталитетом, образом жизни. Балканские страны всегда вносили в «копилку» европейской цивилизации свой особый, неповторимый

вклад. Сегодня, стандартизируя процесс изменений, процесс демократизации в регионе, великие державы Запада девальвируют то, что является на самом деле движущей силой перемен, — стремление Балканских государств к национальной самоидентификации.

После окончания «холодной войны» ситуация в Юго-Восточной Европе усложнилась. Здесь столкнулись международные интересы не только Соединенных Штатов, западноевропейских государств (в среде которых не было единства), России, но и таких важнейших международных организаций, как ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО. В результате их противоречия по поводу Балкан наложились на конфликты между Балканскими странами, и образовалась «гремучая смесь», способная взорвать на только европейское, но и мировое равновесие. К счастью, этого не случилось, хотя по своей значимости кризисная ситуация после распада СФРЮ вышла далеко за рамки региона и приобрела как общеевропейское, так и глобальное измерение.

Вместе с тем на ситуацию в Юго-Восточной Европе ныне все более значительное воздействие оказывает само состояние внешней среды, те системообразующие процессы, которые происходят в международных отношениях и меняют роли государств, неправительственных организаций, индивидуумов, конфигурацию сил в современном мире. Как же эти процессы вписываются во все то, что происходит или может в ближайшее время произойти на Балканах?

Прежде всего, речь идет о **процессах глобализации,** охвативших современный мир. И не столько о количестве персональных компьютеров на душу населения, хотя и это важно, сколько о наличии рыночной экономики, о демократизации обществ, об их открытости для движения товаров, капиталов, людей и идей, о новом характере взаимоотношений по линии личность–общество–государство, об их взаимосвязи с теми тенденциями, которые развиваются в современном мире. Почти все страны Юго-Восточной Европы (за исключением Греции и Турции) находятся на начальной стадии экономических и социальных реформ, которые значительно отстают от реформ политических. Они добились успехов лишь в «малой приватизации», а также в либерализации режимов торговли и валютных курсов. Что же касается приватизации крупных предприятий, реформы банковской системы, изменения рамочных условий экономической политики, а также принятия законов о конкуренции и банкротстве, то здесь большинство Балканских стран не продвинулось вперед. Местные рынки малы и относительно изолированы. Конкуренты из стран с низким уровнем заработной платы вне Балкан часто предлагают для иностранных инвестиций лучшие условия. Поэтому эффект воздействия глобализации на экономику и социальную

сферу этих стран явно отрицательный — открытость работает против становления и укрепления национальных экономик. В этих странах, за редким исключением, нет каналов и ресурсов, используя которые они могли бы поставить глобальные процессы себе на службу.

Наконец, в системе взаимоотношений личность–общество–государство процесс глобализации делает основной упор на личность, на оптимальное раскрытие и использование ее потенциала. Отсюда — упор в политике государств, пытающихся опереться на процессы глобализации, на профессионализм, образование, здравоохранение, на совершенствование гарантий соблюдения прав человека. Балканские страны прилагают огромные усилия, для того чтобы сократить утечку мозгов, которая в условиях глобализации получает новый импульс. Из стран уезжают не только выдающиеся ученые, деятели культуры, врачи, но и просто рабочие-специалисты. Балканские страны сталкиваются с угрозой интеллектуального и профессионального истощения. К сожалению, все эти проблемы не стоят в числе первоочередных в повестке дня правительств стран Юго-Восточной Европы. Отчасти потому, что другие проблемы — социальные, экономические — кажутся более насущными и больше давят на правительства. Отчасти потому, что значение этих проблем в «догоняющих обществах» просто недооценивается. Отчасти потому, что у правительств просто нет средств для финансирования соответствующих программ.

Национальная самоидентификация в принципе вписывается в процесс глобализации, но совсем не в тех формах, в которых она проходит в большинстве Балканских государств. Здесь она сконцентрирована в основном на усилении роли государства в экономической, социальной и политической сферах, в то время как процесс глобализации предполагает, что роль государства во всех этих сферах постепенно размывается, она подменяется возрастающей активностью неправительственных организаций, гражданского общества. Проблема состоит в том, что наличие и активность этих последних не создаются волевым решением, указом законодательных органов; это длительный процесс приспособления общества к меняющимся условиям политического бытия. Поэтому если для развитых стран процесс глобализации — это новые возможности, то для Балканских стран, как и для большинства развивающихся (догоняющих) стран, это новая проблема, с которой они не знают, как обращаться.

Несмотря на всю свою специфичность, Балканы живут и развиваются отнюдь не в вакууме, постоянно ощущая на себе давление внешней среды. Между тем сама эта внешняя среда, и прежде всего нынешняя ее структура, уникальна. Некоторыми исследователями

она характеризуется как **плюралистическая однополярность,** обусловленная, по мнению одних, неоспоримой гегемонией Соединенных Штатов, по мнению других — мягкой гегемонией США, по мнению третьих — американским лидерством. Неудивительно, что в подходе мирового сообщества к разрешению балканского кризиса 90-х годов прошлого века Соединенные Штаты играли ведущую роль. Можно предположить, что они будут играть эту роль и в дальнейшем, независимо от того, будут ли они сами непосредственно присутствовать в зоне конфликта или нет.

Между тем стоит отметить, что Вашингтон после «бархатных революций» в Восточной Европе, полагая, что он решил свою основную послевоенную задачу (спас Европу от коммунизма), неохотно влезал в «балканскую ловушку». По мнению ряда американских политиков, Балканы не относятся к сфере жизненно важных интересов США, требующих их непосредственного присутствия. Возможно поэтому на ранних этапах югославского кризиса они выступали против раздела СФРЮ, за ее территориальную целостность. И при всех обстоятельствах полагали, что ответственность за рациональное разрешение кризиса должна взять на себя Европа, прежде всего Европейский союз, который, считали американские руководители, сам «рвался в бой», желая испытать себя и свои возможности в качестве нового центра силы мирового значения. Однако ЕС, не имевший опыта подобного умиротворения и во многом полагавшийся на «мудрость» ООН, потерпел в этом случае фиаско. Можно предположить, что американские стратеги предвидели такой исход и просто хотели «подставить» ЕС, у которого после провала его миссии не было иного выбора, кроме как признать свою несостоятельность и обратиться за помощью к США. Во всяком случае, в возникшей ситуации Вашингтон «вынужден» был возглавить операцию по разрешению югославского кризиса.

Американская стратегия «балканского урегулирования» носила откровенно силовой характер: сначала наносился бомбовый (ракетный) удар по «противнику» (которым были избраны сербы), затем под угрозой эскалации военных действий его принуждали пойти на политические уступки. Таким путем было достигнуто Дейтонское соглашение 1995 г., которое убедило американцев, что С. Милошевич лучше всего понимает язык силы, а затем и «косовское урегулирование» (март–июнь 1999 г.). Последнее проводилось без санкции СБ ООН, но впоследствии косвенным образом было им реабилитировано. Конечно, подобная нелегитимная практика не лучший способ действий, она подрывает авторитет ООН. Но Вашингтон выбрал этот путь, поскольку Россия и Китай заявили, что заблокируют любое военное решение ко-

совской проблемы, если на него не будет получено согласие Белграда. Американская администрация рискнула пойти на непопулярные меры и добилась своего. Решив силовым способом «основную проблему», Вашингтон «доверил» послевоенное устройство Юго-Восточной Европы (т.е. наиболее трудную часть работы) ООН и Европейскому союзу. Американские военные стремятся освободиться от своей былой миссии на Балканах, но и сегодня Вашингтон по-прежнему является главным фактором, определяющим характер стабилизации и вектор развития этого региона. Наверное, этому способствует и тот факт, что большинство государств региона (в особенности бывшие социалистические страны) ныне придерживаются откровенно проамериканской ориентации.

Между тем **Россия исторически** на протяжении десятилетий (если не столетий), в том числе и после Второй мировой войны, была одним из наиболее значимых внешних факторов, влиявших на судьбы региона. Эта ее роль была фактически закреплена ялтинско-потсдамским послевоенным урегулированием, ставшим основой продержавшегося полвека мирового порядка. Как всякий мировой порядок, ялтинско-потсдамский не был абсолютным: то Югославия, то Албания, то Румыния (при поддержке то США, то Китая, то США и Китая) бросали вызов советской гегемонии в регионе, но так и не смогли разрушить ее.

Она сохранялась до тех пор, пока в неизменном виде существовал Советский Союз. Как только СССР стал меняться, рухнуло в результате «бархатных революций» «социалистическое содружество», рухнул и ялтинско-потсдамский мировой порядок. Россия и бывшие европейские страны социализма (включая государства Балканского региона) в процессе перемен пришли к выводу, что они более не нужны друг другу, все они (включая саму Россию) повернулись к Западу, ожидая щедрых вознаграждений за отказ от прошлого. Этот процесс затронул и Балканы (и Румынию, и Болгарию, и Албанию, и почти полдюжины государств, появившихся на руинах СФРЮ). В их новой жизни Россия не могла дать им того, в чем они нуждались больше всего. Она не могла кредитовать их и поделиться с ними опытом демократизации, ибо его у нее не было.

Нельзя утверждать, что Россия не предпринимала попыток восстановить свое влияние на Балканах, помочь в разрешении югославского кризиса. Однако у ее правящей элиты не было ни понимания истоков югославской трагедии, ни свежих идей относительно того, как выйти из нее. В этой нетривиальной ситуации она полагалась на банальные призывы к «славянскому братству и православию», делала ставку на те силы (С. Милошевича и его подручных), которые югославскую трагедию и породили. Москва энергично, но безрезультатно протес-

товала против не санкционированной СБ ООН военной операции НАТО в Югославии. В то же время она в течение ряда лет участвовала в миротворческих силах по стабилизации ситуации в Боснии (SFOR), созданных в соответствии с Дейтонскими соглашениями, в силах по урегулированию ситуации в Косово (KFOR), размещение которых было санкционировано ООН. И в том, и в другом случае российские миротворцы выполнили свои миссии, наладив рабочее взаимодействие с военными структурами НАТО. И то и другое открывало России новые возможности на двух направлениях. Первая возможность — восстановление влияния Москвы на Балканах, поскольку она политически отчасти балансировала военное присутствие Запада в регионе. Российские миротворцы зарекомендовали себя объективными (благожелательными по отношению к обеим конфликтующим сторонам) посредниками. Вторая возможность — налаживание более тесного сотрудничества с военными структурами НАТО, особенно на низовом и среднем уровнях. К сожалению, ни та, ни другая возможность реализована не была: российские миротворческие подразделения были отозваны как из Боснии, так и из Косово. Между тем, хотя на Балканах сейчас не стреляют, в регионе остается много других проблем, в решении которых Россия могла бы найти свою нишу.

Куда же пойдут сами **Балканы, к какому берегу они пристанут?** Пока политологи готовили свои рецепты и рекомендации, ход событий начал опережать их прогнозы. В 2004 г. членами НАТО стали три Балканских государства, вместе с Грецией их — четыре, а с Турцией, которая на четверть тоже Европа, их пять. В дверь альянса стучатся Хорватия, Македония и Албания; вполне вероятно, что в перспективе в очередь встанут Сербия и Черногория. И если Босния и Герцеговина станет суверенным государством, то и она последует за ними. Если все они войдут в НАТО, то альянс на треть станет балканским (выдержит ли он такую нагрузку — другой вопрос). Но и это не самое главное, ибо НАТО, как кажется, превращается в некую рыхлую организацию без границ и зоны ответственности. Более важным представляется, что недавно членом Европейского союза стала Словения в 2007 г. к нему присоединились Румыния с Болгарией, а затем постепенно последуют и прочие. Учитывая все означенное выше, можно сделать по крайней мере три вывода.

Вывод первый. Балканские страны перестают быть предмостным укреплением или мостом между Европой и Азией, они пристают к европейскому берегу, разделяя систему ценностей Европы, ее политические и экономические стандарты, но сохраняя своеобразие своей культуры и образа жизни. Они понимают, что за это придется платить

высокую цену — часть своего суверенитета, за достижение которого было пролито столько своей и чужой крови.

Вывод второй. В общественном сознании региона и многих его политических лидеров утверждается необходимость преодолеть опасную (не только для себя, но и для Европы) конфликтогенность региона, пресловутую балканизацию. Сознавая, что для этого нужны совместные, коллективные усилия, они понимают в то же время, что собственные импульсы Балканских стран к региональной интеграции, в рамках которой только и возможно решить эти проблемы, крайне слабы. Единственный выход видится в том, чтобы постепенно подключаться к более широким процессам (институтам) европейской интеграции. Как показывает опыт самого ЕС, лишь в рамках интеграции возможно преодолеть исторические предубеждения народов (Франции и Германии, например) друг к другу.

Вывод третий. Сегодня регион имеет известные основания преодолеть исторически сложившийся стереотип пресловутой балканизации и стать интегральной частью европейского континента — **Юго-Восточной Европой.** Безусловно важно, что ЕС уже принял на себя ответственность за стабилизацию ситуации в регионе, а значит, и за его глубокую политическую, экономическую, социальную модернизацию, за его безопасность. Но для того чтобы использовать этот шанс, необходимо продолжить поиск компромиссных решений, прежде всего в деле урегулирования затяжных межэтических конфликтов, воспринять на уровне общественного сознания толерантность, свойственную народам Европы.

Часть I. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Глава 1. Балканы в годы блокового противостояния. Кардинальные перемены конца 80–90-х годов XX века

На протяжении более чем полувека после окончания Второй мировой войны Балканские страны и весь регион в целом прошли ряд этапов в своем внутреннем и международном развитии. На положение в регионе оказывали воздействие не только характерные для каждой из стран внутренние, но и более значительные, чем для какого-либо другого европейского региона, международные факторы. Почти все эти годы Балканы продолжали оставаться ареной противостояния мировых держав, чему способствовала сформировавшаяся в послевоенные годы уникальная структура региона. Вплоть до начала 90-х годов здесь проходила линия соприкосновения двух общественно-политических систем и противостояния военно-политических блоков — НАТО и ОВД. Наряду с двумя государствами — членами НАТО — Грецией и Турцией здесь были расположены входившие в ОВД Румыния и Болгария, не присоединившаяся к военным блокам Югославия, а также Албания — единственная европейская страна, до середины 80-х годов находившаяся в изоляции и не принимавшая участия в СБСЕ.

Балканские страны отличались друг от друга и по характеру своей внутрисистемной политики. Именно в этом регионе уже в 1948 г. возник первый крупный конфликт между СССР и вошедшими в сферу его влияния странами «социалистического лагеря», известный как «конфликт Сталин–Тито». На рубеже 60-х годов от сотрудничества с СССР резко и демонстративно отошла Албания. Заявив о своих особых позициях в вопросах международного сотрудничества, Румыния стала «диссидентом в социалистическом лагере». Что же касается Болгарии, то ее руководство искало советской поддержки в значительной степени вынужденно, а ее международный курс отягощался необ-

ходимостью выполнять трудные для страны условия послевоенных мирных договоров.

Расположенные на южном фланге НАТО Греция и Турция на протяжении всех послевоенных лет неоднократно переживали резкие перемены политических режимов и находились в состоянии почти перманентного конфликта между собой, отчасти сдерживаемого их членством в НАТО.

Рассмотрение международного аспекта балканской политики в послевоенные годы, вплоть до крушения на рубеже 80—90-х годов в большинстве из них авторитарно-тоталитарных режимов, позволяет выделить следующие основные этапы:

а) *от окончания Второй мировой войны до середины 50-х годов,* когда в условиях наступившей «холодной войны» проходило становление новой системы межгосударственных отношений, а давление СССР на Балканские страны в сочетании с его противостоянием с США было наиболее неприкрытым;

б) *от середины 50-х до середины 70-х годов,* когда на общем фоне ослабления международной напряженности ситуация в регионе относительно стабилизировалась, что позволило балканским странам исподволь перейти к различным формам внутрирегионального сотрудничества. «Блоковая дисциплина» на Балканах была в эти годы существенно ослаблена отходом от сотрудничества с СССР Албании и Румынии;

в) *от середины 70-х до начала 90-х годов,* когда процессы внутреннего развития практически во всех «социалистических» странах привели их к системному кризису, и тем не менее отношения между странами региона в рамках инициированного Грецией процесса межбалканского сотрудничества относительно стабилизировались.

В 90-х годах прошлого века, после крушения коммунистических режимов и не обошедшегося без большой крови распада Югославии, кардинально изменилась сама политическая карта Балкан. На ней появился целый ряд новых независимых государств, и процессы территориального передела, возможно, еще не завершены. Россия после распада СССР утратила значительную часть своих позиций, уступив их Западу, но едва ли нынешнее положение вещей может быть признано окончательным — слишком много историко-политических, гуманитарных и экономических корней связывают балканские страны с Россией. Думается поэтому, что «большая игра» на Балканах еще не окончена.

Начальный этап блокового противостояния

Балканы стали ареной напряженной борьбы между Советским Союзом и его западными партнерами еще до окончания военных действий на фронтах Второй мировой войны. Одним из главных направлений усиливавшейся конфронтации были разногласия, а затем и открытое противостояние между союзниками по вопросам мирного урегулирования и дальнейшего политического развития стран этого важного в стратегическом отношении европейского региона. Сегодня многие авторы как на Западе, так и в России считают послевоенный конфликт по поводу политического будущего Балкан и, в более широком плане, Восточной Европы одной из существенных предпосылок «холодной войны».

Обеспокоенность западных союзников перспективами советского доминирования в Балканском регионе существенно возросла после вступления частей Советской армии в Румынию и Болгарию летом–осенью 1944 г. Но, как показали последующие события, за декларациями западных союзников о «защите демократических ценностей» просматривался, однако, достаточно трезвый учет интересов. Неслучайно, что уже в октябре 1944 г. состоялась ставшая впоследствии широко известной встреча У. Черчилля и И. Сталина в Москве, в ходе которой английский премьер-министр предложил «урегулировать дела на Балканах» посредством фактического раздела «сфер влияния» в регионе. Речь шла об известном «процентном соглашении»: СССР получает право на 90% влияния в Румынии, Великобритания — на 90% в Греции и 50 : 50 в Югославии. Албания Черчиллем во внимание не принималась. Но и это показалось недостаточным: согласно ставшим впоследствии известными документами, уже на следующий день после встречи Сталина с Черчиллем В. Молотов предложил А. Идену установить «процентное соотношение» в пользу СССР также и в Болгарии (90 : 10)[1].

Достигнутые договоренности открыли путь к высадке в Греции британских войск в октябре 1944 г, сопровождавшейся вмешательством во внутриполитическую борьбу, что, несомненно, затруднило решение послевоенных проблем страны и в конечном счете привело к гражданской войне. Впоследствии Черчилль замечал, что в ходе московской встречи для него было важнее всего убедиться, что Совет-

---

[1] Со ссылкой на записи бесед Молотова с Иденом (см.: *Mastny V.* Russia's Road to the Cold War. N.Y., 1979. P. 208–209); *Petković R.* Balkan — ni «bure baruta», ni «zona mira». Zagreb, 1978. P. 104–105.

ский Союз не намерен посылать свои войска в Грецию и выведет их из Югославии после выполнения задач военного характера. Ни его, ни Рузвельта не смущало присутствие в дискуссии элементов откровенного торга, и они вплоть до Ялтинской конференции публично не затрагивали вопроса о характере советского нажима на Румынию и Болгарию, на территории которых вступила Советская армия.

Большинство современных авторов сходятся в том, что этим странам сначала завуалировано, а затем и прямо СССР стал навязывать тоталитарную, сталинскую модель развития. Такого рода выводы содержатся в недавно изданных трудах наиболее авторитетных исследователей истории «холодной войны» — Дж.Л. Гэддиса и В. Мастни[1], и они подтверждаются документальными публикациями российских архивов[2]. Административно-командная система впоследствии стала главным тормозом в продвижении стран Восточной Европы по пути экономического и политического развития, и это особенно негативно сказалось на судьбах менее развитых стран Балканского региона.

Обеспечение интересов СССР в освобожденных странах, по мнению советского руководства, должно было осуществляться через участие во властных структурах идейно близких СССР и находившихся от него в прямой зависимости политических сил. Но, как об этом свидетельствуют публикации архивных документов, в конце 1944 — начале 1945 г. из Москвы неоднократно следовали указания о необходимости «сдерживания» до поры до времени радикальных коммунистических группировок. Сталинское руководство, по крайней мере до намечавшейся на начало 1945 г. встречи лидеров «большой тройки» в Ялте, воздерживалось от такого рода акций, которые могли бы нанести ущерб переговорному процессу в рамках антигитлеровской коалиции.

Но и сами западные политики были все менее склонны включать освобожденные Советской армией западные районы Балкан в сферу своих приоритетов. Позиция Рузвельта, в частности, определялась пониманием непрочности положения *американских воинских подразделений на европейском театре военных действий* и расчетами на получение поддержки СССР в войне с Японией (о чем в Ялте и был подписан секретный протокол). Основной расчет западных союзников был на принятую в Ялте «Декларацию об освобожденной Европе», которая непосредственно затрагивала проблемы Балканского

---

[1] См.: *Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997; *Mastny V.* The Cold War and Soviet Insecurity: the Stalin Years. N.Y., 1996.

[2] См.: Из истории советско-румынских отношений. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 12.

региона и выдвигала цель формирования в освобожденных странах «представительных правительств на основе проведения свободных выборов».

Но кардинальные различия в понимании союзниками самих основ демократического общества и целей политики в освобожденных странах превратили принятый в Ялте документ в «декларацию несогласованных принципов». Это стало очевидным в период разразившегося сразу же после Ялтинской конференции (конец февраля — начало марта 1945 г.) правительственного кризиса в Румынии. Добиваясь прихода к власти в Бухаресте лояльного Москве правительства, советская сторона не скрывала своих намерений и использовала их не только как метод интенсивных политических переговоров, согласившись на установлении румынской администрации в Северной Трансильвании, но и как силовое воздействие, для чего были задействованы дислоцированные в Румынии войска НКВД[1].

Причины столь очевидного несоблюдения только что достигнутых в Ялте договоренностей впоследствии откровенно разъяснил В.М. Молотов: «Все это стало возможным просто потому, что мы продвигались быстрее... и должны были закрепить то, что мы *завоевали*»[2].

Западные союзники не сочли необходимым публично возразить против явного нарушения ялтинских договоренностей: У. Черчилль — не желая, чтобы это дало контраргументы против английской политики в Греции, Ф. Рузвельт — полагая, что «Румыния не лучшее место для пробы сил»[3]. Но нарастание непримиримых разногласий углубляло трещины в антигитлеровской коалиции, распад которой пока еще сдерживался необходимостью завершения военных действий в Европе и на Дальнем Востоке и заключения мирных договоров. Что же касается политического будущего Румынии и Болгарии, западные политики избрали путь постепенной сдачи позиций. Дело было не только в нежелании обострять отношения с СССР: по собственному признанию западных политиков, попытки установления в Балканских странах «демократии по западному образцу» не увенчались успехом. Отсюда и возникла дилемма: либо продолжать бесперспективный нажим на СССР в духе соблюдения ялтинско-потсдамских договоренностей, либо оставить Болгарию и Румынию в зоне советского влияния[4].

---

[1] См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948: Документы. М., 1999.

[2] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 86.

[3] Foreign Relations of United States (FRUS). Washington, 1945. Vol. V. P. 505, 509.

[4] Ibid. P. 637.

В сложившихся условиях Советский Союз приложил максимум усилий для установления своего влияния, а затем господства в восточной части Балкан. В октябре–ноябре 1946 г. в Болгарии и Румынии прошли парламентские выборы, результаты которых, по свидетельству очевидцев, были кардинально «подправлены» в пользу лояльных Москве коммунистических фракций и их ближайших союзников. Сталин наложил запрет на участие стран Восточной Европы в конференции по обсуждению плана Маршалла. Консолидации прокоммунистических правительств способствовало учреждение в сентябре 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий и фактический отказ от ранее сформулированного тезиса о «национальных путях к социализму» как обоснования идеи и практики «народной демократии». Начался длительный этап правления в Болгарии, Румынии, Албании авторитарно-тоталитарных режимов, находившихся в этих странах у власти вплоть до конца 80-х годов. Что же касается позиций и политики СССР в западной части Балкан, то их неустойчивость определялась вышедшим в 1948 г. на поверхность острым конфликтом между СССР и Югославией, и лично между Сталиным и Тито. Существенную роль в этом сыграли поддержанные И. Броз Тито и Г. Димитровым планы создания Балканской федерации (либо в составе Югославии–Болгарии, либо Албании или Югославии–Греции), разрабатывавшиеся в годы Второй мировой войны и сразу после ее окончания при участии британской дипломатии и встретившие резкое противодействие Сталина[1].

Советско-югославский конфликт был ненужным и даже опасным для СССР, так как в условиях набиравшего силу противостояния с Западом он существенно ослабил советские позиции в Балканском регионе. Но Сталин сознательно пошел на раздувание и интернационализацию конфликта, используя в этих целях Информбюро коммунистических и рабочих партий, принявшее под его давлением антиюгославские резолюции в 1948 и 1949 гг.

Во второй половине 40-х годов важным аспектом международной политики на Балканах стал процесс мирного урегулирования и подписания мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии. Противоречия между странами антигитлеровской коалиции возникли еще на этапе заключения перемирий с Румынией и Болгарией в сентябре 1944 г. и еще более усилились в 1945–1946 гг., в период подготовки самих мирных договоров.

---

[1] *Petković R.* Balkan — ni «bure baruta», ni «zona mira». Zagreb, 1978. P. 104–105.

Основная тяжесть выработки условий мирных договоров пришлась на Парижскую сессию Совета министров иностранных дел стран — членов антигитлеровской коалиции, работавшую в два этапа (25 апреля — 16 мая и 15 июня — 12 июля 1946 г.). При рассмотрении в эти предельно сжатые сроки экономических, политических и территориальных блоков мирных договоров наиболее сложными оказались политические и территориальные проблемы стран Балканского региона. Так, при обсуждении мирного договора с Италией итальянская сторона привлекла внимание к давним итало-югославским территориальным спорам по поводу принадлежности Юлийской Крайны и Триеста. Несмотря на возражение СССР, ранее принятые решения были пересмотрены, и Юлийская Крайна была разделена на две зоны: ее бóльшая часть передавалась Югославии, другая выделялась в «Свободную территорию Триест» под управлением ООН. Окончательное урегулирование итало-югославского территориального спора было оформлено лишь Озимскими соглашениями 1975 г., в соответствии с которыми «Свободная территория Триест» была разделена между Италией и Югославией, и между ними была наконец установлена постоянная граница.

Причиной напряженности в отношениях между Грецией и Болгарией стала постановка болгарской стороной вопроса о неправомерности вхождения Эгейской Македонии в состав Греции и о необходимости признания «исторических прав» Болгарии на Западную Фракию (обе эти области отошли к Греции по условиям мирных договоров после Первой мировой войны). Оба варианта фактического расчленения Греции были отвергнуты, но возникли разногласия по поводу выплаты Болгарией репараций Греции, в результате чего дипломатические отношения между обеими странами были восстановлены лишь в 1954 г.

Со стороны Греции территориальные претензии были предъявлены к Албании — при поддержке Великобритании Греция потребовала включения в ее состав Северного Эпира (около трети албанской территории). А за кулисами конференции было предложено разделить Албанию между Грецией и Югославией[1]. Албанско-греческие отношения оставались неурегулированными в течение длительного времени. Историческим парадоксом являлось продолжавшееся на протяжении четырех десятилетий «состояние войны» между двумя странами, договоренность о прекращении которого была достигнута лишь в 1988 г. в ходе белградской встречи министров иностранных дел Балканских стран.

[1] См.: История дипломатии. М., 1974. Т. V. Книга первая. С. 52.

Значительные сложности возникли при подготовке мирных договоров с Румынией и Венгрией. При этом речь шла не только об установлении границы, но и о гражданстве 300 тыс. венгров, проживавших на румынской территории. Несмотря на настояния венгерской стороны, границы Венгрии были установлены по состоянию на 1 января 1938 г.; при этом объявлялись несуществующими решения Венских арбитражей 1938 и 1940 гг., по условиям которых Венгрии были переданы Северная Трансильвания, а также Закарпатская Украина и южные районы Словакии[1].

Специальные статьи договоров устанавливали сроки эвакуации войск союзнических держав с территорий Венгрии, Румынии и Болгарии — 90 дней со дня подписания договоров. При этом Советскому Союзу было предоставлено право сохранить пребывание своих вооруженных сил на территориях Венгрии и Румынии для осуществления коммуникационных связей с воинской группировкой в Австрии. После подписания Государственного договора с Австрией в 1955 г. советские войска оставались в Венгрии и Румынии в соответствии с Варшавским договором (15 мая 1955 г.). В 1958 г. по настоянию румынской стороны они были выведены из Румынии.

Парижский мирный договор, подтвердив в целом установления Версальского мира в Балканском регионе, стал итогом многосторонних компромиссов и, вместе с тем источником целого ряда последующих разногласий и межнациональных споров. В условиях набиравшей обороты «холодной войны» и блокового противостояния обстановка в Балканском регионе оставалась нестабильной, чему также способствовало открытое внедрение тоталитарных структур в политическую и общественную жизнь Албании, Болгарии и Румынии и их открытое противостояние с Югославией.

Что касается южной части Балкан, то поражение компартии в гражданской войне в Греции (1946–1949) изменило расстановку сил в регионе, усилив позиции западного блока. Еще до ее окончания в соответствии с провозглашенной в марте 1947 г. «Доктриной Трумэна» Греции и Турции была предоставлена финансовая помощь на основе подписанных в июне–июле того же года американо-греческих и американо-турецких соглашений[2].

Американская помощь была оказана и Югославии, находившейся в конце 40 — начале 50-х годов в состоянии резкой конфронтации

---

[1] См.: там же. С. 61.

[2] Подробнее см.: *Улунян Ар.А.* Балканы: горячий мир «холодной войны». М., 2001. С. 62–64.

с СССР (к 1952 г. Югославия получила западных кредитов и безвозмездной помощи на сумму около 600 млн долл.[1]). Начиная с 1952 г. при поддержке США активизировались экономические и военные контакты между Югославией, Грецией и Турцией. В августе 1954 г. ими был подписан Балканский пакт (Договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи), чему предшествовало заключение этими же тремя странами в феврале 1953 г. Договора о дружбе и сотрудничестве. Согласно букве Договора 1954 г., его участники брали на себя определенные обязательства также и в военной сфере, что вызвало обвинения советской стороны в сотрудничестве Югославии с НАТО посредством двух других членов альянса.

В 1956 г. И. Броз Тито заявил об отказе Югославии от военных статей пакта, да и сам пакт претерпел существенные изменения из-за резкого обострения греко-турецких противоречий по поводу Кипра, позиции, занятой Югославией в период Суэцкого кризиса, и, особенно, в связи с переходом Югославии на позиции неприсоединения[2].

Ослабление международной напряженности и развитие внутрирегионального сотрудничества (середина 50-х — середина 70-х годов)

Наступивший во второй половине 50-х годов период общего смягчения международной напряженности не мог не сказаться и на положении дел в Балканском регионе. Поистине знаковым событием стал позитивный поворот в советско-югославских отношениях, хотя и в дальнейшем отношения между СССР и Югославией и особенно между КПСС и СКЮ, носили неровный и противоречивый характер.

В июне 1955 г. советское правительство выразило готовность оказать Югославии экономическую помощь посредством предоставления товарных кредитов и займов, а также — что особенно важно — Президиум ЦК КПСС, «признавая целесообразным, чтобы отношения не были обременены какими-либо не урегулированными между нашими странами финансовыми вопросами», принял решение отказаться от уплаты Югославией ее задолженности, возникшей

---

[1] См.: *Gavranov V., Stojkovic M.* Međunarodni odnosy i spoljna politika Jugoslavije. Beograd, 1972. S. 212.

[2] См.: КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х годов: Сб. документов. Салоники, Греция. 2003. С. 378–379.

ранее по товарным кредитам, поставкам вооружений, военно-техническому имуществу и т.д.[1]

Но по мере расширения идеологических разногласий, и особенно после принятия в 1958 г. новой Программы СКЮ, отношения между КПСС и СКЮ, СССР и Югославией вновь стали ухудшаться, вплоть до высказанных в достаточно резкой форме обвинений в адрес руководства СКЮ в «ревизионизме» и сотрудничестве с НАТО. Так, в выступлении Н.С. Хрущева на III съезде Румынской рабочей партии в июне 1960 г. по-прежнему утверждалось, что Югославия через Балканский пакт «связана с агрессивными блоками НАТО и СЕНТО».

Во второй половине 50-х годов были предприняты попытки расширения внешнеполитического сотрудничества СССР с Грецией, преодолевшей к этому времени основные последствия гражданской войны 1946–1949 гг. После решения декабрьской сессии НАТО (1957) о создании ракетных установок передового базирования на южном фланге Европы — в Турции, Греции, Италии, советская дипломатия направила свои усилия на предотвращение возможности размещения американского атомного оружия на греческой территории. И хотя значительная часть греческих политиков была в это время настроена против создания в Греции американских атомных баз, греческое правительство не откликнулось на выдвинутое Советским Союзом 25 июня 1959 г. предложение о создании безатомной зоны на Балканах и в районе Адриатики[2].

В то же время определение позиций по кипрской проблеме не вызвало противоречий в российско-греческих отношениях. Советская сторона поддержала заключенные в 1959 г. цюрихско-лондонские договоренности, в результате чего на основе многостороннего компромисса в 1960 г. Кипру была предоставлена независимость.

Но если в отношениях с Грецией контакты проходили в обычном международном режиме, хотя и с учетом исторических традиций российско-греческих отношений, то политика СССР в отношении стран «советского блока» несла на себе явный отпечаток патернализма и диктата, граничившего с вмешательством в их внутренние дела. В ряде случаев на этой почве возникали серьезные идеологические противоречия, перераставшие в межгосударственные конфликты. В плане особенно показательны факты из истории албано-югославских отношений второй половины 50 — начала 60-х годов.

Албанское руководство чрезвычайно болезненно восприняло нормализацию советско-югославских отношений, после чего албанская

---

[1] См.: там же. С. 50–55.

[2] См.: там же. С. 247–248.

сторона усилила критику «югославского ревизионизма». «Двойная игра» албанских руководителей, получавших неограниченную советскую помощь, но с раздражением воспринявших решения XX съезда КПСС и критику «культа личности» Сталина, о чем Э. Ходжа писал в своих мемуарах[1], в конечном счете послужила внутренней основой нарастания противоречий между КПСС и Албанской партией труда (АПТ).

Поводом для окончательного разрыва советско-албанских отношений послужило принятое Политбюро ЦК КПСС в марте 1960 г. решение о ликвидации советской военно-морской базы (формально — базы ОВД) во Влёре, после чего отношения между СССР и Албанией стали приобретать резко конфронтационный характер, дойдя до разрыва дипломатических отношений в декабре 1961 г. Свою лепту в разжигание конфликта внесли обе стороны, но сам конфликт, несомненно, привел к изменению соотношения сил на Балканах не в пользу СССР.

В конце 50 — начале 60-х годов попытки создания региональных форм сотрудничества были предприняты Румынией и Болгарией, ссылавшимися на исторический опыт — взаимную поддержку национально-освободительных движений XIX в. Прообразом сотрудничества называлась также образованная в 1934 г. Балканская Антанта в составе Румынии, Югославии, Греции и Турции с целью предотвращения агрессии Германии и Италии. Балканская Антанта оставляла в изоляции Болгарию и Албанию, что ослабляло ее международные позиции и в конечном счете послужило одной из причин ее распада. Что же касается новых инициатив регионального сотрудничества, то они потерпели неудачу из-за несоответствия выдвигавшихся целей тогдашним стратегическим задачам советского руководства. Свою роль сыграли и постоянные опасения советских лидеров по поводу образования на Балканах «замкнутого блока» без участия СССР.

В сентябре 1957 г. было обнародовано заявление правительства Румынии, известное как «инициатива Киву Стойки»[2], в котором предлагалось созвать конференцию Балканских стран на самом высоком уровне для обсуждения проблем укрепления мира и мирного решения спорных вопросов. Предложение Румынии намечало в общих чертах контуры проекта «зоны мира, сотрудничества и добрососедских отношений на Балканах», однако в нем отсутствовал главный для СССР аспект «безатомной зоны», и оно не было поддержано советской стороной.

---

[1] См.: *Ходжа Э.* Титовцы. Тирана, 1983.

[2] Киву Стойка — председатель Совета министров Румынии в 1955–1961 гг.

После того как в мае 1959 г. было обнародовано советское предложение о создании на Балканах и в районе Адриатики зоны, свободной от ракетно-ядерного оружия, последовало новое заявление румынского правительства (опубликовано в газете «Скынтейя» 7 июня 1959 г.). В нем предлагалось заключить многосторонний Договор о взаимопонимании в Балканском регионе с целью превращения Балкан в «зону мира и добрососедства» при одновременном предоставлении крупными мировыми державами гарантий о неразмещении в регионе ядерных арсеналов и средств их доставки. Инициатива не была поддержана ни советским руководством, ни администрацией США, заявившей о необходимости «более фундаментальной разработки вопросов производства и размещения ядерного оружия»[1].

В сентябре 1962 г. Болгария предложила развернутый план проведения мероприятий в Балканском регионе и в районе Черного моря, направленных на развитие политических, экономических и культурных отношений между Балканскими странами. И хотя в основу этого плана были положены ранее достигнутые руководителями СССР и Болгарии договоренности о «превращении Балкан и районов Адриатики и Черного моря в зону, свободную от атомного оружия»[2], советская сторона его не приняла, поскольку демилитаризация района Черного моря никоим образом не входила в планы СССР. Кроме того, советское руководство считало вопросы формирования политики в проблемном Балканском регионе своей исключительной прерогативой.

С начала 60-х годов характер и направленность региональной политики Балканских стран претерпели определенные изменения — акценты переместились на развитие межбалканских связей в практических областях. В официальных румынских документах отмечалось, что с учетом имеющихся разногласий между некоторыми Балканскими странами румынское правительство считает первоочередной задачей установление между ними добрососедских отношений и развитие всестороннего сотрудничества на различных уровнях независимо от существующего общественного строя[3]. В 1963 г. Румыния выступила соавтором проекта резолюции ООН «Мероприятия в региональном плане в целях улучшения добрососедских отношений между европейскими государствами с различными общественно-политическими системами», принятой

---

[1] United States Department of State. Documents of Disarmament. Vol. II. 1957–1959. P. 1434–1435.

[2] КПСС и формирование советской политики на Балканах... С. 338.

[3] См.: *Colt G.* Colaborare balcanica. Domenii, forme, organisme. Documentar. Bucuresti, 1983. P. 7.

Генеральной Ассамблеей ООН в 1965 г. В пояснительных документах румынская сторона подчеркивала особое значение развития гуманитарных и культурных отношений на региональном уровне[1].

К этому времени и в других странах Юго-Восточной Европы стало возрождаться существовавшее в годы между Первой и Второй мировыми войнами сотрудничество в конкретных областях и в рамках неправительственных организаций. В 1965 г. была воссоздана Ассоциация юго-восточноевропейских исследований; в рамках межбалканского сотрудничества стали функционировать союзы медиков, математиков, инженеров, архитекторов, юристов, были возрождены постоянная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца, региональные межбалканские программы по линии ЮНЕСКО и ряд других[2]. В 1960–1966 гг. активно действовали национальные комитеты межбалканского сотрудничества, ежегодно проводившие встречи в столицах стран Юго-Восточной Европы, а в 1965 г. в Софии состоялась встреча студенческих организаций Балкан и зоны Адриатики с участием представителей Кипра[3].

Советский Союз открыто не возражал против развития различных направлений межбалканского сотрудничества, но и не поддерживал тех его форм, которые не предполагали участия советской стороны, усматривая в этом возможность создания неподконтрольного ему регионального блока, который объединил бы его союзников по Организации Варшавского договора и страны — члены НАТО.

В дальнейшем позиции Советского Союза на Балканах де-факто постоянно ослабевали. На путь балансирования в рамках «социалистического содружества» вступила Румыния, руководство которой обозначило свое несогласие с политикой КПСС и СССР в решениях апрельского (1964) пленума ЦК Румынской рабочей партии. Вооруженное подавление Пражской весны в 1968 г. вызвало у всех балканских союзников СССР тревогу. Всеобщая мобилизация в Румынии перед лицом возможной советской угрозы, обеспокоенность руководства Югославии и немедленно выраженная готовность Соединенных Штатов защитить ее, демонстративный выход из ОВД Албании — вот те отрицательные последствия, которые повлекли за собой политика и практика открытого вмешательства во внутренние дела Чехословакии, воплотившаяся в «доктрине ограниченного суверенитета», известной также как «доктрина Брежнева».

---

[1] Ibid. P. 19.
[2] Ibid. Pp. 40–41.
[3] Ibid. P. 124.

Патерналистский и по сути своей догматический («классовый») подход к формированию балканской политики ослаблял стратегические позиции СССР на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Одновременно такой подход открывал дополнительные возможности для расширения на Балканах позиций США, которые в этот период отказались от принятых ранее на вооружение доктрин «сдерживания» и «освобождения», предполагавших открытое противоборство с Советским Союзом, что было признано опасным в условиях наращивания советского ядерного потенциала. Президент Дж. Кеннеди стал инициатором новых концепций «размягчения социализма» и «мирного вовлечения»[1], основанных на проведении политики «наведения мостов» прежде всего в отношении Балканских стран, которые оценивались как слабое звено «советского блока».

Главной целью США и стран Западной Европы на Балканах стало постепенное налаживание экономических отношений со странами региона, с одной стороны, и поощрение элементов внутренней либерализации (в отношении Югославии) и нарушения «блоковой дисциплины» (в отношении Румынии) — с другой. Речь шла о постепенном создании условий для появления черт политического плюрализма, социал-демократизма, расширения свобод и прав человека. В изданной в 1967 г. книге З. Бжезинский писал в этой связи, что речь могла идти о постепенной трансформации режимов, которые стали бы в результате «коммунистическими по форме, но не по содержанию»[2]. При этом он рекомендовал политикам максимально учитывать специфику развития каждой из стран, что и легло в основу дифференцированного подхода к ним.

Такого рода стратегия стала постепенно приносить свои плоды прежде всего в отношении стран ЦВЕ и, в меньшей степени, на Балканах, где уровень отношений западных стран с Болгарией в 60–70-х годах оставался невысоким, с Албанией — нулевым. Особое место в политике Запада по-прежнему занимала Югославия. Что же касается Румынии, то в 60-х годах она ограничила свое участие в Организации Варшавского договора, резко осудив «акцию братских стран» в Чехословакии и нарушив «блоковую дисциплину» в момент разрыва в 1967 г. дипломатических отношений с Израилем. Тем самым, несмотря на ужесточение авторитаризма во внутренней политике, Румыния приобрела имидж «диссидента в советском блоке» и получила ряд преференций в отношениях с западными государствами, в том

[1] См.: *Kennedy J.* The Strategy of Peace. N.Y., 1960. P. 72.
[2] См.: *Brzezinski Z.* The Soviet Block. Cambrige, 1967. P. 512.

числе режим наибольшего благоприятствования (РНБ) в отношениях с США в 1974 г.

В целом же сформировавшийся в 60-х годах новый курс западной политики в отношении Румынии, Югославии, Болгарии способствовал известному расширению их экономических связей: в 70-х годах товарооборот США с Болгарией увеличился в 10 раз, а с Румынией и Югославией превысил 1 млрд долл. Но и это не смогло предотвратить глубочайшего внутреннего кризиса в этих странах, ставшего очевидным в 80-х годах.

Нельзя, таким образом, не признать, что с конца 50-х годов начался новый этап в укреплении международных позиций стран Юго-Восточной Европы. Югославия стала одним из признанных лидеров движения неприсоединения. Значительно большую самостоятельность обрели внешнеполитические акции Румынии, спекулировавшей на «особом» положении в «социалистическом содружестве». Приняв за основу своей политики принцип «опоры на собственные силы» и «борьбы против двух сверхдержав», албанское руководство, несмотря на свой крайне догматический курс, также способствовало размыванию позиций «социалистического содружества» на Балканах. А руководство Болгарии извлекало для себя конкретные экономические выгоды из своего демонстративного следования в фарватере СССР вплоть до выдвигавшихся в середине 60-х годов предложений о вхождении в его состав «в качестве семнадцатой республики», не упуская при этом возможностей получения поддержки также и со стороны Запада.

Положение в южной части Балкан вплоть до середины 70-х годов определялось напряженными взаимоотношениями двух членов НАТО — Греции и Турции из-за ситуации вокруг Кипра. Но после свержения в Греции диктатуры «черных полковников» в июле 1974 г. противостояние пошло на убыль. Тогда же Греция вышла и из военной организации НАТО, вне рамок которой она находилась вплоть до 1980 г. Ее отчасти «внеблоковая» позиция и официальный отказ от тезиса об «угрозе с севера» способствовали ее сближению в середине 70-х годов с северными соседями по Балканскому региону.

Юго-Восточная Европа после Хельсинки. Кардинальные перемены конца 80-х — начала 90-х годов

Новые возможности для развития межбалканского сотрудничества, на этот раз на межгосударственном и межправительственном уровнях, открылись после подписания в 1975 г. Заключительного акта СБСЕ.

В январе–феврале 1976 г. по инициативе тогдашнего премьер-министра Греции К. Караманлиса в Афинах состоялась встреча экономических экспертов Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии, на которой обсуждались перспективы сотрудничества в сфере промышленности и торговли, организации научных и культурных обменов, туризма, транспорта, медицины. Вопросы политического сотрудничества на встрече официально заявлены не были из-за резко отрицательного отношения к этому тогдашнего советского руководства, опасавшегося, как это уже отмечалось, создания на Балканах «замкнутых политических блоков». Тем не менее встреча в Афинах стала своеобразным преломлением «духа Хельсинки» и прологом последующего преодоления блокового противостояния в балканском регионе.

Инициатива Караманлиса одновременно стала проявлением новых тенденций в греческой внешней политике, в соответствии с которыми начиная со второй половины 70-х годов Греция стала на путь балансирования между Востоком и Западом и улучшения отношений со своими северными соседями, в том числе и на многосторонней основе[1].

Согласно принятым на Афинской встрече рекомендациям, в конце 70-х — начале 80-х годов прошли совещания отраслевых ведомств в Анкаре (1979), Софии (1981), Бухаресте (1982), Белграде (1984). В январе–феврале 1984 г. в Афинах состоялась встреча экспертов по вопросам создания на Балканах зоны, свободной от ядерного оружия, однако это не привело к принятию конкретных решений из-за неопределенности самого статуса безъядерных зон [2].

Процессы многостороннего сотрудничества приобрели новый импульс во второй половине 80-х годов. Существенным шагом к оздоровлению обстановки в регионе стала первая в его истории встреча министров иностранных дел всех Балканских государств, включая Албанию. Встреча проходила в Белграде 24–26 февраля 1988 г., и уже в ходе предшествовавших ей переговоров был сделан ряд существенных шагов в сторону их сближения. Было прекращено — более чем через сорок лет после окончания Второй мировой войны! — формальное состояние войны между Грецией и Албанией, продвинулось обсуждение двусторонних проблем в болгаро-турецко-греческих отношениях. Болгария и Греция, тогда еще принадлежавшие к противостоявшим друг другу военно-политическим блокам, стали налаживать тесное сотруд-

---

[1] См.: *Pamir P.* The Balkans: Nationalism, NATO and the Warsaw Pakt. L., 1985. P. 6.

[2] См.: *Grigorova G.* The Balkans and Common European Home // Études balkaniques (Sofia). 1988. No 4. P. 19. Balkan krajem 80-th. Beograd, 1987. S. 99.

ничество, в том числе и в военной сфере. Практически все участники межбалканского сотрудничества высказались в пользу преодоления его замкнутого характера, налаживания совместных или скоординированных связей с западными странами и их интеграционными группировками.

С 1988 по 1990 г. проводились регулярные встречи министров иностранных дел всех Балканских стран, что способствовало ослаблению в регионе внутренних, в том числе и межэтнических, противоречий. На состоявшейся в октябре 1990 г. в Тиране встрече министров иностранных дел отмечалось в качестве своеобразного политического парадокса, что в век так называемой многосторонней дипломатии главы государств и правительств Балканских стран ни разу не встречались, хотя их интересы намного ближе, чем интересы лидеров Третьего мира, проводящих регулярные встречи[1].

Подводя итоги этому этапу межбалканских отношений, нельзя не заметить, что активизации сотрудничества способствовало постепенное размывание национальных, идеологических и блоковых барьеров в отношениях между самими Балканскими странами и в их контактах с Западом. Далеко не последнюю (если не главную) роль сыграл сформировавшийся на этапе горбачевской перестройки принципиально новый характер политики СССР в отношении государств Востока и Запада Европы.

В начале 90-х годов межбалканское сотрудничество вступило в полосу кризиса. Крушение тоталитарных коммунистических режимов сопровождалось сложными и противоречивыми процессами, в том числе возрождением националистических идей и лозунгов. Опыт показывает, что в этих условиях достаточно заронить их в массовое сознание, чтобы стать свидетелем кровавых конфликтов, как это и произошло в начале 90-х годов на территории Югославии.

Главной причиной нараставшего кризиса в экономике и политике большинства Балканских стран было многолетнее господство административно-командной системы и сопутствующие ему неэффективность производства, постоянное снижение жизненного уровня, нарастание технологического отставания, в том числе и от соседей — Греции и Турции. Все это стало очевидным уже во второй половине 60-х — начале 70-х годов и вылилось в затяжной кризис 80-х, охвативший все страны Балканского региона, развивавшиеся в рамках «реального социализма».

---

[1] См.: *Петкович Р.* Встреча министров иностранных дел в Тиране // Международная политика (Белград). 1990. № 974. С. 11.

В Болгарии уже с середины 60-х годов стало очевидным, что экстенсивный путь развития экономики исчерпал свои возможности, поэтому были предприняты попытки продвижения по пути экономических реформ, не увенчавшиеся, однако, успехом из-за сохранения жесткой централизованной системы администрирования. Неуклонное снижение темпов экономического роста остановить не удалось: среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли в 1966–1970 гг. 10,9%, в 1971–1975 гг. — 9,1, в 1976–1980 гг. — менее 9%, и далее кривая поползла вниз. Существенно замедлилось сельскохозяйственное производство, чему немало способствовали усилия руководства по проведению форсированного укрупнения сельхозпредприятий[1].

В центр экономической политики румынского руководства была поставлена политика форсированной индустриализации при преимущественном росте тяжелой промышленности без учета наличия материальных и людских резервов. Уже в первой половине 80-х годов это привело к резкому падению темпов роста в промышленности, что же касается аграрного сектора, то к концу 80-х он был практически разрушен и уже не мог обеспечивать население продовольственными товарами[2].

Волюнтаризм в управлении экономикой тяжелее всего сказался на развитии Албании. Принятый албанским руководством курс на «ускорение темпов строительства социализма» при сохранении идей «опоры на собственные силы» к середине 80-х годов привел страну к полной деградации. «Жесткая централизация управления экономикой, планирование завышенных, а потому невыполнимых показателей, изношенность материально-технической базы народного хозяйства, невозможность получения средств извне из-за конституционного запрета на иностранные займы, низкая конкурентоспособность албанских товаров на мировом рынке, почти полное отсутствие материальных стимулов, не поощрявших трудящихся города и деревни в их производственной деятельности, — все это стало тормозить экономическое развитие страны»[3] — так оценивала развитие албанской экономики Н.Д. Смирнова, глубокий знаток албанской проблематики в России.

Югославия с начала 80-х годов стала втягиваться в длительный кризис, затронувший сферу экономики и постепенно охвативший все

---

[1] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй. М., 2002.С. 381.

[2] См.: там же. С. 465–467.

[3] См.: там же. С. 373.

стороны жизни общества. Его проявлениями стали: замедление темпов роста производства (с 7% в 1979 г. до 2,3% в 1980–1983 гг); резкое падение жизненного уровня населения; обострение социальных проблем, рост безработицы; возросший уровень внешней задолженности, достигшей к 1985 г. 21 млрд долл.[1]

В целом все это позволяет говорить о нарастании в «социалистической» части Балкан системного кризиса, постепенно охватившего основные сферы не только экономической, но и общественной жизни. Социальная неудовлетворенность направлялась в русло национализма. В скрытых формах он использовался руководством для противостояния гегемонизму в политике СССР. Все это привело к ряду затяжных внутренних и межгосударственных кризисов и существенно подорвало позиции СССР в Балканском регионе.

Во внутренней политике национализм приобретал в ряде случаев гипертрофированные, уродливые формы. Так, режим Чаушеску выдвинул в 70-х годах задачу ускоренной ассимиляции «совместно проживающих национальностей» и создания «единой румынской социалистической нации», в которую были «зачислены» венгры, немцы и представители других национальностей[2]. Руководство Болгарии также пошло по пути «полного приобщения» национальных меньшинств к болгарскому народу, что еще в 60-х годах повлекло за собой резкое недовольство в среде этнических турок (около 10% населения) и росту у них переселенческих настроений. В январе 1984 г. была предпринята попытка решить проблему создания «единой болгарской социалистической нации» посредством насильственной замены имен у 800 тыс. граждан Болгарии — этнических турок. «Возродительная кампания» имела самые негативные последствия для самих болгар, оживив в их среде националистические настроения. По оценке авторов опубликованного в Болгарии в 1994 г. исследования, многовековая конфессиональная и этническая *разность* христиан и мусульман в Болгарии, будучи опущена на уровень обыденного сознания, стала *деструктивной силой* в результате сознательного внесения национализма в широкие слои болгарского общества[3].

Характерно, что попытки пришедшего к власти в 1989 г. нового болгарского руководства восстановить справедливость в отношении болгарских турок сразу же натолкнулись на сопротивление болгарско-

[1] См.: там же. С. 506–507.

[2] См.: Румыния. Цифры и данные. Бухарест, 1985. С. 2.

[3] См.: Relations of Compatibility and Incompatibility between Cristians and Muslims in Bulgaria. Sofia, 1994. P. XI.

го населения, особенно на юге страны, где традиционно проживали болгарские турки. Систематически появлявшиеся в местах их проживания лозунги: «Болгария для болгар» и «Остановите отуречивание Болгарии» — показывали, насколько опасными могут стать последствия разжигания «великодержавного» национализма даже в такой небольшой стране, как Болгария.

Американский исследователь балканской политики С. Лэрэби отмечал в этой связи, что главная угроза европейской безопасности в конце 80-х годов исходила уже не от советского блока, а от межэтнических конфликтов и политической фрагментации Балканского региона[1]. Об этом же писал и известный греческий исследователь международных отношений Т. Кулумбис. По его мнению, двумя главными очагами опасности в балканском регионе в конце 80-х — начале 90-х годов стали эскалация межэтнических и территориальных противоречий и ослабление взаимного доверия как следствие ликвидации биполярных структур времен «холодной войны»[2].

Нельзя не заметить, что рост национализма как в государственной политике, так и на уровне обыденного сознания стал возможным в условиях практического отсутствия в странах Балканского региона основ гражданского общества и серьезной политической оппозиции. Под угрозой неизбежных репрессий большая часть оппозиционеров эмигрировала на Запад, сформировав наиболее непримиримые к странам «социалистического лагеря» группировки.

Существовавшая в Румынии глубоко законспирированная интеллектуальная оппозиция опиралась преимущественно на зарубежные каналы влияния и не имела серьезной опоры в румынском обществе. Были известны единичные случаи критики режима Чаушеску, наиболее известным из них было выступление в 1979 г. старейшего члена РКП К. Пырвулеску, который вскоре после этого умер при невыясненных обстоятельствах. В марте 1989 г. широкую огласку получило письмо шести бывших деятелей партии и государства, где резко критиковалась политика уничтожения сел в рамках «аграрной реконструкции», вывоз продовольствия за рубеж в условиях его жесточайшего дефицита в стране и некоторые другие черты политики тоталитарного режима[3].

---

[1] См.: *Larrabee St.F.* Long Memories and Short Fuses. Change and Stability in the Balkans // International Security. Winter 1990/1991. Vol. 15. No 3. P. 59.

[2] См.: *Couloumbis T.A.* Greece, NATO and Eastern Europe // Revue roumaine d'etudes internationales (Bucarest). 1992. Jan.-Febr. P. 24.

[3] См.: Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993. С. 226.

Особняком развивались оппозиционные движения в среде венгерского населения Трансильвании, выступление которых стало прологом к свержению режима Чаушеску в декабре 1989 г.

Немногие доходившие из Болгарии свидетельства говорили о попытках создания правозащитных групп, инициаторы которых сурово преследовались властями. В сфере межнациональных отношений наиболее известны протесты турецкого меньшинства против грубой дискриминации и денационализации, проводившейся властями. По оценке болгарских авторов, до ноября 1989 г., когда был устранен режим Живкова, в Болгарии отсутствовали диссидентские группы. Известный историк и будущий президент Болгарии Ж. Желев так писал об этом: «...ни одного мятежа, политической стачки или студенческой демонстрации»[1]. Первые группы протеста стали возникать в Болгарии лишь в начале 1988 г.; тогда же произошли и первые конфликты с властями, в основном по экологической проблематике.

Как и во многих других случаях, особняком стояла Югославия, где оппозиционные движения проявлялись самым различным образом — от конфликтов до массовых выступлений протеста преимущественно национального характера. Но открытость югославского общества внешнему миру, а также достаточно гибкая внутренняя политика руководства, позволявшая широкие дискуссии, более свободный выезд за границу, проведение забастовок, долгое время обеспечивались стабильностью режима. После ухода из жизни в 1980 г. И. Броз Тито и обострения кризиса федерации оппозиционные течения стали формироваться в союзных республиках на национальной основе, что привело к углублению межнациональных и межреспубликанских конфликтов.

Из сказанного очевидно, что оппозиция «реальному социализму» не смогла приобрести той решающей роли в изменении существовавших режимов, какую она сыграла в Венгрии и особенно в Польше. Но и в этих условиях загнанных вглубь противоречий между правящей верхушкой и основными слоями общества потеря внешней поддержки со стороны Советского Союза привела к тому, что, даже изменив свою риторику и названия, правящие партии не смогли удержать власть. Там же, где они сохранили свои позиции (например, в Сербии), они пошли по пути соглашений с националистическими силами, создавая тем самым взрывоопасную ситуацию не только в своих странах, но и в Балканском регионе в целом.

Рубеж 80–90-х годов ознаменовался неординарными событиями, завершившими собой почти полувековой отрезок истории государств

---

[1] *Желев Ж.* Фашизм. М., 1991. С. 327.

Юго-Восточной Европы, — окончилась «холодная война» и почти одновременно прекратило свое существование «социалистическое содружество», в которое на разных этапах входили Болгария, Румыния и Албания. Как это уже отмечалось, внутренней основой революционных преобразований конца 80-х годов стал системный кризис «реального социализма».

По оценке современного болгарского исследователя Камена Денчева, революции конца 80-х годов лучше, чем любые другие, укладываются в марксову схему анализа революционных процессов: они происходят на этапе, когда возможности развития производительных сил в рамках данного (экстенсивного) способа производства исчерпаны. Дальнейший их прогресс предполагает использование принципиально иных производственных отношений. Исчерпание возможностей экономического роста влечет за собой утрату привлекательности, а затем и крушение официальной идеологии, кризис легитимности и последующий крах политических институтов[1].

В Болгарии накануне ухода ее многолетнего единоличного руководителя Т. Живкова развернулась внутрипартийная борьба между реформаторским крылом в рядах БКП (А. Луканов, А. Лилов, П. Младенов) и консерваторами из «старой гвардии». На ноябрьском пленуме ЦК БКП (1989 г.) Живков вынужден был подать в отставку, не получив поддержки большинства и, что еще важнее, помощи из Москвы, которая на протяжении трех десятилетий гарантировала его пребывание на посту руководителя партии и государства. Смена произошла бескровно, и тот факт, что перестройка режима началась сверху, способствовал временному сохранению политических позиций лидеров реформаторского крыла БКП[2].

Иначе разворачивались события в Румынии. Начавшись массовыми волнениями молодежи и студенчества в Тимишоаре (16–20 декабря 1989 г.), события переросли в акции массового протеста против режима и лично Н. Чаушеску в Бухаресте, в результате чего 22 декабря Чаушеску с женой вынуждены были бежать из Бухареста. Они были арестованы и спустя три дня по приговору наспех созданного трибунала казнены.

После декабрьских событий в Румынии был создан Фронт национального спасения (ФНС), заменивший собой все до того существовавшие властные структуры. Основные посты в нем были заняты

---

[1] См.: *Денчев К.* Восточная Европа после социализма: поиск новых парадигм. Габрово, 1997. С. 107–108.

[2] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том второй. С. 388.

представителями прежней коммунистической номенклатуры, ранее отодвинутые от власти Чаушеску. Совет ФНС возглавил И. Илиеску, впоследствии дважды избиравшийся на пост президента Румынии.

Таким образом, после событий ноября–декабря 1989 г. и в Болгарии, и в Румынии, в отличие от большинства государств ЦВЕ, представители реформаторского крыла коммунистических партий сохранили свои позиции.

Единственным островком прежних политических режимов на Балканах оставалась Албания, где крайние формы догматизма во внутренней политике сочетались с изоляционизмом и почти полным отсутствием контактов с внешним миром. С 1960 до 1990 г. Албания не имела дипломатических отношений с СССР, поэтому советская перестройка ее практически не коснулась, а ставшее известным крушение авторитарно-тоталитарных режимов в Болгарии и Румынии расценивалось как результат их уступок ревизионизму и подтверждение правильности идеологических установок Албанской партии труда. Ситуация вышла из-под контроля в июле 1990 г., когда тысячи албанцев, смяв полицейские кордоны, прорвались в иностранные посольства и укрылись в них. Эта по сути своей спонтанная акция вынудила албанское руководство издать указ об освобождении от уголовной ответственности и выдаче заграничных паспортов всем ее участникам. Одновременно были приняты законы, снимавшие ограничения в сфере внешнеэкономического сотрудничества[1].

1990 год стал переломным и в плане открытия Албании внешнему миру. В июле были восстановлены дипломатические отношения между Албанией и СССР. Стали налаживаться отношения между Албанией и Югославией; при этом было официально заявлено, что Албания не намерена вмешиваться во внутренние дела СФРЮ, имея, в частности, в виду проблему Косово. В сентябре 1990 г. председатель президиума Народного собрания республики Р. Алия принял участие в работе 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Албания присоединилась к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) — до этого она была единственной европейской страной вне рамок Хельсинкского процесса.

Все эти события подвели черту под многолетним правлением диктаторского режима, находившимся у власти в стране на протяжении более сорока лет. Как видно из сказанного, революционные события в Албании имели большую специфику по сравнению даже с близкими

---

[1] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Том третий. Ч. II. М., 2002. С. 13–14.

ей по историческим традициям странами Юго-Восточной Европы, и это сказалось на ходе ее дальнейшего экономического и политического развития.

Кардинальные перемены конца 80-х — начала 90-х годов в социалистических странах Юго-Восточной Европы стали возможны в результате ослабления «блоковой дисциплины» в годы горбачевской перестройки. Партийная номенклатура этих стран сначала вынуждена была приспосабливаться к новым условиям, постепенно уступая позиции реформаторским силам в самих правящих партиях. Но оказалось, что даже реформаторы не смогли сохранить политическое доверие в таких странах, как Болгария и Албания, полностью потеряв массовую общественную поддержку. По-иному обстояло дело в Румынии, где перешедшая на позиции социал-демократизма и принявшая европейскую ориентацию во внешней политике часть бывшей номенклатуры сохранилась в новой системе власти.

Что же касается межбалканского сотрудничества и развития отношений между государствами севера и юга Балканского полуострова, то в начале 90-х годов они существенно замедлилось. Греция в значительной степени утратила ранее характерную для нее роль инициатора и организатора процессов межбалканского сотрудничества, и греческие политологи расценивали этот период как «политику упущенных возможностей». В значительной мере это можно объяснить «зацикленностью» греческого правительства на проблемах государственной символики и названия образованной после распада СФРЮ Македонии, которые греческая сторона отказывалась признавать. Из-за ухудшения положения национальных меньшинств по обе стороны албано-греческой границы обострились также и отношения между Грецией и Албанией.

После начала вооруженного противостояния на территориях Хорватии, Боснии и особенно СРЮ (Косово) практически были утрачены сложившиеся ранее формы многостороннего сотрудничества, и большинство Балканских стран пошли по пути развития двусторонних отношений. При этом почти для всех государств стал характерным избирательный подход к развитию отношений с бывшими союзными республиками СФРЮ: Греция и Румыния поддерживали более тесные отношения с СРЮ (преимущественно с Сербией), Турция — с Боснией и Герцеговиной, Македонией и Албанией, Болгария — с Хорватией, Словенией и Македонией, из чего следует, что в практической политике стороны придерживались цивилизационного и конфессионального принципов либо руководствовались соображениями «политической целесообразности». Характерно вместе с тем, что вопреки ис-

торически сложившимся противоречиям по «македонскому вопросу» Болгария стала первым государством, признавшим в декабре 1992 г. независимость Македонии.

Не затронутые конфликтами страны предпочитали держаться от них в стороне, но наиболее опасные кризисные ситуации заставляли их сплачиваться, чтобы не допустить расползания конфликтов на другие районы полуострова. Октябрьский (1998 г.) международный кризис вокруг Косово побудил Балканские страны не только объединиться на новой основе, но и принять меры по учреждению балканских многонациональных миротворческих сил с участием Италии, Греции, Турции, Албании, Болгарии, Македонии и Румынии. В сентябре 1999 г. было официально объявлено о создании специальных миротворческих подразделений, которые могли бы быть использованы для регулирования внутрибалканских кризисов, проведения гуманитарных операций и развития сотрудничества в регионе под эгидой ООН, ЕС, ОБСЕ и НАТО. Однако эта форма сотрудничества Балканских стран развития не получила.

Обострившийся на фоне вооруженных конфликтов тяжелейший экономический кризис побудил европейские и международные экономические организации предложить меры по предотвращению гуманитарной катастрофы в охваченных военными действиями и подвергшихся наплыву беженцев районах. В мае 1999 г. Европейская экономическая комиссия ООН выступила в поддержку некоего варианта плана Маршалла для Балкан. Практическим результатом выдвижения этой и ряда других инициатив стало принятие по инициативе ЕС Пакта стабильности для балканского региона (Сараево, 30–31 июля 1999 г.).

С целью прохождения своеобразной «стажировки» страны Юго-Восточной Европы были также вовлечены в целый ряд региональных и субрегиональных группировок — Центральноевропейская инициатива (1989); Центральноевропейское соглашение о свободной торговле (Болгария, 1998 и Румыния, 1997); Черноморское экономическое сотрудничество (1992); наконец, «Процесс юго-восточноевропейского сотрудничества» — инициатива, выдвинутая на встрече министров иностранных дел в Софии в июне 1996 г. под девизом «Добрососедство, стабильность и сотрудничество стран Юго-Восточной Европы»[1]. Как показывает опыт, большинство из этих и других субрегиональных группировок рассматривались их участниками лишь как переходная ступень на пути интеграции в европейские и евроатлантические структуры.

---

[1] См.: Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2003. Vol. 3. No 1. January. P. 132–143.

В основном же в Юго-Восточной Европе пока сохраняется заколдованный круг: политическая стабильность большинства Балканских стран невозможна без прогресса в экономике, а он тормозится отсутствием политической стабильности. В свою очередь политическая стабильность не может быть достигнута без согласованных решений самих участников межбалканского сотрудничества, без достижения необходимых компромиссов но урегулированию существующих конфликтов. Весьма существенной проблемой для всего региона может стать и, как показывают события на территории Косово, уже становится «албанский вопрос», т.е. проблема государственной самоорганизации этнических албанцев.

По-прежнему, как и полвека назад, в регионе значительной остается роль внешних сил, но и их расклад существенно изменился. С распадом СССР и ликвидацией ОВД завершилось противостояние военно-политических блоков, а влияние России ослабло. Для бывших стран «социалистического лагеря» предпочтителен европейский выбор, т.е. ориентация на евроатлантические организации. Несмотря на переживаемый ими этап политического и национального возрождения, большинство из них не способны без поддержки извне конструктивно решать встающие перед ними экономические и социальные проблемы. Сопутствующая нынешнему этапу их развития тенденция к формированию «этнически однородных государств» тянет за собой дальнейшую фрагментацию региона и грозит новыми политико-этническими конфликтами. И если на предшествующих этапах европейцы усматривали источник такого рода конфликтов в политике национал-коммунистических режимов, то массовый наплыв в Европу жертв «этнических чисток» напомнил им обо все еще существующих региональных различиях.

Известный югославский политик Милован Джилас пришел в свое время к выводу о том, что путь к достижению политической стабильности в Югославии и — в более широком плане — на Балканах лежит через осознание национальных различий и достижение на данной основе взаимных договоренностей. Этим разумным советом в нынешних условиях можно воспользоваться лишь посредством согласованных действий Балканских стран и мирового сообщества на таких основных направлениях, как недопущение попыток насильственной перекройки карты Балкан, целенаправленное развенчание негативных стереотипов соседа («образов врага») и не в последнюю очередь оказание помощи в экономическом развитии Балканского региона. Тем самым были бы созданы условия, при которых страны Юго-Восточной Европы постепенно смогли бы включиться в общеевропейские процессы и завершить многовековой путь от конфронтации к сотрудничеству.

Глава 2. Распад СФРЮ, государства-наследники и вооруженные конфликты 90-х годов

Исторические предпосылки конфликтов

Общее государство южных славян складывалось долго и трудно. С середины XIX в. создание общего государства рассматривалось наряду с обретением полной национальной независимости и суверенитета каждым народом как один из возможных вариантов национального освобождения и объединения. Во второй половине XIX — начале XX в. шло упорное соперничество между Белградом и Загребом за «право» стать центром объединения, своего рода Пьемонтом южного славянства. К этому надо добавить и этнотерриториальные и политические противоречия между Белградом и Софией, Белградом и Подгорицей. В этот период возникали самые разные проекты преобразования южной части Центральной Европы и Балкан; эти проекты выдвигались разнообразными политическими силами, восходили к разным идеологическим концепциям, охватывали различные народы и территории, предлагали разные формы государственного устройства и осуществления принципа национального самоопределения. Основными вехами на этом пути можно назвать русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и Берлинский трактат 1878 г., сербско-болгарскую войну 1885 г., русско-австрийские договоры 1897 и 1903 гг., аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. и последовавший за ней кризис и Балканские войны 1912–1913 гг. Завершающим историческим актом, способствовавшим появлению новых государств, в том числе и Королевства сербов, хорватов и словенцев, стала Первая мировая война, закончившаяся поражением и распадом Австро-Венгрии, а также окончательным оттеснением с Балканского полуострова Османской империи.

С 1915 г. на югославянском политическом пространстве существовало три направления. Первый составили югославяне, сохранявшие верность династии Габсбургов и ориентировавшиеся на властные структуры Вены и Будапешта. Вторым стало королевское правительство Сербии принца-регента Александра Карагеоргиевича (его возглавлял Никола Пашич), после разгрома 1915 г. разместившееся с начала 1916 г. на острове Корфу. И наконец, третьим выступил Югославянский комитет, созданный в апреле 1915 г. оппозиционно настроенны-

ми политиками: хорватами, словенцами и сербами, эмигрантами из Австро-Венгрии под руководством Анте Трумбича. Между югославянами с Корфу и югославянами из Лондона продолжилось начавшееся в середине XIX в. соперничество за принципы, границы и облик будущего общего государства, которое предполагалось создать в случае победы Антанты над силами Тройственного союза.

Основными документами, в которых отражалось ви́дение каждой из сторон историко-политических перспектив, стали Нишская декларация правительства Сербии 1914 г., платформа Югославянского комитета 1915 г., Майская декларация югославянских политиков 1917 г. Более поздние попытки достичь взаимоприемлемого компромисса отразили Корфская (1917) и Женевская (1918) декларации. Королевство сербов, хорватов и словенцев было провозглашено 1 декабря 1918 г. В него вошли Сербия, Черногория (утратившая таким образом государственную независимость), Государство словенцев, хорватов и сербов, провозглашенное 19 октября 1918 г. в Загребе на территориях распавшейся Австро-Венгрии, населенные югославянами.

Решение о создании в декабре 1918 г. единого государства было обусловлено рядом обстоятельств: экономических (тяжелое положение с продовольствием в югославянских областях бывшей Австро-Венгрии); внутриполитических (нарастание революционной активности, отсутствие вооруженного сопротивления австро-венгерских властей); внешнеполитических (территориальные притязания Сербии, агрессия Италии и фактический отказ от признания Государства словенцев, хорватов и сербов Англией, Францией и США), а также этнополитических и психологических (югославистские иллюзии о совместном проживании хорватов и сербов на одной территории).

Концепция «интегрального югославизма», т.е. национального единства сербов, хорватов и словенцев, легла в основу созданного в рамках Версальской системы государства во главе с сербской династией Карагеоргиевичей, причисленной к победителям в Первой мировой войне. Но, как показали первые же годы существования этого государства, в рамках монархии, созданной на фундаменте сербской моноэтничной государственности, при отсутствии опыта, традиций, да и желания урегулировать межэтнические конфликты, ему не удалось решить проблему национального самоопределения ни одного из вошедшего в него народов, в том числе и самих сербов.

Создание югославянского государства в присущей ему в 20—30-х годах форме было результатом распространения иллюзий об этническом, а следовательно, и о политическом единстве южных славян,

а также сложившейся после окончания Первой мировой войны международной ситуации, зафиксированной в Версальском мирном договоре 1919 г. и в последовавших за ним договорах 1919–1920 гг. Временное исчезновение Германской империи и окончательное — государства Габсбургов — не облегчили положения Сербии и других югославянских земель. Острые территориальные противоречия характеризовали отношения нового Королевства СХС с Австрией, Болгарией и Венгрией, а также с Италией. Ни заключенные в рамках Версальской системы, соответственно, в 1919–1920 гг. Сен-Жерменский, Нейиский, Трианонский и Севрский мирные договоры, ни разграничение с Италией, проведенное в Рапалло на основе секретного Лондонского соглашения 1915 г. за счет Королевства СХС, не устранили противоречий между народами и их государствами в процессе национального самоопределения.

Национальные противоречия нарастали, и династия вместе с правящим политическим классом пыталась найти удовлетворявшую хотя бы национальные движения основных народов форму государственного устройства. В результате все народы, вошедшие в общее югославское государство — как славяне, так и не славяне, — каждый по-своему страдали от централистской государственной структуры, основанной на идее этнического унитаризма и склонявшейся к национализму «государствообразующей» этнической общности. Процессы национального самоопределения не только не получали своего решения, но, наоборот, загонялись внутрь, что привело государство к сокрушительному военному поражению, к росту межэтнической напряженности, вылившейся в 1941–1945 гг. в специфических условиях иностранной оккупации в кровавую междоусобную войну[1].

Шестого апреля 1941 г. началась агрессия Германии и ее союзников против Югославии. После подписания 17 апреля 1941 г. акта о капитуляции «первая», королевская Югославия навсегда прекратила свое существование как независимое, суверенное и целостное государство. Западная часть Балканского полуострова в качестве оккупационной зоны была отдана по соображениям политического характера Италии. Демаркационная линия между итальянской и немецкой зонами проходила от Загреба через Сараево, Рудо и далее по гребню горного массива Пинд. Сербию, как наиболее важную в стратегическом отношении территорию, Германия оставила под своим непосредственным управлением. Банат остался в составе Сербии, но власть в нем находилась в руках представителей немецкого национального меньшинства. Бачка была

[1] См.: *Velebit V.* Sećanja. Zagreb, 1983. S. 11–25.

отдана Венгрии. Область Косово и Метохия была разделена между Албанией, Сербией и Болгарией. Срем, до 1918 г. входивший в состав автономной Хорватии-Славонии, был присоединен к созданному 10 апреля, сразу же после занятия Загреба германскими войсками, независимому хорватскому государству (Nezavisna Drћava Hrvatska — ***хорв.***). Его территория, включавшая в себя также и территорию Боснии и Герцеговины, в свою очередь, была разделена на итальянскую и германскую оккупационные зоны. Во главе государства встал глава «усташей» Анте Павелич. Вардарская Македония «досталась» Болгарии, жаждавшей реванша за поражения во Второй Балканской и Первой мировой войнах. Словения также оказалась разделенной между тремя «победителями» — Германией, Италией и Венгрией.

Молниеносное поражение в апрельской войне 1941 г. привело Югославию к распаду и к началу, по сути дела, трех войн: за освобождение страны от германских, итальянских, венгерских, болгарских оккупантов; между созданными оккупантами псевдонезависимыми моноэтничными государствами; наконец, к гражданской войне между коммунистами и антикоммунистами. Для мирного населения, независимо от национальности, вооруженная борьба различных военных формирований означала постоянную угрозу физического уничтожения по этническому или конфессиональному признаку, угрозу политических репрессий, грабежа и насильственной мобилизации. Эта угроза одновременно исходила и от иностранных оккупантов, и от сербских «четников», и от хорватских «усташей», и от коммунистических партизан И. Броз Тито, при всем том, что последние, безусловно, были ведущей силой в антифашистском сопротивлении и освободительном движении. Однако линия фронта в гражданской и межэтнической войне на территории Югославии была гораздо более извилистой и скрытой, чем в других странах.

В соответствии с планами И. Броз Тито и руководства КПЮ, которая постепенно становилась ведущей силой в движении за национальное и социальное освобождение, Югославия должна была превратиться в территориальную федерацию, названия единиц которой совпали бы с этнонимами основных народов Югославии. Югославские коммунистические руководители стремились совместить марксистскую теорию, опыт СССР и предвоенной Югославии, воссоздать югославизм в новой форме. КПЮ оказалась единственной по своему составу многонациональной партией, а также единственной партией, выступившей против оккупации и раздела страны и принципиально отмежевавшейся от королевской Югославии. В то же время КПЮ соединила в своей программе традиционную югославистскую идею, поддерживавшуюся и частью

социал-демократов до Первой мировой войны, с принципами «пролетарского интернационализма». Его основой стала известная формула «братство и единство всех наций и национальностей», положенная в основу послевоенного восстановления Югославии.

Двадцать девятого — тридцатого ноября 1943 г. Вторая сессия Антифашистского веча национального освобождения Югославии приняла документ, где говорилось: «Чтобы осуществить принцип суверенности народов Югославии, чтобы Югославия превратилась в подлинное отечество для всех народов и не стала вотчиной каких бы то ни было господствующих клик, Югославия строится и будет построена на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины»[1]. В Конституции Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ; с 1963 г. — СФРЮ) 1946 г. были формально провозглашены принципы равноправия народов, закреплено федеративное устройство и, как тогда представлялось, окончательно обеспечено право всех наций и национальностей страны на самоопределение[2].

Вплоть до 60-х годов из-за исторически сложившейся внутри- и внешнеполитической ситуации сочетание югославянской идеи, коммунистического режима и государственного устройства в виде этнотерриторальной федерации оправдывало себя и выглядело незыблемым. Казалось, причины возникновения межэтнических конфликтов — социальные, внутри- и внешнеполитические — устранены, а процесс политического самоопределения южнославянских народов завершен. Согласно материалам переписи 1981 г., на вопрос о национальной принадлежности 1 млн 200 тыс. граждан СФРЮ заявили о себе как югославы.

Но постепенно межнациональные противоречия вновь стали давать о себе знать. Их обострению способствовала усиливавшаяся из года в год неравномерность в развитии республик и областей страны. Косово, как и в межвоенной, «королевской» Югославии, осталось самым слаборазвитым районом федерации. Но косовская проблема была лишь одним из проявлений постепенно нараставшего общего экономического, социального и политического кризиса в стране.

---

[1] История Югославии. М., 1963. Т. II. С. 226. О взаимоотношениях Сталина и Тито и о влиянии сталинистской идеологии на Тито см.: *Гиренко Ю.С.* Сталин и Тито. М., 1991; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.

[2] См.: Конституции и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. С. 9–45.

Единство и целостность югославской федерации начали подвергаться испытаниям уже в 60-х годах. Обострялся то один, то другой «национальный вопрос» — в Хорватии, в Косово, да и в самой Сербии. Естественно, происходило это не само по себе, а в тесной связи с общей политической и социально-экономической ситуацией в стране. В начале 70-х Югославию поразил первый общий кризис, связанный и с обострением национальных отношений, и с приходом во власть нового поколения коммунистических руководителей, которым титовские догмы казались устаревшими. Хорватские «националисты», сербские «либералы», словенские «технократы», а также реформаторы из других республик выступали за сущностное реформирование СКЮ и СФРЮ. Однако И. Броз Тито, для которого речь зашла уже о сохранении собственной власти, опираясь на армию, спецслужбы и партийных «консерваторов», сумел победить всех, кто мог либо реформировать Югославию, либо привести ее народы и республики к иным формам сосуществования мирным путем. События конца 80-х — начала 90-х годов показали, что его победа оказалась пирровой. Попытки различных конституционных реформ успеха не приносили. К этому добавились и растущие экономические трудности, увеличение разрыва в темпах развития и уровне жизни разных республик и народов, составляющих в них большинство населения и давших им титульные наименования (политонимы). Постепенно Югославия из союзного государства фактически стала превращаться в союз государств.

Идеи и принципы, на которых была построена СФРЮ, по прошествии времени превратились в свою противоположность. Последовавшие одна за другой смерти основателей югославского государства Э. Карделя (1979), И. Броз Тито (1980) и В. Бакарича (1982) существенно изменили политическую и идейную ситуацию в стране. Новое поколение коммунистических руководителей столкнулось с отсроченными последствиями социалистического эксперимента, необходимостью выплачивать внешние многомиллиардные кредиты и получать новые, без которых югославская экономика существовать уже не могла. Но эти люди не имели ни власти, ни авторитета Тито. Разгромленные «либералы» так и не смогли восстановить своих позиций. В этих условиях стали утверждаться идеология и психология этнического национализма, выразителями которого становились представители высшего партийного руководства: Франьо Туджман, Алия Изетбегович и Слободан Милошевич.

В январе 1990 г., после выхода из Союза коммунистов Югославии СК Хорватии и СК Словении, перестала существовать единая партия, и в руках именно этих деятелей и оказались вопросы мира и войны

на территории распадавшейся Югославии, а значит, жизни и судьбы сотен тысяч людей.

Кризис и распад общего государства южных славян, возникшего в 1918 г. и восстановленного в 1945 г., были обусловлены исторически. Одно из государств — наследников монархии Габсбургов — Югославия в первый раз распалась в 1941 г. после военного поражения, во второй — в 1990–1992 гг. в результате продолжения процессов национального самоопределения, совпадения в один исторический момент нескольких системных кризисов в условиях отсутствия развитого общегосударственного рынка и полиэтничного гражданского общества, способного примирить народы и создать основу для единого государства. Это были: кризис распределительной (хотя и с элементами рынка) экономики, не сумевшей преодолеть исторически сложившийся разрыв в уровне экономического развития республик; кризис административной и экономической системы государства в условиях гиперинфляции; кризис коммунистической идеологии и политической системы; кризис концепции межнациональных отношений, основывавшейся на странном гибриде интернационализма и югославизма (этнического национализма) в рамках этнотерриториальной федерации с вкрапленными в нее автономными образованиями.

Столкнулись два основных процесса: с одной стороны, изменение форм собственности, неизбежный переход к новой экономической — рыночной системе (сопровождаемый переделом собственности) и, с другой — национальное самоопределение. Поскольку ни в СФРЮ, ни в отдельных республиках, превратившихся в независимые государства, не сложилось развитое полиэтничное гражданское общество, передел собственности происходил по этническому признаку, при котором этническая общность, а не личность является субъектом государственного, имущественного и прочих видов права.

Во всех конституциях новообразованных независимых государств провозглашалось равноправие всех граждан, независимо от расы, языка, пола, национальной принадлежности, вероисповедания, социального происхождения. Равноправие должно было обеспечиваться свободой вероисповедания при равенстве всех религиозных объединений перед законом и их отделении от государства, а также одинаковой юридической защитой всех форм собственности.

В 1990–1995 гг. пост югославское пространство стало, таким образом, ареной столкновения однотипных постсоциалистических обществ и национальных государств, перед которыми стояли задачи ускоренной модернизации, совпавшие по времени с переходом от распределительной экономики к рыночной, от авторитарного общества

к демократическому. Кризис Югославии нарастал по мере обострения отношений крупнейшей «государствообразующей» нации — сербов и их республики с другими народами и их государственными образованиями в рамках СФРЮ и самой Сербии. Попытки силой противодействовать давно назревшим реформам лишь ускорили распад Югославии. Первоначально обострились сербско-албанские отношения в Косово и связанная с этим проблема автономий. Общефедеральный статус автономных краев Косово и Воеводина был упразднен решением руководства Сербии в 1988–1989 гг.

В 1990–1991 гг. стали нарастать противоречия между Сербией и Словенией, Сербией и Хорватией. В начале конфликта использовались политические методы и экономические рычаги, но вскоре последовали вооруженные столкновения в Словении между Югославской народной армией (ЮНА) и силами самообороны. В 1991 г. началась война в Хорватии, в которой помимо регулярной армии принимало участие и население. Наконец, в 1992 г. разразилась война в Боснии и Герцеговине. В 1998 г. начались вооруженные столкновения и в Косово.

Относительно мирным путем был разрешен лишь сербско-словенский конфликт — в силу того, что словенцы на своей территории составляют абсолютное большинство и у Словении нет общих границ с Сербией. Мирным путем отделилась и Македония.

Каждый из народов распавшейся СФРЮ завоевывал и отстаивал свое независимое государство, его целостность и суверенитет своим особым путем. Спасти Югославию как единое государство в 1991 г. было практически невозможно, о чем свидетельствовал характер предложений по урегулированию кризиса и взаимоотношений в югославском сообществе. Анализ выступлений Анте Марковича, Слободана Милошевича, Франьо Туджмана, предложений председателя президиума Боснии и Герцеговины и президента Македонии, а также резолюции, принятой Скупщиной Словении, показывает, что в них отсутствовали как объективная общая платформа, так и субъективное желание найти компромисс[1].

«Десятидневная война» в Словении

После опубликования двух основополагающих документов словенского национального движения и политической оппозиции — «Основных требований» и Майской декларации 1989 г. — в республике начался

---

[1] См.: Предложения по урегулированию кризиса ивзаимоотношений в югославском содружестве // Международная политика (Белград). 1991. № 989. 20 июня.

активный процесс создания многопартийной политической системы. Созданные в первой половине 1989 г. оппозиционные Союзу коммунистов Словении организации — Словенский демократический союз (СДС), Социал-демократическая партия Словении (СДПС), Словенская христианско-социального движение (СХСД), Словенский крестьянский союз (СКС) и партия «зеленых» для участия в предстоявших 8 и 22 апреля 1990 г. первых многопартийных выборах создали в конце 1989 г. общую коалицию — ДЕМОС. Получив 55% голосов, ДЕМОС завоевал 126 из 140 мест в парламенте. Остальные места распределились между Партией демократического обновления (бывшие коммунисты), Либерально-демократической и Социалистической партиями. Лоиз Петерле (СХСД) стал первым премьер-министром, а получивший большинство (59%) на президентских выборах коммунист-реформист Милан Кучан — первым президентом[1].

Процесс обретения Словенией независимости начался с экономической войны, объявленной ей Белградом как столицей не только СФРЮ, но и Сербии (бойкот товаров, вторжение Сербии в денежную систему Словении, таможенная война и т.п.), а закончился выводом после «десятидневной войны» в июне–июле 1991 г. частей Югославской народной армии. В феврале 1990 г. Исполнительное вече (правительство) Словении приняло меры в ответ на экономическую блокаду со стороны Сербии.

Двадцать третьего декабря 1990 г. в Словении был проведен плебисцит; 93,2% имеющих право голоса приняли участие в голосовании, 88,2% из них высказались за независимость[2]. Четвертого января 1991 г. Исполнительное вече отменило ряд положений словенской Конституции, которые передавали полномочия Словении югославской федерации. В марте был объявлен мораторий на отправку призывников из Словении на службу в ЮНА. Признание Конституционным судом СФРЮ незаконности принятых различными органами государственной власти Словении изменить ничего не могло[3].

Пятого июня было принято 14 законов, создавших основу для решения экономических и политических вопросов, а 25 июня на основании конституционного акта о суверенитете и независимости Республика Словения обрела суверенитет и юридически[4]. Двадцать пято-

---

[1] См.: Словения. Путь к самостоятельности. Любляна, 2001. С. 147.

[2] См.: Slovenska kronika XX. stoletja. S. 446–447.

[3] См.: *Бузаџић М.* Сецесија бивших југословенских република у светлости одлука Уставног суда Југославије. Збирка докуменанта с уводном расправом. Београд, Службени лист СРЈ, 1994. С. 67–88, 233–238, 241–274.

[4] См.: Словения. Путь к самостоятельности. С. 218–222.

го июня 1991 г. были официально провозглашены выход из СФРЮ и независимость Словении. Скупщина объявила, что она, опираясь на волю словенского народа, выраженную на плебисците 23 декабря 1990 г., подтверждая, что СФРЮ не является правовым государством, что в СФРЮ грубо нарушаются права человека, национальные права и права республик и краев, а также то, что федеративное устройство Югославии делает невозможным разрешение экономического и политического кризиса, приняла конституционные основы о самостоятельности и независимости Словении. Республика Словения гарантировала всем людям, находящимся на ее территории, защиту прав человека и основных свобод. Государственными границами Словении провозглашались внешние границы СФРЮ и внутренние границы республики в составе федерации[1].

Ответом на это был начавшийся 27 июня ввод частей ЮНА в Словению. Но уже 7 июля, после принятия Брионской декларации, боевые действия были прекращены, и 29 июля войска стали покидать словенскую территорию. Двадцать шестого октября 1991 г., на основе соглашения между Югославией и Словенией, подписанного по инициативе Европейского сообщества, последние части ЮНА, безуспешно пытавшиеся сохранить территориальное единство Югославии в борьбе с народом и частями территориальной обороны Словении, были окончательно выведены из страны[2]. Но еще до этого в целях сохранения своего экономического и политического суверенитета Словения установила собственную границу и ввела национальную валюту — толар[3].

Двадцать третьего декабря 1991 г. Скупщина Словении приняла Конституцию, а в декабре следующего года состоялись первые парламентские выборы. Новым премьер-министром стал Янез Дрновшек, представитель ДЕМОСа, получившего 60% голосов. Президентский пост сохранил Милан Кучан, за которого проголосовали 64% избирателей.

Россия признала Республику Словению 12 февраля 1992 г., а 22 мая того же года Словения была принята в ООН. Путь словенского народа к государственной независимости был, таким образом, завершен[4].

---

[1] См.: Ustava Republike Slovenije. Ljubljana, 1993. S. 9–34; Конституция Республики Словении // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М., 1997. С. 363–406; Slovenska kronika XX. stoletja. S. 453–465.

[2] См.: Slovenska kronika XX. stoletja. S. 486.

[3] Ibid. S. 481–482

[4] См.: *Габрич А., Чепич З.* Очерк развития словенской государственности. Любляна, 1997. С. 90; *Šestak M., Tejhman M., Havlíková L., Hladký L., Pelikán J.* Déjiny Jihoslovanských zemí // Praha. Lidové noviny, 1998. S. 585–591. Попытки остановить процесс распада СФРЮ решениями Конституционного суда в Белграде и в случае

Сербия: внутренний конфликт

В 1989–1990 гг. большинство сербских политиков видели возможность осуществления интересов сербского национального движения лишь в границах СФРЮ. Но события в Словении, а затем в Хорватии и Боснии и Герцеговине показали, что попытки удержать силой эти республики и их народы в составе единого государства по ходу эскалации конфликта лишь укрепляли решимость последних отделиться от Югославии. В результате в Союзную Республику Югославию (СРЮ) вошли лишь Сербия и Черногория.

Сербская политическая мысль отличалась и отличается множеством оттенков, отражающих не столько экономические и социальные интересы, сколько конкретные политические цели правящих элит и их лидеров. Первоначально это были идеи сохранения Югославии как единого государства; затем речь пошла о присоединении населенных сербами земель к Сербии («воссоединение всех сербских земель») или к СРЮ; наконец, появились планы создания на территории Хорватии и Боснии обособленных образований, контролируемых сербскими вооруженными силами. Последние два варианта по мере затягивания кризиса стали преобладать, ибо гарантировали правящим элитам в Книне (так называемая Республика Сербская Краина на территории Хорватии) и Пале (так называемая Республика Сербская в Боснии и Герцеговине), сделавшим карьеру на войне, дальнейшую самостоятельную политическую жизнь.

Впоследствии постепенно усиливалась и стала господствующей и официальной линия на создание сербского моноэтничного государства, предполагавшая охват всех населенных сербами территорий, включая области со смешанным сербским, хорватским и мусульманско-босняцким населением в уже провозгласивших свою независимость в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

Эта политическая линия вызревала в сербском обществе с начала 80-х годов. Идеи этнического национализма постепенно овладевали значительной частью сербской интеллигенции[1]. Об этом свидетель-

---

Словении, и в случаях Хорватии и Боснии и Герцеговины окончились полным провалом (см.: *Бузаџић М.* Op. cit.).

[1] Однако далеко не всей. Большую роль позднее, в трагические 90-е годы, в духовной и интеллектуальной жизни СРЮ играл всемирно известный Белградский интернациональный театральный фестиваль (БИТЕФ), ставших средоточием гуманистически воспитанной и европейски мыслящей части постюгославских художников и интеллектуалов. Подробнее о фестивале см.: *Вагапова Н.М.* БИТЕФ: театр и фестиваль. М.: Государственный институт искусствознания, 1998.

ствует, в частности, содержание известного «Меморандума Сербской академии наук и искусств (САНУ), ставшего достоянием общественности в 1986 г.[1] Он сразу стал манифестом националистов, мечтавших о превращении Югославии в «Великую Сербию» либо об объединении в одно государственное образование всех территорий, на которых проживают сербы. Его авторы считали, что после четырех десятков лет существования в новой Югославии «только она (сербская нация. — *Авт.*) не имеет своего государства. Трудно себе представить более ужасное историческое поражение». По мнению сербских академиков, «весной 1981 г. сербской нации была объявлена специфическая по форме, но открытая и тотальная война, в разные годы подготовленная административными, политическими и государственно-правовыми изменениями». Касаясь проблемы Косово, авторы Меморандума утверждали, что там эта война ведется все более успешно и близка к победному концу. Критикуя политику властей СФРЮ, они настаивали на том, что «не было настоящей схватки с неофашистской агрессией... Заговор, обычно замышляемый в полной тайне, в Косово осуществлялся не только открыто, но и демонстративно». В противовес позиции албанских интеллектуалов, считавших, что именно албанцы являются автохтонным населением Косово, в Меморандуме подчеркивалось, что «сербы в Косово и Метохии имеют не только свое прошлое, отразившееся в ценнейших культурных и исторических памятниках, но и настоящее, олицетворенное в духовных, культурных и нравственных ценностях. У них есть своя, исконная прародина, на которой они издревле живут».

Вывод академиков САНУ относительно перспектив развития межнациональных отношений в Косово в 1986 г. был таков: «В соответствии с этнической ситуацией на Балканском полуострове — этнической пестротой многих областей — осуществляемое на практике требование этнически чистого Косово будет не только непосредственно угрожать всем народам, которые составляют меньшинство на этой территории. Если это осуществится, поднятая волна экспансии превратится в реальную и ежедневную угрозу всем народам Югославии»[2].

Заложенные в Меморандуме идеи сербской этнической государственности в конце 80-х — начале 90-х годов стали активно использовать различные политические силы: от «реформированного» Союза

---

[1] См.: *Михаиловић К., Крестић В.* «Меморандум САНУ». Одговори на критике. Београд, 1995.

[2] Там же. С. 133–136; также см.: *Дамњановић J.* Косовска голгота // Intervju (Београд). 1988, октобар. Посебно издање.

коммунистов Сербии под руководством С. Милошевича до откровенных сербских националистов — В. Шешеля и В. Драшковича. Результатом этого стали многотысячные митинги по всей Сербии в «защиту Косово», а апогеем — знаменитое празднование годовщины Косовской битвы.

Постепенно правящие круги Сербии (коммунисты переименовали себя в Социалистическую партию, а ее глава С. Милошевич стал президентом Сербии) увидели единственный шанс удержаться у власти и сохранить социалистические командно-распределительные принципы экономического и социального регулирования и отказа от реформ на волне националистического подъема. Точно так же воинствующий этнический национализм был использован христианско-демократическим союзом в Хорватии и тремя национальными «демократическими» партиями в Боснии, для того чтобы прийти к власти и удержать ее.

Двадцать четвертого апреля 1987 г. С. Милошевич (в то время Председатель ЦК СК Сербии) выразил поддержку сербам из Косово, проявлявшим недовольство «агрессивным албанским сепаратизмом и национализмом». В следующем, 1988 г., когда Милошевич был переизбран на этот пост, последовало лишение Косово и Воеводины статуса федеральной автономии. Двадцать восьмого марта 1989 г. были приняты поправки к Конституции Сербии, лишавшие оба края права вето в отношении конституционных изменений и части законодательных, исполнительных и судебных решений. Начав «укрепление» Сербии и сделав ставку на сербский этнический национализм и государственный централизм, Милошевич и его последователи несомненно способствовали развалу СФРЮ. Тем не менее на состоявшихся в ноябре 1989 г. выборах Милошевич получил 86% голосов и стал президентом Сербии.

В дальнейшем в Сербии стали развиваться те же идейные и политические процессы, что и в других республиках СФРЮ, — создавались многопартийная политическая система и основы новой государственности. Первого–второго июля 1990 г. прошел референдум, одобривший новую Конституцию и проведение многопартийных выборов, 28 сентября Конституция была принята.

Командование ЮНА, ставшей позднее, в 1991–1992 гг., практически исключительно сербско-черногорской по национальному составу (хорваты, словенцы и македонцы после провозглашения независимости своих республик ушли из нее), летом 1989 г. выдвинуло свой план «битвы за Югославию». Его автором был генерал-полковник Велько Кадиевич, занимавший тогда пост союзного секретаря по делам обороны.

В марте 1991 г. в Белграде прошли студенческие демонстрации с требованием демократических реформ, которые вынудили С. Милошевича и его окружение применить силу и выступить с неопределенными обещаниями, которые так и не были выполнены. Параллельно с этим в стране планировался государственный переворот с опорой на антиреформаторские силы в СССР, который должен был сохранить единство СФРЮ как сербского государства и личную власть Милошевича. Однако ожидавшейся поддержки из Москвы последний тогда не получил.

Ответственность за развязывание конфликта несут не только режим Милошевича или ЮНА. Большой «вклад» в разжигание межнациональной ненависти, связанный с переходом Белграда от политики удержания Югославии, воспринимавшейся как сербское национальное государство, к политике объединения всех земель, провозглашенных сербскими, путем их вооруженного отторжения, внесла и сербская националистическая оппозиция. Достаточно обратиться к тому, как представил историю Сербской радикальной партии ее вождь Воислав Шешель в своем выступлении на ее третьем съезде 30 января 1994 г. В конце 80-х годов появляются первые предзнаменования краха коммунизма в Восточной Европе, в особенности у нас, говорил В. Шешель. Диссидентская деятельность охватила почти все сербские области. В 1989 г. наблюдается всплеск сербского национального сознания, гордости, чести и достоинства. Это означало «окончательное выздоровление сербского народа от двух социально-исторических болезней Югославии — югославизма и коммунизма»[1], — утверждал В. Шешель, противопоставляя коммунизму агрессивный этнический национализм.

Активисты Сербской радикальной партии вели в 1991 г. пропагандистскую деятельность в «сербской Славонии», никогда не входившей в состав сербского государства (т.е. на территории Хорватии, где издавна проживали сербы, составляя в некоторых областях значительную часть или большинство населения). На митингах пропагандисты объясняли жившим в Славонии сербам, что им готовит «власть Туджмана» (т.е. занимались деятельностью, вступавшей в противоречие даже с Конституцией СФРЮ), и помогали организовать «сопротивление власти усташей», т.е. постепенно готовили почву для объединения этой области с Сербией.

Основные цели Социалистической партии Сербии (СПС) — так стала называться с июля 1990 г. партия С. Милошевича — деклари-

---

[1] Велика Србиjа. Новине радикалске странке (Београд). 1994. Март. Бр,13, г.V. С. 2–4.

ровались как «создание современного демократического общества, в котором все проблемы будут решаться мирным путем; как гарантии прав человека; как регулирование экономических процессов свободной конкуренцией»[1].

В то же время сербские социалисты были убеждены, что «были нарушены принципы международного права, когда сербам в Хорватии, Боснии и Герцеговине, которые семь десятилетий прожили в одном государстве вместе со своими братьями, воспрепятствовали, в соответствии с правом на самоопределение наций, остаться в общем государстве». Таким образом, четко прослеживается отказ от характерной для конца 80-х — начала 90-х годов политики Сербии в отношении бывшей Югославии как единственного варианта политического объединения сербских этнических территорий и переход к созданию моноэтничного сербского государства на всех территориях, на которых сербы проживали, проживают или которые считают своими.

Война в Хорватии. 1991–1995

Сутью основного конфликта, сделавшего невозможным дальнейшее существование СФРЮ и Югославии как таковой, стали хорватско-сербские противоречия. В XX в. сербы и хорваты использовали различные формы национального самоопределения. Хорваты обладали территориально-политической автономией и в государстве Габсбургов, и в Югославии 20–30-х годов. У них было псевдонезависимое национальное государство периода германской и итальянской оккупации в годы Второй мировой войны. Наконец, в послевоенной Югославии их республика формально имела такой же статус, как и остальные члены социалистической федерации.

Историческим итогом деятельности хорватского национального движения в начале 90-х годов было отделение Хорватии от Югославии и создание независимого государства (право на выход из федерации входивших в СФРЮ республик было закреплено в ее Конституции). Распад СФРЮ создал условия для самоопределения второй по численности национальности-нации — хорватов. Это сразу же

[1] Программу СПС см.: Основе програма социјалистичке партије Србије. [Београд], 1993. Программы оппозиционных демократических партий см.: Демократска партија Србије. Програм и статут. Београд, 1993; Program Demokratske stranke U knj.: *Milić M.* Političke stranke u Jugoslaviji. Beograd, 1990; Program građanskog saveza Srbije. Beograd, 1994. Программу национального движения Санджака см.: Memorandum o uspostavljanju specijalnog statusa za Sandžak. Novi Pazar, Jun 1993.

обусловило необходимость решения проблемы сербов, проживавших на территории Хорватии.

После принятия 22 декабря 1990 г. новой Конституции Хорватии политическая борьба за статус страны, за осуществление конечных целей национальных движений обострилась до предела. В Хорватии появился свой харизматический лидер — бывший «титовский» генерал и историк-диссидент Франьо Туджман, и сформировалась, возглавленная им партия-движение Хорватский демократический союз (ХДС). Открытое столкновение хорватского и сербского национальных движений на территории Хорватии произошло до и особенно после ее отделения. За каждым из движений стояли, соответственно, хорватское и сербское государства. Суть конфликта заключалась в самом характере самоопределения: хорваты осуществили вековую мечту и стремились любой ценой сохранить территориальную целостность республики и утвердить свой национальный статус как «государствообразующей» этнической общности. Сербы не хотели и не могли смириться с потерей территорий и своего статуса.

Первые организованные выступления сербского населения в Хорватии — в Славонии и области Книна — начались в конце лета 1989 г. За них несут ответственность обе стороны: Загреб — из-за нежелания удовлетворить требования соблюдения равенства и гражданских прав, обоснованные и политически целесообразные, Белград — из-за поддержки, оказанной сепаратистам, и из-за присылки агитаторов, пропагандировавших отделение от Хорватии районов, где проживало сербское население (даже тех, где оно составляло меньшинство). Действия не только хорватских, но и сербских властей противоречили Конституции СФРЮ, защитниками которой стремились выставить себя как С. Милошевич, так и Ф. Туджман. Обе стороны шли на конфликт, обе стороны не научились считать жизнь граждан и соплеменников высшей ценностью и приоритетом в политике государства. Участники акций требовали — в ответ на изъятие из Конституции Хорватии положения о сербском языке как о языке сербов в Хорватии — равноправия сербов, проживавших в Хорватии, как этнической общности, обладающей политическим статусом и выполняющей «государствообразующую» функцию. На это хорватская сторона согласиться не могла и не хотела[1].

Поэтому сербское национальное движение в Хорватии, вернее, в тех ее областях, где сербы составляли либо этническое большинство, либо значительную часть населения, почти сразу встало на путь

[1] См.: *Дакић М.* Српска Крајина. Книн, 1994. С. 49–54.

создания не только политических организаций, но и новых — национальных органов власти. При этом идея сохранения югославской государственности увязывалась ими с идеей создания моноэтничного сербского национального государства, которое охватывало бы все территории распадавшейся СФРЮ, где проживали сербы. Четвертого февраля 1990 г. на митинге Югославской демократической партии независимости в городе Войнич (Книнская Краина) было объявлено о возможности образования сербского автономного края.

Двадцать второго апреля 1990 г. в Хорватии прошел первый тур первых многопартийных выборов (на основании поправки к Конституции от 14 февраля 1990 г.). В результате второго тура ХДС получил 41,5% и две трети мест в Саборе (парламент), который избрал Ф. Туджмана Председателем Президиума Хорватии. Получившая пять мандатов Сербская демократическая партия после нападения в Бенковце на ее активиста 18 мая решила приостановить свое участие в работе Сабора Хорватии и отозвать своих депутатов.

Реакцией на принятие Президиумом Хорватии предложений о замене государственных символов и об изменении названия республики стала активизация движения за объединение нескольких общин с преобладанием сербского населения районов Лики и Северной Далмации.

Двадцать пятого июля 1990 г. Сабор принимает поправки к Конституции и решение о замене государственной символики. В этот же день проходивший в городке Срб съезд сербов (при активном участии Сербской демократической партии), приняв Декларацию о суверенитете и автономии сербского народа, создает Сербское национальное вече.

Двадцать второго декабря 1990 г. Хорватия была провозглашена «национальным государством хорватского народа и государством представителей иных народов и меньшинств, являющихся его гражданами...»[1].

Четвертого января 1991 г. Исполнительное вече (правительство) Сербской автономной области Краины сформировало собственное Министерство внутренних дел. Двадцать восьмого февраля Сербское национальное вече и Исполнительное вече Сербской автономной области Краины приняло решение об отделении от Хорватии и о вхождении нового самопровозглашенного образования в состав Югославии. Почти через месяц, 1 апреля 1991 г., последовало решение исполкома Национального совета САО Краины о присоединении ее к Республике Сербии и о действии на ее территории законов Сербии и Конституции Югославии. При этом новые сербские региональные полити-

[1] Ustav Republike Hrvatske. Zagreb, 1992. S. 8.

ческие лидеры хотели сохранить известную дистанцию от Белграда и тем самым утвердить свое положение. На первом этапе конфликта именно Югославия, а не Сербия рассматривалась в качестве национального государства сербов.

Стороны в конфликте двигались к лобовому столкновению. В ответ на усиление централистских и унитаристских тенденций в политике новых властей Загреба сербы Хорватии активнее вооружались, продолжали создавать национальные органы власти. Свою роль сыграли пропагандисты и агитаторы, прибывшие из Сербии и немало потрудившиеся над разжиганием сербско-хорватских противоречий. В апреле 1991 г. руководство САО Краины во главе с Миланом Мартичем приняло решение о «присоединении республики к Сербии», а 12 мая в «республике» был проведен референдум по этому вопросу.

Этапным шагом на пути к обретению национальной независимости Хорватии стал проведенный 19 мая 1991 г. референдум по вопросу об отделении от Югославии. За самостоятельность и создание суверенного государства проголосовали 91,17% избирателей. Сербы — жители самопровозглашенной САО Краины референдум бойкотировали.

Затем Сабор Хорватии принял несколько десятков законов, необходимых для выхода из Югославии, а 25 июня единогласно одобрил Декларацию о провозглашении независимой и суверенной Республики Хорватии. В принятом в тот же день «Конституционном решении о суверенитете и самостоятельности Республики Хорватии», означавшем начало процесса разъединения с другими республиками СФРЮ и действия на хорватской территории исключительно законов, принятых Сабором. Границами нового государства провозглашались «международно признанные государственные границы СФРЮ и границы Хорватии с входившими в состав СФРЮ Словенией, Боснией и Герцеговиной, Сербией и Черногорией».

Двенадцатого августа 1991 г. части ЮНА атаковали города Вуковар и Борово, чуть позднее — Бели-Манастир и Осиек. С 24 августа по 18 ноября части ЮНА и сербские военизированные формирования вели осаду Вуковара, который в конце концов захватили. Многомесячной блокаде со стороны сербских и черногорских формирований подвергся и Дубровник. Восьмого октября Сабор Хорватии принял решение о прекращении всех государственно-правовых отношений с Югославией. Пятого декабря 1991 г. Сабор отозвал своего представителя Стипе Месича, за пять месяцев до этого, 1 июля, с большим трудом избранного Председателем Президиума СФРЮ.

Вооруженный конфликт на территории Хорватии удалось «заморозить», однако это не было решением проблемы ни для одной из

сторон. Несмотря на неоднократные попытки международных посредников, решение так и не было найдено. Одной из таких попыток, имевших, возможно, наибольшие шансы на успех, был так называемый план Z-4 — «Проект соглашения по Краине, Славонии, Южной Баранье и Западному Срему», разработанный дипломатами США, России, Великобритании, Германии на переговорах в Загребе[1].

Однозначно определить правых и виноватых в чрезвычайно сложном конфликте на территории Хорватии невозможно. Обе стороны исповедовали простое противопоставление «мы — они», «наши — враги». Официальный Загреб рассматривал и рассматривает конфликт исключительно как агрессию, предпринятую властями Югославии против независимого хорватского государства, и как «отечественную войну» со своей стороны. Официальный Белград всегда утверждал, что эти события являлись гражданской войной. Однако данные констатации были скорее политико-пропагандистскими лозунгами времен открытого вооруженного конфликта, призванными оправдать позицию той или иной стороны, снять с нее ответственность за происходящее и воодушевить военнослужащих, а отнюдь не результатом беспристрастного анализа событий в политико-юридических понятиях.

В действительности же конфликт в Хорватии был многоплановым. Это была гражданская война, поскольку противоречия возникли в процессе распада единого государства и все его участники являлись жителями СФРЮ. Сам по себе факт провозглашения независимости в тех условиях еще не ничего не решал: связи, политическая и социальная структура, законы и право не могли измениться одномоментно. Кроме того, сербы Хорватии, даже после провозглашения ее независимым государством, оставались гражданами Хорватии. Поэтому многие действия властей Загреба во главе с президентом Ф. Туджманом в тот период по отношению к своим гражданам сербской национальности абсолютно неоправданны.

Однако и агрессию со стороны Сербии тоже нельзя отрицать. Предпринятая попытка отделения от Хорватии земель, провозглашенных властями Сербии сербскими этническими территориями, противоречила Конституции СФРЮ, защитниками целостности которой изображали себя С. Милошевич и его сторонники.

---

[1] См.: Международные организации и кризис на Балканах: Документы. Том третий. М., 2000. С. 176–195; Народни српски календар 1998. Загреб, 1999. С. 237–258; Kronologija rata: agresija na Hrvatsku i Bosnu i Hercegovinu. 1989–1998. Zagreb, 1998. S. 439, 448.

Вряд ли возможно отрицать и наличие этнического компонента конфликта: для обеих сторон синонимом врага был именно этноним. Группировка вновь формировавшихся в начале 90-х годов политических сил на всем пост югославском пространстве происходила также почти исключительно на этнической основе. Поэтому это также был конфликт национальных движений двух народов, находившихся в процессе национального самоопределения. С одной стороны, он был следствием отсутствия гражданского общества и в СФРЮ в целом, и в отдельных ее республиках, превратившихся в независимые национальные государства, а с другой — столкновением, определявшим путь их формирования и дальнейшего развития. При этом стремление к созданию моноэтничных государств препятствовало созданию и гражданского общества, и демократических политических институтов.

Вышеуказанные обстоятельства во многом относятся и к конфликту в Боснии и Герцеговине, который зачастую пытаются представить как неизбежный конфессиональный конфликт, происходящий в контексте «конфликта цивилизаций».

Босния и Герцеговина. 1992–1995

Еще в начале 80-х годов Республика Босния и Герцеговина стала ареной соперничества сербского и хорватского национальных движений, Белграда и Загреба. Принятый 21 февраля 1990 г. Скупщиной Боснии и Герцеговины Закон об объединениях граждан запрещал создание политических организаций на национальной основе; тем не менее большая часть политических организаций строились именно по национальной принадлежности. Партии, выступавшие за межнациональное сотрудничество и имевшие смешанный этнический состав, были главным образом связаны с компартией, что в политической ситуации 1990 г. не могло принести им популярности. В тот период этнический национализм рассматривался общественным сознанием как единственная альтернатива опостылевшему коммунизму с его лозунгом «братства и единства». Избиратель (и это беда практически всех республик бывшей Югославии), не имея опыта многопартийных выборов и осознанного политического выбора, был поставлен перед альтернативой — этнический национализм или коммунизм — и не имел подлинно демократической альтернативы. Но ей и неоткуда было взяться ни в социальном, ни в политическом, ни в идейном отношении.

Восемнадцатого ноября 1990 г. в Боснии и Герцеговине прошли первые многопартийные выборы. Неожиданное поражение потер-

пели социал-демократы (18% голосов) и Союз реформаторских сил (СРСЮ) Анте Марковича (8%). Все более мелкие партии получили в общей сложности около 4,6% голосов. Мусульманская Партия демократического действия (ПДД) получила 86 мест, Сербская демократическая партия (СДП) — 72, боснийско-герцеговинский «филиал» Хорватского демократического союза (ХДС) — 44 места. Это соотношение соответствовало численному соотношению национальностей в этнодемографической структуре населения Боснии и Герцеговины, но не означало, что мусульмане, сербы или хорваты голосовали только за свои национальные партии[1].

Победа на выборах под лозунгами демократии не принесла демократии. Национальные партии победили, скупщина оказалась разделенной, что и предопределило — в условиях отождествления национальной принадлежности с политической ориентацией — господство центробежных тенденций. Под лозунгами антикоммунизма и национальной демократии начался развал республики и подавление демократии.

Четырнадцатого октября 1991 г. Скупщина Боснии и Герцеговины голосами депутатов от ПДД и ХДС приняла «Меморандум о суверенной Боснии и Герцеговине» и «Платформу о положении Боснии и Герцеговины и будущем устройстве югославского сообщества». Депутаты-сербы от СДП покинули заседание перед голосованием. В «Платформе» подчеркивалось, что «Босния и Герцеговина будет развиваться как гражданская республика», в которой будет «обеспечено уважение прав человека и свобод всех граждан без различия национальной, религиозной или политической принадлежности». Республика Босния и Герцеговина должна была стать «демократическим суверенным государством равноправных граждан, наций Боснии и Герцеговины — мусульман, сербов, хорватов, других наций и национальностей», а ее территория провозглашалась «единой и неделимой»[2].

Что же касается судьбы федеративной Югославии, то авторы «Платформы» рассматривали ее уже как союз государств, который имел бы общий рынок товаров, услуг, труда и капитала, единую внешнюю политику и вооруженные силы. Впрочем, эти условия скорее соответствовали союзному государству, а не союзу государств. Имея перед глазами проблему разъединения республик Сербии и Хорватии, авторы «Платформы» справедливо поднимали вопрос о необходимос-

---

[1] См.: *Duraković N.* Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, 1993. S. 204.

[2] См.: Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. М., 1992. С. 273.

ти заключения конвенции о взаимном признании суверенитета и неизменности границ республик.

Судьба, однако, распорядилась по-иному. Двадцать пятого октября 1991 г. была создана Скупщина сербского народа Боснии и Герцеговины, а через четыре месяца, 28 февраля 1992 г., была принята и Конституция самопровозглашенной Республики Сербской. Территорию этой республики составляли области, общины и другие «сербские этнические области», включая и области, в которых во время Второй мировой войны сербский народ подвергся массовым репрессиям и преследованиям со стороны властей Независимого государства Хорватия А. Павелича. Таким образом, во главу угла ставился принцип «одна национальность — одна территория — одна нация — одно государство», причем исходя не только из современных реалий, но и из этнодемографической ситуации пятидесятилетней давности. В полное противоречие с этими положениями вступало продекларированное стремление основывать конституционное устройство республики на гарантиях защиты прав и свобод человека в соответствии с международными нормами, обеспечения национального равноправия и защиты прав этнических групп и других меньшинств[1].

Официальным языком провозглашался сербский при кириллическом алфавите, латинский же должен был использоваться «в случаях, установленных законом». Согласно документу, на территориях, где проживают другие языковые группы, используются их языки и алфавиты. Столицей Сербской Республики Боснии и Герцеговины провозглашался город Сараево. Республика заявила о своем вхождении в состав союзного государства — Югославии.

Первого марта 1992 г. состоялся референдум по вопросу о независимости Республики Боснии и Герцеговины[2]. Сербы Боснии бойкотировали его. Из 60% имевших право голоса и принявших участие в голосовании избирателей 99% высказались за независимость. Исходя из этих итогов, в апреле страны ЕС, США и Россия (27 апреля 1992 г.) признали Боснию и Герцеговину в качестве независимого государства.

Несмотря на наметившийся территориальный раскол по этнополитическому признаку, 16 марта 1992 г. после долгих переговоров руководители ПДД, ХДС и СДП приняли «Заявление о принципах конституционного устройства Боснии и Герцеговины». Этот документ

---

[1] См.: там же. С. 286–289.

[2] Конституционный суд СФРЮ отрицал право Скупщины Боснии и Герцеговины объявлять и проводить такой референдум (см.: *Бузаџић М.* Op. cit. С. 275–284).

представляется отходом от принципов единого демократического полиэтничного государства, провозглашенных в «Платформе» и «Меморандуме» от 14 октября 1991 г. «Босния и Герцеговина должна быть государством, состоящим из трех конституционных единиц, созданных по национальному принципу, принимая во внимание экономические, географические и иные критерии», — говорилось в нем.

В «Заявлении» отмечалось, что Босния и Герцеговина может по-прежнему существовать в нынешних границах и правительства конституционных образований не должны ни подстрекать, ни поддерживать претензии соседних государств на какую бы то ни было часть ее территории. Носителями суверенитета провозглашались граждане мусульманской, сербской и хорватской этнических групп, других народов и национальностей. Хотя по форме, этот документ отражал стремление к сохранению целостности государства, по своей сути он объективно уже готовил почву для затяжного этнотерриториального конфликта.

Еще в марте 1992 г. А. Изетбегович с уверенностью заявил: «Войны в Боснии не будет — ни внутренней, ни привнесенной извне». Он, однако, ошибся. Уже 5 апреля, в день мусульманского праздника Рамазан Байрам и накануне годовщины освобождения Сараево от оккупантов во время Второй мировой войны, начались боевые действия. Чувство страха перед войной, на что надеялись многие, не сыграло роли стабилизирующего фактора. Начался боснийский этап трагедии. Иллюзорной оказалась и надежда на то, что Европа и США немедленно вмешаются в случае вооруженного конфликта в Боснии.

Боснию и Герцеговину СМИ часто изображали и до сих пор изображают как исключительно мусульманское государство. Но на территории этого образования проживают люди многих национальностей, разной культурной и религиозной принадлежности. Международным сообществом Босния и Герцеговина признана как многонациональное государство. Однако власти Республики Сербской провозгласили Сараево — столицу многонациональной Боснии и Герцеговины — столицей своей «этнически чистой» республики, а боснийцы — хорваты и мусульмане — столицей многонациональной Федерации Боснии и Герцеговины (или, как ее в просторечии называют, мусульмано-хорватской федерации).

Двадцать пятого октября 1991 г. была создана Скупщина сербского народа Боснии и Герцеговины, а 7 апреля 1992 г. провозглашена независимость Республики Сербской Боснии и Герцеговины. Создание Республики Сербской и военные успехи сербских формирований, приведшие к значительным территориальным завоеваниям и повлекшие

за собой «этнические чистки», толкнули не только мусульман и хорватов Боснии, но также Загреб и Сараево к сотрудничеству, несмотря на все противоречия, выражавшиеся в кровопролитных междоусобных боях. В июле 1992 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Боснией и Герцеговиной и Хорватией. Он позволил Хорватии взять под свой контроль часть территории Боснии и Герцеговины, населенной хорватами. Нельзя, однако, игнорировать и существование острых противоречий в самой Федерации — между хорватами и мусульманами-босняками, в особенности в районе Мостара.

Девятнадцатого декабря 1991 г. было принято решение о создании «хорватской общности» Герцег-Босна. В нее входили тридцать общин, которые рассматривались основателями «общности» как этническая хорватская территория, поскольку хорваты составляли в них большинство. Герцег-Босна должна была стать не общностью населения всех тридцати общин без различия национальной принадлежности, а общностью всех хорватов, проживавших в Боснии и Герцеговине. Такой подход был абсолютно неприемлем для других народов республики. Он привел бы к изменению этнической структуры и порождал вопрос о судьбе и правах хорватов, проживавших на территориях, где они находились в меньшинстве (например, в Сараево). Двадцать восьмого августа 1993 г. Хорватская Республика Герцег-Босна была провозглашена. Ни Республику Сербскую, ни Хорватскую Республику Герцег-Босна никто в мире не признал, кроме соответственно Белграда и Загреба, где тогда у власти находились С. Милошевич и Ф. Туджман, выступавшие за раздел Боснии и Герцеговины между Сербией и Хорватией.

Боснию стали раздирать все три стороны. Но если правящие силы в Сараево и считали Боснию мусульманским государством, то жители города стремились сохранить прежнюю полиэтничную Боснию, что говорит о существовавшем долгое время разрыве между политической линией «верхов», с одной стороны, и самосознанием и интересами населения — с другой.

Тенденция к вынужденному сотрудничеству выразилась и в подписании 15 марта 1994 г. Вашингтонских соглашений. В соответствии с ними создавалась Федерация Боснии и Герцеговины, охватывающая территории, на которых проживают мусульмане-босняки и хорваты и которые находятся под контролем их вооруженных формирований. В дальнейшем план предусматривал соединение Федерации с Республикой Хорватией на принципах конфедерации.

Почти сразу же проблема боснийских сербов оказалась связана с проблемой сербов хорватских, поскольку и то и другое было отражением процесса нового самоопределения бывшей «государство-

образующей» национальности, рассматривавшей Югославию как свое национальное государство, утратившее часть «своих» территорий. Сербское население в новообразованных государствах оказалось на положении национального меньшинства.

Во главе национального движения сербов и в Хорватии, и в Боснии и Герцеговине стояла Сербская демократическая партия. Ее представители в период войны находились у власти и в Республике Сербской Боснии и Герцеговины (Радован Караджич), и в Республике Сербской Краине (Милан Мартич). Эта партия выдвигала лозунг национального самоопределения сербов в его моноэтничном варианте, не имеющем ничего общего с демократией. Это же относилось и к ведущим политическим партиям как боснийских мусульман (Партия демократического действия), так и хорватов (Хорватский демократический союз Боснии и Герцеговины, тесно связанный с ХДС в самой Хорватии)[1].

В ноябре 1995 г. были заключены Дейтонские соглашения, официально подписанные в декабре того же года в Париже. Этот документ отражает компромисс, который позволил остановить длившуюся несколько лет кровопролитную войну. Соглашения предусматривали сохранение целостности Боснии и Герцеговины, разделенной по-прежнему на Федерацию Боснии и Герцеговины и Республику Сербскую, определили временные конституционные нормы и принципы функционирования политической системы и государственного аппарата. Основой соглашений стало совпадение в данный момент интересов правящих политических группировок в Союзной Республике Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также интересов правящих классов держав-посредниц. Население устало от войны, но сильные антивоенные движения отсутствовали. Стремление к миру тогда не стало преобладающим в политической жизни ни одного из воевавших государств.

Но и реализация подписанных соглашений — возвращение беженцев, изгнанных и воссоздание многонационального состава населения в границах единого государства Босния и Герцеговина — объективно ведет к воспроизведению той этнополитической ситуации, которая и привела к войне. При возвращении беженцев неизбежны этнические конфликты на имущественной основе, ибо имуществом возвращающихся изгнанников уже завладели люди другой национальности, и восстановление прав одних людей обернется нарушением

---

[1] Программу Сербской демократической партии, являвшейся в те годы опорой Р. Караджича и части правящей элиты Республики Сербской, см.: Српска демократска странка (српских земаља). Програм. [Б.м.], 1996.

прав других, в чем международное сообщество уже убедилось на многих примерах.

В Дейтоне было зафиксировано создание в Боснии и Герцеговине — для сохранения ее целостности в международно-признанных границах — особых отношений Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской — провозглашенного на территории Боснии и Герцеговины государственного образования. По-видимому, эта двухступенчатая федерация ближе к конфедерации, но ее дальнейшая судьба неясна: власти Республики Сербской не скрывают своих окончательной целей — присоединения к Сербии и всячески препятствуют унитаризации Боснии и Герцеговины, ломке этнических и государственных барьеров.

Автономные края Сербии

Косово

В период обострения в конце 90-х годов ситуации вокруг Косово и, следовательно, повышения интереса к косовской проблеме в мире СМИ часто утверждали, что С. Милошевич полностью упразднил автономию Косово и Воеводины. Между тем это не совсем точно. Были упразднены права двух автономных краев как субъектов федерации по Конституции 1974 г. Но даже тогда эти автономии рассматривались не как этнотерриториальные, а только как территориальные государственные образования. Такой подход сохранился и в Конституции СРЮ, принятой в 1992 г. Необходимо также иметь в виду существенное различие ситуации в Воеводине и в Косово: население Воеводины полиэтнично: венгры, по переписи 1991 г., составляли только 16,9% населения, в то время как сербы — 56,8% при наличии других меньшинств. В Косово же в 90-х годах албанцы составляли если не 90%, то в любом случае подавляющее большинство населения[1]. Согласно Конституции 2006 г. Воеводина и Косово были провозглашены автономными краями в составе Сербии.

Происходившие и происходящие до сих пор в Косово события обычно называют косовским кризисом. Между тем этот кризис лишь

[1] Об изменении этнодемографического состава населения в Косово см., например: *Смирнова Н.Д.* Конфликт в Косово как часть «албанского вопроса» // Косово: международные аспекты кризиса. М.: Центр Карнеги, 1999, С. 91; *Cani B., Milivojević C.* Космет или Kosova. Beograd: NEA, 1996. S. 251–252.

часть и продолжение распада Югославии как многонационального государства, начавшегося в 1990–1991 гг. Первым его этапом были войны в Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговине, закончившиеся обретением этими государствами полной независимости, а также мирный выход из состава СФРЮ Македонии. Второй этап распада не только затронул образованную в 1991 г. СРЮ, или «третью Югославию», состоящую из двух равноправных республик — Сербии и Черногории, но и поставил под вопрос территориальную целостность самой Сербии.

На территории Сербии (помимо албанцев, населяющих в основном Косово) проживают представители многочисленных национальных меньшинств: венгры, словаки, румыны, цыгане, хорваты, македонцы, словенцы, мусульмане, болгары, русины, украинцы, турки и некоторые другие[1]. Одни проживают относительно компактно и даже составляют большинство в определенных районах, другие расселились по всей территории Сербии. Их попытки утвердить свои права привели к поэтапно развивавшему ся кризису Сербии как полиэтничного в своей основе, но унитарного и централистского государства.

Каждая из областей Сербии имеет свои особенности исторического и экономического развития и традиции межэтнических взаимоотношений. Достаточно упомянуть собственно Сербию, Косово, Воеводину, Санджак. Как считает директор Форума по изучению этнических отношений Душан Янич, необходимо признать тот факт, что Сербия не единообразна не только в национальном, но и во внутрирегиональном отношении[2]. Поэтому для дальнейших судеб Сербии обеспечение равных индивидуальных и коллективных прав людей разных национальностей имеет не меньшее значение, чем экономические реформы и смена политического режима. При этом проблема самоопределения албанского меньшинства имела и имеет свою специфику не только для Сербии, но и для Балканского региона.

Обострение ситуации в Косово стало в конце 80-х годов непосредственным толчком к началу распада СФРЮ. Именно здесь С. Милошевич развернул свою политическую кампанию, основанную на сербском этническом национализме. Он (точно так же, как это было в Хорватии) использовал столкновение двух национальных движений в процессе самоопределения. Со своей стороны лидеры албанского

[1] См.: *Мартынова М.Ю.* Этнические меньшинства в СР Югославии // Этнические проблемы и политика государств Европы. М.: Старый сад, 1998. С. 280–288.

[2] См.: НИН. Београд, 1999, 16.09.

национального движения в Косово решили воспользоваться сложившейся на рубеже 80–90-х годов ситуацией и попытаться добиться если не объединения албанских земель в одно государство, то хотя бы повышения статуса Косово как этнотерриториального образования в составе или СФРЮ, или реформированного государства.

Именно эти события позволили начинавшему свою стремительную карьеру Милошевичу развернуть политическую кампанию, основанную на сербском этническом национализме. В 1988–1989 гг. по его инициативе автономный статус Косово, как и другого автономного края — Воеводины, был изменен, урезаны их права на уровне югославской федерации. В новой Конституции Республики Сербии, принятой в 1990 г., в разделе, посвященном территориальному устройству, заново определялся статус автономных округов — Косово и Метохии, а также Воеводины. Оба эти образования получили лишь внутриреспубликанский статус и перестали быть субъектами государственных и политических отношений в рамках созданного после распада СФРЮ нового государственного образования — Союзной Республики Югославии (СРЮ). По сравнению с полномочиями автономий в рамках СФРЮ их права были сильно урезаны.

Партии, в большей или меньшей степени относившиеся к демократическому флангу сербской политики, не смогли противопоставить популистским и упрощенческим лозунгам националистов понятную и доходчивую программу действий. К ним относились Демократическая партия Сербии (ДПС) Воислава Коштуницы, Демократическая партия (ДП) будущего премьер-министра Сербии Зорана Джинджича и «Гражданский союз Сербии» (ГСС). Выход из создавшегося положения виделся им в срочном начале диалога всех сил, которые на законных основаниях участвуют в политической жизни Сербии и Югославии, включая и представителей албанцев, при условии их отказа от насилия.

Албанская же сторона считала сложившуюся ситуацию «исторической несправедливостью», допущенной по отношению к ним не только со стороны сербов, черногорцев и македонцев (в состав Черногории и Македонии входят территории, населенные албанцами), но и со стороны «великих держав», которые не допустили создания албанского этнического государства[1].

В 1990 г., в момент начала распада СФРЮ, политиками-косоварами (так называют себя жители Косово — албанцы по национальности) была принята Декларация о независимости. Первый пункт документа гласил, что он является актом конституционного самоопределения

[1] См.: Косово. Международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 127.

Косово в составе Югославии. Авторы Декларации, исходившие из факта существования СФРЮ (федерация распалась годом позже), провозгласили, что, «представляя Косово как независимое и равноправное образование в составе Югославии, возникшее на основании аутентичного принципа демократии — уважения воли людей и национальных коллективов, ожидают признания данного акта югославской Конституцией и полной поддержки со стороны югославской и международной демократической общественности». Косово объявлялось «конституционно-политическим образованием равноправных наций и граждан, в котором албанцы, будучи большинством, а также одним из самых многочисленных народов Югославии, так же как и сербы, и другие народы Косовы, считаются НАЦИЕЙ, а не меньшинством»[1].

Сравнительный анализ идеологии сербского и албанского национальных движений показывает, что практически невозможно было примирить две радикальные — великосербскую и великоалбанскую — программы, два антидемократических течения тоталитарного типа, так же как и поддержать одно из них.

Воеводина

Проблема статуса венгерского населения Воеводины — это еще одна, наряду с Косово, национальная и региональная проблема Сербии, напрямую связанная с межгосударственными отношениями и послевоенным урегулированием, имеющая не внутриюгославский, а региональный и даже в некотором смысле европейский характер.

Воеводина — второй автономный край Сербии, где компактно проживают национальные меньшинства. Этническая картина и социальная ситуация в Воеводине существенно изменилась после наплыва сербских беженцев из Хорватии, Боснии и Герцеговины, а позднее и из Косово. По приблизительным данным, число беженцев-сербов в Воеводине составляет несколько сотен тысяч человек. Все это изменило структуру и численное соотношение между проживавшими в Воеводине национальностями и усилило социальную напряженность. Отношение в крае к беженцам, несмотря на все разговоры о едином сербском народе и общенациональных интересах, по меньшей мере сдержанное, поскольку из-за войн и общего экономического кризиса для них нет ни работы, ни жилья.

---

[1] *Cani B., Milivojević C.* Космет или Kosova. S. 267. Также см.: *Judah T.* The Serbs History, Myth & Destruction of Jugoslavija. 2nd ed. New Haven; L.: Yale University Press, 2000. P. 345.

С другой стороны, из-за переселения в Хорватию в крае наблюдается резкое уменьшение численности хорватов (по некоторым данным, в 3 раза). Сократилось и венгерское население, особенно за счет молодежи, которая стремилась не только найти работу на этнической родине, но и избежать мобилизации в Югославскую народную армию для войны в Косово[1].

Отмена С. Милошевичем федеративного статуса автономного округа в 1988–1989 гг. в Конституции Сербии 1990 г.[2] отрицательно сказалась на отношении всех жителей Воеводины, независимо от национальной принадлежности, к Белграду, а начавшаяся централизация в течение всех последующих лет вызывала по меньшей мере скрытое, а все чаще и открытое недовольство. Межэтнические отношения в Воеводине не достигли той степени напряженности, как в Хорватии, Боснии и Герцеговине или Косово. Представители меньшинств, в том числе и венгерского, — лояльные граждане СРЮ, участвующие в политической и государственной жизни. Тем не менее с самого начала 90-х годов наблюдался подъем автономистского движения венгров Воеводины, которые выступают за предоставление особых автономных прав венгерскому меньшинству. Важным шагом в этом направлении стало принятое 20 августа 1999 г. «Соглашение о политических и правовых рамках автономной Воеводины и автономии национальных общностей в Воеводине», которое вызвало весьма резкую реакцию в сербской печати. По своей идеологии оно восходило к обнародованным еще в 1992 г. документам — «Декларации Воеводины» и «Меморандуму о Воеводине». Авторы первого документа назвали этот край «современным европейским регионом», имеющим статус автономной провинции, которая является «частью Республики Сербии и Югославской ассоциации», а второго — «конфедеративным союзом, равным другим объединениям в пределах конфедеративной Сербии»[3]. «Декларация» и «Меморандум» были подписаны в городе Суботица от имени трех национальных партий воеводинских венгров — Союза венгров Воеводины[4], Демократического сообщества венгров Воеводины и Гражданского движения венгров Воеводины. Все они входят в Национальный совет венгров Воеводины.

---

[1] См.: *Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 281, 295, 298.

[2] См.: Устав Републике Србије. Београд, 1992. С. 30–31.

[3] См.: *Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 297. Также см.: Memorandum on the Self-Government on Hungarians in the Republic of Serbia. Budapest, 1992.

[4] См.: Individualna i kolektivna prava manjina. Beograd, 2001. S. 173–196; Manjine i izbeglice u Vojvodini. Beograd, 2001.

Три другие партии, входившие в правительство, — Демократическая партия венгров Воеводины, Христианско-демократическое движение и Христианско-демократическое объединение критиковали Соглашение 1999 г. за недостаточную последовательность и расценили его как манипуляцию общественным мнением со стороны как Национального совета, так и правящих в Белграде партий. Документ предлагался для подписания правительствам СРЮ, Сербии и Воеводины. Авторы Соглашения подчеркивали, что, поскольку реально существуют и признаются исторические особенности Воеводины как «мультиэтничной и поликонфессиональной области», необходимо урегулировать проблему ее статуса. Соглашение утверждало, что конституционный статус Воеводины должен базироваться на полном уважении равноправия граждан, а национальным общностям в Воеводине должно быть обеспечено право принимать решения о сохранении языка и культуры, а также по другим вопросам сохранения своей идентичности. Это право обеспечивалось бы на трех уровнях — путем персональной, региональной и территориальной автономии[1].

Применение принципа регионального самоуправления общин с преобладанием этнически однородного населения создало бы условия для «развития национальной идентичности венгерской общности» в автономном крае Воеводина. Предусматривалось также, что каждая этническая общность создает свою местную полицию, национальный состав которой должен соответствовать национальному составу населения общины. Ее компетенция и права должны были регулироваться законом.

Реакция с сербской стороны была довольно резкой. Еженедельник «Прелом», назвав лидера правых в Венгрии Иштвана Чурку «венгерским Шешелем», обвинил Венгерский национальный совет в том, что он хочет осуществить призыв этого политика к отделению от Сербии части северной Воеводины по линии Сомбор–Србобран–Кула– Бечей–Кикинда. Автор статьи подчеркивал, что «Косово тоже начиналось со сборников академических исследований»[2].

Небезынтересно отметить, что, резко выступая против «кантонизации» в Воеводине, сербская сторона в Косово предлагала создание сербских кантонов и Сербского национального совета во главе с епископом Артемием. Это, естественно, вызвало резко негативную реакцию албанской стороны.

Председатель Союза венгров Воеводины Йожеф Каса, защищая Соглашение 1999 г. от нападок оппонентов как с венгерской, так

---

[1] См.: Прелом (Нови Сад). 01.09.1999.

[2] Прелом. С. 3. Также см.: Nedeljni dnevnik (Novi Sad). 1999. 10.IX.

и с сербской стороны, подчеркнул, что венгры Воеводины «хотят жить в этом государстве (т.е. в Югославии. — *Авт.*), но не в качестве граждан второго сорта». Он отверг предположения о том, что Союз поддерживает идеи И. Чурки о присоединении упомянутой северной части Воеводины к Венгрии. От этих предложений отмежевались и все политические партии в самой Венгрии[1]. При этом Будапешт, защищая планы венгров по переустройству Воеводины, подчеркивал, что такого же рода статусом обладают национальные меньшинства в Венгрии, и ссылался на Закон о правах национальных и этнических меньшинств, принятый в 1993 г.[2] Венгерское правительство также неоднократно подчеркивало, что оно выступает за территориальную целостность Югославии, включая сохранение не только Воеводины, но и Косово в ее составе.

Межэтническое согласие и демократическое урегулирование этнических и региональных проблем были невозможны в государстве, где находившийся у власти до 2000 г. режим стал главным виновником войн последних лет. Война возвращалась туда, где она зародилась. Под вопросом оказались мир и межнациональное согласие, да и территориальная целостность не только Югославии, но и самой Сербии. Поэтому поиск демократической программы урегулирования межэтнических и региональных противоречий был и остается одной из важнейших задач сербских демократических партий.

Черногория на перепутье

После распада СФРЮ и вхождения Черногории в 1992 г. в состав СРЮ в качестве полностью равноправной республики у черногорцев активизировался рост национального самосознания. Все большее число рядовых жителей стали страдать от экономической и социальной политики С. Милошевича, от его внешнеполитических авантюр, приведших к изоляции Югославии от остального мира.

Часть черногорских политиков выступали против «этнических чисток» в Косово, за достижение соглашений на переговорах в Рамбуйе. В 1999 г. правительство Черногории отказалось ввести военное положение, разорвать дипломатические отношения с США, Германией, Францией и Великобританией, как это сделал Белград, создало собственную таможню, установило безвизовый режим въезда для граждан

[1] См.: Прелом. 1999. С. 9.

[2] См.: Факты о Венгрии (Будапешт). 1994. № 3.

стран Западной Европы, приняло албанских беженцев, изгнанных сербскими войсками из Косово, призвало черногорцев игнорировать призыв в югославскую армию. Однако, несмотря на критику политики Милошевича и его режима, руководство Черногории, так же как и официальный Белград, выступило против такого решения косовской проблемы, которое предоставило бы Косово статус третьей республики в составе СРЮ.

Несмотря на явное стремление Черногории дистанцироваться от политики Сербии, в 1999 г. самолеты НАТО по военным соображениям бомбили и Черногорию, поскольку на ее территории находились военные объекты ЮНА. Это был очень опасный момент, поскольку бомбардировки могли усилить у проживавших там не только сербов, но и черногорцев настроения в поддержку С. Милошевича. А это могло бы привести к межэтнической и гражданской войне, способной распространиться и на территорию Сербии.

Свой вклад в ослабление югославской федерации при возможном отделении Черногории внесла и спровоцированная С. Милошевичем идея создания союза России, Белоруссии и Югославии. Черногорский лидер М. Джуканович тогда заявил, что в случае осуществления этой авантюры и «обмана сербского и русского народов» С. Милошевичем Черногория сразу вышла бы из состава СРЮ. Отвечая на упреки официального Белграда в том, что в случае отделения Черногории Сербия потеряет Косово и утратит выход к морю, черногорские политики отвечали, что эти опасения безосновательны. Почему, спрашивали они, Черногория должна быть многолетним заложником политики Сербии в Косово? И отвечали: все дело в том, что позиция властей в Белграде опирается на великосербские амбиции, которые приведут страну к катастрофе.

Власти Черногории еще в 1999 г. предложили провести референдум, на который будет вынесен вопрос об окончательном выходе из Югославии. Но, во-первых, тогда не было никакой гарантии, что большинство жителей Черногории проголосовало бы за выход из СРЮ. Результаты опроса общественного мнения в июле 1999 г. показали, что 49% респондентов выступали против разрыва с Сербией и только 39% — за.

Во-вторых, отделение Черногории в период нахождения Милошевича у власти могло привести к гражданской и межэтнической войне по типу войны в Хорватии, с попыткой отделения от Черногории ее северной части, где проживает значительное количество сербов и сильны просербские настроения.

Наконец, и государства Западной и Центральной Европы, а также США, о чем свидетельствуют прозвучавшие в сентябре–октябре

1999 г. высказывания их политических лидеров и высших чиновников, во время визита М. Джукановича в Вашингтон, отнюдь не стремились тогда к выходу Черногории из СРЮ.

В октябре 1999 г. М. Джуканович и его коллеги приняли решения, которые имели далеко идущие последствия. Немецкая марка была объявлена параллельной валютой на территории Черногории (экономически эта мера была необходима для того, чтобы смягчить последствия инфляции в Сербии и полного краха «экономики по Милошевичу», а политически — чтобы не дать задушить себя Милошевичу чисто финансовыми мерами, например печатанием и «вбрасыванием» в Черногорию «пустых» динаров), а также был создан Национальный банк Черногории. Проект введения собственной валюты был разработан под руководством советника Джукановича по финансовым вопросам Стива Хенке, который стал известен как один из авторов схожей реформы в Боснии и Герцеговине, а также в Болгарии. В соседнем государстве слабая национальная валюта была вначале заменена сначала немецкой маркой, а затем приравненной к ней боснийской[1]. Скупщина Черногории приняла и закон об установлении собственного гражданства, без связи с гражданством СРЮ. Были одобрены и другие меры, направленные на ограничение зависимости Черногории от Сербии и федерации.

Четырнадцатого марта 2002 г. было подписано соглашение о преобразовании СРЮ в Государство (Союз) Сербии и Черногории. По итогам состоявшегося 2 мая 2006 г. референдума была провозглашена независимость Черногории, что подвело черту под целой исторической эпохой. Общее государство южных славян и как идея, и как ее воплощение перестало существовать. Это еще раз доказало несостоятельность попыток создания государственности на основе прежде всего или же исключительно этнокультурной близости народов.

Санджакский треугольник[2]

По мере обострения межэтнических противоречий в СФРЮ, а затем, после ее распада, в СРЮ постепенно вышел на поверхность и «мусульманский вопрос». Причем после создания независимого государства Босния и Герцеговина эта проблема превратилась из внутригосударственной в межгосударственную, оказывающую дестабилизирующее

[1] См.: Коммерсант-Daily. 1999. 2 ноября.

[2] Санджак — историческая территория с мусульманским населением. Частично входит в состав Сербии, частично — Черногории.

влияние на ситуацию и на постюгославском пространстве, и в Балканском регионе в целом.

В 1991 г. по инициативе мусульманской Партии демократического действия Санджака (ПДД) было создано Мусульманское (Босняцкое) национальное вече Санджака. В Конституции СРЮ 1992 г. мусульмане были причислены к национальным меньшинствам, что дало их лидерам возможность говорить о том, что этот народ в новой Югославии более не считают нацией, как это было согласно Конституции СФРЮ 1974 г. Это привело к радикализации национального движения мусульман, что, в частности, выразилось в принятии в 1993 г. «Меморандума о предоставлении особого статуса Санджаку». Он был тут же запрещен белградскими властями как «разжигающий национальную рознь»[1].

По мере развития косовского кризиса и общего кризиса югославской и сербской государственности проблема Санджака как региона и мусульман как этнической общности встала в полный рост, став еще одним камнем преткновения между Белградом и Подгорицей.

Черногорская печать подчеркивала, что проблема Санджака могла быть использована режимом С. Милошевича для того, чтобы ослабить Черногорию, свести ее территорию до небольшого региона и тем самым растворить в Сербии. Эта тревога была вызвана тем, что Национальное вече Санджака (председателем которого являлся Сулейман Углянин, подписавший Меморандум 1993 г.) 19 июля 1999 г. приняло «Декларацию о праве босняков на политическое и национальное равноправие» и «Меморандум об автономии Санджака и особых отношениях с Боснией и Герцеговиной». Эти документы, наподобие меморандумов венгров Воеводины, были направлены государственным учреждениям Югославии, Сербии и Черногории с предложением высказаться по затронутым проблемам. «В особенности мы ожидаем, что власти Черногории, провозгласившие себя демократическими и европейски ориентированными, — а наша Декларация и Меморандум полностью соответствуют европейским принципам и пониманию демократии, — примут наши предложения. Мы полагаем, что с Черногорией будет легче согласовать позиции и быстрее придти к наилучшим решениям»[2], — заявил в интервью черногорскому еженедельнику «Монитор» другой мусульманский политик, председатель

---

[1] См.: Memorandum o uspostavljanju specijalnog statusa za Sandžak. Novi Pazar. Jun 1993; Individualna i kolektivna prava manjina, S. 163–172; *Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 298–300.

[2] Monitor (Podgorica). 1999. 17 septembar.

Международного демократического союза Харун Хаджич. По мнению инициаторов Декларации и Меморандума, автономную область Санджак с особым статусом в СРЮ должны были войти территории общин, где большинство населения составляют мусульмане[1].

Авторы этих документов ссылались на проведенный среди мусульманского населения Санджака 27 октября 1991 г. референдум. На него был вынесен вопрос: «Выступаете ли Вы за автономию Санджака с правом присоединения к одной из республик?» Как утверждают сторонники «автономизации», большинство голосовавших ответило утвердительно. Но в Черногории считают, что при этом была проигнорирована воля людей других национальностей.

Многие сербы и черногорцы задавались вопросом: почему Сербия и Черногория должны отречься от своих прав и своего суверенитета ради автономии мусульман Санджака? В ответ партии, входившие в вече Санджака (в этом их позиция перекликалась с аргументацией Национального совета венгров Воеводины), спрашивали: «Почему босняки-мусульмане должны занимать подчиненное положение по сравнению с сербами и черногорцами?» Но так же как и национальные движения других народов региона, национальное движение мусульман Санджака исходило из единого для всех националистов принципа «одна нация — одна территория — одно государство», понимая «равноправие» исключительно как коллективное право этнической общности на создание своего унитарного государства и отвергая общегражданское равноправие, не зависящее от этнической принадлежности.

Любопытно, что даже С. Милошевич и тогдашнее правительство СРЮ, обычно очень резко и болезненно реагировавшие на любые проявления «национализма» и «сепаратизма», передали Меморандум на рассмотрение комиссии по конституционным проблемам Скупщины СРЮ. Данное предложение не было отвергнуто с порога, как это случилось с предложениями Черногории и венгров Воеводины. С другой стороны, государственные СМИ Сербии замалчивали сам факт существования Меморандума.

Македония: между македонским и албанским вопросами

Развитие событий в Македонии представляет собой еще один пример конфликтного варианта развития национального самоопределения

[1] Ibid. S. 15. См. также: *Мартынова М.Ю.* Указ. соч. С. 283–284.

разных народов, издавна совместно проживающих на одной территории. Исторически Македония стала средоточием устремлений сербского, болгарского и греческого национализма, а позднее — узлом противоречий между Балканскими государствами, обретшими независимость.

Связанные между собой и фактом вхождения в югославское государство (1918–1992), и некоторыми стадиальными характеристиками социального и политического развития, а также историческими задачами (модернизация, формирование гражданского общества и демократической политической системы) и современными проблемами (экономическая отсталость, коррупция, безработица, межэтнические противоречия и т.д.), эти три кризисные точки различаются между собой условиями и причинами возникновения этнополитических конфликтов, каждый из которых имеет свои формы и темпы развития, а также соответственно формы, методы и темпы урегулирования.

Становление первого в истории независимого македонского государства с января по ноябрь 1991 г. явилось одновременно и составной частью распада СФРЮ. Первым шагом стала принятая в январе Декларация о суверенитете Республики Македонии, вторым — проведенный в сентябре референдум, третьим — принятая в ноябре Конституция. По мере прохождения этих этапов выявлялись и политические, и межнациональные противоречия.

Декларация о суверенитете Республики Македонии была 25 января 1991 г. *единогласно* принята депутатами Собрания (парламента). За нее независимо от их партийной и национальной (в стране в тот период насчитывалось 17 партий) принадлежности проголосовало 120 народных представителей. Восьмого сентября на референдум о независимости был вынесен вопрос: «Выступаете ли Вы за создание суверенного и независимого государства Македонии с правом вступления в союз суверенных государств Югославии?» Положительно на него ответили 72% общего количества избирателей (или более 95% числа участвовавших в референдуме). С правовой точки зрения референдум имел не определяющий, а консультативный характер. Однако уже тогда начали обостряться отношения между македонцами и албанцами: албанское население, составлявшее в тот момент примерно 22%, бойкотировало референдум.

Конституция 17 ноября 1991 г. была принята уже отнюдь не единогласно — лишь 92 голосами из ста двадцати. Депутаты от албанского меньшинства выступили против, поскольку не были учтены их требования, — они хотели быть конституционным элементом македонского государства вместе македонцами и выступали за провозглашение

албанского языка наравне с македонским официальным языком, т.е. добивались фактической федерализации страны.

Кризисная ситуация в Македонии вновь поставила в повестку дня обсуждение «албанской проблемы». Новый виток албано-славянского противостояния возник теперь уже на территории Македонии, где противоречия между этническими группами населения ранее были не столь очевидными, как на территории Косово. И хотя албанские партии поддержали в начале 90-х годов процесс обретения Македонией независимости, это не помешало албанским радикальным группировкам организовать в январе 1992 г. референдум, в ходе которого 90% албанского населения высказалось за выход населенных албанцами западных районов из состава Македонии.

В ноябре 1998 г., после победы на выборах Демократической коалиции и прихода к власти администрации Б. Трайковского — Л. Георгиевского, представителям Демократической партии албанцев в правительстве было предоставлено одиннадцать министерских портфелей. В то же время демократическая администрация Македонии отказалась признать албанцев «второй государствообразующей нацией» и предоставить им территориальную автономию. При этом учитывалось, что албанское население проживает в приграничных с Косово и Албанией северо-западных районах страны, а после обострения конфликта в Косово его удельный вес возрос с 25 до 40%. В самой же Албании, по некоторым данным, проживает более 40 тыс. македонцев, не имеющих ни территориальной, ни какой-либо иной автономии.

В середине ноября 2001 г. Собрание Македонии подавляющим большинством голосов (94 против 13) приняло дополнительные поправки к Конституции, существенно расширяющие права албанского меньшинства. По оценкам ряда международных экспертов, это были «неправомерные уступки во имя мира», но и они не являются гарантией предотвращения новых вооруженных столкновений. Тем, кто развязал в стране межэтнический конфликт, необходимо продолжение войны как фактора расшатывания ситуации в Македонии и в регионе, а не как средство достижения «гражданских прав и свобод для албанского населения». Не случайной на этом фоне выглядела позиция тогдашнего президента Македонии Бориса Трайковского, считавшего необходимым возвращение в страну миротворческой миссии ООН, завершившейся в 1999 г. непосредственно перед началом операции НАТО против Югославии.

События в Македонии 2001—2002 гг. поставили перед политиками, дипломатами и учеными множество проблем. В какой мере конфликт имеет собственные, внутримакедонские причины или корни?

Будет ли возможное предоставление албанцам в Македонии как этнической общности иного политического статуса уступкой радикальному этническому национализму или станет фактором укрепления демократии и полиэтничного общества? Приведет ли федерализация или автономизация к сохранению и укреплению Республики Македонии и, следовательно, к региональной стабильности, либо к ее распаду и дальнейшему усилению межэтнических конфликтов, рискующих в любой момент превратиться в межгосударственные? Являются ли, наконец, эти события частью продолжения кризиса, связанного с процессом распада СФРЮ, или началом нового самостоятельного кризиса, имеющего общебалканское, региональное измерение?

События в Македонии и на ее границах имеют несколько причин. Это и результат внутреннего развития межэтнических отношений во впервые созданном в 1991 г. независимом государстве. Это и последствия распада СФРЮ, социалистической Югославии. Развитие событий в Македонии представляет собой еще один пример конфликтного варианта национального самоопределения двух народов, издавна совместно проживающих на одной небольшой территории.

Для Македонии после ее образования в качестве независимой республики главными проблемами стали: конфликт с Грецией по поводу официального названия страны; плачевное состояние экономики, о чем красноречиво говорит, например, тот факт, что в 1998 г. из-за неуплаты своевременно взноса в ООН в сумме 90 тыс. долл. США она была лишена права голоса в этой международной организации, и не в последнюю очередь «албанский вопрос». В 90-х годах ее быстро растущее албанское меньшинство выдвинуло требование о признании албанцев в качестве «второй государствообразующей нации» и о предоставлении им территориальной автономии. Учитывая тот факт, что албанское население проживает в приграничных с Албанией районах, а также имеет перед глазами пример Косово, македонское правительство отказалось удовлетворить эти требования.

В сложившихся условиях правительство Македонии согласилось на размещение на ее территории воинских подразделений ООН — UNPREDEP (U.N. Preventive Deployment), укомплектованных в основном военнослужащими США и Скандинавских стран. Вопрос о пребывании «голубых касок» в Македонии и об их численном составе становился неоднократным предметом обсуждения на международном уровне. В апреле 1997 г. Совет Безопасности ООН в связи с беспорядками в соседней Албании и их возможным воздействием на албанское население Македонии единогласно отклонил ранее

принятую резолюцию об их сокращении[1]. Однако в феврале 1999 г. вопрос о продлении мандата UNPREDEP был заблокирован Китаем, после того как Македония установила дипломатические отношения с Тайванем.

Свою роль в нынешнем подъеме албанского радикального национализма сыграла политика стран НАТО, вмешавшихся в ход событий и стремившихся найти так называемое простое и быстрое решение очень сложных проблем, поддержавших радикальные силы в албанском национальном движении в противовес режиму С. Милошевича. После окончания косовского кризиса 1999 г. главной проблемой для руководства Македонии стало поддержание целостности республики и сохранение мира. Для сохранения стабильности и территориальной целостности необходимо, с одной стороны, воспрепятствовать распространению воинствующего национализма, а с другой — оказать максимальную поддержку тем силам в среде балканских народов, в первую очередь среди албанцев Косово, Южной Сербии и Македонии, которые понимают опасность создавшейся ситуации и смогут стать гарантом стабильности.

Некоторые итоги

При анализе событий, связанных с распадом Югославии, необходимо различать основные составляющие конфликта, каждая из которых имеет свою особую сущность и исторический смысл: кризис югославского государства в принципе, кризис его данной исторической формы — этнотерриториальной федерации, каковой была Социалистическая Федеративная Республика Югославия, ее распад и, наконец, последовавшую затем войну между государствами — ее наследниками, а также конфликты и внутри самих этих государств, которые представляют собой форму национального самоопределения на данном историческом этапе.

Эти принципиально разные по своей сути явления, к сожалению, часто рассматриваются либо как нечто единое, либо как стадии или формы одного процесса, с фатальной неизбежностью сменявшие одна другую. Но кризис конца 80–90-х годов не вел неминуемо к распаду, а принципиальная историческая неизбежность распада СФРЮ не означала исторической неизбежности военного пути обретения национального самоопределения. Возможность избежать войны после распада единого государства теоретически существовала. Хотя это во-

[1] См.: Keesing's Record of World Events. 1997. Vol. 43. No 2. P. 41506.

все не означает, что война не имела причин, коренившихся в далеком и не очень далеком прошлом. Но национальные движения словенцев, хорватов и мусульман-босняков, а также власти Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины не ставили изначально задачи обретения национального самоопределения и государственной независимости именно военным путем.

В 60–70-х годах XX в. процесс самоопределения народов Югославии, в первую очередь южнославянских, затрагивал в основном этнокультурную и конфессиональную стороны национального сознания. В 80–90-х годах он приобрел ярко выраженный экономический и политический характер. Одна из основных причин кризиса и распада Югославии — процесс самоопределения этнических общностей этого государства: хорватов, словенцев, боснийских мусульман и др. Причина войны, т.е. того, что процесс самоопределения стал осуществляться военным путем, заключается в том, что распад единого государства означал самоопределение не только несербских народов, но и бывшей государствообразующей нации-национальности — сербов.

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полиэтничному государству независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории — в новой форме. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией в полиэтничном государстве. А усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления несербских народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведет к утрате широкой полиэтничной социальной базы государства, к его развалу. Вместе с тем этническая общность не может быть субъектом государственного права, она не может составить фундамент государства, заменить собой полиэтничное гражданское общество. Опыт показывает также, что развитие полиэтничных и многонациональных государств с этнически родственным составом населения подчиняется тем же закономерностям, что и у государств, в которые входят народы, этнически далекие друг от друга.

Существенное воздействие оказали и внешние факторы: система международных отношений Версаль–Потсдам–Хельсинки изжила себя, столкнувшись с противоречием между процессами национального самоопределения и необходимостью сохранения существовавших государственных границ. Изжила себя и прежняя система блоков

и глобального противостояния времен «холодной войны», в которой Югославия играла роль буфера и посредника.

Кровавый распад Югославии — результат не только внутреннего развития этого государства и межнациональных отношений в нем. События начала 90-х годов являются следствием европейской истории, результатом воздействия «внешнего фактора», проявлявшегося как в форме межнациональных отношений в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы, так и в развитии межгосударственных отношений в Европе и во всем мире.

Распад Югославии был обусловлен столкновением в процессе национального самоопределения национальных движений разных, хотя и этнически родственных народов, проживавших в одном государстве. Причины того, что процесс национального самоопределения стал осуществляться военным путем и превратился в серию межгосударственных конфликтов, состоят в отсутствии полиэтничного гражданского общества, наличии конфликтной идеологической и психологической традиции (как социальной, так и национальной) и отсутствии «консенсусной» политической культуры, единого рынка и заинтересованности в нем.

Можно выделить несколько общих характеристик югославского конфликта. Во-первых, это межэтнический конфликт, имеющий свои глубокие исторические корни. Его субъектами являются этнические общности (народы): хорваты, сербы, боснийские мусульмане, словенцы, македонцы, албанцы, венгры, менее многочисленные этнические группы, проживающие на территории распавшейся Югославии. Все они, даже не будучи вовлечены в непосредственную вооруженную борьбу, втянуты в конфликт и играют в нем свою роль.

Во-вторых, по своему характеру этот конфликт был и гражданской войной, войной посткоммунистических режимов против народа (в социальном значении этого слова). После распада СФРЮ в новых независимых республиках у власти оказались люди тоталитарного мышления и политической культуры. Справедливости ради надо сказать, что тоталитарная идеология и психология пока еще господствуют и в сознании значительного большинства населения.

В то же время либеральная, демократическая оппозиция долгое время была очень слаба, малочисленна и раздроблена. Именно отсутствие единой демократической оппозиции, представляющей реальную политическую альтернативу, ее изолированность от слабого антивоенного движения как в границах всей Югославии, так и в каждой республике и стали одними из причин трагедии, разыгравшейся на постюгославском пространстве.

Часть II. ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Глава 3. Сходные черты и противоречивость культурно-исторического развития

Балканская специфичность

Мы старались, мы правда очень старались,
но мы не поняли друг друга. Да и не могли понять,
нам не позволяли различия наших культур.
Моя культура плюралистическая,
полифоническая, диалогическая; его — единая,
монологическая, однородная[1].

Так современный боснийский писатель Джевад Карахасан описал в своем романе «Центр мира», какие трудности он встретил в попытках передать французскому собеседнику всю глубину и драматичность своего страдания. С одной стороны, его гость, образованный и чуткий человек, готовый разделить трагедию боснийского народа и города Сараево, стремился в материальном, бытовом, можно было бы даже сказать «физическом» плане искать следы страдания и гонений, которым подвергался город с 1992 г., когда верные Радовану Караджичу люди начали одну из самых долгих осад в истории последнего времени. С другой стороны, Карахасан старался перевести внимание собеседника (имени которого он нигде не называет) на духовное, культурное опустошение, на пустоту в душе, вызываемую

[1] *Karahasan D.* Il centro del mondo. Milano: Il Saggiatore, 1995. P. 78.

войной. Для одного страдания заключались в ранах (в том числе смертельных), наносимых телам людей, в том, что трудно было достать еду и все необходимое, в отсутствии «нормальной» жизни. Для другого самым неприемлемым в этой войне, самым горьким и мучительным были жестокие и слепые атаки на культуру, на искусство, на тысячелетнюю историю сосуществования и переплетения цивилизаций. Разговор этот, как он описан у Карахасана, зашел в тупик, потому что французский гость не понимал, что это страдание отличается от того, что он ожидал, что предполагал найти.

Хорошо известно, что Сараево веками было местом встречи многих народов, трех религий и двух конфессий. Город этот, подобно Иерусалиму, расположенный на перекрестке средиземноморских цивилизаций, быстро стал великой столицей европейской культуры, тоже *«плюралистической, полифонической и диалогической»*. Его основная характеристика — сочетание различных культур — позволила ему сохранить сильную идентичность своей культуры и в то же время слить ее с другими, в готовности признать важность и обоснованность культуры другого.

Подобный подход был подвергнут опасности в 90-х годах, когда война, в сущности, стремилась отдалить людей от традиции их цивилизации. Удаление это было навязано «физически», путем исхода сотен тысяч беженцев и переселенцев. Но оно проявилось и духовно, и самым очевидным его знаком стало долгое молчание самых живых и отзывчивых представителей интеллигенции, наиболее открытых европейскому культурному обмену, после начала югославского конфликта, с того далекого уже 25 июня 1991 г. К этому прибавилась утечка мозгов из югославского культурного пространства, дезертирство и бегство за границу молодежи (особенно с высшим образованием), резкое обеднение технологического и интеллектуального достояния всех государств бывшей Югославии.

Общество было настолько потрясено войной, что трагический счет человеческих потерь, вызванных военными столкновениями, отяготился психологической депрессией многих людей. В одной только Словении, лишь частично затронутой конфликтом, сотни людей прибегли к психиатрической помощи, пытаясь приспособиться к действительности, слишком сильно отличавшейся от их представлений и ожиданий. Значительно более опустошительным, в том числе и в этом аспекте, стало влияние войны на гражданских лиц Боснии и Герцеговины, потребность которых в психологической и психиатрической помощи не имеет прецедентов в прошлом и недостаточно удовлетворяется в рамках международной помощи.

Ненависть — вызываемая тысячью разных способов: насилием, жестокостью, изнасилованиями, принудительным изгнанием населения из домов и деревень, разрушением всех памятников, напоминающих о присутствии «другого», — стала основным орудием в успехе политического замысла, имеющего цель нанести решающий удар по балканской *специфичности*.

Так в чем же состоит эта *специфичность*? Множество интеллектуалов в югославских республиках и за рубежом в течение 90-х годов упражнялись в попытках очертить различия традиций и цивилизаций народов Юго-Восточной Европы, чтобы объяснить причины «неизбежности» конфликта и «невозможности» сосуществования. Порой усилия эти были чисто пропагандистскими, порой приводили к значимым и заслуживающим уважения соображениям, к внешне убедительному и научному анализу, способному выявить в истории те черты цивилизации, которые могут показаться непримиримыми[1].

Но балканская *специфичность* не заключается ни в «принудительном сосуществовании», ни в «несовместимости культур», как пытается убедить нас поверхностная политическая мифология нашего времени. Напротив, она состоит в *чувстве одновременной принадлежности,* испытываемом каждым индивидуумом и каждой группой региона по отношению к двум различным большим *макросообществам*.

Первое из этих макросообществ совпадает с этнической принадлежностью. Оно образовано общностью языка, религии и культуры, определяющей основные черты и особенности каждой группы. И в этой сфере (этно)национальное государство стремится выделить условия своего существования в прошлом и будущем хотя бы ценой искажения в свою пользу истории и традиций народа.

Второе макросообщество имеет наднациональные черты и вследствие этого может пересекать несколько этнонациональных общин. Принадлежность к этому второму макросообществу определяется религиозными убеждениями (православных, католиков, мусульман, иудеев), происхождением из широких культурных ареалов (славянских, латинских, эллинских), общей традицией или скорее общей бытовой «основой», на что неоднократно обращали внимание балканские ученые и политики XIX и XX вв. Как писал в 1925 г. румынский историк Николае Йорга, история Юго-Восточной Европы может похвастаться «полным сходством стиля одежды, украшений, цвета домашней утва-

---

[1] См.: *Tuđjman F.* Bespuca povjesne zbiljnosti. Zagreb: Matica Hrvatska, 1990; *Pirjevec J.* La guerre jugoslave. Torino: Einaudi, 2001; *Meier V.* Yugoslavia. A History of Its Demise. L.: Routledge, 1999; *Cviic Chr.* Remarking the Balkans. L.: Pinter Publishers, 1991.

ри, архитектуры домов, обработки полей, существующих и доныне патриархальных поселений, музыки, организации идей и сентиментальной ноты»[1]. Для второго макросообщества характерны и общебалканские тенденции к централизованному государству, слабость буржуазии, особая роль сельской местности и деревенской культуры.

В последнее время, как показывают исследования, принадлежность к этому сообществу может определяться и причинами, связанными с полом, возрастом, экономическими интересами, продиктованными глобализацией и модой, художественными, музыкальными, спортивными пристрастиями.

Таким образом, на Балканах, как и во всей Юго-Восточной Европе, чувство принадлежности определяется существованием и переплетением обоих этих макросообществ.

И если верно, как часто говорят, что, сербы в большинстве своем православные, хорваты — католики, а албанцы — мусульмане, то верно и то, что можно быть, например, албанцами и православными; так же как сербами — католиками (в Дубровнике) и славянами; или же хорватами — славянами и протестантами; румынами — православными с латинскими корнями; болгарами — славянами и мусульманами; турками и христианами. Все эти идентичности, в свою очередь, принадлежат к «балканскому культурному пространству». Это оказывает влияние и на словенцев; хотя пропаганда Любляны это и отрицает, славянская культура не менее привлекательна, чем словенские «особенности».

В то же время глубокое соприкосновение с соседним миром, в чем-то иным, но в чем-то похожим, образовывало общий культурный и гражданский контекст Балкан. До недавнего времени путешественник, медленно едущий от Адриатического моря к Черному, с трудом заметил бы границы, настолько постепенным был переход из одной страны или области в другую. Чувство это было следствием одновременной принадлежности каждого жителя Балканского полуострова к нескольким макросообществам. В этом состояла и состоит *специфичность* Юго-Восточной Европы.

Распространение национализма как современной идеологии и политической практики с конца XVIII в. оказало разнородное влияние на Балканах, где региональная специфика характеризовалась (и характеризуется) сосуществованием двух макросообществ и множественной идентичностью. С другой стороны, как хорошо известно, и национализм имеет многочисленные истолкования, которые сложным образом переплетаются с жизнью региона, глубоко изменяющейся под

[1] *Iorga N.* Histoire des États Balkaniques jusqu'a 1924. Paris, 1925. P. 9–10.

влиянием экономических и социальных преобразований, вызванных модернизацией, индустриализацией и необходимостью преодолеть отсталость.

Вследствие всего этого со временем выстроилась сложная диалектика отношений, противопоставления и слияния, терпимости и фанатизма, долгого сосуществования и соперничества. Все это сосуществует на Балканах, содействуя проявлениям всех тенденций и коллективных настроений (и в то же время ограничивая их), сообразуясь с необходимостью определить территориальные, институциональные и политические ориентиры, наиболее действенные для проведения реформ и обеспечения развития.

Таким образом, новая история Юго-Восточной Европы представляет собой *синтез этого противоречивого процесса чередования импульсов к единству и разделению,* стремления включиться в европейские рамки развития. Это вовсе не чистый продукт бесконечного насильственного разложения, и знаковым является тот факт, что двести лет назад в регионе было всего пять государств (Австрия, Турция, Венеция, Дубровник и Черногория), в то время как сейчас их вдвое больше.

Для подтверждения всего этого достаточно вспомнить некоторые ключевые моменты недавней истории Балкан: революционные этапы XIX в., и далее эпоху империализма, двадцатилетие между двумя мировыми войнами, а затем и попытки построения этнических государств при распаде Югославии в 90-х годах.

Модернизация, борьба за реформы и геополитические изменения на рубеже XIX–XX веков

В первой половине XIX в., в особенности в 1848–1849 гг., войны и революции следовали одна за другой. Они заставили большую часть дунайской и балканской интеллигенции, ориентированной на свержение чужеземного господства — считавшегося неспособным к реформам, феодальным и отсталым — задуматься о том, как добиться политико-институциональных изменений, способных обеспечить одновременно мир и развитие, с учетом местного переплетения различных этнических групп.

Однако поражение революции 1848 г. и возникшие в связи с этим раздоры между народами, находившимися под властью Габсбургов, побудили тогдашних революционеров радикально пересмотреть свои планы будущего устройства Юго-Восточной Европы. В частности, тот факт, что хорваты участвовали в подавлении венгерской револю-

ции, глубоко поразил венгерского общественного деятеля Лайоша Кошута (1802–1894) и заставил его в годы ссылки в Турции изменить взгляды на стратегию освобождения своего народа. В своем меморандуме 1851 г. Кошут планировал союз с чехами, поляками, румынами и хорватами, но позже, когда ослабло его убеждение в прочности Высокой Порты, склонился к юго-востоку Европы, строя планы союза с румынами, хорватами и сербами, а также, возможно, с Черногорией и Боснией и Герцеговиной[1].

Румынский общественный деятель и публицист Николае Бэлческу (1819–1852) представил в Лондоне в 1850 г. аналогичный федеративный проект устройства Дунайского бассейна, объединявший Молдавию, Валахию, Бессарабию, Буковину, Сербию и Венгрию. Общим языком он избрал латынь, в те времена еще использовавшуюся венгерской администрацией.

В таком общем контексте и получил новый импульс политический проект *югославизма*. Уже в 1853 г. хорватский демократический публицист и политик И. Ткалац подчеркивал центральную роль сербов среди южнославянских народов[2].

Однако после объединения Италии наметился перелом. Миф об «освободителе» Пьемонте, созданный последовательно Сербией и Румынским королевством, нанес смертельный удар поиску компромиссов между неограниченным распространением «национального духа» и стремлением сохранить старые территориальные образования. В качестве альтернативы утвердилось стремление переосмыслить региональную геополитику путем преодоления старых имперских барьеров, чтобы интеграция народов Балканского региона привела к появлению новых форм объединения, отличных от унаследованных от истории: Австрия и Турция все больше представлялись «негосударствами», враждебными образованиями, которые надлежало разрушить.

Процесс объединения Италии оказал значительное влияние на умы и чаяния народов Юго-Восточной Европы. Сложилось убеждение, что Балканам угрожают аппетиты великих держав, поэтому Балканы должны быть единым пространством, иначе разгорится пожар на всем старом континенте. По одному из планов, южные славяне учреждали конфедерацию (понимаемую как союз государств), при этом Сербия и Болгария образовывали федерацию и имели общий парламент. Ал-

---

[1] См.: Tentatives de formation d'une confédération danubienne // Monde Slave. 1937.

[2] См.: L'Europa Centro-Orientale fra XIX e XX secolo. Milano: Vallardi, 1971; *Salvi B.* Il movimento nazionale e politico degli Sloveni e dei Croayi. Trieste: ISDEE, 1971.

банцы, турки и мусульмане получали специальный статус автономии, а Салоники и Царьград (Константинополь) объявлялись свободными городами. Столицей единого государства предлагалось сделать Призрен как место размещения балканского парламента[1]. По прошествии более чем ста лет чтение этих проектов представляется крайне своевременным, особенно если сопоставить их с дискуссиями в Европейском союзе, проникнутыми идеей «концентрических кругов» и усиленной кооперации, в попытке очертить дифференцированные пути процесса европейской интеграции для государств — членов ЕС.

Югославизм и балканский федерализм, хотя и интерпретировались по-разному революционерами того времени, были порождены своей эпохой и питались убеждением, что *только* перераспределение территорий вне старых имперских образований могло содействовать процессам реформ и модернизации.

Территориальные границы новых государств должны были определяться культурной общностью, основанной на некоторых приоритетах, например на языке. Неслучайно в XIX в., несмотря на массовую неграмотность, процветали попытки создания новых лексических, грамматических и литературных справочников и руководств с целью определить общее наследие будущих «национальных государств». Усилия Гая и Караджича по определению основ сербскохорватского языка и даже мечты об общем славянском языке от словенцев до болгар в сущности не отличались от трудов, предпринятых в новом Итальянском королевстве. В Италии диалект, на котором говорили между Сиеной и Римом, был принят в качестве общего языка для всей страны и утвержден в этом качестве благодаря новой системе обязательного начального образования и военному призыву.

Иными словами, мы хотим предложить сравнительный европейский подход к балканским событиям начиная с XIX в. Только так можно объяснить, каким образом внутренние стремления к преобразованиям и модернизации переплетались с внешними стимулами, побуждавшими как к переосмыслению источников легитимности государства (посредством замены божественной легитимности народно-национальной), так и к созданию основ для накопления, модернизации и нового равновесия сил между различными социальными слоями.

Полунезависимые балканские правительства, подверженные постоянному международному давлению, с трудом воспринимали (если не отвергали) идеи, исходящие, в частности, от демократических кру-

[1] См.: *Čubrilović V.* Istorija političke misli u Srbiji XIX veka. Beograd: Narodna Knjiga, 1982. P. 195–202.

гов, а местные и территориальные интересы только умножали поводы для столкновений между новорожденными государствами полуострова. Тем же революционерам (Кошуту, например) трудно было освободиться от идеи, согласно которой господствующая роль в процессе объединения и развития должна принадлежать одной нации, хотя бы и в рамках федералистских проектов.

Подобная смесь на деле приводила к двусмысленности: она способствовала «открытию» как объединяющего макросообщества (посредством славизма в самых разных его формах), так и этнического сообщества как формы сохранения и защиты культур и народов, в отношении которых бытовало мнение (так считал и Маркс), что они «не имели своей собственной истории»[1].

Иными словами, научные идеи быстро обрели политическое измерение, поскольку давали аргументы и/или поводы для рассмотрения главного вопроса того времени — модернизации и реформ.

Это побудило представителей нового поколения к поиску соотношения между развитием и социальными вопросами, смещению акцентов на освобождение угнетенных классов. Этому переходу содействовал и опыт Парижской коммуны, и рождение I Интернационала. Социализм в различных своих формах: утопической, марксистской и русской революционной — проник в Юго-Восточную Европу, придав новый импульс федералистским идеям.

Наиболее значительной фигурой среди социалистов был сербский философ и литературный критик Светозар Маркович (1846–1875), отвергший историзм как основу национального романтизма и увидевший в подобном подходе легитимацию австрийского гнета. Напротив, по мнению Марковича, лишь свобода народов может обеспечить им единство: с его точки зрения, необходимо было учитывать региональную взаимозависимость и осознавать, что только свобода соседних наций может обеспечить свободу Сербии. Таким образом, борьба за социальное раскрепощение обретала решающую роль для национального освобождения при учете экономических условий, общих для всего Балканского региона: реформированные деревенские общины могли бы стать основой для стабильной структуры, состоящей из коммун, округов и государств с перспективой федерации.

В свою очередь в Болгарии объединительные проекты разрабатывал социалист Христо Ботев (1848–1876). Как и у Марковича, в идеях Ботева социальные аспекты и формы крестьянского самоуправления

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Соч. М., 1957. Т. 6. С. 292.

играли важнейшую роль в планах образования общего государства болгар, сербов, албанцев, черногорцев и, возможно, греков.

В то же время процесс объединения государств Центральной Европы (Германии и Италии) сопровождался распространением ***автаркического*** ви́дения экономики, согласно которому нация должна производить достаточное количество благ для обеспечения пропитанием своего населения, а для достижения подобной цели она нуждалась в достаточных территориях и ресурсах. С одной стороны, такая установка вскрывала мощные экономические интересы, движущие национальным объединением, а с другой — содержала в зародыше причины неограниченной территориальной экспансии национального государства, как континентальной, так и колониальной (направленной за пределы Европы).

В балканской части Европы (как и во всей Восточной Европе) этот процесс сопровождался растущей неспособностью крупных империй проводить реформы. И если Австрия, потеряв контроль над Апеннинским полуостровом, сосредоточилась на внутренних проблемах и попыталась найти компромисс с венгерскими магнатами (австро-венгерский дуализм 1869 г.), то Турция с помощью реформ «танзимата» продолжала «идти в ногу со временем». Обе попытки потерпели крах. От «танзимата» пришлось, в конце концов, отказаться. В Австро-Венгрии в первые годы XX в. была предпринята последняя неудачная попытка построения системы, способной побудить народы оставаться в существующих династических рамках.

Таким образом, на Балканах открывался путь волне преобразований, которые, с точки зрения политических и культурных элит того времени, могли содействовать проведению реформ и преодолению отсталости, все больше воспринимавшейся как экономическое и социальное бремя. В этом контексте и должны были действовать маленькие Балканские государства, зажатые между личными амбициями своих правителей, региональными стремлениями к завоеваниям и/или к сотрудничеству, тенденциями развития Европы, входившими к тому же в конфликт с много- и межкультурной реальностью всего полуострова.

Период, предшествовавший Балканским войнам 1912–1913 гг., был в этом смысле весьма символичным.

Становилась очевидной как незрелость федералистских проектов, их несоответствие эпохе, так и трудности действий в этом направлении в узких временных рамках, навязанных надвигающимся империализмом. Несмотря на это, предпринимавшиеся действия не были напрасными, ибо исходили из правильного ощущения, что крах старых

империй может привести к бесчисленным войнам, если с понятием самоопределения народов (появившимся тогда на политическом горизонте) не будет связана федералистская перспектива. Таким образом, эти действия пробудили умы и помогли подготовить почву для рождения в 1912 г. первого Балканского Союза.

Переломный момент в региональных отношениях произошел несколькими годами ранее, после аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины. Тогда сербы осознали, что только межбалканская общность может стать действенным препятствием на пути австрийцев к Эгейскому морю. Получив поддержку от России и воспользовавшись началом итало-турецкой войны, Белград начал переговоры с другими балканскими столицами о заключении военного соглашения. В начале 1912 г. был подписан договор с Болгарией. Осенью к нему присоединилась Черногория, а Греция, в свою очередь, заключила соглашение с Софией. Фактически тогда впервые родилась балканская система союзов, стремившаяся воплотить лозунг «Балканы для балканских народов».

Безусловно, не эту цель ставили перед собой Россия, Италия и Великобритания, когда содействовали этому союзу, стремясь сдержать австрийскую экспансию. Однако изменить что-то было уже поздно: нападение маленькой, но воинственной Черногории на Турцию, вмешательство Сербии, Греции и Болгарии и быстрое поражение османской армии в октябре–ноябре 1912 г., казалось, подтверждали укрепление солидарности между государствами Юго-Восточной Европы, выходившей из-под контроля великих держав. Однако, как известно, вскоре после этого взаимные территориальные претензии — стимулированные великими державами, которые на Лондонской конференции (май 1913 г.) настояли на создании независимой Албании, — скоро подорвали этот союз. В июне–июле разразилась Вторая Балканская война, на этот раз против Болгарии, на которую напали все ее соседи — Румыния, Турция, Греция и Сербия, а также Черногория. Она не только ознаменовала собой изменение тенденции и отрицание духа начатого за два года до этого регионального сотрудничества, но и показала, насколько сильно, в полном соответствии с империалистическим духом того времени, национальные интересы и стремление к господству присутствовали в политике балканских правительств.

Так были спровоцированы серьезные разрывы в региональных отношениях, последствия которых ощущались еще долго. Болгария была исключена из всех проектов южнославянской интеграции, создаваемых Белградом, Загребом и Любляной, что укрепило в Софии синдром вражеского окружения. И в более общем плане на полуострове утвердилось чувство недоверия, дух мести и стремление к быстрому

военному реваншу. Побежденные, Болгария и Турция, завязали более тесные отношения с австро-германским миром. Победители искали покровительства *Тройственного союза.* Балканы вновь разделились и призывали на помощь великие державы.

В общем, казалось, что все вновь вернулось в русло «традиционного» стереотипа неуправляемых, разделенных, полных насилия Балкан. Но уже было рождено нечто глубоко новое. Маленькие Балканские государства пережили в 1912 г. напряженный, хотя и краткий период, когда они играли первые роли и почувствовали свою военную силу, по крайней мере на региональном уровне. Таким образом, они не были больше психологически предрасположены, как раньше, доверчиво следовать указаниям своих «покровителей». Напротив, они начали понимать, что могут «разыгрывать карту» своих выходящих за пределы региона союзов в своих собственных, локальных целях.

Кроме того, военные союзы, возникшие после Второй Балканской войны, прямо связали давно растущие европейские имперские устремления с националистическими тенденциями Юго-Восточной Европы. Так была приготовлена взрывчатая смесь для всего старого континента. И достаточно было Гавриле Принципу 28 июня 1914 г. в Сараево поджечь ее, чтобы «европейская пороховая бочка» взорвалась, погубив всех[1].

С тех пор для балканской истории XX в. стало характерным переплетение противоречивых проектов, образцы которых приходили из разных частей Европы, особым образом воспринимались на месте и часто были связаны с противоречивыми путями развития всего континента.

Взаимные территориальные претензии, связанные с новым, в некотором смысле, вопросом «защиты меньшинств», переплетались с этническими и национальными интересами. Казалось, именно они могли предоставить этнической группе надежные гарантии существования. На самом же деле своим бунтарским культурным и геополитическим характером эти националистические импульсы подрывали как отношения с соседями, так и административные и политические решения, принятые после Первой мировой войны.

Югославизм был составной частью тех же политических культур XIX в., которые привели к объединению Италии и Германии. Аналогичным образом административная централизация — к которой так стремились Сербия, Румынское королевство и полунезависимая Бол-

[1] См.: *Jankovic B.* The Balkans in International Relations. L.: MacMillan Press, 1998; *Stavrianos S.V.* Balkan Federation: A History of the Movement toward Balkan Unity in Modern Times // Smith College Studies in History. Northhampton, Mass., 1944.

гария — была результатом оказавшегося эффективным применения англо-французских административных моделей, считавшихся выражением либерального (и демократического) подхода.

Напротив, за административную децентрализацию боролись угнетенные народы империй (будь то хорваты, словенцы, сербы из Сербской Краины или Воеводины, албанцы, македонцы или трансильванские румыны). Они стремились освободиться от контроля государственных структур, считавшихся отсталыми и устаревшими. Но почему же они согласились на переход от имперской централизации (считавшейся антилиберальной и репрессивной) к централизации возникших после мировой войны новых государственных образований, части которых, уже бывшие независимыми в 1913 г., под западным влиянием считали централизацию эффективной и либеральной?

Иными словами, процесс послевоенной стабилизации быстро выявил, что централизованное административное управление государством представлялось либеральным или антидемократическим в зависимости от ранее приобретенного опыта. Также и основы национального единства варьировались в зависимости от применяемых критериев, будь то объединяющее макросообщество или этническая группа, и согласно различным градациям и двусмысленностям как в политическом мире, так и среди интеллигенции.

Таким образом, с первых послевоенных лет сосуществовали как самоопределение народов, понимаемое как гражданский процесс унификации, так и самоопределение как этническое и национальное разделение[1]. Появлялись самые разные представления: идеи короля Александра, согласно которым «сербы», «хорваты» и «словенцы» являлись тремя названиями одной нации; представления, во многом схожие с чехословакизмом Масарика, но при наличии диктатуры как политической системы; хорватизм Радича со смутными федералистскими идеалами; балканский федерализм V конгресса Коминтерна и этнический по сути сепаратизм, проявившийся в Коммунистическом Интернационале в 20-х годах; мечты о Великой эллинской идее; промакедонское посредничество Стамболийского с великоболгарскими устремлениями офицеров и софийского двора. Ко всему этому прибавились позднее Великая Сербия Стевана Молевича и Великая

[1] Новейшие западные исследования по проблематике самоопределения и определения границ см.: *Miller Unterberger B.* The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Texas A&M Univ. Press, College Station, 2000; *Caccamo F.* L'Italia e la "Nuova Europa". Trento: Luni, 2000; *Huttenbach H., Privitera F.* Self-determination. From Versailles to Daiton. Ravenna: Longo, 1999.

Хорватия усташей, в то время как споры о положении меньшинств продолжали отравлять региональные отношения.

Утверждение нацизма в начале 30-х годов привело к глубоким потрясениям на Балканах — в регионе, уже подверженном напряженности и нестабильности, поиску политико-культурной идентичности государства. К тому же Гитлер, используя в своих целях немецкие меньшинства и яркую расистскую окраску германского национализма, начал геополитическую экспансию на Балканах, нашедшую на местах заинтересованных союзников. За короткое время он оказал самое негативное воздействие на политические и культурные отношения на всем полуострове и разрушил демографическое равновесие, последствия чего не изгладились до сих пор.

После начала Второй мировой войны и попыток Гитлера осуществить на практике свои геополитические планы появились проекты переустройства полуострова. Принадлежавшие к различным политическим культурам Черчилль, Тито и Димитров разрабатывали новаторские административные и территориальные решения, соответственно, по Греции и Югославии, или по Балканам в целом.

Проводились и двусторонние переговоры по проекту создания федераций. В ходе переговоров Тито с Димитровым с 1944 по 1947 г. обсуждалось девять проектов договора; при этом сложность македонской проблемы удалось смягчить благодаря добрым отношениям между коммунистическими партиями обеих стран. Более сложными оказались контакты с греческими коммунистами, поскольку английское вмешательство и начало в 1944 г. гражданской войны в Греции периодически приводили к изменению региональной политической ситуации. Югославия, Болгария и Албания проявляли солидарность с греческими партизанами, особенно в 1946—1947 гг., но в свете вышеизложенного сложно утверждать, что солидарность эта была только «интернациональной», продиктованной идеологическими причинами. Такая поддержка скорее являлась выражением более широкого интереса, который уходил корнями в проекты региональной интеграции, обсуждавшиеся балканскими коммунистическими лидерами еще в ходе антифашистского Сопротивления.

До недавнего времени считалось, что заключение Балканского пакта 1953 г. было продиктовано прежде всего военными соображениями, а возможно, и исключительно ими. Однако югославские дипломатические документы лишь частично подтверждают эту гипотезу, неожиданно выявляя и другие аспекты: как ни парадоксально, военные потребности имели первостепенную важность до подписания соглашения. Впоследствии они оставались таковыми для Турции, пока и она

не склонилась к югославско-греческой позиции, согласно которой пакт необходимо было преобразовать в более широкое политическое соглашение. При подписании окончательного варианта Балканского пакта 9 августа 1954 г. три страны учредили общий политический организм — постоянный Совет и Секретариат, подтвердили расширение сотрудничества на экономические, культурные и спортивные области. Началось было обсуждение вопросов об основании Балканского института и о создании Палаты по международной торговле[1].

Возникла также идея учредить балканский парламент консультативного характера, в который можно было бы принять и Австрию, когда международное положение не будет этому препятствовать[2]. Однако подписанное в Анкаре 2 марта 1955 г. соглашение не было претворено в жизнь из-за нового обострения отношений между Грецией и Турцией по поводу этнических меньшинств и проблемы Кипра[3].

К тому же Югославия пошла по пути нормализации отношений с СССР, а затем стала учредителем Движения неприсоединения, что охлаждало отношения между балканскими партнерами, принадлежавшими к противостоящим блокам.

Тем не менее в 60–70-х годах были продолжены старые и начаты новые проекты как в области торговли и экономической кооперации, так и по борьбе с наркотиками, в области культурных, спортивных, университетских связей и в защите меньшинств[4]. Усилия эти, однако, были сведены на нет вооруженным конфликтом на территории Югославии, начавшимся 25 июня 1991 г. Через несколько месяцев оказалось, что война потенциально способна распространиться на весь регион (что было совершенно неожиданно для правящих элит Запада).

Югославский конфликт стал следствием глубокого экономического, социального и морального кризиса после смерти Тито (хотя некоторые его аспекты появились и в предшествующие годы). В январе–марте 1991 г. президенты Сербии, Словении и Хорватии (соответственно Милошевич, Кучан и Туджман) на двух отдельных секретных встречах договорились разделить страну, хотя и не смогли определить как. Однако война оказалась неизбежной[5]. И неизбежность ее заключалась в общем убеждении всех трех главных действующих лиц конфликта, что *только*

---

[1] См.: *Marković S.* Il socialismo nei Balcani. Firenze: Guaraldi, 1975.

[2] См.: A SSIP, PA, R-726, 1954, f. 70/I, 418336/54.

[3] Ibid., f. 53/I, 4997 e 49308.

[4] Proces-Verbal of the Meeting of the High Officials of the Ministries of Foreign Affairs of the Balkan Countries. Athens, March 7–9, 1990, cicl. Belgrade.

[5] См.: *Bianchini S.* Sarajevo. Le Radici dell’odio. III ed. Roma: Edizioni associate, 2003. P. 80–81, 318–320.

перераспределение территорий (с соответствующим доступом к местным ресурсам) и источников лояльности власти (посредством взаимного этнонационального признания управляемых и управляющих) может позволить провести реформы, способные обеспечить модернизацию и развитие[1].

Это во многом объясняет, почему с окончанием югославского коммунизма закончилась и федеративная Югославия и единственной альтернативой коммунизму оказался национализм в этнической версии по причине возобладавшего стремления к культурному и территориальному единообразию. Содержание, особенности и приоритеты националистической политики определялись надеждой заложить более прочную основу достижения главной и давней цели — достичь западноевропейского уровня развития.

В 1991–1994 гг. эта позиция обрела «внимательных наблюдателей» в соседних с Югославией странах, что подтверждается проявлением интереса со стороны различных политических деятелей в Венгрии к вопросу о Трансильвании, в румынском культурном ареале — к проблеме Бессарабии (Молдавии), в Болгарии — в отношении Македонии. Причем в Болгарии наблюдалось возобновление антитурецких высказываний; аналогичные проявления встречались в Словении в отношении бывших боснийских сограждан, в Греции и Италии — по отношению к албанцам, в Румынии — к евреям. Афины остаются чувствительными к македонскому вопросу, а в Албании правительства вынуждены принимать во внимание положение албанских меньшинств в Сербии, Черногории и Македонии и сложные отношения с Афинами[2].

Иными словами, югославский коллапс положил начало *региональным* искушениям геополитического ревизионизма. Однако эту тенденцию парадоксальным образом затормозили быстрота и жестокость

---

[1] См.: *Allcock J.B.* Explaining Yugoslavia. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2000; *Bunce V.* Subversive Institutions: the Design and the Destruction of Socialism and the State. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

[2] Эта проблематика нашла отражение в ряде опубликованных на Западе в 90-х годах исследований: *Gombar V.C., Hankiss E., Lengyel L., Varnai G.* The Appeal of Sovereignty: Social Science Monograph. Boulder (Colorado), 1998; *Spencer M.* Separatism. Democracy and Disintegration. Lanham: Rowman & Littlefield, 1998; *Kolossov V.* Ethnic and Political Identities and Territorialities in the Post-Soviet Space // «GeoJournal», 1999. No 48. P. 71–81; *Krasteva A.* Communities and Identities in Bulgaria. Ravenna: Longo, 1999; *Nicholson B.* The Beginning and the End of a Rebellion. Southern Albania, May-June 1997, East European Politics and Society. 1999. No 3. P. 543–565; *Biberaj E.* Albania in transition. Boulder (Colorado): Westview Press, 1998; *Dallago B., Uvalic M.* The Distributive Consequences of Nationalism: The Case of Former Yugoslavia // Europe-Asia Studies. 1998. No 1. P. 71–90.

распада югославской федерации в сочетании с другими значительными факторами: экономико-социальной прострацией, вызванной падением коммунизма, военным вмешательством НАТО и ростом политического влияния ЕС (в 1993 г. ЕС сформулировало «Копенгагенские критерии» и заложило основы расширения на Восток как стратегии примирения на континенте) и международного сообщества в целом.

На пороге XXI века: национализм и демократия между югославским коллапсом и европейской интеграцией

Общий ход событий XX в. на Балканах показывает, что после провала имперских реформ конца XIX в., национальных реформ периода между двумя мировыми войнами и коммунистического эксперимента национально-этнический подход неоднократно приводил к упрощению региональной специфики с целью уничтожения ее транснационального измерения и сведения к *однородности* языка, религии и культуры. Однако для утверждения такого подхода требовалось (и требуется) совершить насилие как над прошлым (посредством инструментального прочтения истории, ложных стереотипов, обращения к страстям и миссиям народов), так и над тем чувством «плюралистической и полифонической» идентичности, о котором писал Карахасан и которым отличается большая часть населения региона. Короче говоря, нужно *изменить реальность.*

Однако пространства в распоряжении не так уж много. Демографическое распределение народов и показатели рождаемости такие, какие они есть, в то время как национальные амбиции не учитывают границ пространства и демографии. И наконец, культурные и политические механизмы, к которым националистические элиты всякий раз прибегают для реализации своих замыслов, представляются одновременно идентичными и несовместимыми друг с другом. Идентичными — потому, что все одинаково пользуются историей, политикой, средствами массовой информации, экономикой, демографией для достижения своих целей; несовместимыми потому, что таковыми делает их сопринадлежность балканских народов к различным макросообществам.

Это объясняет, почему война за раздел Югославии быстро превратилась в *войну с другими* в самых разных ее аспектах, и войну эту противоборствующие стороны вели множеством способов, хотя и не всегда одинаково систематично. Эта война была обусловлена различием взглядов между людьми разных поколений. Молодежь была вынуж-

дена или «перевоспитаться» в купели войны, или покинуть страну. Десятки тысяч интеллигентов, студентов, людей с высшим образованием, особенно из Хорватии, Сербии и Боснии, предпочли искать счастья в чужих краях. Многие из них не имели особых перспектив скорого возвращения, поскольку рисковали попасть под обвинения в «предательстве» или даже в «дезертирстве». Впоследствии, найдя за рубежом неплохую работу, они откладывали возвращение не только и не столько из-за трудностей поиска работы в странах — преемницах Югославии. Их останавливал прежде всего политический климат непрекращающейся враждебности по отношению к «иным», к тем, кто «бросил страну в трудное время», кто приобрел за рубежом другое мировоззрение, обусловленное растущей мировой взаимозависимостью и международным измерением проблем[1].

Следствием стало весьма заметное интеллектуальное и технологическое обеднение (впрочем, с трудом поддающееся статистическим измерениям, по крайней мере на настоящий момент) во всем регионе сербскохорватского языка и культуры, и, хотя после 2000 г. положение и улучшилось, радикального перелома ситуации еще не произошло. Для лиц женского пола, сумевших лучше организоваться и даже протянуть сети международной солидарности, встал вопрос о реальной возможности плодотворно использовать свои знания в собственной стране, поскольку отчетливо проявилась тенденция вытеснения женщин из социальной и политической сфер.

И наконец, что совсем немаловажно, югославская война была направлена против культурных, религиозных, художественных различий и велась посредством систематического разрушения памятников и знаков всего, что считалось несовместимым с процессом установления национального однообразия[2]. Одним словом, это была война с иным, с другим, со всеми меньшинствами, со всем, что не укладывалось в представление об обществе и государстве, которые навязывает один господствующий субъект, способный поглотить других, но не принять диалектику отношений между различными субъектами. Разрушение любых элементов культуры, считающихся «чуждыми», имело целью не только вычеркнуть из памяти присутствие другого. Нужно было также построить контекст будущей памяти, в которой

---

[1] Одно из немногих исследований на эту тему: *Вес J.* Arhipelag Atlantida. Sarajevo: Buybook, 2004.

[2] См.: Rapporto della Commissione nazionale svedese per L'UNESCO. Information as an Instrument for Protection against War Damages to the Cultural Heritage. Stockholm, 1994.

считающиеся чуждыми художественные, религиозные или культурные явления не могли бы узаконить новые претензии[1].

Таким образом, отрицалась множественность идентичностей, составляющая богатство индивидуума, а следовательно, и группы, к которой он принадлежит. Как это ни парадоксально, таким образом на Балканах уменьшились, и едва ли не исчезли, те *положительные элементы этничности,* которые служат для определения культурной и нравственной среды группы (основанной на чувстве и на пристрастиях) и позволяют индивидууму разделять общие моральные и культурные ценности. Националистические же силы считают, что управляют этим процессом посредством идентификации Нации и Языка с Землей и Кровью.

В этом контексте вновь возник спорный вопрос о пересмотре источников лояльности государству, поскольку коммунистическая идеология перестала исполнять эту функцию.

Спорный характер вопроса заключается в источнике легитимации политической власти. Если в прошлом политическая власть легитимировалась прямыми отношениями правителя и божества (и царь получал свою власть «милостью Божьей»), то затем, когда связь эта была разорвана, вопрос встал по-иному, а легитимация власти под влиянием идей Французской революции перешла к «воле народа». «Народ» уже в те времена идентифицировался с «нацией», но интерпретация понятия нации изменялась в последующие десятилетия. На Балканах в ходе Второй мировой войны постепенно утвердился коммунизм, что позволило перевести источник легитимации власти от народа к идеологии, либо исходящей от Кремля, либо самостоятельной. После крушения коммунизма эта тема стала остро актуальной[2].

Иными словами, возврат к «воле народа» вновь поставил старый вопрос об определении нации, а долгий экономико-социальный кризис Югославии породил напряженность, побуждавшую местных лидеров отдавать предпочтение этническим интерпретациям. В их глазах такая интерпретация облегчала прямые отношения между правителями и управляемыми, упрощала признание правящих элит основной культурно-языковой группой и в то же время позволяла переложить на «другого» ответственность за кризис в стране.

---

[1] См.: *Ivekovic I.* Ethnic and Regional Conflicts in Yugoslavia and Transcaucasia. Ravenna: Longo, 2000.

[2] См.: *Krasner S. (ed.).* Problematic Sovereignty. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2001; *Linklater A.* The Transformation of Political Community. Cambridge: Polity Press, 1998; *Ferrajoli L.* La sovranita nel mondo moderno. Bari: Laterza, 1997.

Однако процесс пересмотра источника легитимности властей на этнической основе требует, в свою очередь, идентификации государства и этнической группы, а требование лояльности государству означает требование лояльности конкретной форме государства (в данном случае этнической). Естественно, при подобном подходе невозможно добиться лояльности меньшинств: в любом случае большинство сомневается в том, что меньшинству можно доверять, а меньшинство подозревает большинство в злоупотреблениях и стремлении его ассимилировать.

В этих условиях стабильности можно добиться лишь путем политики вытеснения и/или репрессий. Сплоченности в обществе удается достигнуть только между членами одной этнической группы против другой, как некогда было в расширенной деревенской семье (в «задругах» и «братствах»), которая сама организовывала свою защиту против внешней среды, по своей природе враждебной[1].

Поэтому патриотизм и демократия утверждаются с трудом. Лояльность нации предполагает идентификацию индивидуума с группой независимо от политических форм, управляющих отношениями между индивидуумами. Таким образом, индивидуум должен быть лоялен и к диктатуре. Напротив, понятие отчизны — каким оно дошло до нас от знаменитых мужей Римской республики, великих деятелей гуманизма и эпохи Просвещения, европейской демократической и прогрессистской мысли XIX и XX вв. — идентифицируется с *Res Publica* и борьбой с коррупцией. В своей недавно вышедшей книге Маурицио Вироли восстанавливает историю понятия отчизны в европейской и американской политической мысли[2]. Он показывает, что лояльность *Res Publica,* или же, говоря современным языком, демократии, подразумевает борьбу с коррупцией и признание конституции, гарантирующей права всех и принимаемой подавляющим большинством граждан.

Чтобы быть действенной, конституция, общее право, должны исходить из соглашения между «различными» субъектами, а не быть выражением воли Одного (индивидуума или коллектива). Она должна основываться на правах гражданства, а не этнической группы.

Иными словами, опыт Балкан конца XX в. — драматический в Албании и Болгарии и трагический в Югославии и некоторых других

---

[1] По данной проблеме см.: *Verdery K.* From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe // East European Politics and Societies. Primavera, 1994. No 2. P. 225–255; National Ideology Under Socialism. Identity and Curtural Politics in Ceausescu's Romania. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.

[2] См.: *Viroli M.* For Love of Country. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.

странах — бросает вызов современной управляемости мультикультурного общества. Поэтому посткоммунистический пересмотр исторической памяти и включение этого региона в процессы европейской интеграции не только тесно связаны между собой, но и являются испытательным полигоном жизнеспособности политического проекта, порожденного Маастрихским договором, созданием единой валюты и составлением конституции[1].

Эти европейские реформы развивались в 1992–2005 гг. В тот же период разразилась югославская трагедия, в которой проявилась институциональная и политическая неэффективность Европейского сообщества перед лицом первого серьезного кризиса на континенте после 1945 г.

С этого времени были определены критерии расширения Европейского союза, активизировалась деятельность европейцев в администрации Мостара (Босния), постепенно выросло военное присутствие ЕС, заменяющее НАТО и США в Боснии. Европа продемонстрировала и новые посреднические способности — после провалов в Боснии в 1992–1994 гг., — содействуя заключению Охридских и Белградских соглашений, воспрепятствовавших распаду Македонии и установивших внешние основы взаимоотношений Сербии и Черногории[2].

Конечно, нельзя сказать, что эти усилия положили конец вековому стремлению к перераспределению территорий и пересмотру источников легитимности власти после каждого провала попыток модернизации и развития. Однако в них проявилось возросшее внимание к перспективам управления различными группами, преодолевающее жесткую альтернативу: включить их (т.е. ассимилировать) или исключить (в самых различных формах).

Иными словами, процесс взаимозависимости ЕС и Балкан впервые дает возможность достичь иной легитимации государства как политического сообщества: теперь она не ограничивается законодательным регулированием собственности, но и гарантирует идентичность людей (в том числе и множественную); основывается на понятии гражданства, отличном от понятия этнической принадлежности, и поэтому способна выступать гарантом основных политических прав человека.

---

[1] См.: *Dawson A.H., Fawn R. (eds.).* The Changing Geopolitics of Eastern Europe. L.: Frank Cass, 2002; *Croft S., Redmond J., Wyn Rees G., Webber M. (eds.).* The Enlargement of Europe. Manchester University Press, 1999.

[2] См.: *Privitera F.* The Relationship between the Dismemberment of Yugoslavia and European Integration // *Morton J., Forage P., Natio C., Bianchini S. (eds.).* Reflections on the Balkan Wars. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2004. P. 35–54; *Meurs W. van (ed.).* Prospects and Risks Beyond the E.U. Enlargement. Opladen: Leske und Budrich, 2003.

В эпоху глобализации и взаимозависимости невозможно думать об организации общества или правовой системе, основанной на этнических декларациях или языковой принадлежности, т.е. на предустановленной иерархии ценностей, позволяющих той или иной этнической группе играть доминирующую роль в обществе. «Подсчет» в подобных случаях дает обратный эффект, поскольку неприемлемо положение, при котором возможность пользоваться правами зависит от демографического веса определенной группы населения. Право или есть, или его нет, независимо от демографии. Поэтому защита этнических сообществ должна быть не жесткой, но гибкой; она может основываться не на разделении, но на знании друг друга, на обменах, на движении к друг другу. Не следует бояться «загрязниться», испортить чистоту расы (как это часто бывало в прошлом), но нужно принимать множественность, внутренне присущую любой идентичности, начиная с индивидуальной.

В этой динамике оставшихся неразрешенными проблем проявляется *современное и европейское* измерение конфликта, обагрившего кровью Балканы в конце XX в.

Впрочем, и югославский опыт с его трагическим эпилогом, и даже советский опыт квотирования, кооптаций и указания в документах этнической принадлежности оказали сильное влияние на Западную Европу, которая в итальянской провинции Альто-Адидже, например, копировала эти установки. Следствием становилась феодализация отношений, ужесточение отношений между группами, а также подчинение основных демократических прав личности ее принадлежности к группе. При таком подходе активное и пассивное избирательное право, равенство перед законом, равное налогообложение и даже учреждения по связям правительства и общества — все это обусловлено организацией групп, при которой большинство кооптирует и финансирует меньшинства, в результате чего практически уничтожаются права гражданина[1].

Напротив, в обществе, признающем положительную ценность различия, идентичность группы должна «секуляризоваться», признав существование различных составляющих элементов идентичности, а также тот факт, что восприятие этих элементов и их иерархическое соотношение зависят от свободного личного выбора.

Таким образом, преодоление рамок государства-нации необходимо для изменений, связанных с ростом глобализации и взаимозависи-

---

[1] См.: *Schopflin G.* Politics in Eastern Europe. Oxford: Blackwell Publ, 1993; *Cuthbertson I.M., Leibowitz J. (eds.).* Minorities: the New Europe's Old Issue. N.Y.; Prague-Budapest-Warsaw-Atlanta: Institute for East-West Studies, 1991.

мости в экономическом и социальном развитии. Конечно, это влечет за собой глубокие изменения взглядов и представлений, образовательных систем. Требуются изменения и в гуманитарных исследованиях, формирующих культурные и гражданские склонности населения, хотя на конференциях доноров и в программах реконструкции, предоставляемых тем же Европейским сообществом, гуманитарная наука зачастую оказывается на втором плане. Все это требует изменения информационных подходов, уменьшения места стереотипов и эмоций в СМИ. Должно утвердиться чувство безопасности, исходящее не от аутистской замкнутости групп, но от знания другого и от понимания, что искусство и культура рождаются во взаимообмене и *контаминации,* а не в изоляции[1].

Отказ от этого культурного и человеческого измерения был заложен в основу югославского конфликта. В своих крайних формах он явился индикатором более широкого неблагополучия в Европе и показал необходимость радикального изменения общественного управления. Нужно признать ценность множественности культур для всего общества в целом и не считать право на отделение превыше всех других прав, тем более что реализовать его удается лишь некоторым группам, на определенных условиях и только в некоторые моменты истории. В этом смысле показательным является пример косовских албанцев; но есть и еще более яркий пример «югославов», которым отказано не только в родине, но и в имени[2].

Впрочем, именно типично европейское представление о превосходстве суверенного государства, идея о необходимости стен и разделений послужили оправданием (или причиной для пассивности) насильственных обменов населением, массовых убийств, систематических изнасилований, этнических чисток, какими богат был XX в., начиная от геноцида армян, еврейских погромов и греко-турецких обменов населением после Лозаннского мирного договора 1923 г., а в конце столетия их результатом стали югославская и кавказская трагедии.

Закостеневшие предубеждения и стереотипы упорно культивировались политическими элитами, стремившимися с помощью этничности достичь надежного результата по преодолению глубокого кризиса, в котором оказались процессы модернизации, с тех пор как в 60–70-х годах коммунизм перестал реформироваться и соответствовать им

---

[1] См.: *Bianchini S.* Political Culture and Democratization in the Balkans // *Pridham G., Gallagher T.* Experimenting with Democracy. L,: Routledge, 2000. P. 65–83.

[2] См.: *Janigro N.* L'esplosione delle nazioni. Il caso jugoslavo. Milano: Feltrinelli, 1993.

же самим вызванным социальным, экономическим и культурным изменениям. Но нельзя забывать и того, что этнический национализм, стремившийся к образованию культурно однородных государств ценой перераспределения территорий, пользовался активной поддержкой и одобрением значительной части населения.

Опасная игра перекладывания на другие этнические группы ответственности за кризис сделала невозможным переход к демократии трех европейских федераций, переживавших посткоммунистический переходный период (Югославии, Чехословакии и СССР) и спровоцировала их дезинтеграцию. Могущественные элиты и политические лидеры придерживались идеи, что новый взлет — в современную эпоху электроники, средств коммуникации и сферы услуг — возможен лишь там, где члены общества (можно ли назвать их гражданами?) имеют идентичные культурные и лингвистические параметры и где существует полная гармония в этом смысле между правителями и управляемыми[1].

Все это подпитывает двусмысленное переплетение современности и атавизма, характеризующее на сегодняшнем этапе явление этничности, которому не чужды черты расизма и ксенофобии. Отсюда происходит и тенденция подменить демократию и превратить ее в *этнократию,* заменив *демос этносом,* насильственно трансформировав первый термин в синоним второго. Превозношением этноса пытались оправдать тезис, согласно которому демократия возможна лишь в этнически чистых областях, а все, что составляет обмен (место обмена, т.е. Город, и его производное, т.е. Культуру), стремились изгнать и при возможности уничтожить.

Отсюда берет начало и тенденция неототалитаризма, проявляющаяся в стремлении одной политической партии или движения объявить себя единственным выразителем «национального интереса» и относиться к любому диссиденту как к «предателю» Нации, *что наносит удар по самому сокровенному политико-культурному чувству личности — чувству принадлежности к обществу.*

Этничность, смешанная с расизмом и ксенофобией, бросила вызов политической организации общества, демократии, механизмам сосуществования и управления международными отношениями, и этот вызов оказался весьма серьезным. Сила противоречий нашла отражение в международных отношениях и содействовала возврату к великодер-

---

[1] См.: *Tomc G.* Life in Transition. From Socialism to Post-Socialism and Beyond // *Adam F., Tomc G. (eds.).* Druzboslovne razprave (special number), 1994. No 15–16. P. 22–33.

жавным интересам (на Западе в первой половине 90-х годов это называлось эвфемизмом «ренационализация внешней политики»), к антииммиграционной политике, к параду суверенитетов.

В этом смысле югославский конфликт — война одновременно за разделение и преемство — поставил международное сообщество лицом к лицу с образцом анархического дробления и риском распада с таким трудом созданных к концу восьмидесятых годов сообществ, которые, казалось, упрочились с падением коммунизма.

Очевидно, что события в югославском регионе в конце XX в. имели свое направление, свой специфический путь. Они не воспроизводят фашистскую и нацистскую логику периода между двумя мировыми войнами. Но так же как во второй половине 30-х годов испанская война характеризовалась столкновением между демократией (в ее измерении массового плюралистического общества) и идеологическими тоталитарными режимами, так и югославский конфликт 90-х явился столкновением между демократией (понимаемой теперь как система, направленная на управление различиями и признающая культурный плюрализм) и национализмом, стремящимся навязать обществу однородность, предустановленную его идеологией.

При различии ситуаций общим является брошенный демократии вызов. Это вызов со стороны политических доктрин, разных, но сходных в своем намерении, каждая по-своему, превозносить ценность чистоты и однородности. Так было и в Испании, и в Югославии.

В случае Югославии сначала была поставлена цель превращения этничности в государственную идеологию, а затем политика перешла к ее осуществлению. Короче, сначала идеология установила, что государство должно быть этнически однородным. Затем были произведены необходимые действия для достижения этой цели. Население, граждан, жителей определенной территории тысячью способов, принуждением и законом, вынудили приспособиться к подобной однородности. Фактически посткоммунистический переходный период — там, где этничность стремилась играть главную роль, — выразился, по крайней мере на данный момент, не столько в реформе учреждений, которые должны отражать плюрализм общества, сколько в реформе государства, его пространства и его идеологии.

В международном плане правительства Западной Европы и Соединенных Штатов долгое время показывали, что не хотят вмешиваться и выступать против национализма, так же как во времена испанской войны они не противодействовали фашизму. Но бессилие их политики состояло в том, что де-факто они поддерживали один национализм

против другого, что видно было в начале 90-х годов на Лондонской конференции под председательством лорда Каррингтона и в последующих предложениях посредничества.

И так же как антифашизм в конце 30-х был прерогативой небольших групп, изгнанников, добровольцев, так и этническому национализму противостоят лишь единичные организации гражданского общества, женские движения (они вообще работают больше всех, особенно на югославском пространстве), ассоциации волонтеров, в основном остающиеся не услышанными «официальной политикой».

Затем, однако, настал черед перемен. Смерть Туджмана в декабре 1999 г., потеря власти Милошевичем в октябре 2000-го и взрыв новых националистических конфликтов сделали очевидным, что, несмотря на огромную историческую ответственность С. Милошевича, проблема заключается в специфическом (националистическом) *представлении* о государстве и обществе.

В Европе начали понимать, что не культурная несовместимость и не столкновение цивилизаций (столь дорогие националистам темы), а организация общества и государственное устройство являются центральными для переходного периода, потерявшего свой изначальный посткоммунистический характер и ставшего (разными путями, в совокупности различных факторов) транснациональным и общеевропейским в политических, экономических и культурных аспектах.

С этой темой должна будет считаться европейская политика (и не только на Балканах) в будущем.

Глава 4. Национализм в межэтнических и межгосударственных отношениях

Характерной чертой политического развития Юго-Восточной Европы на протяжении последних двух столетий были периодические обострения межэтнических отношений, выливавшиеся временами в межнациональные конфликты и существенно затруднявшие процессы формирования национальных государств. Одной из главных причин напряженности и роста национализма в регионе было то обстоятельст-

во, что в ходе исторически запоздалого становления государственности рамки государственных границ в большинстве случаев не совпадали с ареалами расселения этнических групп. Возникавшие в результате межэтнические и межгосударственные противоречия своекорыстно использовались как руководящими слоями вновь созданных государств, так и европейскими державами.

Ставшая итогом Первой мировой войны Версальская система мирных договоров полностью изменила политическую карту Балкан. На ней появилась Югославия (до 1929 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев) как результат поддержанного европейскими державами объединения под эгидой Сербии южнославянских земель, часть которых до этого входила в Австро-Венгерскую империю. Существенно расширила свою территорию примкнувшая к блоку победителей Румыния, основным приобретением которой стала историческая область Трансильвания со значительным венгерским населением. За пределами национальных государств — Венгрии, Болгарии и Албании остались значительные этнические группы венгерского, болгарского и албанского населения. Наконец, Греция получила западную часть исторической области — Фракии с выходом к Эгейскому морю, закрепленной ранее за Болгарией по итогам Балканской войны 1912 г. Восточная часть Фракии была передана Турции.

Тем самым в Балканском регионе возникла основа для нестабильности отношений между Румынией и Югославией, с одной стороны, и Венгрией — с другой; между Югославией, Болгарией и Албанией; между Грецией, Болгарией и Турцией. Спорные проблемы оставались в болгаро-румынских и албано-греческих отношениях. В целом все это способствовало утверждению в общественном мнении Балканских государств национализма, ставшего существенным инструментом их внутренней и внешней политики.

И здесь нельзя не заметить, что теория и практика национализма обычно возникают в условиях невозможности принятия приемлемых для всех этнических групп решений, что с очевидностью просматривается на примере истории большинства Балканских государств в межвоенные годы. По мнению Эрнста Геллнера, понятие *национализм* «не содержит оттенка как одобрения, так и неодобрения, оно употребляется для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические границы совпадали». Э. Геллнер также утверждал, что национализм возникает по мере роста этнической самоидентификации в условиях несовпадения государственных границ и ареалов расселения этнических (национальных)

групп населения[1]. На этой же основе формируются сепаратистские и ирредентистские движения, в том случае если идеи национального самоутверждения не находят возможности реализации в рамках национальных государств.

Специфические черты проявления национализма в странах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы подробно исследованы в фундаментальных трудах Питера Шугара[2]. Для понимания исследуемого П. Шугаром сложнейшего комплекса проблем важным оказался опыт его проживания в посттрианонской Венгрии, где он испытал на себе негативные черты националистической риторики. Это же, хотя и по другим причинам, важно и для Э. Геллнера, прожившего молодые годы в многонациональной и мультикультурной Праге межвоенных лет.

Вслед за Геллнером Шугар определял национализм как феномен Нового времени, зародившийся в Европе и затем распространившийся по другим континентам. Ему же принадлежит мысль о том, что человек рождается как представитель определенной этнической группы, а затем уже становится представителем нации-государства. Отсюда вытекает исторически обусловленная концепция нации и представление о стадиях идентификации ее членов: представитель этнической группы по принципу общности языка, культуры, родства; представитель страны, народа на основе географической общности; носитель патриотизма — высокой степени лояльности роду, племени, государственной общности[3].

Исследователи проблематики национализма отмечали четыре этапа его эволюции в Восточной и Юго-Восточной Европе.

1. Исходная точка отсчета — 1848 г., после которого общественно-политические движения сопровождались созданием широкого спектра национальной мифологии, преимущественно, в сфере истории и культуры.
2. 1848–1914 гг. — борьба против господствовавших Османской и Габсбургской империй стала сопровождаться конфронтацией с конкурирующими национально-освободительными движениями.

---

[1] См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1992. С. 5, 24.

[2] См.: *Sugar P.F.* Nationality and Society in Habsburg and Ottoman Europe. Aldershot:Variorum, 1997; East European Nationalism, Politics and Religion. Aldershot: Variorum, 1999.

[3] См.: *Livanios D.* Nationalism in Eastern Europe and the Balkans // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 2. No 2. May. 2002. P. 169–170.

3. Годы между Первой и Второй мировыми войнами, когда национализм стал сопровождаться проявлениями шовинизма и радикальных идеологий, родственных фашизму.
4. Особый характер национализма в годы коммунистических режимов.

Английский исследователь Д. Ливаниос вносит в эту схему определенные корректировки применительно к Балканскому региону: здесь практически не было революций, подобных революции 1848 г., поэтому второй этап был ограничен 1870–1913 гг. — от начала активных освободительных движений до окончания Балканских войн, при этом до 1870 г. национальные антагонизмы на Балканах были значительно менее ярко выражены[1]. Большинство авторов подчеркивают также взаимосвязь и конфронтацию между светским и религиозным проявлениями национализма в Юго-Восточной Европе (православием, католицизмом и исламом).

Один из авторов настоящей монографии, известный итальянский исследователь Стефано Бьянкини, подчеркивает влияние политической культуры националистических режимов на формирование общественных отношений в Балканском регионе в направлении легитимизации лидеров национальных движений, быстрого достижения лояльности общества и ускорения процессов строительства авторитарных государств. В то же время националистически ориентированным режимам свойственна конфронтация из-за территорий, в ходе которой они используют аналогичные механизмы в области внутренней и внешней политики и опираются на сходные идеи гомогенизации обществ. Национализм поэтому порождает постоянную нестабильность в межгосударственных отношениях[2].

И здесь возникает вопрос о соотношении двух важнейших международно-правовых норм — права на национальное самоопределение и сохранение территориальной целостности государств («территориальная целостность *versus* национальное самоопределение»). Четкого ответа на этот важнейший для стран Юго-Восточной Европы — и не только для нее — вопрос базовые документы международного права не дают, но здравый смысл говорит о возрастающей приоритетности понятия «территориальная целостность», тем более что самоопределение национальных и этнических групп может реализоваться также и в рамках признанных мировым сообществом государственных границ.

---

[1] Ibid. P. 172.

[2] См.: *Bianchini S.* The Cultural Scope of Balkan Security // Mediterranean Security into the Coming Millenium. U.S. Army War College, 1999. P. 199–200.

Возрождение межэтнических противоречий

В свете сказанного становится более понятной общая ситуация, сложившаяся в Юго-Восточной Европе после окончания Второй мировой войны. Закончившееся в 20-х годах прошлого века территориальное размежевание государств — с небольшими изменениями — сохранилось, хотя взаимные претензии по поводу спорных территорий и положения национальных меньшинств изжиты не были. Однако, в силу того что на первом этапе после освобождения от нацизма выдвигались общедемократические задачи социальных преобразований, в соответствии с которыми мыслилось и решение национальных проблем — на новой, демократической основе в самих народно-демократических государствах либо путем создания их федераций, — межнациональные и межгосударственные противоречия были несколько приглушены. Их нейтрализации в общественном мнении способствовало и то обстоятельство, что национализм в своих крайних проявлениях — шовинизма и расизма как основы нацистской идеологии — был в значительной степени дискредитирован.

Однако положение резко изменилось после установления в конце 40-х — начале 50-х годов подвластных СССР тоталитарных режимов в Албании, Болгарии, Румынии, с одной стороны, и конфликта между Сталиным и Тито — с другой. Блоковая дисциплина на первых порах не допускала выхода на поверхность противоречий между зависимыми от Советского Союза странами региона. Этнический национализм, тем не менее, продолжал культивироваться тоталитарными режимами, и это оставило свой след в массовом сознании достаточно широких слоев населения[1]. В последующем это привело не только к возрождению националистических настроений, но и к возможности возникновения межгосударственных конфликтов.

Конкретные примеры из истории стран Восточной Европы, и особенно Балканского региона, свидетельствуют о том, что первичным конфликтогенным фактором становились инициированные или же поддержанные авторитарными режимами претензии доминирующего этноса на исключительную роль в обществе (государстве). Это создавало объективную основу для встречных проявлений национализма и сепаратизма национальных меньшинств, угрозу для целостности государств и региональной стабильности.

---

[1] См.: *Скворцов Н.Г.* Этничность и национализм: этнические источники национализма // Релятивистская теория нации. М., 1998. С. 29.

В межгосударственных отношениях напряженность и конфликты возникали по поводу проживавших в сопредельных странах этнически близких или родственных меньшинств. Так, Югославия и Болгария не могли договориться по поводу путей решения «македонского вопроса». На албанско-югославские отношения помимо известных идеологических разногласий налагало свой отпечаток наличие албанского населения в Косово, Черногории и Македонии. Скрытый конфликт, время от времени дававший о себе знать дискуссиями в области истории, существовал также в отношениях между Болгарией и Румынией. Наконец, сложнейший клубок национально-территориальных противоречий постоянно препятствовал развитию нормального сотрудничества между Венгрией, с одной стороны, и Румынией, Чехословакией и Югославией, в которых проживали значительные по своим масштабам группы этнических венгров — с другой.

Особую проблему представляло наличие в румынско-советских отношениях «бессарабского вопроса», который в 60–70-х годах использовался советской стороной как фактор политического давления, а для румынского руководства, особенно после прихода к власти Н. Чаушеску, стал одним из предлогов для дистанцирования от СССР и перехода на путь лавирования между Западом и Востоком.

Все это и многое другое послужило благоприятной почвой для выхода национализма на поверхность во второй половине 60-х годов как на межгосударственном уровне, так и во внутренней политике самих стран Юго-Восточной Европы. Его оживлению способствовало и то, безусловно отличавшее этот регион обстоятельство, что большинство входивших в него государств не однородны в национальном и конфессиональном отношениях. Этнически гомогенны лишь Греция, Албания и Венгрия, где национальные меньшинства составляют менее 5% общей численности населения. В каждой из остальных стран проживают более или менее многочисленные национальные группы, само наличие которых, при отсутствии демократических основ управления обществом, создает возможность для их дискриминации по этническому или конфессиональному принципу.

Ко всему сказанному можно добавить, что для неизбежного в этих условиях роста национализма характерны как рациональный (сознательный), так и эмоциональный (иррациональный) компоненты. Массовые эмоции, особенно в странах с неразвитыми демократическими институтами, были в эти годы объектами идеологического воздействия и политического регулирования, и зачастую манипулирование выступало в качестве инструмента управления обществом, что

применительно к Балканскому региону стало особенно очевидным во второй половине 60-х годов.

Импульсом к возрождению национализма, в том числе и как основы для сплочения нации, выступали политические и идеологические разногласия между странами, в ряде случаев выливавшиеся в межгосударственные конфликты, как это было в отношениях Югославии с СССР, а также с пограничными с ней Болгарией и Албанией. Дальнейшая эволюция отношений Югославии с этими странами показывает, что межнациональные отношения были в громадной степени подвержены воздействию не только общеполитических факторов, но и различных идеологических «моделей», подходов к решению в принципе аналогичных задач, какими на этом этапе было определение путей и методов «строительства социализма». Характер отношений всех перечисленных стран с Югославией в значительной мере определялся позицией, а также прямым давлением советской стороны. Известный разброд, наступивший в 60-х годах в умах и позициях лидеров стран Юго-Восточной Европы, наложил свой отпечаток на принятие ими «индивидуальных решений» в сфере межнациональных и межгосударственных отношений.

Это становится очевидным на примере югославско-венгерских и югославско-албанских отношений. На предшествующих этапах, когда в Венгрии господствовали жесткие административно-командные методы группы Ракоши, а в Югославии разрабатывались и обсуждались основы самоуправления, югославско-венгерские отношения опускались до крайне низкого, даже враждебного уровня. В 60-х годах — при тех же национальных параметрах обеих стран — позиции вступивших на путь проведения реформ Венгрии и Югославии существенно сблизились.

По-иному складывались в те же годы отношения с Югославией Румынии и Албании. Румынское руководство с известной долей ревности отнеслось к процессам расширения в 60-х годах международных позиций Югославии, одновременно принимая меры по урезанию прав как венгерского, так и югославских национальных меньшинств. А со стороны догматического руководства Албании расширилась критика всех аспектов югославской политики, в том числе и в отношении албанского национального меньшинства, что привело к резкому ухудшению албанско-югославских отношений.

Румынские руководители использовали национальный фактор при формировании своей особой позиции в «социалистическом содружестве». Это стало особенно явным после прихода к власти в 1965 г. Н. Чаушеску, но предпосылки «особого курса» Румынии,

несомненно, были сформированы на более ранних этапах. К этому можно добавить, что катализатором противоречий на наиболее чувствительном для Румынии направлении — в ее отношениях с Венгрией на протяжении 60–80-х годов — оставалась несовместимость подходов обеих стран к вопросам стратегии социально-экономического развития.

Очевидно, таким образом, что обострение национализма и межгосударственных противоречий во второй половине 60–80-х годах было обусловлено рядом внутренних и международно-политических факторов: постепенным общим изменением характера международных отношений и, соответственно, ослаблением «блоковой дисциплины», а также все более активным использованием балканскими лидерами националистической идеологии как инструмента практической политики. В скрытых формах национализм стал все чаще использоваться лидерами ряда государств в целях противостояния гегемонистским устремлениям Советского Союза, что привело к ряду затяжных конфликтов (наиболее яркий пример — Албания) и существенно подорвало позиции СССР в регионе.

Все это способствовало консервации старых (или созданию новых) очагов нестабильности на Балканах. Изучение характера возникавших на этой почве, а затем обретавших самостоятельную логику развития конфликтов приводит к выводу о том, что национальные различия и порожденные ими специфические интересы гораздо более устойчивы, чем это принято считать. Если же эти интересы сознательно эксплуатируются политиками, то образуется питательная среда для межнациональных и межгосударственных противоречий и конфликтов, последствия которых оставляют в обществе еще более глубокий след.

Разумеется, каждое из государств Юго-Восточной Европы изначально имело свои специфические черты, а характерные для 60–80-х годов проявления национализма стали закономерным продолжением политики предшествующих лет. Представляется поэтому важным проследить основные вехи национальной политики отдельных государств Юго-Восточной Европы и ее конкретные результаты[1].

---

[1] В страновых разделах частично использованы материалы подготовленного в 1986 г. в ИЭМСС АН СССР научного доклада под общей редакцией А.А. Язьковой «Влияние национальных проблем на социалистические страны Восточной Европы».

Эволюция национальной политики в Румынии, Венгрии, Болгарии

Наиболее характерной иллюстрацией послевоенной эволюции национальной политики в сторону национализма стала ситуация в **Румынии,** где после Второй мировой войны в этой сфере обозначились два этапа, а на рубеже 50–60-х годов произошли кардинальные изменения как в концептуальном, так и в практическом плане.

На первом этапе, ориентируясь на теоретические постулаты советского образца и, что не менее важно, имея в виду необходимость сохранения приобретенных по мирным договорам территорий, румынское руководство взяло курс на демонстративный отказ от рецидивов национализма и хотя бы формальное соблюдение прав национальных меньшинств, прежде всего венгерского как наиболее крупного из них[1].

Еще до окончания войны румынскими демократическими партиями был принят курс национальной политики, прежде всего в отношении венгерского меньшинства, который должен был продемонстрировать способность решать вопросы на демократической основе, что было тогда необходимо для получения гарантий закрепления за Румынией Трансильвании в ходе послевоенного мирного урегулирования. В январе 1945 г. было учреждено Министерство по делам национальных меньшинств (с августа 1945 г. Министерство национальностей). А в феврале 1945-го издан «декрет-закон о национальных меньшинствах», запрещавший проводить выяснение этнического происхождения граждан с целью применения к ним дискриминационных мер и предписывавший необходимость использования родного языка в судопроизводстве и обеспечения для национальных меньшинств возможности получения образования на родном языке.

В 1949 г. при Совете министров Румынской Народной Республики был учрежден специальный департамент, призванный изучать положение и запросы национальных меньшинств, а Конституция 1952 г. провозгласила создание Венгерской автономной области (ВАО), фактически упраздненной в конце 50-х годов. На территории ВАО в 1956 г. проживало 77% венгров, 20 — румын и 3% лиц других нацио-

[1] Сложившееся по итогам Второй мировой войны процентное соотношение национально-этнических групп в Румынии оставалось стабильным. В 1985 г. общая численность населения составляла 22,7 млн человек, из них 89% — румыны, 7,7 — венгры, 1,5% немцы, а также сербы, украинцы, болгары, цыгане.

нальностей. Но ВАО не имела общей границы с Венгрией, и за ее пределами проживало две трети всех румынских венгров.

Эти позитивные (хотя и в значительной мере демонстративные) аспекты национальной политики не распространялись на тогда еще значительное немецкое национальное меньшинство. На румынских немцев была возложена главная ответственность за сотрудничество с гитлеровцами и совершенные военные преступления, большинство из них было лишено гражданских прав, и именно они составили подавляющую часть рабочей силы, направленной в Советский Союз для работ по возмещению ущерба, нанесенного румынской оккупацией в годы войны.

Перемены в национальной политике и переход к опоре на румынский национализм наступили в конце 50-х — начале 60-х годов в связи с формированием особого общеполитического курса румынского руководства (соответствующие позиции были изложены в заявлении апрельского (1964 г.) Пленума ЦК Румынской Рабочей Партии (РРП). Опасения по поводу возможных санкций со стороны СССР толкали румынское руководство на путь более активного формирования в достаточно широких слоях населения представлений о наличии внешней угрозы, перед лицом которой необходимо сплотиться.

Были приняты меры по усилению «патриотического воспитания», сопровождавшиеся перестройкой в сфере идеологии. Основной упор был сделан на пересмотр концепций исторического развития Румынии и ее взаимоотношений с соседними государствами, прежде всего с Россией и Советским Союзом. Были реанимированы имевшие хождение в довоенной Румынии концепции непрерывного двухтысячелетнего развития румынского государства в его нынешних границах. С целью поддержания авторитета румынских лидеров (Г. Георгиу-Деж и в еще большей мере Н. Чаушеску) создавались мифы о решающей роли компартии и ее руководителей в деле освобождения Румынии от фашизма, о ее «решающем вкладе» в антигитлеровскую войну и т.д.

Характерно, что, утверждая националистический курс, Чаушеску на первых порах подыгрывал настроениям тех слоев творческой интеллигенции, которые были склонны отождествлять национальное самоутверждение Румынии с освобождением от догматических оков и репрессий, связанных с «советским господством». Апеллируя к более широким слоям общества, Чаушеску с изрядной долей демагогии пояснял: «Некоторые могли бы сказать: вот они, румыны-националисты, только и твердят, что о развитии своей нации, своего народа, забывая об интернационализме... Если желание построить в Румынии

коммунизм есть национализм, тогда что ж, мы действительно националисты»[1].

Что же касается собственно национальной политики, то Конституция 1965 г. определяла проживающие в стране этнические группы нерумынского населения как «совместно проживающие национальности» (так стали именоваться венгры, немцы, болгары, украинцы, русские). В соответствии с принятым в 1968 г. Законом о реформе территориального деления Румынии была упразднена область Тыргу-Муреш (образована в конце 50-х годов на основе ВАО), где компактно проживало венгерское население, а ее территория включена в состав ряда вновь созданных уездов.

В 70-х годах режим Чаушеску выдвинул в качестве основной задачи ускоренную ассимиляцию «совместно проживающих национальностей». Главным и практически единственным критерием подхода к решению их проблем провозглашалось экономическое и социальное равенство с основной нацией, что полностью вписывалось в концепцию форсированного экономического развития Румынии, положенного в основу стратегического курса Чаушеску.

Тогда же была выдвинута идея создания «единой румынской социалистической нации», в которую были «зачислены» венгры, немцы и другие национальности. Национальная конференция Румынской коммунистической партии (РКП) 1972 г. расценила «марксистско-ленинское решение национального вопроса в Румынии как одно из величайших достижений социалистического строя», после чего национальный вопрос стал считаться окончательно решенным. Термин «румынская социалистическая нация» стал употребляться для обозначения общности всех проживающих в Румынии граждан («румыны венгерской, немецкой и других национальностей»)[2].

Националистические «изыски» режима Чаушеску вызывали не только плохо прикрываемое возмущение национальных меньшинств внутри страны, но и нарекания международных организаций. Вопрос об ассимиляторской политике румынского руководства обсуждался в ходе 45-й сессии Комиссии ООН по правам человека в марте 1989 г. Вместе со Швецией и другими западными странами соавтором осуждавшей Румынию резолюции выступила Венгерская Народная Республика, представитель которой подчеркнул свою

---

[1] Цит по: *Фридман М.В.* Литературная борьба на первом этапе «эры Чаушеску» (1965–1971) // Славяноведение. 1995. № 5. С. 61.

[2] См.: Румыния. Цифры и данные. Бухарест, 1985. С. 2.

озабоченность судьбой венгерского национального меньшинства в Румынии[1].

В конечном счете доведенный до своих крайних проявлений национализм так и не смог стать опорой тоталитарному режиму. Падение диктатуры Чаушеску в декабре 1989 г. началось с выступлений венгерского населения в Тимишоаре, и, хотя одним из первых актов новой власти было создание Демократического союза венгров Румынии, призванного обеспечить равные права венгерского населения, волнения на национальной почве в конце 80-х годов возникали в Румынии неоднократно[2].

Поиск подходов к решению национальных проблем **Венгрии** стал интегральной частью ее внешней политики, учитывая незначительную численность невенгерского населения в самой стране и необходимость поддерживать контакты с многочисленной диаспорой за ее пределами[3]. Пытаясь оказать демонстрационное воздействие на пограничные страны (Румынию, а также Югославию и Чехословакию), венгерское руководство подвергло в 1968 г. критике ранее бытовавший тезис об «автоматической, неизбежной и неуправляемой» ассимиляции национальных меньшинств в венгерское общество. Были вскрыты ошибки и перегибы в национальной политике, в частности имевшие место в прошлом факты насильственного переселения и репрессий в отношении югославов в периоды ухудшения отношений с Югославией.

Тогда же была выдвинута внешнеполитическая установка — добиться, чтобы национальные меньшинства выступали в качестве фактора, не разделяющего, а, напротив, сближающего народы соседних стран. Вместе с тем постоянно подчеркивался тезис о «взаимной ответственности стран», на территории которых проживают меньшинства, а также положение о том, что решение проблем меньшинств нельзя считать исключительно внутренним делом того или иного государства. В 80-х годах этот тезис дополнился разъяснениями позиции венгерского руководства в отношении существующих границ. В опубликованной 13 февраля 1988 г. газетой «Мадьяр немзет» статье «Наша

[1] См.: Правда. 1989. 12 марта. Делегации СССР и УССР в голосовании по этой резолюции не участвовали.

[2] См.: Социализм: прошлое и настоящее. М., 1990. С. 111.

[3] По данным переписи 1980 г., национальные меньшинства составляли в ВНР 84 тыс. человек, по данным союзов национальных меньшинств — 263 тыс. человек или 4,5% населения. В то же время, по различным оценкам, в сопредельных с Венгрией странах проживает около 3 млн венгров или более 30% общей численности населения Венгрии.

политика и национальный вопрос» отмечалось, что «в интересах гарантии европейского мира, стабильности и совместной безопасности» Венгрия «принимает внешние границы в качестве реальности», однако она «призвана защищать и будет защищать» интересы национальных меньшинств.

Такого рода высказывания были лишь частью айсберга, который скрывал нараставший в венгерском обществе национализм, сохранившийся с прошлых времен на почве неудовлетворенности сложившимися в результате двух мировых войн границами Венгрии. Этому способствовали и исторические исследования и публикации, приведшие к тому, что осуждение «Трианона»[1] стало лозунгом широких слоев населения.

Национально-территориальные противоречия в 70—80-х годах постоянно осложняли отношения Венгрии с Румынией. Но после падения тоталитарного режима Чаушеску и распада «социалистического содружества» политический реализм венгерской стороны, отказавшейся от претензий на предоставление румынским венграм территориальной автономии, впоследствии принес дивиденды обеим сторонам.

Национальная политика руководства **Болгарии** также претерпела существенные изменения по сравнению с начальным периодом народно-демократических реформ. В 1944—1948 гг. широкие права были предоставлены болгарским македонцам на основе программы культурной автономии Пиринского края, а также турецкому населению, получившему возможность обучения в школах на родном языке.

Существенные изменения в национальной политике наступили уже в второй половине 50-х годов, когда была подвергнуто критике «обособление национальных меньшинств от болгар в территориальном, экономическом и общественно-политическом отношениях». Исходя из этого, октябрьский Пленум ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) 1958 г. осудил точку зрения о наличии в Болгарии национальных меньшинств, которые впредь стали рассматриваться как «народностные группы», за исключением македонцев, ставших «этническими болгарами».

Отказ от признания македонцев в качестве национального меньшинства стал предметом острых дискуссий между Болгарией и Югославией. В плане же характеристики основ внутренней национальной политики и роста национализма было показательным отношение к турецкой «народностной группе».

---

[1] Трианонский мирный договор 1920 г., в результате которого территория Венгрии составила 32,7% прежней, численность населения сократилась на 58%.

В 60–80-х годах в русле принятого болгарским руководством курса национальной и демографической политики последовательно пыталось «повысить процент болгарского населения» путем так называемого полного приобщения национальных меньшинств, прежде всего турок, к болгарскому народу[1].

В декабре 1967 г. было принято специальное постановление ЦК БКП и болгарского правительства, а в феврале 1968 г. — указ о поощрении рождаемости. При этом ставился вопрос о необходимости «поддержания процентного состава болгарских турок» на уровне не выше 8,5% посредством ассимиляции или же путем их переселения в Турцию, а также «настоятельно рекомендовалось» детям турок, армян и цыган давать болгарские имена, а детей от смешанных браков записывать по национальности болгарами.

В среде болгарских турок в результате сложилось твердое убеждение, что они рассматриваются в Болгарии не как национальное меньшинство, а как чуждая этническая группа. Усилились дискриминационные меры в отношении турок — воинскую службу они проходили исключительно в строительных подразделениях болгарской армии, все более ограниченным становился их доступ во властные структуры, участились факты их бытовой дискриминации. Согласно существовавшим оценкам, уже в начале 80-х годов не менее половины болгарских турок проявляли склонность к переселению в Турцию. Только за десять лет (1958–1968) в Турцию переселилось 120 тыс. болгарских турок, что не могло не сказаться на внешнеполитическом престиже Болгарии и на межнациональных отношениях в самой стране[2].

Положение еще более усугубилось после того, как в январе 1985 г. в кратчайшие сроки и путем применения «административных мер» была проведена кампания по замене имен у 800 тыс. граждан Болгарии, считавших себя турками. Инициируя эту так называемую возродительную кампанию, болгарское руководство попыталось решить проблему создания «единой болгарской социалистической нации» на основе отрицания самого факта наличия турецкого меньшинства как такового. Этот акт грубой, насильственной ассимиляции не мог не вызвать протеста со стороны турецкого населения — сначала посред-

---

[1] В 1979 г. население Болгарии составляло 8860 тыс. человек, из них 88% — болгары, около 9% — турки, численность которых возрастала за счет быстрого естественного прироста. Специфическую группу болгарского населения составляли помаки — болгары, насильственно обращенные в ислам в годы османского господства. Другие этнические группы — русские, армяне, греки, евреи — численно невелики.

[2] См.: Влияние национальных проблем на отношения между социалистическими странами. М.: ИЭМСС, 1986. С. 55–61.

ством пассивного сопротивления, а затем, после мая 1989 г., когда болгарским гражданам был предоставлен свободный выезд из страны, посредством массовой эмиграции в Турцию.

Антитурецкая кампания в НРБ наложила отпечаток на отношения Болгарии с соседними странами и на ее позиции в Балканском регионе. Особо обращал на себя внимание тот факт, что в заявлениях болгарских руководящих деятелей акцентировалось «не только национальное, но и интернациональное значение проведенной акции», а также подчеркивалось, что она укрепляет позиции НРБ на Балканах. Это заявление было сделано членом Политбюро ЦК БКП С. Тодоровым в марте 1985 г., но в болгарской печати, как и другие материалы, связанные с переменой имен у турок, опубликовано не было[1].

В целом нельзя не заметить, что «возродительная кампания» имела целый ряд негативных последствий для самих этнических болгар, оживив у них националистические настроения, свойственные части болгарского населения на более ранних этапах истории. По оценке авторов опубликованного в Болгарии в 1994 г. исследовательского проекта, многовековая конфессиональная и этническая разность христиан и мусульман в Болгарии, будучи «опущена» тоталитарным режимом на уровень обыденного сознания, стала деструктивной силой в результате сознательного внесения национализма в широкие слои болгарского общества[2].

Попытки пришедшего к власти после 1989 г. нового болгарского руководства восстановить историческую справедливость в отношении турок сразу же натолкнулись на серьезное сопротивление болгарского населения, особенно на юге страны, где исторически проживали болгарские турки. Появившиеся в Разградской области и общине Кырджали лозунги «Болгария для болгар» и «Остановите отуречивание Болгарии» показывали, насколько опасными могут стать последствия разжигания «великодержавного» национализма даже в такой небольшой стране, как Болгария[3].

В начале 90-х годов в национальной политике Болгарии и ее отношениях с балканскими соседями наступили кардинальные перемены. В октябре 1991 г. был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве с Грецией, а в декабре того же года подписан «Софийский документ»

---

[1] Заявление С. Тодорова было приведено в изложении в югославской газете «Политике» за 29 марта 1985 г. (см. там же. С. 63).

[2] См.: Relations of Compatibility and Incompatibility between Christians and Muslims in Bulgaria. Sofia, 1994. P. XI.

[3] См.: Социализм: прошлое и настоящее. С. 101.

о мерах по обеспечению доверия, безопасности и военных контактах между Болгарией и Турцией, дополненный в мае 1992 г. двусторонним Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Вопреки исторически сложившейся позиции Болгария стала также первым государством, признавшим в декабре 1992 г. независимость Македонии и наличие македонского языка.

Столь резкие изменения в болгарской национальной политике и во взаимоотношениях Болгарии с соседями можно отчасти объяснить стремлением болгарского руководства соблюсти условия, которые способствовали бы интеграции страны в НАТО и ЕС. Но отказ от неприемлемых проявлений национализма во внутренней и внешней политике, несомненно, явился также одной из важных основ демократизации страны, ее модернизации после устранения авторитарного режима.

Проявления национализма в многонациональной Югославии

В первые послевоенные годы национальная политика югославского руководства полностью основывалась на использовании советского опыта, по образцу СССР была построена и сама югославская федерация, основанная на союзе национальных (титульных) республик[1].

Для многонациональной Югославии с самого начала был объективно важен международный аспект национальной проблематики, поскольку при установлении ее границ значительная часть южнославянских народностей осталась за ее пределами[2]. Поэтому наряду с общими колоссальными трудностями, возникшими в результате

---

[1] По данным переписи 1981 г. в СФРЮ проживало 22,3 млн человек, из них — 8,1 млн сербов, 4,4 млн хорватов, 2 млн мусульман (согласно заявленной ими национальной принадлежности), 1,7 млн словенцев, 1,3 млн македонцев, около 600 тыс. черногорцев, а также лица, относимые к «народностям» (национальным меньшинствам): 1,7 млн албанцев, свыше 400 тыс. венгров, а также цыгане, турки, словаки, румыны, болгары, русины и др. Свыше 1 млн человек заявили о своей национальной принадлежности как югославы.

В соответствии с Конституцией 1946 г. государственное устройство ФНРЮ создавалось на основе демократической федерации шести национальных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины, а также Автономного края Воеводина и Автономной области Косово и Метохия (впоследствии Автономный край) в составе Сербии.

[2] По различным данным, южнославянские этнические группы проживают: в Австрии — от 60 до 100 тыс. словенцев и до 30 тыс. хорватов; в Албании — до 15 тыс. македонцев и черногорцев; в Венгрии — около 125 тыс. словенцев и хор-

конфликта между Сталиным и Тито, большой ущерб Югославии был нанесен резким ухудшением ее отношений с соседями: Венгрией, Болгарией, Румынией, Албанией, Грецией. В течение долгого времени, хотя и по другим причинам, оставались неурегулированными ее отношения с Австрией и Италией.

После образования югославской федерации (СФРЮ, до 1963 г. ФНРЮ) основное внимание при проведении национальной политики уделялось устранению неравномерности развития вошедших в ее состав республик, районов с проживанием национальных меньшинств, а также положению самих этих меньшинств. Однако позднее существовавшие при местных органах власти комитеты по делам национальностей были упразднены и ликвидировано Вече национальностей в Скупщине Югославии, усилена роль республиканских органов по проведению национальной политики.

В то же время в официальных документах указывалось, что проблему национальных меньшинств нельзя решать путем территориальных изменений, поскольку в силу исторических и других причин невозможно установить «этнически чистые» границы между государствами (имея также в виду союзные республики). Решение проблемы национальных меньшинств виделось в обеспечении всеобщих гражданских прав и консолидации общества в рамках постепенного создания единой югославской нации.

Но уже во второй половине 60-х годов в Югославии стал назревать серьезный политический кризис, вышедший на поверхность в связи с выступлениями албанцев Косово, требовавших широкой политической и культурной автономии (1968), и кризисной ситуацией в Хорватии и Словении, сопровождавшейся оживлением деятельности католической церкви и хорватской эмиграции за рубежом (1971). Во всех этих случаях просматривались межэтнические и межконфессиональные противоречия, сложившиеся на предшествующих этапах истории и ставшие симптомами нарастания национализма союзных республик.

Попытки югославского руководства смягчить эти противоречия посредством расширения федеративных прав республик нашли свое отражение в принятой в 1974 г. Конституции СФРЮ, где было оговорено право каждого народа на самоопределение (но без права на отделение) и отмечалось, что Югославия выступает за уважение прав

ватов; в Румынии — около 55 тыс. сербов и хорватов; в Италии — около 100 тыс. словенцев и 5 тыс. хорватов. Особую проблему составляли и составляют македонцы — около 300 тыс. в Греции (без права на национальную самоидентификацию) и в Болгарии (в 1956 г. их численность составляла свыше 178 тыс.).

национальных меньшинств («народностей»), подразумевая также и права тех частей народов Югославии, которые проживают в других странах на положении национальных меньшинств[1]. Но наиболее важные изменения были внесены в Конституцию в связи с определением статуса входивших в Республику Сербию автономных краев — Косово и Воеводины, права которых были существенно расширены, а полномочия Сербии в отношениях с ними соответственно урезаны.

Как отмечал известный югославский ученый-международник Предраг Симич, президент И. Броз-Тито исходил при этом из ленинского положения об опасности национализма доминирующих наций, а также из коминтерновских оценок, согласно которым причиной распада Королевства Югославия стала сербская гегемония. Отсюда и появился лозунг «Слабая Сербия — сильная Югославия», ответом на который впоследствии стала эскалация сербского национализма[2].

Несмотря на все усилия, направленные на поддержание равновесия в отношениях между союзными республиками, национальный вопрос оставался одной из самых острых проблем СФРЮ. Свидетельством тому были напряженные отношения Сербии с экономически более развитыми Хорватией и Словенией, а также с депрессивными Черногорией и Македонией. В 1978–1979 гг. после исламской революции в Иране оживилась деятельность мусульманских организаций в Боснии и Герцеговине. Наконец, на протяжении 70-х годов продолжалось активное утверждение позиций албанского населения в Косово, завершившееся массовыми выступлениями в марте 1981 г.

Наряду со сложностью внутренних национальных проблем принципиально важным для Югославии оставался их международный аспект. В этой связи в последние годы жизни И. Броз Тито был выдвинут тезис о том, что Югославия, «последовательно проводящая политику полного равноправия всех народов и народностей внутри страны, имеет право проявлять интерес к положению национальных меньшинств в соседних, в том числе и социалистических, странах отстаивать их интересы».

При активном участии югославской дипломатии положения о защите прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, были сформулированы в виде прямых обязательств государств — участников СБСЕ, а в рамках ООН в 1978 г. был принят внесенный Югославией документ о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам.

---

[1] См.: Конституция СФРЮ. Белград, 1974. С. 62, 83.

[2] См.: *Simic P.* Yugoslavia: Origins of the Crisis. Belgrade: IIPE. P. 9.

Авторитет президента И. Броз Тито, стремившегося не допустить нарастания национализма в центральной и самой крупной республике СФРЮ — Сербии, отчасти сдерживал открытые проявления национализма союзных республик, скрепленных общими «обручами» — единым Союзом коммунистов Югославии и Югославской народной армией. Но после его смерти национализм союзных республик вышел на авансцену, что наиболее ощутимо проявилось в Сербии и стало прологом распада СФРЮ. В целом же общественная жизнь в Югославии, по оценке известного югославского политолога Душана Янчича, проходила в 80-х годах «под знаком националистического тоталитаризма, провинциализма и балканизации» на фоне развивавшегося экономического кризиса.

Сближение в этих условиях интересов и позиций сербских коммунистов и националистически настроенной интеллигенции было закреплено избранием в 1987 г. на высший партийный пост Слободана Милошевича, пошедшего по пути кардинального пересмотра политического наследия И. Броз Тито. Эскалация национализма в Сербии под лозунгами «объединения всех сербов в едином государстве» и создания «Великой Сербии» породила цепную реакцию национализма во всех югославских республиках[1]. Максималистские территориальные претензии («Хорватия в ее исторических границах», «Великая Албания» и т.д.) привели в 1991 г. к вооруженным столкновениям и в конечном счете, как об этом уже говорилось, к распаду СФРЮ.

Эволюция «албанской проблемы» в Косово

Значение «албанской проблемы» уже в 90-х годах вышло далеко за пределы Косово и Югославии, превратившись, по образному выражению итальянского политолога Роберто Спано, в «бомбу с часовым механизмом» на Балканах. Напряженность между подавляющим большинством албанского населения и остальными этническими группами Косово, преимущественно сербами, вылилась в тяжелейший международный конфликт конца 90-х годов. Но она накапливалась и вышла на поверхность как результат длительного исторического пути и совместного проживания в этой части Балканского полуострова двух этнических групп — сербов и албанцев.

[1] Согласно переписи 1981 г., за пределами Сербии — в Боснии и Герцеговине, Хорватии и других югославских республиках проживало около 3 млн сербов.

Косово было экономическим и политическим центром сербского средневекового государства, где до XVIII в. находилась резиденция патриарха сербской православной церкви. Албанцы же считают Косово одним из главных очагов албанской государственности. По поводу того, кто из их предков раньше пришел в этот край, в сербской и албанской исторической литературе существуют диаметрально противоположные версии.

Османские завоевания и последовавшая исламизация заставили славянское население мигрировать на север; его место занимали переселенцы из южных, в том числе и албанских, областей. Основными очагами сербской средневековой культуры оставались православные монастыри, многие из которых до сих пор сохранились на территории Косово.

В дальнейшем на территории Косово разворачивались события, крайне запутавшие и осложнившие межнациональные отношения. Стремление вернуться в край стало одной из важных составляющих сербской национальной идеологии XIX в., но здесь же формировались и движения, целью которых было создание независимой Албании. После Второй Балканской войны (1913) Косово было закреплено за Сербией, а в 1918 г. — за Королевством сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия), после чего началось переселение в край сербов и черногорцев и постепенный отток албанского населения. Присоединение Косово к Албании в рамках созданной в годы Второй мировой войны под покровительством фашистской Италии «Великой Албании», его возвращение в состав Югославии и усилившиеся после 1948 г. репрессии против албанского населения, поддержавшего антиюгославские акции Албании, — все эти во многом противоречивые по своему характеру события не могли не оказать влияния на дальнейший характер отношений между сербами и албанцами.

Для понимания того, что произошло в 90-х годах, нельзя подробнее не остановиться по крайней мере на двух этапах новейшей истории Косово — расширении прав албанского населения края в 70-х годах и фактической ликвидации автономии края в начале 90-х.

Как известно, Автономная область Косово и Метохия была самым отсталым районом СФРЮ. По данным югославской печати[1], объем ВНП на душу населения был здесь в 5 раз меньше, чем в Словении, и вдвое меньше, чем в Сербии. Самым высоким был уровень безработицы, не говоря уже о дискриминации албанского населения, не имевшего ни своих печатных изданий, ни учебных заведений.

---

[1] Vjesnik u srijedu. 1968. 8 decembar.

В конце ноября 1968 г. вспыхнули массовые волнения албанцев Косово и Метохии и Западной Македонии с требованиями повысить статус края до уровня союзной республики; раздавались также призывы к объединению с Албанией. Организаторы волнений были арестованы, а официальное обращение о повышении статуса края было рассмотрено руководством Югославии и отклонено в феврале 1969 г.

Тем не менее после ноябрьских событий было принято решение об открытии в Приштине университета с обучением на албанском языке, созданы более благоприятные условия для развития национальной культуры, сняты запреты на использование албанского языка в общественной жизни, албанцы были допущены к участию в органах власти. В то же время власти не принимали должных мер по сохранению межэтнического равновесия: переход к повсеместному обучению на албанском языке сопровождался вытеснением сербского языка, а не пресекавшиеся местными властями антисербские акции вызвали отток сербского населения. Основную массу студентов в албанском университете составляли слушатели общественных и гуманитарных факультетов, где преподавали специально приглашенные из Албании профессора. Во время чтения их лекций вывешивались албанские национальные флаги, убирались портреты руководителей Югославии. Немаловажен и тот факт, что обучение на албанском языке ограничивало дальнейшее трудоустройство выпускников за пределами края.

И хотя возможности края, по Конституции 1974 г. ставшего субъектом югославской федерации, существенно расширились (Косово получило все права союзной республики без формального предоставления статуса), его албанское руководство, не имевшее ни опыта управления, ни желания рационально использовать предоставлявшиеся федеральным центром ресурсы, не сумело приступить к разрешению самых главных — экономических проблем края.

В эти годы на развитие экономики Косово направлялось более трети федерального фонда помощи недостаточно развитым республикам и краям (в начале 80-х годов — половина), но, вместо того чтобы вкладывать получаемые средства в сельское хозяйство или отрасли обрабатывающей промышленности, способные создать дополнительные рабочие места, косовские лидеры возводили дворцы, открыли университет, не соответствующий потребностям края, начали сооружать предприятия с передовой технологией, для обслуживания которых не хватало специалистов. В крае расцвела коррупция, и значительная помощь, которая в течение ряда лет оказывалась

этой области, использовалась преимущественно для престижных расходов руководства[1].

Уровень жизни рядовых жителей в этих условиях неуклонно понижался, поэтому неслучайно, что первоначальным лозунгом вспыхнувших в марте 1981 г. стихийных волнений в столовой Университета Приштины было: «Долой красных пашей!»[2] Но дальнейшее развитие событий пошло по иному пути. В апреле 1981 г. в числе лозунгов на этот раз уже организованных демонстраций были: «Косово — республика», «Мы албанцы, а не югославы». Масла в огонь подлило и то обстоятельство, что для подавления волнений по просьбе косовского руководства были вызваны воинские подразделения из Белграда, в результате столкновений около сорока человек погибли и более тысячи были ранены. После этого начались разграбления и поджоги православных церквей; был, в частности, сожжен датируемый XIV веком храм в Рече (80 км от Приштины)[3]. События в Косово стали первым серьезным кризисом Югославии после ухода из жизни И. Броз Тито.

В последующие годы противостояние вокруг проблемы Косово, в авангарде которого находились лидеры как албанских, так и сербских националистов, практически не прекращалось. Со стороны косовских албанцев зазвучали призывы к воссоединению с Албанией, их лидеры выдвинули идею о «национальном долге живущих в лучших условиях косовских албанцев» и о необходимости «перенять идею объединения албанцев, проживающих в двух государствах, сначала в культурном плане, а затем и в политическом»[4].

Не остались в долгу и сербские националисты. В середине 80-х годов был опубликован уже упоминавшийся Меморандум Сербской академии наук и искусств, ставший манифестом тех сербских политиков (их лидером вскоре стал С. Милошевич), которые строили планы «Великой Сербии», или же объединения под единой юрисдикцией всех территорий, населенных сербами.

Противостояние между Приштиной и Белградом развивалось на фоне общего кризиса межнациональных отношений в СФРЮ. В 1989 г. были приняты поправки к Конституции, существенно урезавшие права автономных краев в составе Сербии — Воеводины и Косово. Ограничения затронули систему образования, науку, культуру и средства массовой информации, что объяснялось необходимостью

---

[1] См.: Le Monde. 1981. 5–6 mai.
[2] См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1981. 27 April.
[3] См.: Le Monde. 1981. 3 avril.
[4] Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1981. 4 April.

«снять с них печать национальной ограниченности». После начала вооруженных конфликтов на территории Югославии в Косово было введено прямое правление Белграда, закрыты университет и школы с обучением на албанском языке и албанские СМИ, прекращены передачи на албанском языке по радио и телевидению[1].

После распада СФРЮ в Косово началось возглавленное Ибрагимом Руговой пассивное сопротивление сербским властям, вылившееся в создание подпольной системы образования албанского населения. Параллельно с этим формировались вооруженные подразделения экстремистов, первые выступления которых произошли в 1997 г., что и привело к глубочайшему внутреннему, а затем и международному кризису конца 90-х годов, кульминацией которого стали авиаудары НАТО по Югославии.

Принятая СБ ООН в июне 1999 г. резолюция 1244 подтвердила территориальную целостность СРЮ и установила международный протекторат над Косово, но не привела к разрешению ключевых проблем — вопросов о статусе Косово и о положении сербского меньшинства. После установления международного протектората большая часть сербского населения вынуждена была выехать из края либо проживать в охраняемых международными миротворцами анклавах, не имея необходимой свободы передвижения.

Не были решены и проблемы безопасности края, перенасыщенного оружием, — в июне 2003 г. на руках у населения находилось от 330 до 460 тыс. единиц оружия, в большинстве незарегистрированного[2]. Большая часть населения — молодежь в возрасте до 18 лет вовлечена в наркоторговлю и связанную с ней торговлю оружием. Косовское село Велики-Тырновац выделено на карте Интерпола жирным черным кругом — здесь находится один из самых крупных в Европе центров наркобизнеса. Очищенные наркотики, преимущественно героин, уходят в европейские страны, а полученная прибыль поступает в фонд приобретения оружия. При этом характерно, что албанские и сербские наркоторговцы не обращают внимания на этническую принадлежность своих клиентов и друг друга, исходя из того что «героин и те, кто его продает и потребляет, не имеют национальности»[3].

---

[1] См.: *Смирнова Н.Д.* Конфликт в Косово как часть албанского вопроса // Косово: международные аспекты кризиса. М.: Центр Карнеги, 1999. С. 102.

[2] См.: Institute for War and Peace Reporting (WPR), Balkan Crisis Report, No 470, 27.11. 2003.

[3] IWPR, Balkan Crisis Report, No 452, 30.07.2003.

Связь наркоторговли с криминальными и террористическими организациями вынужден был признать и покойный лидер «Демократической лиги Косово» Ибрагим Ругова. «Вопрос терроризма сложный и тяжелый, потому что в этом регионе укрылись худшие элементы опаснейших преступных организаций мира... Члены организации “Аль-Каида” тренировали здесь террористов, которые действовали в Чечне. Речь идет о проблеме, которую я намереваюсь поставить перед ООН и Европейской комиссией»[1].

Таким оказался результат столкновения двух «национализмов», вылившегося в длительное противостояние между албанским и сербским населением края, Приштиной и Белградом. Вне зависимости от формального статуса края «косовская проблема» еще долго не будет закрыта, и нынешняя внутренняя ситуация в Косово подтверждает сложившиеся об этом крае представления как о «бомбе замедленного действия» на Балканах.

Национализм как фактор региональной дестабилизации

Можно утверждать, что национализм (в различных его ипостасях) наряду с тупиковыми путями социально-экономического развития стран Юго-Восточной Европы и воздействием на них, как правило, неблагоприятных международных факторов стал той глубинной причиной, которая в конечном счете дестабилизировала обстановку в регионе. В 60–80-х годах авторитарные режимы предпринимали попытки сплочения наций под лозунгами «единства нации» и «патриотизма», проводя в то же самое время политику ассимиляции национальных меньшинств (пример Румынии и Болгарии), что не могло не привести с их стороны к активному сопротивлению. В Югославии, напротив, попытки «сдерживания» национализма доминирующей нации привели к его усилению и последующей эскалации «национализмов» союзных республик, что повлекло за собой распад СФРЮ и серию вооруженных конфликтов.

Анализ всей ситуации был бы, однако, неполным без упоминания о том инструментарии, который использовали в своей практике националистические режимы.

Для поддержания в обществе националистического настроя одних политических деклараций, как об этом свидетельствует опыт, было недостаточно. Созданию соответствующих «масс-эмоций» способствова-

---

[1] Из интервью И. Руговы корреспонденту ИТАР-ТАСС О. Осипову (см.: Пульс планеты. 2001. 20 ноября).

ло сознательное формирование негативных стереотипов или «образов врага» в лице своих оппонентов (национальных меньшинств, соседних государств и т.д.). Подобного рода стереотипы формировались в течение длительного времени, имея под собой некую «историческую первооснову»: опыт совместного или раздельного проживания, конфронтации и войн, приобщенности к центральноевропейской (австро-венгерской) или какой-либо иной политической культуре. В 60–80-е годы эти негативные стереотипы были взяты на вооружение в целях удержания (укрепления) политического господства или в борьбе за власть.

Созданию такого рода стереотипов способствовали не только целенаправленные публикации в средствах массовой информации, но и соответствующие научные «исследования» в области общественных наук, прежде всего истории. Известно, что своекорыстно трактуемая история и соответствующим образом построенная система школьного образования становятся серьезным «подспорьем» в деле формирования националистических настроений в обществе, ведь многие почерпнутые из школьных учебников постулаты большинством населения всю последующую жизнь воспринимаются как аксиомы. Опыт эксплуатации внедренных в массовое сознание стереотипов, по оценке авторов предпринятого Болгарской академией наук в 1994 г. исследовательского проекта, подтверждает их латентную деструктивность[1]. Авторы проекта приводят примеры использования в болгарской учебной литературе межвоенных лет негативных стереотипов соседей: «национальные чувства сербов граничат с шовинизмом», греки «лживы и, если они сильны, жестоки», турки «фанатичны и привержены религиозным догмам», румынам «свойственна вороватость» и т.д.[2]

На подобного рода учебниках, которые имели хождение не только в межвоенные годы и не в одной Болгарии, воспитывалось несколько поколений. Характерно, однако, и это подтверждается многочисленными примерами, что в повседневной практике люди все же редко акцентируют свое внимание на национально-этнической принадлежности соседа и тем более вступают на этой почве в конфликты. Даже в таком сложном случае, как отношения между сербами и албанцами в Косово, до возникновения открытого конфликта между ними в быту, как правило, поддерживалось согласие, особенно в отношениях между сельскими жителями, о чем свидетельствовали проведенные в 80-х годах полевые исследования[3].

---

[1] См.: Relations of Compatibility... P. XI.

[2] Ibid. P. 257.

[3] См.: *Kostovic D.* The Trap of the Parallel Society // Transitions. 1998. May. P. 21.

Как справедливо подчеркивала Невенка Тромп Вркич, идеология, способствующая поддержанию негативного образа «другого», сознательно культивировалась и использовалась национальными элитами в процессе обретения независимости бывших союзных республик СФРЮ, а развязывание войн между ними стало прямым следствием борьбы политических группировок за власть[1].

Взаимно культивируемые на основе односторонних трактовок исторического процесса негативные стереотипы и предубеждения были свойственны национальным элитам стран Центрально-Восточной Европы и Балкан, особенно в годы правления авторитарно-тоталитарных режимов. Исторический диспут румын и венгров по поводу принадлежности Трансильвании способствовал, согласно характеристике румынского историка и правоведа А. Дуцу, созданию атмосферы взаимной предубежденности между венграми и румынами. Для большинства румын Трансильвания — это символ двухтысячелетней истории, начиная с Древней Дакии, что, по их мнению, возвышает их над «пришельцами» — венграми. Венгры же считают, что румыны имели изменявшуюся на протяжении веков, нестабильную территорию *(mobile fatherland)* и что венгерские племена пришли в Трансильванию раньше румын. К тому же венгры как бывшие жители Австро-Венгрии считают себя участниками магистральной линии европейской цивилизации, ее защитниками от натиска Османской империи, а румын — «сельским народом», наследником «византинизма»[2].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что взаимные предубеждения возникают не столько как результат бытовых или межличностных противоречий, сколько становятся следствием целенаправленной пропагандистско-политической линии, внедрявшейся в школьные учебники, популярные издания, средства массовой информации и т.д.

Перспективы преодоления «исторического наследия» трудны, но не безнадежны. Об этом свидетельствует опыт урегулирования одного из самых затяжных конфликтов — спора между Венгрией и Румынией по поводу положения венгерского населения в Трансильвании и статуса этой провинции. Сегодня националистически окрашенные оценки совместной истории можно встретить разве что в изданиях экстремистского и радикального толка.

---

[1] Vampires Unstaked. National Images, Stereotypes and Mythes in East-Central Europe. Amsterdam, 1995. P. 235.

[2] Ibid. P. 91.

Перечень скрытых и явных «болевых точек» нынешнего состояния и наметившихся путей решения накопившихся проблем можно было бы продолжить. Представляется, что взаимные подозрения и скрытое недоверие будут еще долго будоражить умы враждовавших сторон. Негативные стереотипы «других», «образы врага» изживаются значительно труднее, чем подписываются политические соглашения. Можно поэтому утверждать, что националистическое наследие XX в. еще не скоро будет окончательно преодолено в сознании нынешнего и будущего поколений стран Юго-Восточной Европы.

Часть III. СИСТЕМНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

Глава 5. Сравнительный анализ процессов экономического и социального развития стран региона

Особенности переходного периода в Юго-Восточной Европе

Переход к рыночной экономике и многопартийной демократии в странах этого региона оказался более сложным, чем в других частях бывшего социалистического пространства. Начиная с 1991 г., некоторые политически обусловленные процессы оказали крайне негативное влияние на всю Юго-Восточную Европу (ЮВЕ): развал Югославии, пять вооруженных конфликтов во всех государствах бывшей СФРЮ (в хронологическом порядке: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Косово, Союзная Республика Югославия — СРЮ, Македония), приоритетность политических целей перед экономическими в некоторых странах ЮВЕ, на протяжении длительного времени — международные санкции против СРЮ, проблемы, связанные с названием бывшей Югославской Республики Македонии, бомбардировки НАТО Югославии в 1999 г. Эти события самым разрушительным образом сказались на экономике затронутых ими стран, главным образом государств бывшей Югославии, оказали негативный эффект на течение и скорость переходного процесса, поскольку макроэкономическая стабилизация и ряд важных реформ неоднократно приостанавливались.

Сегодня экономические показатели в странах ЮВЕ отличаются от результатов, достигнутых в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) или даже в Содружестве Независимых Государств (СНГ). Самые серьезные экономические проблемы связаны с внутренними противо-

речиями роста и развития, которые в некоторых странах отягчаются навязываемыми извне повестками дня по реформированию, зависимостью от внешней помощи и неудачной политикой международного содействия. Несмотря на огромную международную многостороннюю и двустороннюю помощь, оказывавшуюся, особенно со стороны ЕС, странам ЮВЕ на протяжении всех 90-х годов, данный регион оставался одним из наиболее нестабильных в политическом и экономическом плане, подвергаясь повторяющимся экономическим кризисам, замедлению реформ, изменениям в процессе макроэкономической стабилизации и экономического оздоровления[1].

Только за последние несколько лет перспективы экономического, политического и международного развития в ЮВЕ существенно улучшились благодаря как внутреннему политическому развитию двух ключевых страна региона — Хорватии и Сербии, так и фундаментальным изменениям в международной стратегии по отношению к ЮВЕ после бомбардировок НАТО Югославии в 1999 г. Тем не менее возникновение кризиса в Македонии в 2001 г. и не вполне определенный статус некоторых государств (например, Боснии и Герцеговины) предполагают, что риск возникновения политической (и экономической) нестабильности в ЮВЕ еще существует. Ключевым вопросом для стран ЮВЕ остается дальнейший переход к рыночной экономике и создание благоприятных условий для стабильного экономического роста, интеграция с соседними странами через региональное сотрудничество и тем самым подготовка к будущему членству в ЕС.

Обозначив наиболее общие черты развития экономики стран ЮВЕ, проанализируем теперь более подробно конкретные экономические характеристики. Учитывая опыт стран ЦВЕ и СНГ, целесообразно избрать три параметра:

- макроэкономическое состояние стран ЮВЕ в 90-х годах;
- прогресс институциональных реформ, обусловленных переходным этапом;
- перспективы развития: решающая роль политики прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и ЕС.

Постсоциалистический регион ЮВЕ включает восемь стран: Албанию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Хорватию, Македонию, Сер-

---

[1] См.: *Hoey J., Kekic L.* What's Wrong with the Balkans // Country Forecast, Eastern Europe and the Former Soviet Union: Regional Overview (L.: Economist Intelligence Unit). March. 1997.

бию, Черногорию и Румынию (ЮВЕ-8). В настоящем анализе будут учитываться, прежде всего, страны Западных Балкан, без Болгарии и Румынии.

Макроэкономическое состояние

Во всех странах ЮВЕ переход к рыночной экономике начался еще в 1989–1990 гг., но в силу определенных факторов протекал на разных скоростях. Как и ранее в ЦВЕ, первоначальные меры переходного процесса, принятые в начале 90-х годов, имели негативные последствия, включая существенный спад производства, высокую инфляцию, рост безработицы, социальное неравенство и нищету.

В некоторых странах ЮВЕ, включая Сербию, Черногорию, часть Боснии и Герцеговины (Республика Сербская) и Румынию, макроэкономическая стабилизация так и не состоялась. Во всех этих странах средний уровень инфляции в 2001 г. составлял десятки процентов, хотя и заметно понизился в последние годы. Самый высокий уровень инфляции наблюдался в Сербии и Черногории, составив 90%, и прежде всего по причине малопродуктивных мер по либерализации цен в ходе политических изменений после октября 2000 г.

Перспективы последующего роста в странах ЮВЕ достаточно хорошие, но экономическое оздоровление после глубокого отката начала 90-х годов не в силах компенсировать потери, вызванные спадом производства на ранних стадиях реформирования. Отчасти это следствие тенденции отката после фазы оздоровления, с зафиксированным рейтингом негативного роста во второй половине 90-х годов, которая наблюдалась во всех странах, кроме Боснии и Герцеговины.

Таким образом, даже сегодня ни одна из экономик стран ЮВЕ, кроме Албании, у которой сохранялся рост ВВП на протяжении всех 90-х годов, не достигла уровня 1989 г. Страны ЮВЕ остаются неразвитыми, в то время как низкая покупательская способность стимулирует возникновение контрабанды, нелегальной торговли и подпольного производства[1].

В странах ЮВЕ существует значительно более широкая дифференциация по достигнутому уровню развития, чем в ЦВЕ. В 2000 г. самой

---

[1] См.: *Gligorov, V.* Trade and Investment in the Balkans // *Gligorov, V., Vidovic H. (eds.).* European Bank for Reconstruction and Development. On the Way to Normality — The States on the Territory of Former Yugoslavia in the Postwar Period. Vienna Institute for International Economic Studies. Paper No 250. October 1998.

богатой страной являлась Хорватия с ВВП на душу населения свыше 6800 долл. США, что приблизительно сравнимо с Польшей, а самой бедной — Албания с ВВП на душу населения только 2500 долл., что соответствует 30 и 10% среднего статистического уровня в ЕС. Сегодняшний уровень развития в странах ЮВЕ отражает и структура их экономики; сельское хозяйство составляет основную долю национального продукта в Албании (свыше 50% ВВП), тогда как в других странах намного лучше развит промышленный сектор.

Социальные жертвы переходного периода и сдерживающая макроэкономическая политика также достигли высокого уровня, несмотря на то, что в большинстве стран предпринимались попытки создания новых рабочих мест. В начале 2000-х годов уровень безработицы достиг более высоких показателей, чем в других странах с переходной экономикой — в Македонии (45%), Боснии и Герцеговине (почти 40) и Югославии (27%). Однако эти цифры не учитывают того факта, что большой процент занятости во всех странах ЮВЕ обеспечивает теневая экономика; согласно некоторым исследованиям, ее объем существенно выше в странах ЮВЕ, нежели в ЦВЕ, хотя и меньше, чем в странах СНГ, составляя от 32% в Хорватии до 45% в Албании и Македонии.

Внешний сектор стран ЮВЕ также отмечен высокой неустойчивостью. Во всех странах наблюдается крайне нестабильный уровень внешней торговли, объем импорта в некоторых странах ЮВЕ в 2, 3, даже 4 раза превосходил объем экспорта. Текущий дефицит в 2001 г. в Албании, Боснии и Герцеговине, Македонии находился на опасном пороге в 7% ВВП. Дисбаланс может регулироваться вливаниями капитала из-за рубежа (долговое финансирование, иностранная помощь, или прямые иностранные инвестиции — ПИИ), но, до тех пор пока торговый дефицит будет покрываться вливанием капитала, это хотя и может позитивно сказываться на росте производства, будет порождать критическую зависимость от ПИИ[1]. Расширения ПИИ в большинстве стран ЮВЕ добиться не удалось в виду того, что они, прежде всего, полагались на иностранную помощь. В Боснии и Герцеговине основные вливания в 1999 г. достигали 31% ВВП, но затем резко упали. Весь комплекс проблем отягчался растущим внешним долгом.

В страны ЮВЕ в 90-х годах были направлены значительные международные финансовые ресурсы, что в некоторых из них привело

---

[1] См.: *Schneider F.* The Size and Development of the Informal Economy in Eastern Europe. Paper presented at the World Bank-Bertelsman Foundation Conference on the Informal Economy in the EU Accession Countries. Sofia. 18–19 April 2002.

к замкнутому кругу финансовой зависимости. Низкий уровень развития обусловил необходимость полагаться на внешние источники финансирования, а в случае с ЮВЕ — главным образом на дотации и займы (больше, чем на ПИИ), чтобы сохранить внутренние ресурсы. Однако основная часть иностранных средств была использована не для продуктивного вложения, а совсем на другие цели (программы по чрезвычайным ситуациям, гуманитарную помощь) и, таким образом, не слишком помогла созданию условий для поддержания устойчивого роста. В некоторых странах ЮВЕ это породило «зависимость от помощи»: подобная виртуальная экономика подвержена риску полного и мгновенного развала, стоит лишь приостановить финансовую помощь. В таких условиях странам ЮВЕ приходится сталкиваться с дополнительными трудностями в достижении самостоятельного роста, поскольку они по-прежнему зависят от непрерывных финансовых вливаний из-за рубежа. Феномен зависимости от помощи — огромные международные финансовые трансферты без создания благоприятных условий для более основательного экономического оздоровления и самостоятельного роста — сегодня является актуальнейшей проблемой, прежде всего в Боснии и Герцеговине и в Косово, но может стать серьезной проблемой и для Черногории, Македонии и Сербии. Скорейшее пресечение подобных тенденций, смена фокуса и природы программ иностранной помощи являются поэтому одними из наиболее срочных задач.

Другой важнейшей характеристикой экономического развития в ЮВЕ остается относительно невысокий уровень сбережений и их инвестирования, который в этом регионе существенно ниже, чем в странах ЦВЕ. Такой уровень сбережений — результат действия нескольких взаимодополняющих факторов, включая низкий уровень доходов, снижение жизненных стандартов, неразвитость финансовых рынков, разнообразные финансовые пирамиды (в Албании, Болгарии, Македонии, Сербии), отсрочки банковского реформирования, отсутствие уверенности в официальных финансовых институтах, продолжение практики сбережений «под матрасами», высокий уровень коррупции и преступности. В четырех странах ЮВЕ, по которым представлены данные (Болгария, Хорватия, Македония, Румыния), уровень инвестиций в 1999 г. составлял от 14 до 17% ВВП. И хотя большинство стран ЮВЕ привлекли также ограниченные иностранные инвестиции, уровень инвестирования в них был значительно ниже, чем в таких лидирующих странах с переходной экономикой, как Чехия, Венгрия или Польша.

Большинство из рассмотренных проблем являются серьезными ограничителями роста и развития в ЮВЕ. Эти проблемы невозможно решить быстро, но необходимо постепенно устранять их, продолжая институциональные и экономические реформы в соответствии с главными целями перехода к рыночной экономике. Принятые пока что краткосрочные меры — макроэкономическая стабилизация, либерализация цен и внешней торговли, — безусловно, возымели определенный эффект, но этого недостаточно, чтобы вывести регион ЮВЕ из разряда развивающихся. Крайне неудовлетворительная ситуация сложилась в Боснии и Герцеговине, где введение контроля за валютным курсом создало лишь видимость монетарной стабильности, ясно предостерегая от принятия слишком простых решений. В среднесрочной по крайней мере перспективе иностранный капитал должен продолжать играть ведущую роль в регионе, для того чтобы страны ЮВЕ получили «здоровый импульс», который мог бы привести их к достижению самостоятельного экономического роста.

Прогресс институциональных реформ

Более быстрому экономическому росту в ЮВЕ препятствуют отсрочки в осуществлении некоторых важных экономических реформ, необходимых для перехода к рыночной экономике. Согласно данным Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), не наблюдалось больших различий между странами ЦВЕ и ЮВЕ по таким направлениям реформирования, как маломасштабная приватизация, либерализация цен или реформирование торговли. Тем не менее введение политики здоровой конкуренции, государственного предпринимательства и реструктурирования или развитие сфер рыночной безопасности и небанковских институтов в странах ЮВЕ неуклонно тормозилось и откладывалось. Хотя в большинстве стран доля частного сектора в ВВП уже в начале 2000-х годов превышала 60%, приватизация оставила множество нерешенных проблем, а слабое корпоративное управление существенно тормозило микроэкономическое реструктурирование. Нужно также учитывать, что показатели ЕБРР покрывают большинство сфер реформирования, но не вскрывают других экономических проблем, с которыми могут столкнуться страны, особенно в среднесрочной перспективе.

В регионе ЮВЕ существуют значительные различия в прогрессе, достигнутом в разных областях экономического реформирования. Пока что только Хорватия достигла позитивных результатов; в некоторых

областях продвинулись Болгария и Румыния, хотя показатели ЕБРР не учитывают сложности структурного реформирования[1]. Другие страны ЮВЕ отстают. Это особенно характерно для Сербии и Черногории, которые вступили на путь радикальных экономических и институциональных реформ только после политических изменений в октябре 2000 г., но все же продвигаются вперед. Босния и Герцеговина все еще преодолевает послевоенные трудности, связанные с хрупкостью ее институтов и недееспособностью государственной администрации.

Перспективы развития: решающая роль ПИИ и политики ЕС

Два дополнительных фактора могут оказаться решающими для перспектив развития стран ЮВЕ. Они связаны с уже упоминавшейся важной ролью внешнего финансирования и политикой ЕС в отношении стран ЮВЕ в будущем. Оба эти фактора еще несколько лет назад являлись серьезным тормозом для быстрого развития региона. ПИИ в ЮВЕ на протяжении 90-х годов были довольно ограниченными. В то же время политика ЕС в отношении большей части региона — Западных Балкан — оставалась, вплоть до конца 90-х годов, малопонятной и краткосрочной. Радикальные политические изменения в Хорватии и Сербии в 1999 и 2000 гг. существенно повлияли на постепенное улучшение общей экономической среды во всем регионе и способствовали кардинальным переменам в политике ЕС. Можно надеяться, что оба эти фактора станут основными элементами, способными облегчить и ускорить процесс развития во всех странах ЮВЕ.

На данный момент приток ПИИ в ЮВЕ остается крайне невысоким по сравнению со странами ЦВЕ в переходный период, даже если учитывать Болгарию и Румынию. В силу огромного политического риска, большого интереса иностранных партнеров к другим переходным экономикам и незначительных масштабов рынка (исключением может быть только Румыния) регион смог привлечь весьма ограниченные инвестиции. За первую половину 90-х годов (точнее, за период с 1989–1996 гг.) общий приток инвестиций в шести странах ЮВЕ (без Боснии и Герцеговины, по которой нет данных) составлял только 2,8 млрд долл., соответствуя 6,6% их общего объема во всех 27 странах с переходной экономикой, или 9,1% прямых инвестиций в 15 странах ЦВЕ и ЮВЕ[2].

---

[1] См.: *Nuti D.M.* On the Over-Optimistic Bias of EBRD Transition Progress Indicators. Seminar paper. Economic and Social Research Council. London, 7 June 2000.

[2] Рассчитано автором по данным: EBRD. Transitional Report. 2001. P. 68.

Ситуация с ПИИ улучшилась главным образом за последние годы. После 1997 г. ежегодный приток ПИИ в ЮВЕ составил приблизительно 3 млрд долл. (это почти столько же или даже больше, чем за 1989–1996 гг.). Тем не менее общая доля стран ЮВЕ в ПИИ за последние несколько лет заметно снизилась. К тому же общий объем инвестиций распределяется по странам региона неравномерно: основные капиталовложения осуществлялись прежде всего в Румынию, Болгарию и Хорватию.

Общая картина, однако, окажется еще менее благоприятной, если исключить из перечня Болгарию и Румынию, которые среди прочих стран ЮВЕ привлекли к настоящему моменту большую часть всех инвестиций. Тогда совокупный приток инвестиций (без Боснии, по которой нет данных) в 1989–1996 гг. составил менее 900 млн долл. (2,1 и 2,9% общего объема инвестиций за тот же самый период в 27 и 15 странах соответственно). Ситуация существенно улучшилась только к недавнему времени, но их доля по-прежнему остается на очень низком уроне: 5% общих инвестиций во всех 27 странах, или 7% прямых иностранных инвестиций в 15 странах ЦВЕ и ЮВЕ.

Согласно оценкам «Economist Intelligence Unit», бум иностранного инвестирования в страны с переходной экономикой, включая ПИИ в страны ЮВЕ, вскоре сменится глобальным спадом. В ближайшей перспективе есть только две страны — Сербия и Черногория, которые, похоже, смогут рассчитывать на привлечение большой доли инвестиций, что значительно оздоровит их экономику и переместит с 27-го места в 1996–2000 гг. на 16-е в 2001–2006 гг.[1]

Другой решающий фактор для перспектив будущего развития стран ЮВЕ связан с подписанием Соглашений о стабилизации и ассоциации, основанных на новом ви́дении отношений между ЕС и странами ЮВЕ. Впервые за истекшие годы для них открылись перспективы будущего членства в ЕС. В то же самое время программа по финансовому содействию CARDS была призвана обеспечить 4,65 млрд евро за 2000–2006 гг., с тем чтобы поддержать их усилия в процессе перехода и реконструкции. Членство в ЕС — главная стратегическая цель для всех стран ЮВЕ, и ЕС наконец рассматривает все восемь стран ЮВЕ как потенциальных своих членов. Однако все еще нет полной ясности относительно процесса будущей интеграции стран ЮВЕ в ЕС, что будет зависеть не только от их готовности к членству, но и от

[1] См.: *Kekic L.* Foreign Direct Investment and the East European Transition. Paper presented at the international conference “The European Future of FR Yugoslavia”. Belgrade, November 2001.

готовности самого ЕС принять в свои ряды новых членов. Так что многие вопросы остаются пока без ответа.

Одним из таких вопросов являются критерии вступления в ЕС, которые так интенсивно обсуждаются применительно к странам ЮВЕ. Большинству из них, учитывая нынешний низкий уровень развития, придется, похоже, столкнуться с серьезными трудностями в попытке догнать более развитые страны нынешних и потенциальных членов ЕС. Чтобы не допустить дальнейшего разрыва в развитии между странами — членами ЕС и будущими претендентами, вероятно, необходимо создать новые механизмы поддержки стран ЮВЕ. Но здесь есть некоторые сложности. Поскольку такие страны-кандидаты, как, например, Болгария и Румыния, уже добились согласия на прием в ЕС в январе 2007 г., то, скорее всего, они получат значительно большую часть финансовой помощи, чем остальные страны ЮВЕ. В результате экономический разрыв между ними увеличится.

Имея в виду весьма долгосрочные перспективы членства большинства стран ЮВЕ в ЕС, было бы, по-видимому, полезным определить критерии поддержки развития их экономик, нежели настаивать на достижении тех показателей, которые станут необходимыми на более поздней стадии, т.е. в момент их вступления в ЕС. Иными словами предпочтительнее, чтобы страны ЮВЕ направили свои ограниченные ресурсы на проведение реформ и развитие, чем на приведение законов в соответствие с законодательством ЕС.

Другой важный вопрос касается использования Европейским союзом финансовых ресурсов в регионе. Огромную важность представляет улучшение эффективности программ по иностранному содействию. За истекшие годы относительно большой объем ресурсов ЕС уже был направлен непосредственно в страны ЮВЕ. Общий объем средств, направленных в ЮВЕ-6 с 1991 по 1999 г. (включая ЕС, двустороннюю помощь, фонды ЕБРР), составил 8,2 млрд евро — это даже больше, чем прямые инвестиции за тот же период. Поскольку большинство стран ЮВЕ сейчас беднее, чем они были в 1989 г., понятно, что все эти денежные средства ушли в основном на потребление, а не на инвестирование. Предоставленная помощь позволила этим странам скорее выжить, нежели развиваться и процветать. Чтобы трансформировать ЮВЕ в экономически благополучный регион, крайне необходимо, чтобы финансовые ресурсы в рамках программы CARDS были использованы прежде всего для содействия самостоятельному росту и развитию стран ЮВЕ.

Страны ЮВЕ все еще сталкиваются с огромным числом сложных проблем — экономических, политических, социальных, — которые

Таблица 5.1

Юго-Восточная Европа. Основные данные за 2003 год

	Албания	Босния и Герцеговин	Болгария	Хорватия	Македония	Румыния	Сербия и Черногория	Новые члены ЕС=8	ЕС=15	ЕС=25
ВВП, млрд евро, по курсу	5,42	6,22	17,59	25,11	4,14	50,35	17,22	425,36	9294,93	9735,75
ВВП, млрд евро, по паритету покупательной способности	11,76	23,29	53,41	43,94	12,99	146,25	35,32	864,55	9294,93	10179,15
ВВП, евро, по паритету покупательной способности ЕС-25=100	0,1	0,2	0,5	0,4	0,1	1,4	0,3	8,5	91,3	100,0
ВВП, евро, по паритету покупательной способности на душу населения	3740	6030	6830	9890	6340	6730	4260	11 835	24 302	22292
ВВП, %, по паритету покупательной способности на душу населения, ЕС-25=100	17	27	31	44	28	30	19	53	109	100
ВВП, в постоянных ценах 200=100	119,4	114,1	114	114,5	99,3	116,4	111,7	109	103,7	103,9
Индекс промышленного производства, в постоянных ценах 199=100	41,3	–	62,1	74,7	50,9	72,6	43,5	140,2	117,8	118,8
Индекс промышленного производства, в постоянных ценах 200=100	112,0	113,4	117,2	116,3	96,3	118,5	99	113,3	99,5	100,1
Уровень цен, на основе ППС и курса валют ЕС-15=100	46	27	33	57	32	34	49	49	100	96
Средняя заработная плата, евро	–	395	145	743	326	179	176	724101	2818	2543
Приток капитала, % ВВП	3,2	5,0	1,6	1,7	–	0,6	0,4	1,8	6,8	6,6
Отток капитала, % ВВП	0,4	1,5	4,1	5,8	–	1,8	1,2	4,5	7,2	7,1
Прямые иностранные инвестиции на душу населения, евро	336	294	551	2044	520	465	327	2031	–	–

Источники: WIIIM (Венский институт международных экономических исследований — ВИМЭИ), AMECO, Eurostat. Паритет покупательной способности для Албании, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории — оценки ВИМЭИ. С сокращениями перепечатано из кн.: Jacanje konkurentnosti preduzeca i privrede. Megatrenduniversitet primenjenih nauka. Beograd, 9. December 2005. S. 101.

до сих пор не решены и не могут быть решены еще какое-то время. Первостепенная ответственность за поиск выхода лежит прежде всего на самих странах ЮВЕ. Но от своей доли ответственности не может уклониться и международное сообщество, учитывая, что многие из этих проблем, особенно политические, за последние годы стали по-настоящему интернациональными.

Несмотря на это, общие перспективы региона выглядят сегодня намного предпочтительнее, чем в 90-х годах. Дальнейшее осуществление перехода к рыночной экономике, демократизации, региональной интеграции, меры, облегчающие странам ЮВЕ выход на рынки ЕС, весомая международная помощь ЕС и других иностранных доноров, перспективы будущего членства в ЕС и возможное увеличение прямых иностранных инвестиций создадут более благоприятные условия для стабилизации и устойчивого роста. Все это, в свою очередь, должно обеспечить интеграцию стран ЮВЕ в Большую Европу, несмотря на все неясности и трудности, связанные с будущими интеграционными процессами в самой Европе. Но, вероятно, наиболее важно, что эти процессы теперь становятся необратимыми даже в таких странах, как Сербия и Черногория, где возможные политические перемены могут сказаться лишь на темпах переходного периода, но не на его общей направленности.

Глава 6. Становление демократии в «постсоциалистических» странах Юго-Восточной Европы

Страны региона начали переход к новому общественному строю и политической демократии в условиях, которые в современной «транзитологии» принято именовать «структурно неблагоприятными». Не предвещал быстрого успеха уровень их социально-экономического развития, более низкий (кроме Словении), чем в государствах Центральной Европы. Не сулили этого ни острота межэтнических и национально-территориальных проблем, ни политические традиции, ни сравнительная молодость и недостаточная историческая укорененность парламентарно-конституционных установлений. Как правоавторитарные режимы межвоенной поры, так и поз-

же — социалистические отличались жесткостью и репрессивностью (особенно в Албании и Румынии). В отличие от Польши, Венгрии и Чехословакии здесь отсутствовала не только организованная оппозиция, но и сколько-нибудь заметное диссидентское движение (за исключением Хорватии, Словении и Сербии, где они носили не столько демократический, сколько преимущественно националистический характер). Все это позволяло сомневаться, что утверждение демократии в этой части прежнего социалистического мира окажется успешным проектом. Победы наследниц бывших компартий на первых свободных многопартийных выборах в Албании, Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории и отчасти в Македонии, разгоравшийся югославский кризис, а затем и утверждение авторитарных режимов в СРЮ и Хорватии, казалось бы, свидетельствовали об обоснованности пессимистических прогнозов.

Правда, югославский кризис, вопреки широко распространенным представлениям, сыграл в общебалканском контексте неоднозначную роль. Он, безусловно, сильно задержал и деформировал экономическое и политическое развитие Сербии и Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговины, принес их народам неисчислимые страдания. Но, как ни парадоксально, кровавые события на территории бывшей Югославии невольно оказали в известной мере позитивное влияние на стабильность конфликтогенного региона в целом. Правомерно предположить: не будь по соседству этого зримого на протяжении десятилетия крайне негативного примера, наглядной демонстрации его цены, многие этнополитические и национально-территориальные конфликты в сопредельных государствах и между ними (да и на территории пост советского пространства) вряд ли разрешились бы относительно мирно.

Учитывая стартовые позиции, с которых государства Юго-Восточной Европы начали политическую трансформацию, неудивительно, что некоторые исследователи и сегодня склонны воспринимать многие из них как «неконсолидированные» или даже «дефектные», «фасадные» и «электоралистские» демократии. Но более обоснованным кажется подход известных «транзитологов» Т.-Л. Карла и Ф. Шмиттера. «...Вопрос... заключается совсем не в том, почему так много посткоммунистических политий остаются автократиями. Удивительно то, что их так мало»[1]. По их мнению, у Болгарии, Хорватии, Румынии и Словении, как бы ни оценивать их нынешние достижения, «судя

---

[1] См.: *Карл Т.-Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Полис. 2004. № 4. С. 9.

по всему, не может быть другого будущего, кроме «современной либеральной представительной демократии», тогда как «траектории дальнейшего развития Албании, Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии и Черногории не столь очевидны»[1].

Представляется допустимым классифицировать страны региона и иначе. Среди них стоит особо выделить Словению — на фоне соседей едва ли не образцовую парламентскую демократию. В Болгарии и Румынии установилась относительно стабильная и функционирующая, пусть и не без изъянов, демократическая политическая система, они избежали соблазнов авторитаризма и вооруженных национально-территориальных конфликтов. Такой результат отнюдь не был гарантирован, учитывая тяжелейшую социально-экономическую ситуацию, жесткость биполярного политического противостояния посткоммунистов и их противников, остроту турецкой проблемы в Болгарии и венгерской — в Румынии. Сербия и Хорватия, напротив, оказались не способны противостоять искусу националистических идей и режима «сильной руки». Они стали прямыми или косвенными участницами межнациональных войн на территории бывшей Югославии, а свою демократическую историю им пришлось начинать как бы заново с падением в 2000 г. авторитарных режимов С. Милошевича и Ф. Туджмана. Наконец, Албания (в 1997 г.) и Македония (в 2001 г.) пережили острейшие внутренние вооруженные конфликты (политического характера в первом случае и этнополитического — во втором), поставившие под угрозу само существование их государственности. Но и им, хотя и с внешней помощью, все же удалось восстановить внутренний мир и удержать вектор демократического развития.

Даже в столь неодинаковой постсоциалистической истории этих стран можно обнаружить общие черты и, что еще важнее, одинаковый результат. Он-то больше всего и обращает на себя внимание: во всех государствах региона, в отличие от России и большинства государств СНГ, в конечном счете все же утвердился демократический правопорядок, обеспечивающий смену власти по итогам выборов (что происходило уже неоднократно), препятствующий концентрации личной власти и возрождению авторитаризма. Не менее примечательно, что и характер смены режимов, и общая логика посткоммунистического политического развития, несмотря на все отличия Юго-Восточной Европы от Центральной, в основных чертах повторились и здесь. Поэтому те характеристики, которые отличают страны трех регионов — Цен-

[1] Там же. С. 8.

тральной, Юго-Восточной Европы и пост советского пространства (уровень социально-экономического развития, историко-культурное наследие и политические традиции), сами по себе вряд ли могут рассматриваться как основные факторы, предрешившие ход и исход постсоциалистической политической трансформации.

Основные вехи пятнадцатилетней истории

Болгария

Движение к обновлению началось в Болгарии в ноябре-декабре 1989 г., когда сторонники болгарской «перестройки» среди высшего партийного руководства при благословении Москвы отстранили от власти Т. Живкова. Тридцатого января — 2 февраля 1990 г. XIV (чрезвычайный) съезд БКП принял Манифест демократического социализма, провозгласив тем самым курс на создание правового государства, парламентской демократии и социальной рыночной экономики. В апреле того же года в результате общепартийного референдума партия была переименована в социалистическую (БСП), а нумерация съездов стала вестись от I съезда болгарских социал-демократов в 1891 г. В самой партии возникло множество различных течений и платформ. Тогда же БСП заявила о стремлении вступить в Социнтерн, хотя статус его полноправного члена она получила лишь в 2003 г.

Параллельно с демократизацией компартии шел бурный процесс партийного строительства среди сил, выступавших с антикоммунистических позиций. Уже в декабре 1989 г. был создан коалиционный Союз демократических сил (СДС) — главный противник БСП, который возглавил известный диссидент, философ Ж. Желев. Несмотря на конфронтационную стратегию СДС, БСП и оппозиционные силы, по примеру Польши и Венгрии, в переговорах «за круглым столом» в январе— мае 1990 г. пришли к соглашению о трансформации политической системы и проведении демократических выборов в Великое Народное Собрание, целью которого было принятие новой конституции страны. На состоявшихся 10 и 17 июня выборах БСП завоевала 211 мест из 400, СДС — 114, Движение за права и свободы (ДПС; партия, представлявшая интересы болгарских турок и мусульман) — 23. Не набрав еще достаточно сил для победы на выборах, СДС, получивший поддержку в столице и крупных городах, продолжил агрессивные акции внепарламентского давления на власть: блокирование дорожного движения, устройство палаточного городка протестующих в центре Софии, под-

жог и разграбление здания Высшего совета БСП. Под этим прессингом социалисты, сохранявшие всю полноту власти, но не готовые применить силу и пожертвовать репутацией демократической партии, начали отступать. Шестого июня подал в отставку президент П. Младенов — инициатор смещения Т. Живкова. На выборах нового главы государства в парламенте сложилась патовая ситуация: поскольку ни одна фракция не имела квалифицированного большинства, пять туров голосования закончились безрезультатно. Лишь в шестом туре кандидат СДС Ж. Желев, добившись поддержки социалистов, был избран президентом. Однако попытки БСП привлечь оппозицию в правительство долго оставались безответными. Ни в феврале 1990 г., когда кабинет возглавил А. Луканов, ни после выборов, когда ему же было поручено формирование нового правительства, оппозиция не пожелала войти в его состав. Не решившись начать болезненные реформы в одиночку, он в конце ноября подал в отставку. Лишь тогда было образовано коалиционное правительство во главе с беспартийным Д. Поповым, где представителям СДС были отведены экономические министерства.

Не менее острая борьба развернулась и в стенах Великого Народного Собрания вокруг проектов конституции. И здесь радикальное крыло СДС прибегло к обструкционистской тактике: группа депутатов бойкотировала работу парламента, объявила голодовку, требуя его самороспуска, настаивала на вынесении проекта на референдум, где он должен получить одобрение не менее чем двух третей граждан (условие, заведомо нереализуемое). Однако большинство депутатов от СДС продолжили работу, и 12 июля 1991 г. новая демократическая Конституция, давшая Болгарии статус парламентско-президентской республики, была принята 311 голосами из четырехсот.

Предстоявшие выборы в Народное собрание привели к известной перегруппировке политических сил. БСП, продолжая линию на национальное согласие, удалось привлечь в свою предвыборную коалицию ряд организаций либерального толка, хотя и малозначительных. Вместе с тем вне этого блока оказались левые коммунистические организации, возникшие после преобразования былой компартии. С другой стороны, СДС начал раскалываться. Участники «конституционного бойкота» и руководство Союза создали праворадикальный блок, названный СДС-Движение. Противники экстремистского курса и превращения коалиции в единую организацию объединились в СДС-Центр. Затем сформировалась и третья группировка, также отстаивавшая автономию организаций внутри коалиции, — СДС-Либералы. Все три группы решили выступить с самостоятельными списками. На выборах 13 октября 1991 г. победу одержало СДС-Движение, добившееся 110 мест в пар-

ламенте из 240. Две другие группировки СДС не смогли одолеть 4-процентного порога. Вторую по величине фракцию получила коалиция БСП — 106 мандатов. ДПС с 26 мандатами заняла третье место. И хотя социалисты, получившие лишь на 1,2% голосов меньше, чем их соперники, подтвердили свою роль одного из двух полюсов политического спектра, главным итогом выборов стала первая смена власти. В ноябре 1991 г. было образовано одноцветное правительство СДС, получившее поддержку ДПС в парламенте и возглавленное Ф. Димитровым. Позиции правых еще более укрепились после победы Ж. Желева на прямых президентских выборах в январе 1992 г.

Новая власть взяла курс на скорейшую «декоммунизацию» страны. После конфискации большей части партийной собственности кампания продолжилась сомнительными уголовными процессами над видными деятелями БКП, начиная с Живкова и кончая Лукановым. Затем была начата бездумная массовая реституция собственности, сопровождавшаяся ликвидацией по политическим мотивам сельских кооперативов, что привело к падению сельскохозяйственного производства. Проводимая большевистскими методами «декоммунизация» на фоне продолжающегося ухудшения социально-экономического положения привела к тому, что уже весной 1992 г. число граждан, положительно оценивавших времена социализма, превысило количество тех, кто относился к нему негативно. Неистовый радикализм победителей сделал противниками правительства ряд видных деятелей демократического лагеря, в том числе и некоторых основателей СДС. В оппозицию кабинету перешли два крупнейших профсоюза страны. В довершение всего правительство СДС разошлось и с выдвинутым им же самим президентом. Ж. Желев выступил за национальное согласие и подверг критике кабинет за неуемное желание воевать со всеми не разделяющими его позиции, и его поддержало ДПС и часть парламентской фракции самого СДС. В результате правительство Ф. Димитрова, не продержавшись и года, в октябре 1992 г. пало жертвой вотума недоверия.

Новый внепартийный «кабинет экспертов» возглавил экономический советник президента Л. Беров, но его существование обеспечивала парламентская поддержка ДПС и БСП. Сложившаяся ситуация, в которой президент, получивший немалую свободу действий, превратился в самостоятельный фактор политики, привела к тому, что его фактическая власть превысила довольно узкие конституционные прерогативы[1].

---

[1] См.: Обзор президентских полномочий: формальных и реальных. Болгария II // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1993. № 4(5); 1994, № 5(6). С. 79.

Однако заложенные в парламентско-президентской модели ограничители со временем сыграли свою роль: когда Ж. Желев, испортив своей чрезмерной активностью отношения и с СДС, и с БСП, попытался баллотироваться на второй срок, отсутствие поддержки наиболее влиятельных партий обрекло эту попытку на неудачу.

В 1994 г., утратив доверие президента, Л. Беров подал в отставку. После неудачи с формированием нового правительства президент распустил парламент и назначил досрочные выборы на 18 декабря 1994 г. Их итоги ознаменовали триумфальное возвращение социалистов к власти. БСП получила абсолютное большинство в Народном собрании (125 мест из 240), СДС — 69, ДПС — 16. Коалиции «Народный союз», образованной «отступниками» из СДС, досталось 18 мандатов, Болгарскому бизнес-блоку — 13. Попытки БСП образовать коалиционное правительство с рядом центристских группировок вновь не встретили отклика, социалистический кабинет возглавил молодой лидер БСП Ж. Виденов.

Между тем надежды населения, связывавшего с возвращением социалистов к власти выход страны из социально-экономического кризиса, оказались неоправданными. Это сказалось на результатах очередных президентских выборов в 1996 г.: главой государства был избран представитель СДС П. Стоянов. Победа окрылила правых и побудила к активизации атак на социалистов. В то же время в рядах БСП возник кризис: некоторые члены руководства и парламентской фракции выразили недовольство деятельностью правительства. В декабре 1996 г. Ж. Виденов подал в отставку с постов премьер-министра и лидера партии. В условиях организованных СДС массовых акций протеста по сценарию «бархатных революций», сопровождавшихся захватом парламента толпой, социалисты в очередной раз отступили и вернули конституционный мандат на формирование нового правительства. Был образован служебный кабинет, и на 19 апреля 1997 г. назначены досрочные парламентские выборы.

Итогом выборов стало очередное движение политического маятника: правоцентристское Объединение демократических сил (ОДС), куда помимо СДС вошли и те, кто его ранее покинул, завоевало 137 мест, БСП — 58, коалиция, возглавляемая ДПС, — 19, «Болгарский Бизнес-блок» — 12, «Болгарские европейские левые» (организация, созданная вышедшими из БСП реформаторами и левыми социал-демократами) — 14. В 1997 г. правительство ОДС возглавил И. Костов. Устойчивое большинство в парламенте, успехи в финансовой стабилизации и приближении к ЕС и НАТО позволили кабинету Костова продержаться до конца конституционного мандата, чего не удалось ни

одному из его предшественников. Но конечным результатом его правления стало серьезное разочарование граждан во всех действующих партиях и в самом чередовании левых и правых у власти.

Возвратившийся в страну за пару месяцев до парламентских выборов 2001 г. экс-монарх Симеон Сакскобургготский возглавил «Национальное движение Симеон II» (НДСВ), которое полностью смешало политический пасьянс, завоевав половину мест в парламенте (120)[1]. ОДС достался 51 мандат, коалиции во главе с БСП — 48, ДПС — 21. Таким образом экс-монарх стал главой правительства, куда поначалу вошли по два представителя БСП и ДПС. Впрочем, победа в том же году руководителя социалистов Г. Пырванова на президентских выборах, их переход в оппозицию и последующее ощутимое падение популярности правительства бывшего царя свидетельствовали о том, что «болгарское чудо» не было рассчитано на долгую жизнь. Но сам факт внезапной победы новой внесистемной силы указывал, что болгарская политическая система еще не обрела достаточной устойчивости.

Состоявшиеся 25 июня 2005 г. очередные парламентские выборы подтвердили данный вывод. Социалисты получили 31% голосов и 83 мандата. НДСВ довольствовалось 19,8% голосов и 53 мандатами, что почти вдвое меньше, чем на предыдущих выборах. Третье место досталось ДПС (12,7% голосов и 33 мандата). Еще одной сенсацией стало четвертое место, которое смогла завоевать созданная за два месяца до выборов радикально-националистическая коалиция «Атака». Похоже, что и Болгария обзавелась собственным аналогом румынских национал-популистов и сербских радикалов. Выступавшие порознь правые демократические партии оплатили свой раскол соответствующими результатами: ОДС — 7,7% голосов и 20 мандатов, «Демократы за сильную Болгарию» экс-премьера И. Костова — 6,4% и 17, Болгарский народный союз — 5,2% и 13.

Сложившаяся расстановка политических сил вынудила БСП вступить в переговоры о правительственной коалиции с ДПС и НДСВ. После затяжного и ожесточенного торга левоцентристский трехпартийный кабинет возглавил молодой лидер социалистов С. Станишев. Позиции БСП укрепила убедительная победа Г. Пырванова на президентских выборах 2006 г., хотя второе место и 24% голосов, которые получил вожак националистической «Атаки» В. Сидеров, подтвердили появление на болгарской политической сцене новой опасной

---

[1] Подробнее см.: *Пеева Р.* Избрание царя: выборы-2001 и болгарская демократия // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 4(37). С. 88–92.

силы. Таким образом, биполярное противостояние нарушено, но пока еще рано судить, насколько долговременной окажется тенденция к партийной многополярности, преодолевающей былой раскол на посткоммунистов и антикоммунистов.

Румыния

Из всех государств региона лишь в этой стране переход к новому общественному строю начался с насильственного низвержения коммунистического режима. Система личной власти Н. Чаушеску, поддерживавшаяся жесткой репрессивной политикой всемогущей тайной полиции, выглядела одиозной даже на фоне других социалистических стран Европы. Полная глухота диктатора к происходившим в социалистическом мире переменам фактически поставила режим во внешнеполитическую изоляцию и вызывала скрытое недовольство даже в руководстве РКП. Крайне неразумный курс на форсированную выплату внешних долгов привел большинство населения на грань голода и нищеты. Все это практически исключило нереволюционные способы изменения сложившегося порядка вещей. Попытка диктатора силой подавить начавшиеся 15 декабря 1989 г. массовые демонстрации протеста обернулась против него. Армия перешла на сторону народа и подавила сопротивление защищавших режим сил безопасности. Н. Чаушеску и его супруга — фактически соправительница, вызывавшая особую ненависть, были схвачены и после скоротечного импровизированного военного трибунала расстреляны. Двадцать седьмого декабря власть взял спешно созданный Фронт национального спасения (ФНС). В его Совет и Исполнительное бюро вошли известные деятели, находившиеся в опале при Чаушеску, в основном из «второго эшелона» номенклатуры и партийной интеллигенции, военные. Возглавил ФНС И. Илиеску, в 70-х годах секретарь ЦК РКП по вопросам идеологии, изгнанный из партийных верхов вследствие несогласия с курсом вождя. Временное правительство возглавил П. Роман, представитель получившей образование на Западе молодой партийной технократии, сын одного из ветеранов РКП и Коминтерна.

ФНС, представлявшему собой поначалу орган власти, в условиях зарождавшегося политического плюрализма пришлось уже в феврале 1990 г. начать трансформацию в политическую партию, используя организационные структуры бывшей РКП. Параллельно бурно развивался процесс партийного строительства вне рамок Фронта. Своеобразием румынского опыта можно считать активную роль в возрождавшейся политической жизни довоенных «исторических» партий,

которые в ряде случаев возглавили их видные деятели, вернувшиеся из эмиграции или заключения. Отчасти под давлением оппозиции, отчасти в целях легитимации новой власти в качестве своеобразного предпарламента был образован Временный совет национального единства (ВСНЕ). Из 253 мест в нем Совет ФНС отвел себе половину, остальные поделили представители других политических партий. Этот румынский вариант круглого стола позволил подготовить «учредительные» выборы в парламент, которому предстояло исполнить роль конституционного собрания. Но, опережая его, ВСНЕ своим декретом определил основы конституционного устройства.

На первых многопартийных выборах 20 мая 1990 г. ФНС получил две трети мест в парламенте, а его фактический лидер И. Илиеску, набрав 85% голосов, был избран президентом. Неудачу новорожденной антикоммунистической оппозиции во многом определило то, что ядро «исторических» партий составили бывшие собственники и их наследники, а их требования возвращения национализированной земли и жилья воспринимались большинством как угроза. Оппозиция, которая и прежде не раз прибегала к агрессивным внепарламентским акциям протеста, в мае–июне 1990 г. вновь попыталась отыграть в уличном противостоянии то, что было проиграно на избирательных участках. Власти также ответили уже не раз опробованным способом: И. Илиеску обратился за поддержкой к наиболее организованной силе массового протеста — шахтерам. Их поход на столицу, сопровождавшийся актами насилия, заставил оппозицию отступить, но позволил ей подвергнуть сомнению демократическую репутацию главы государства. Однако ФНС, подобно посткоммунистическим партиям других стран региона, несмотря на абсолютное большинство в парламенте, пытаясь отвести упреки в монополизации власти и одновременно расколоть оппозицию, старался привлечь ее представителей в правительство. Уже весной 1991 г. в его составе оказался один из деятелей Национал-либеральной партии (НЛП), а летом многие ее члены («крыло молодых») были кооптированы во власть в качестве государственных секретарей.

Между тем внутри самого ФНС вызревали противоречия между различными поколениями, социопрофессиональными группами и идейными течениями правящей элиты. Идеологически они вылились в противоборство сторонников радикальных рыночных реформ по неолиберальным рецептам во главе с П. Романом и приверженцев осторожного продвижения к «социальной рыночной экономике», чьим лидером стал И. Илиеску. Развязка конфликта наступила в октябре 1991 г.: инспирированный на этот раз Социалистической партией труда (СПТ; объединение наиболее ортодоксальных экс-коммунис-

тов) очередной марш шахтеров на Бухарест, протестовавших против рыночных реформ и приватизации и требовавших отставки правительства, перерос в уличные побоища. В сложившейся ситуации глава государства отправил кабинет Романа в отставку, а новое правительство поручил возглавить Т. Столожану, пользовавшемуся репутацией аполитичного технократа. При явном доминировании ФНС правительство все же имело видимость коалиционного: несколько министерских постов были предоставлены представителям Национал-либеральной и других более мелких партий.

После вынужденной отставки противоречия между бывшим премьером, остававшимся формальным лидером ФНС, и президентом вылились в открытое столкновение и привели к расколу правящей партии. Наряду с ФНС (во главе с П. Романом), позднее переименованным в Демократическую партию (ДП), возник Демократический ФНС (ДФНС; с 1993 г. Партия социальной демократии Румынии — ПСДР), поддерживавший И. Илиеску. В то же время большинство оппозиционных партий, включая «исторические», объединили силы для участия в очередных выборах и создали Демократическую конвенцию Румынии (ДКР).

Вторые парламентские и президентские выборы 1992 г. покончили с безраздельным господством одной политической силы. Правда, И. Илиеску вновь завоевал пост главы государства, а его партия значительно опередила ДКР по числу полученных голосов и мест в парламенте. Но она утратила абсолютное большинство, и коалиционная стратегия стала для нее не просто политически выигрышным декором, но повелительной необходимостью. Однако линия Илиеску на «национальное согласие», предусматривавшая совместное правление ДФНС и ДКР, опять была отвергнута оппозицией. Затем участие в коалиционном правительстве было предложено сильнейшей в то время оппозиционной силе — Национал-цэрэнистской (крестьянской) христианско-демократической партии (НЦХДП), что также не нашло отклика. В итоге правительство ДФНС во главе с Н. Вэкэрою вынуждено было опираться на парламентскую поддержку крайне левых (Социалистической партии труда) и националистических сил (Партии национального единства румын, партии «Великая Румыния»), а в ходе последующих перестановок в кабинете им предоставлялись и министерские посты.

Союз с «красно-коричневыми» постоянно ставился в вину правящей партии, и лично И. Илиеску, как свидетельство непреодоленного коммунистического прошлого. Но объективно его сделала неизбежным сама антикоммунистическая оппозиция, отказавшаяся от предложенного сотрудничества. Гармоничным этот блок не был, поскольку

оголтелый антисемитизм и венгерофобия националистических партнеров, их демонстративная эксплуатация ностальгии по прошлому (от времен Антонеску до Чаушеску) дискредитировали и евро-атлантическую внешнеполитическую ориентацию ПСДР, и ее претензии на роль социал-демократической партии европейского типа. Но она должна была идти на уступки не слишком желательным союзникам не только в силу парламентской комбинаторики, но и вследствие продолжавшегося обострения социально-экономического кризиса и сотрясавших страну массовых забастовок. ПСДР расценивалась, отчасти не совсем безосновательно, как посткоммунистическая «партия власти», не очень готовая ни к подлинному внутреннему обновлению, ни к социально-экономическим реформам. В реальности она была вынуждена постоянно лавировать между антикоммунистической оппозицией и своими «заклятыми друзьями» из числа национал-популистов, между запросами трансформирующейся прежней номенклатуры и требованиями западных финансовых институтов, между необходимостью проводить пусть с запозданием и непоследовательно, но фактически либеральную экономическую политику и интересами своего электората, которым эти преобразования прямо угрожали. Подобный курс оказался политически относительно рентабельным, позволив кабинету Н. Вэкэрою устоять в течение четырех лет, несмотря на многочисленные попытки вынести ему вотум недоверия. Ему удалось выдержать противостояние с неожиданно оказавшимися весьма сильными и напористыми профсоюзами и принявшим массовые масштабы забастовочным движением. Однако социально-экономическая ситуация к исходу его правления оказалась столь кризисной, что смена власти стала неизбежной.

На очередных парламентских и президентских выборах в ноябре 1996 г. представитель оппозиции — ректор Бухарестского университета Э. Константинеску победил И. Илиеску в соперничестве за пост главы государства, а Демократическая конвенция Румынии, получив 30% голосов, стала самой влиятельной парламентской силой. Партии социальной демократии Румынии досталось лишь второе место, а на третье вышел еще один оппозиционный блок — Социал-демократический альянс (СДА), объединивший Демократическую партию П. Романа и «историческую» Социал-демократическую партию Румынии. В правящую консервативно-либеральную коалицию вошли ДКР, СДА и Демократический союз венгров Румынии. Правительство возглавил представитель НЦХДП, мэр Бухареста В. Чорбя. Однако и взятый курс на радикальные реформы не привел ни к выходу экономики из кризиса, ни к снижению социальной напряженности. К тому же для партий

новой правящей коалиции, объединенных лишь стремлением сбросить «экс-коммунистов», власть оказалась непомерным бременем. Столкновение между лидерами ДП и НЦХДП в 1997–1998 гг. в конечном счете разразилось правительственным кризисом, вынудившим Чорбя уйти в отставку. Новый кабинет того же политического профиля в 1998 г. возглавил генеральный секретарь «национал-цэрэнистов» Р. Василе, однако вскоре борьба за власть началась и в их рядах. В довершение всего премьер оказался в конфликте с президентом. В результате инспирированного правительственного кризиса (уход в отставку 12 из 17 министров) в 1999 г. президент снял Василе с поста премьер-министра и доверил руководство новым кабинетом управляющему Национальным банком М. Исэреску.

Между тем и авторитет Э. Константинеску в результате провала обещанных реформ, разгула коррупции и поддержки крайне непопулярных в стране военных акций НАТО против Югославии упал настолько, что к концу своего мандата он заявил об уходе из политики. ПСДР также понесла определенные потери (ее ряды покинула группа реформаторов во главе с Т. Мелешкану, создавших самостоятельную партию «Альянс за Румынию»). Но полная фрагментация правого фланга делала победу социалистов почти безальтернативной. К тому времени правящая коалиция практически развалилась, а ее участники на предстоящих выборах решили выступать самостоятельно.

В ноябре 2000 г. Партия социальной демократии Румынии, завоевав 37% голосов и 220 мест из 485, вернула себе позиции ведущей парламентской силы. В первом туре президентских выборов лидировал И. Илиеску, набравший 36,6% голосов. Прежде ведущая правительственная партия — НЦХДП даже не преодолела парламентского порога. Другие партии ранее правившей коалиции довольствовались скромными 6–7%. Но подлинный шок вызвал успех национал-популистской партии «Великая Румыния»: она получила вторую по численности фракцию в парламенте (121 мандат). Ее лидер К. Вадим Тудор (работавший в политической стилистике Жириновского), славословя режим «сильной руки», который только и может покончить с коррупцией, играя на самых низменных националистических предрассудках, выступая с разнузданными поношениями всего политического истеблишмента и опираясь на настроения социального протеста, добился поддержки 28,5% избирателей в первом туре выборов главы государства. Возможность его победы напугала ЕС и США и заставила все политические силы страны забыть непримиримые противоречия. Руководители почти всех партий, патриарх Румынской православной церкви Феоктист и даже бывший король Михай призвали граждан во втором туре отдать

голоса И. Илиеску, которого прежде честили как нераскаявшегося экс-коммуниста, лишь бы не допустить победы его соперника. Получив поддержку 66,8% избирателей, Илиеску вернул себе президентский пост, хотя и его одиозный конкурент набрал треть голосов.

ПСДР сформировала кабинет меньшинства во главе А. Нэстасе (заместитель И. Илиеску в партии), заключив с партиями демократической оппозиции «пакт о ненападении». В дальнейшем правительство Нэстасе опиралось на поддержку Демократического союза венгров Румынии, с которым подписало соглашение о сотрудничестве. Международную репутацию правящей партии укрепило слияние ПСДР с «исторической» Социал-демократической партией в 2001 г. В результате этого «брака по расчету» руководители СДПР получили видные посты в правящей партии и правительстве, а ПСДР смогла улучшить свой внешний «имидж» и в 2003 г. реализовать давние, но ранее не находившие отклика мечты о приеме в Социнтерн. В итоге социал-демократы, не обладая парламентским большинством, все же смогли достаточно уверенно править до следующих выборов.

В 2004 г. оппозиции представился шанс одержать очередной реванш. В 2001 г. новым лидером Демократической партии стал Траян Бэсэску, получивший на партийном съезде вдвое больше голосов, чем ее основатель П. Роман, после чего она вступила в блок с правоцентристской Национал-либеральной партией. В 2004 г. Т. Бэсэску был избран президентом страны, ненамного обойдя лидера социал-демократов А. Нэстасе. Хотя по итогам проходивших одновременно парламентских выборов социал-демократы получили наиболее крупную фракцию в законодательном органе, новый президент, «перекупив» их предвыборных союзников, поручил формирование кабинета своим сторонникам. В правительство К. Попеску-Тэричяну вошли представители НЛП, ДП, Демократического союза венгров Румынии (ДСВР) и Гуманистической партии. Вскоре Демократическая партия изменила свой идеологический профиль и покинула Социнтерн с целью присоединения к Европейской народной партии. Аналогичную эволюцию совершила и бывшая союзница социал-демократов — малая Гуманистическая партия, переименовавшись в Консервативную партию. Для формирования сильного правого центра президент Бэсеску предлагал даже объединить ДП и НЛП. Вынашивались идеи о привлечении к этому объединению и не прошедших в парламент «национал-цэрэнистов». В свою очередь и социал-демократы призывали своих бывших неверных союзников — ДСВР и новоиспеченных «консерваторов» возобновить партнерство. К 2007 г. правящая коалиция стала рассыпаться, а перед президентом обрисовалась угроза отст-

ранения от власти. Но чем бы ни закончились эти баталии, очередное циклическое движение политического маятника подтвердило, что механизм смены власти в Румынии функционирует исправно.

В 2004 г. «Великая Румыния» уже не смогла повторить свой прежний сенсационный результат, а ее лидер, ставший политическим изгоем, вынужден был оставить руководство партией. Но сам феноменальный успех антисистемной оппозиции (явление свойственное не одной Румынии) показывает, что может произойти, когда чередование левых и правых перестанет удовлетворять разочарованное население.

Албания

Движение к демократии беднейшей и наименее развитой страны континента, вообще не имевшей в прошлом соответствующего опыта и традиций, особенно поучительно. Поскольку точкой отсчета на этом пути являлся один из последних в Европе режимов сталинистского типа, просуществовавший до смерти в 1985 г. Энвера Ходжи, которому даже социализм советского образца представлялся «ревизионизмом», то трудности перехода Албании к новому общественному строю легкообъяснимы. Правившему более сорока лет диктатору наследовал его ближайший сподвижник Р. Алия, которому, однако, выпала доля сыграть роль «албанского Горбачева». Кризисное состояние экономики и абсурдность дальнейшего продолжения внешнеполитической изоляции побуждали новое руководство к изменению курса. Но до событий 1989 г., потрясших европейские страны социализма, начатые перемены не затрагивали ни идеологию, ни политическую систему и выглядели скромнее, чем хрущевская «оттепель». Даже робкие попытки либерализации наталкивались на сопротивление энверовских ортодоксов, сгруппировавшихся в так называемую «партию вдовы», во главе которой стояла супруга покойного властителя — Н. Ходжа.

«Кризис с беженцами» в июле 1990 г. стал первым толчком, сигнализировавшим о взрывоопасном накоплении народного недовольства. Тысячи молодых людей, не дожидаясь вступления в силу закона, предоставлявшего свободу выезда за границу, ринулись в иностранные посольства. Восьмого–одиннадцатого декабря того же года массовые демонстрации студентов столичного университета и молодежи вынудили власти пойти на признание политического плюрализма. Лидеры движения создали Демократическую партию (ДП), затем возникло еще несколько партий, появилась оппозиционная пресса.

И все же на первых многопартийных выборах (31 марта — 7 апреля 1991 г.) правящая Албанская партия труда (АПТ) завоевала

169 из 250 мест в парламенте. Демократической партии досталось 75 мест. Но о смене времен свидетельствовало уже то, что сам Р. Алия проиграл в своем избирательном округе малоизвестному кандидату оппозиции. Тем не менее 30 апреля Народное собрание избрало его президентом страны. Ф. Нано, один из лидеров реформаторского крыла в АПТ, вновь возглавил однопартийное правительство, поскольку оппозиция отвергла предложенную возможность сотрудничества с коммунистами. Однако всеобщая забастовка, организованная в мае 1991 г. независимыми профсоюзами, вынудила его к скорой отставке. К тому же в апреле 1991 г. ряд видных деятелей АПТ покинул партию, создав Социал-демократическую партию Албании (СДПА), которая по рекомендации СДПГ и лично В. Брандта была вскоре принята в Социнтерн. СДПА, впрочем, остается маловлиятельной и не без труда преодолевает барьер при прохождении в парламент.

В сложившихся условиях программное и кадровое обновление правящей партии стало настоятельной необходимостью. Решению этих задач был посвящен очередной съезд АПТ, прошедший в июне 1991 г. Партия сменила название, приняла новую программу и устав, призванные превратить ее в современную левую организацию. Радикальные изменения в составе ее высших органов подтверждали необратимость перемен: руководство было полностью очищено от последователей Э. Ходжи, а более 90% членов руководящего органа (средний возраст которых составил 40 лет) впервые были избраны в его состав. «Энверисты» были исключены или сами покинули ряды АПТ, образовав вскоре Коммунистическую партию Албании. Социалистическую партию (СП), потерявшую в процессе трансформации около 50 тыс. членов, возглавил Ф. Нано.

В середине июня удалось сформировать коалиционное правительство социалиста Ю. Буфи, в котором СП получила 12 министерских постов из 24, ДП — 7, а остальные — представители других партий. Но и оно продержалось недолго. Обострение продовольственного кризиса, гиперинфляция, массовая безработица, учащавшиеся случаи массового насилия и мародерства свидетельствовали о том, что страна погружается в хаос. В конце ноября все партии, входившие в коалиционное правительство, договорились предоставить кабинету трехмесячный срок на осуществление экстренной программы действий. Однако председатель Демократической партии С. Бериша неожиданно заявил, что его партия отзывает своих министров из правительства, и потребовал досрочных парламентских выборов. Девятнадцатого декабря был сформирован новый беспартийный кабинет, в котором только премьер В. Ахмети и еще два министра были социалистами.

На парламентских выборах, состоявшихся 22–29 апреля 1992 г., ДП получила 92 места из 140, социалисты — 38, социал-демократы — 7, республиканцы — 1, Партия прав человека — 2. Сразу после выборов Р. Алия подал в отставку, и новым президентом был избран С. Бериша. Правительство ДП, в которое, правда, были включены один республиканец, один социал-демократ и двое беспартийных, возглавил А. Мекси. Смена власти свершилась.

Между тем новая власть, декларировавшая переход к демократии и рыночной экономике, преуспела лишь в ускоренной приватизации и крайне либеральной экономической политике, усугубившей трансформационный спад. Неслучайно уже в июле 1992 г. на местных выборах социалисты продемонстрировали укрепление своих позиций, а ДП ощутила чувствительную потерю голосов. Возможно, поэтому она начала расправу с социалистической оппозицией.

Одни склонны объяснять антидемократические методы «демократической» власти наследственной болезнью — происхождением ее приверженцев из рядов бывшей коммунистической номенклатуры, пусть и не первого эшелона. Другие припоминают, что уничтожение политических противников — албанская традиция, гораздо более давняя, чем коммунистический режим. Как бы то ни было, с приходом к власти С. Бериши страна вновь обрела лидера, все более тяготевшего к авторитарным методам правления и стремившегося превратить их в систему. Первыми мерами новой власти стали: массированная чистка государственного аппарата, суды над видными деятелями прежнего режима, запрещение воссозданной компартии и принятие законов о запрете на политическую деятельность для лиц, занимавших руководящие посты до 1991 г.

Формально подобные меры выглядели справедливым воздаянием за беззакония служителей тоталитарного строя. Но даже сочувствовавшие «декоммунизации» западные наблюдатели признавали, что «судебные процессы и увольнения использовались не в целях наказания за преступления прошлого режима, а скорее для ослабления легальной оппозиции нынешнему», увольнения осуществлялись произвольно, а драконовские приговоры выносились по сомнительным юридическим основаниям[1]. Некоторые «энверисты» во главе с Н. Ходжа были арестованы еще в 1991 г., при Р. Алия. Однако затем и его самого вместе

---

[1] См.: *Имхольц К.* Сможет ли Албания сбросить цепи? Судебные процессы 1993–1994 годов над высокопоставленными чиновниками коммунистического режима // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 3(12). С. 31–37.

с другими членами Политбюро ждала та же участь, хотя именно ему страна во многом обязана ненасильственным переходом к новой политической системе. Наконец, жертвой репрессивного правосудия стал и Ф. Нано, характер процесса над которым вызвал протесты Совета Европы и Европарламента. Не меньшее внимание привлек и суд над пятью руководителями организации греческого национального меньшинства «Омониа», осужденными за шпионаж в пользу Греции.

Президент-«демократ» всем стилем своего руководства доказывал, что не намерен мириться с инакомыслием даже среди своих сторонников. Уже в 1992 г. часть руководителей и основателей Демократической партии, недовольных самовластием лидера, покидает ее ряды и создает оппозиционный Демократический альянс. Проявившие сочувствие оппозиционерам министры смещаются со своих постов. Позднее и председатель Демократической партии Э. Селями, в 1993–1994 гг. ближайший соратник С. Бериши, разошедшийся в оценках со своим покровителем, был вынужден эмигрировать. Политическим изгнанником стал и председатель Верховного суда З. Брози, высказывавшийся против нарушения прав человека. Наступление на самостоятельность судебной системы дополнялось гонениями на независимые средства массовой информации.

Красноречивым свидетельством подлинного отношения нового режима к демократии стала история с разработкой новой конституции. Вопреки прежним высказываниям С. Бериши, ранее ратовавшего за парламентскую республику, окончательный вариант Основного закона, который власти вознамерились навязать стране любым способом, предусматривал президентскую модель, с широчайшими полномочиями главы государства и минимальными их ограничениями. Понимая, что парламент, где ДП не имела необходимых двух третей голосов, подобный документ не одобрит, президент предложил принимать ее конституционным собранием, сформированным из депутатов парламента и окружных советов. Столкнувшись с оппозицией почти всех партий, в том числе и тех, кто ранее входил в правящую коалицию, Бериша склонился к идее утвердить Основной закон на референдуме. Этот вариант и был «продавлен» через парламент, несмотря на бойкот со стороны оппозиционных депутатов, отсутствие необходимого кворума, нарушение действующих конституционных норм и протест ряда членов Конституционного суда. Результатом всех этих усилий, призванных легитимизировать складывавшийся авторитарный режим, стало сокрушительное политическое поражение: в голосовании 6 ноября 1994 г. приняло участие 80% избирателей, но около 60% из них высказались против предложенного проекта.

Новой иллюстрацией антидемократической природы складывавшейся системы власти стали очередные парламентские выборы 1996 г. В преддверии выборов были приняты два новых закона о «люстрации». В соответствии с ними лицам, занимавшим ответственные посты в партийном и государственном аппарате до 1991 г. или сотрудничавшим с органами безопасности, запрещалось баллотироваться в центральные и местные органы власти и выдвигаться на должности в высшие органы государственной администрации, судебной системы и средств массовой информации. Подобный запрет обосновывался необходимостью защитить новую власть от проникновения «соучастников геноцида», но предложенный механизм «люстрации» раскрывал ее истинный смысл: ослабление Социалистической партии как ведущей оппозиционной силы. В специальной контрольной комиссии шесть членов из семи назначались исполнительной властью, по сути правящей партией; заседания комиссии и материалы, на основе которых она выносила свои вердикты, являлись закрытыми, а ее решения окончательными. Ограниченное время для верификации непорочности кандидатов накануне выборов сильно затруднило социалистам составление списков кандидатов и сократило сроки предвыборной кампании. В конечном счете было отведено около 200 кандидатов.

Для создания правящей партии «условий наибольшего благоприятствования» было пересмотрено и избирательное законодательство. Число депутатов, избираемых на пропорциональной основе, было сокращено с 40 до 25 (из 140). Для получения мест в парламенте партии по-прежнему должны были набрать не менее 4% голосов, но для коалиций барьер вырос до 8%. Для усиления позиций ДП была проведена новая «нарезка» избирательных округов, грубо нарушавшая принципы их примерного равенства и территориального единства. «Партия большинства» предоставила себе право назначить половину членов избирательных комиссий, ей отводилось 50% эфирного времени. Наконец, уже в ходе самого голосования С. Бериша распорядился продлить работу избирательных участков до 10 часов вечера. В результате такой подгонки избирательного законодательства «под себя», дополнительных махинаций на выборах 26 мая и 2 июня 1996 г. и бойкота со стороны оппозиции ДП получила 122 из 140 мест в парламенте, СП — досталось только 10, республиканской партии — 3, Союзу за права человека — 3 и Национальному фронту — 2 места. Социалисты и некоторые другие партии объявили избранный законодательный орган нелегитимным и отказались участвовать в его работе. Хотя ОБСЕ констатировала нарушение 39 из 79 статей избирательного закона, надежды оппозиции на поддержку международных организаций оказались преувеличены.

Совет Европы, осудив акты насилия и нарушения демократической процедуры, признав срыв выборов, ограничился пожеланиями о последующем совершенствовании законодательства (в частности, отмене «Закона о геноциде») и призывом ко всем партиям сесть за стол переговоров. Однако переговоры ДП и СП в июле 1996 г. не дали никаких результатов, и социалисты продолжили бойкот парламента. Достигнутая антидемократическими методами избирательная «виктория» создала предпосылки для острейшего политического кризиса.

Противоборство власти и оппозиции, может быть, еще довольно долго развивалось в форме «холодной войны», если бы не разразившийся в конце 1996 — начале 1997 г. крах «финансовых пирамид». Предположительно от его последствий пострадала каждая седьмая семья, а общие потери населения оценивались в 1,5 млрд долл. — сумма, для нищей страны огромная. Начавшиеся массовые демонстрации протеста «обманутых вкладчиков» привели к активизации и консолидации оппозиции. В январе 1997 г. почти все политические партии страны образуют вместе с СП оппозиционный «Форум за демократию», который возглавили трое беспартийных правозащитников из числа бывших политзаключенных времен коммунистического правления. Оппозиционная коалиция, впервые объединившая левых и правых, потребовала отставки правительства и президента, формирования переходного кабинета и проведения досрочных парламентских выборов. Но власть решила прибегнуть к силе. В столице ей еще удавалось контролировать ситуацию, однако юг стал практически неподвластным. Во многих городах стали возникать «комитеты спасения», отказавшиеся подчиняться центру. Первого марта правительство А. Мекси подало в отставку. На следующий день С. Бериша настоял на объявлении чрезвычайного положения, а 3 марта добился от послушного парламента своего переизбрания на пост президента. Затем он отдал распоряжение открыть армейские склады для вооружения своих сторонников и двинул войска на юг. Однако и там оружейные склады, в свою очередь, были разграблены, а «комитеты спасения» начали формировать собственные вооруженные отряды. Деморализованная армия, которую власть попыталась втянуть в гражданскую войну, придав происходящему вид конфликта двух традиционных албанских субэтнических групп — гегов (северян) и тосков (южан), начала разваливаться. Полиция была бессильна противостоять разнообразным про- и антиправительственным вооруженным формированиям и просто бандам. Тюрьмы на юге опустели: на свободе оказались не только бывшие политзаключенные, включая Ф. Нано, но и уголовники. Были разгромлены 15 из 36 судов, а судебные дела уничтожены.

В стране воцарился хаос, и государственная власть практически перестала существовать.

Лишь 9 марта при посредничестве специального представителя ОБСЕ Ф. Враницкого было достигнуто соглашение о формировании переходного коалиционного «правительства национального примирения» во главе с социалистом Б. Фино и назначены досрочные парламентские выборы. Новое правительство обратилось к мировому сообществу с просьбой о помощи, чтобы предотвратить эскалацию насилия. Многонациональную миротворческую операцию «Альба» возглавила Италия. Полномочия миротворцев были ограничены, и их фактические действия свелись в основном к охране гуманитарных конвоев и предотвращению массовой нелегальной эмиграции в Италию. Все же само их присутствие не позволило продолжавшемуся противоборству президента и правительства перерасти в вооруженный конфликт.

Несмотря на все ухищрения С. Бериши, парламентские выборы 29 июня и 6 июля 1997 г. все же состоялись. Социалисты получили 52,7% голосов и 101 депутатский мандат (из 155), «демократы» — 25,8% и 24 места, социал-демократы — 2,5% и 9 мест в парламенте. Последней попыткой сорвать смену власти стало назначение на 29 июня одновременно с первым туром выборов референдума о республиканской или монархической форме правления. Претендентом на престол, пользовавшимся поддержкой С. Бериши и активно проводившим предвыборную кампанию, был Лека Зогу, проживавший в Южной Африке сын последнего предвоенного властителя Албании А. Зогу. Еще до объявления официальных результатов, согласно которым за монархию высказалось лишь около трети голосовавших, он заявил о своей победе. Первого июля Л. Зогу в сопровождении вооруженных сторонников предпринял неудачную попытку захватить здание Центральной избирательной комиссии, после чего несостоявшийся монарх был вынужден снова покинуть страну.

Несмотря на убедительную победу, дававшую возможность сформировать одноцветное правительство, социалисты образовали коалиционный кабинет, где 8 из 21 поста получили представители Социал-демократической и Аграрной партии, Демократического альянса и Партии прав человека. Возглавил его Ф. Нано. Двадцать третьего июля С. Бериша подал в отставку с поста президента, и новым главой государства был избран умеренный социалист Р. Мейдани, не являвшийся ранее членом АПТ.

Сокрушительное поражение, однако, ничему не научило С. Беришу. Подавив очередной внутрипартийный бунт и оставшись предсе-

дателем ДП, он повел агрессивную атаку на правительство. Теперь уже «демократы» прибегли к тактике бойкота парламента и уличных протестов. Тринадцатого–четырнадцатого сентября 1998 г. вооруженные сторонники экс-президента предприняли в столице попытку государственного переворота, захватив резиденцию премьер-министра, здания нескольких министерств и ведомств, государственное радио и телевидение. Правительственные силы после некоторого колебания восстановили контроль над ситуацией. Но из-за противодействия западных держав, утомленных нескончаемым поединком двух главных персонажей албанской политической сцены, Ф. Нано не решился на арест С. Бериши и в конце сентября подал в отставку. Новым главой правительства стал 31-летний генеральный секретарь Албанской социалистической партии П. Майко, вышедший на политическую арену в 1990 г. из рядов демократического студенческого движения и принадлежавший к крылу «еврософциалистов».

Главным успехом нового кабинета, сохранившего коалиционный характер, стало завершение процесса разработки новой конституции, превращавшей Албанию в парламентскую республику. Двадцать второго ноября 1998 г. на референдуме, в котором приняло участие более 50% избирателей, несмотря на призыв С. Бериши к его бойкоту, более 90% проголосовавших высказались в поддержку Основного закона. Однако кризис в Косово в 1998–1999 гг. и захлестнувший страну поток беженцев оттуда почти на год отодвинули все внутренние проблемы Албании.

После завершения косовского кризиса внутриполитическая борьба вновь стала набирать силы, охватив обе ведущие партии страны, как Социалистическую, так и Демократическую. И в той, и в другой бывшим лидерам — Ф. Нано и С. Берише противостояли представители молодого поколения — П. Майко и Г. Поло, оба — выходцы из демократического студенческого движения начала 90-х годов. Смену руководства активно поддерживали влиятельные западные круги, полагавшие, что молодым, не обремененным личной враждой политикам будет легче найти общий язык и прекратить неконструктивное противоборство. Но и их расчеты оказались тщетными. На съезде СП искушенный политический борец Нано на выборах председателя партии нанес поражение Майко, вынудив того и к отставке с поста главы правительства. В октябре 1999 г. кабинет возглавил его заместитель — другой представитель молодого поколения социалистов, И. Мета. Сходно развивались события и в ДП: Бериша сумел добиться своего переизбрания на пост председателя партии и изгнания очередных внутрипартийных диссидентов во главе с Г. Поло из парламентской фракции. Позднее они покинули ДП и образовали Новую демократическую партию.

Первого и 15 октября 2000 г. прошли выборы в органы местного самоуправления, а 24 июня и 8 июля 2001 г. — очередные (пятые с момента падения коммунизма) парламентские выборы. Убедительную победу в обоих случаях одержал блок, возглавляемый социалистами. Хотя выборы проходили по законам, разработанным при участии европейских институтов и под контролем ОБСЕ, ДП, обвиняя власти в их фальсификации, попыталась вновь бойкотировать парламент, но под международным давлением вынуждена была отказаться от этой тактики.

Между тем в рядах победивших социалистов вновь разгорелась фракционная борьба, вынудившая И. Мету в январе 2002 г. подать в отставку. Кабинет опять возглавил П. Майко, хотя спровоцировавшему его отставку Ф. Нано удалось добиться усиления позиций своей фракции в правительстве. В июле 2002 г. при посредничестве и сильном давлении западных держав правящая коалиция и оппозиция совместно выдвинули единым кандидатом на пост президента страны профессионального военного А. Моисиу, который и был избран. Двадцать пятого июля 2002 г. Майко, руководивший правительством несколько месяцев, также подал в отставку. Нано, переиграв своих внутрипартийных соперников, вновь стал во главе кабинета. Впрочем, для сохранения внутрипартийного мира обоим экс-премьерам — Майко и Мете были предоставлены важные посты в правительстве. Но впоследствии И. Мета со своими сторонниками покинул социалистическую партию и основал Социалистическое движение за интеграцию (СДИ).

Парламентские выборы 3 июля 2005 г. должны были стать экзаменом готовности Албании к приему в НАТО и ЕС. Однако эту проверку она выдержала не вполне удовлетворительно. Хотя выборы прошли, по местным понятиям, относительно спокойно и сопровождались не слишком многочисленными инцидентами, подведение их итогов сильно затянулось. Лишь 1 сентября после повторного голосования в нескольких округах Центральная избирательная комиссия смогла обнародовать окончательные результаты. Победу на этот раз одержала Демократическая партия, завоевавшая 56 мандатов в парламенте (из 140). Социалистической партии, ослабленной фракционными распрями и коррупционными скандалами, пришлось довольствоваться вторым местом и 42 мандатами. При этом партия С. Бериши сумела сформировать достаточно широкую коалицию, включившую даже Новую демократическую партию его былого соперника Г. Поло. В то же время Социалистическое движение за интеграцию И. Меты выступало на выборах вне социалистического блока. В результате Бериша, возглавив коалиционное правительство «демократов» и их союзни-

ков, вновь вернулся к власти. Ф. Нано вынужден был признать свою ответственность за поражение социалистов и подать в отставку с поста лидера партии. Будущее покажет, извлек ли его удачливый противник Бериша уроки из прошлого, но очередная демократическая смена свершилась.

Политическая жизнь Албании посткоммунистической эпохи отмечена событиями и явлениями, вызывающими навязчивые ассоциации с Россией, хотя между двумя странами, казалось бы, так мало общего. Иногда речь идет о символичном, но внешнем сходстве: попытка навязывания авторитарной конституции посредством сомнительного референдума, обрушение «финансовых пирамид», чрезмерная амбициозность и взаимная нетерпимость двух главных действующих лиц политической сцены — вождя «демократов» С. Бериши и лидера «социалистов» Ф. Нано. Всему этому нетрудно подыскать параллели в новейшей российской истории. Но небезосновательны и сущностные аналогии: наличие сильной посткоммунистической партии как главной опоры оппозиции новому режиму, попытка не допустить ее к власти любой ценой, в том числе откровенной фальсификацией парламентских выборов в 1996 г., появление демократической оппозиции президенту-«демократу» из рядов его былых соратников, силовая развязка политического кризиса в 1997 г.

Политическая трансформация началась в Албании позже, чем у всех ее соседей (в 1990 г.). Переход к новому общественному строю, как и в России, во многом приобретал характер обвального, неуправляемого процесса. Он проходил гораздо более бурно, чем в других странах региона, дважды (в 1991 и 1997 гг.) погружая страну в состояние анархии и хаоса, почти все избирательные кампании сопровождались массовыми нарушениями и острыми политическими кризисами, а затем и бойкотом законодательного органа проигравшей стороной. Утверждению демократии победы «демократов» угрожали больше, чем торжество их противников-«социалистов», но в обоих лагерях фракционная борьба стала повседневным явлением. И в Албании, и многими за ее пределами опровергается влияние субэтнического разделения албанцев на северян (гегов) и южан (тосков) на политическую жизнь страны. Тем не менее в критические периоды было особенно заметно, что С. Бериша имеет наиболее прочные позиции на севере страны, а Ф. Нано — на юге. Все это неудивительно в самой бедной стране Европы, фактически никогда не имевшей демократических традиций и не свободной от проявления клановых и родовых связей. Тем не менее, пройдя через все те драматические повороты, что и Россия, Албания нашла другие, более удачные выходы. Попытки концентрации

личной власти в руках главы государства или правительства все же закончились провалом. Албании в конечном счете удалось уже трижды добиться смены власти по итогам выборов, пусть и не без внешней помощи и не без острых внутриполитических кризисов.

Словения

Внутриполитическое развитие Словении в посткоммунистический период выделяет ее из республик бывшей Югославии, да и других стран Юго-Восточной Европы. Подобно Македонии, она впервые за многовековую историю обрела зародыш собственной государственности в форме союзной республики лишь в составе СФРЮ. Однако в отличие от нее Словения и в королевской, и в социалистической Югославии была наиболее развитым в социально-экономическом и социокультурном плане регионом. Не только по уровню, но и по качеству и стилю жизни, культурным традициям и влияниям словенцы склонны причислять себя, и небезосновательно, скорее к центральноевропейским, нежели балканским народам. Казалось бы, мелкие, но значимые детали выразительно характеризуют их несходство. Если во всех странах Юго-Восточной Европы коррупция, судя по опросам, является повседневным массовым явлением, то 85% опрошенных в Словении (больше, чем в Австрии) никогда не давали взяток, хотя и разделяют с жителями соседних Балканских стран убежденность, что живут в коррумпированном государстве[1]. Согласно другим исследованиям, Словения по рейтингу коррумпированности замыкает список западноевропейских стран с относительно невысоким уровнем коррупции, отличаясь этим от всех остальных государств Центральной и Восточной Европы[2]. Если во всех странах региона постсоциалистическое десятилетие было отмечено религиозным ренессансом, то среди словенцев, напротив, выросло число атеистов и лиц, религиозно не определившихся[3]. Эти различия в системе ценностей и моделях поведения отчасти объясняют иной, нежели у других бывших югославских республик, путь политического развития Словении. Еще одним ключом к пониманию причин своеобразия словенского пути является иная расстановка политических сил.

---

[1] См.: Коррупция в России и странах Центральной и Восточной Европы. Сравнительный анализ (www.gfk.ru/etc/files/pdf/corrupcion_climate.pdf).

[2] См.: Индекс восприятия коррупции. 2002. Трансперенси интернэшнл (www.transperensy.org/cpi/2002/cpi2002.en.html).

[3] См.: Prebivalstvo po veroispovesti, popisa 1991 in 2002 // Statisticni letopis Republike Slovenije. 2003. Ljubljana. 2004. P. 74 (www.stat.si).

Первые многопартийные выборы, проходившие 8–22 апреля 1990 г., когда республика еще входила в состав СФРЮ, выиграла коалиция шести оппозиционных партий «ДЕМОС». Она завоевала около 55% голосов и получила 126 из 240 мест в парламенте. Но внушительного представительства добились также бывшие коммунисты и их былые союзники — Партия демократического обновления (ПДО; прежний Союз коммунистов), Социалистическая партия (СП), Либерально-демократическая партия (ЛДП; созданная первоначально на основе прежней молодежной организации СК, она впоследствии приняла в свои ряды «зеленых», часть социалистов и членов расколовшейся Демократической партии — ДП). Пост премьера первого многопартийного правительства достался представителю коалиции «ДЕМОС» Л. Петерле из Словенского христианско-социального движения (СХСД), но руководитель ПДО М. Кучан был избран Председателем Президиума Словении.

Приоритетной задачей для всех словенских партий стало достижение независимости. Поэтому формирование основ самостоятельной словенской государственности проходило в условиях политического консенсуса. В декабре 1991 г. парламент принимает Конституцию уже независимой Словении, давшую ей почти классическую парламентскую форму политического устройства. Президент избирается гражданами на прямых выборах, но его властные полномочия сведены до символических. При этом парламент может выражать недоверие не только правительству, но и отдельным министрам, чем пользуется весьма активно.

Любопытной особенностью словенской политической системы является такой унаследованный от «социалистического самоуправления» уникальный институт, как Государственный Совет — орган представительства социальных, экономических, профессиональных и местных интересов. В Государственный Совет (40 членов) входят представители работодателей (4), наемных работников (4), крестьян, ремесленников и лиц свободных профессий (4), работников непроизводственной сферы (6), представители интересов местных территориальных образований (22), которые избираются от соответствующих организаций в особом порядке. В законодательном процессе этот орган играет роль своеобразной второй палаты парламента и наделен консультативными функциями, правом законодательной инициативы и отлагательного вето. Немаловажную роль отвела словенская Конституция прямому волеизъявлению граждан: группе из 5 тыс. избирателей предоставлено право законодательной инициативы, а 40 тыс. избирателей могут требовать проведения референдума, решения которого

носят обязательный характер. За последние пятнадцать лет состоялось шесть референдумов.

Между тем вскоре после достижения независимости — главной общенациональной цели — коалиция «ДЕМОС» распалась, и парламент вынес вотум недоверия кабинету Л. Петерле. Уже в мае 1992 г. новое правительство несколько изменившейся конфигурации возглавляет лидер ЛДП, в прошлом видный государственный деятель СФРЮ Я. Дрновшек.

В декабре 1992 г. на первых прямых президентских выборах М. Кучан вновь избирается главой государства. Фаворитом проходивших одновременно парламентских выборов стала Либерально-демократическая партия Я. Дрновшека, получившая 23,4% голосов и 22 из 90 мест в Государственном собрании. 14,5% голосов и 15 мандатов завоевали «Словенские христианские демократы» (СХД) Л. Петерле. Партия демократического обновления (бывший Союз коммунистов) к тому времени распалась на несколько левых организаций (Партия демократических реформ, Социал-демократический союз, Рабочая партия Словении и Демократическая партия пенсионеров Словении). Они, однако, на выборах выступили единым списком, добившись 13,5% голосов и 14 мандатов (три первые организации на следующий год слились в одну партию под названием «Единый список социал-демократов» (ЕССД), которая в 1996 г. была принята в Социалистический Интернационал). Националистическо-популистская Словенская национальная партия (СНП) получила 10% голосов и 12 мест. Словенской народной партии, ориентированной в основном на сельский электорат, досталось 8,7% голосов и 10 мест. Социал-демократическая партия Словении (СДПС), возглавляемая весьма популярным в годы борьбы за независимость политиком Я. Яншей и отличавшаяся наиболее радикальным антикоммунизмом, собрала лишь 3,3% голосов, давших ей 4 места. Правительство «большой коалиции», куда вошли либеральные демократы, христианские демократы, экс-коммунисты из «Единого списка», «зеленые» и социал-демократы, вновь возглавил Я. Дрновшек.

Формирование кабинета из представителей большей части парламентских партий позволило приступить к проведению необходимых реформ. Однако разнородность пестрой коалиции стала сказываться довольно скоро. В 1994 г. был отправлен в отставку с поста министра обороны Я. Янша, и Социал-демократическая партия перешла в решительную оппозицию. После ряда перестановок в кабинете коалиция приняла трехпартийный характер: ЛДП, СХД и ЕССД. В январе 1996 г. и ЕССД покидает коалицию, которой пришлось дотянуть до очередных парламентских выборов в ноябре уже в двухпартийном

составе. При этом христианские демократы, формально оставаясь у власти вместе с либеральными демократами, в избирательной кампании выступали в блоке оппозиции «Словенская весна» (Социал-демократическая партия Словении, Словенская народная партия и «Словенские христианские демократы»).

В результате выборов 1996 г. в парламенте возникла неопределенная расстановка сил. ЛДП лидировала, получив 27% голосов и проведя 25 своих кандидатов. Оппозиционный блок «Словенская весна» в целом завоевал 43 мандата (Словенская народная партия — 19, Социал-демократическая партия Словении — 14 и «Словенские христианские демократы» — 10), но в нем не было согласия относительно формулы нового кабинета. Девять мест досталось ЕССД. Президент доверил образование нового правительства Я. Дрновшеку, что не встретило серьезных возражений, поскольку никто не верил в его успех. Между тем искушенному политику удалось в очередной раз переиграть своих соперников. Хотя и с третьей попытки, после трехмесячного ожесточенного торга и перебора едва ли не всех мыслимых вариантов он сумел обеспечить парламентскую поддержку своему новому кабинету. На этот раз правящую коалицию составили ЛДП, Словенская народная партия и Демократическая партия пенсионеров. В 1997 г. на пост президента второй раз был избран М. Кучан.

Постоянные межпартийные склоки, подрывавшие стабильность правительства, и расчеты оппозиции свалить наконец непобедимого Дрновшека посредством изменения законодательства о выборах породили инициативу его пересмотра. В 1996 г. было выдвинуто сразу несколько вариантов реформы избирательной системы. Неутомимые критики власти — социал-демократы добивались мажоритарной системы, ЛДП отстаивала сохранение пропорциональной, ЕССД предлагал смешанную. Однако на референдуме в 1996 г. ни один из вариантов не набрал необходимого количества голосов, и избирательная формула осталась прежней.

Лишь в 2000 г. незадолго до очередных парламентских выборов оппозиции удалось достичь заветной цели — принципиальной смены власти. После выхода СНП из правительства, ее слияния со «Словенскими христианскими демократами» в новую партию (СНП-СХД) и объединения в предвыборную коалицию с социал-демократами 8 апреля 2000 г. парламент выносит вотум недоверия правительству Дрновшека. Новый кабинет, куда вошли СНП-СХД и СДПС, возглавил выросший в Аргентине в семье эмигрантов А. Баюк, что призвано было символизировать полный разрыв с прежним истеблишментом, ведущим родословную от старой номенклатуры коммунистических

времен. Правда, и ему удалось добиться утверждения парламентом нового (фактически временного) правительства лишь с третьей попытки и большинством в один голос. Неудивительно, что торжество оппозиции было недолгим. Уже в июле 2000 г. при голосовании по изменению избирательной системы произошел раскол новой правящей коалиции: СНП-СХД, вопреки обещаниям, проголосовала не за введение мажоритарной системы, а за несколько измененную модель пропорционального представительства. СДПС, посчитав себя обманутой, вышла из правительства. Вслед за тем раскол произошел и внутри СНП-СХД: Баюк покинул ее ряды и объявил о создании собственной правоцентристской партии «Новая Словения».

Политическая чехарда, сопровождавшая недолгое пребывание правых у власти, похоже, явилась сильным аргументом для избирателей. На очередных парламентских выборах 15 октября 2000 г. Либерально-демократическая партия получила 36,2% голосов (более, чем когда-либо) и 34 мандата, Социал-демократическая — 15,8% голосов и 14, «Единый список социал-демократов» — 12% и 11, СНП-СХД — 9,5% и 9, «Новая Словения» — Христианская народная партия (ХНП) А. Баюка — 8,6% и 8. Новое левоцентристское правительство, куда вошли представители ЛДП, ЕССД и СНП-СХД, вновь возглавил Я. Дрновшек. В 2002 г. он, после истечения второго срока полномочий М. Кучана, одерживает победу на президентских выборах и становится главой государства. Пост руководителя правительства переходит к его соратнику по партии А. Ропу.

Лишь на следующих парламентских выборах в 2004 г. правой оппозиции удается взять реванш. СДПС, переименованная в Словенскую демократическую партию, добилась 29 мест в Государственном собрании, ЛДП — 23, ЕССД — 10, «Новая Словения»-ХНП — 9, СНП — 7, Словенская национальная партия — 6, Демократическая партия пенсионеров — 4. Правоцентристское правительство возглавил Я. Янша.

Левоцентристские силы, в той или иной мере связанные с истеблишментом времен социализма, правили страной четырнадцать лет (не считая полугодичной паузы в 2000 г.), сохраняя за собой посты главы государства и правительства. При этом двенадцать лет (за исключением отмеченного кратковременного перерыва) ключевой пост премьер-министра занимал Я. Дрновшек, а главой государства в течение десяти лет был М. Кучан — экс-руководитель компартии. Если следовать легко заметным внешним аналогиям с соседними государствами, можно посчитать, что речь идет о затянувшемся правлении типичной посткоммунистической «партии власти», обеспечивавшей сохранение позиций прежней элиты. Именно это и утверждала оппозиция.

Между тем политическая сцена Словении изначально была структурирована достаточно полицентрично. Поэтому почти неизменно ведущей Либерально-демократической партии для сохранения власти приходилось испробовать самые разнообразные коалиции, состав правящего и оппозиционного лагерей подвергался постоянной ротации, а изменчивые межпартийные конфликты и союзы перекрывали противостояние посткоммунистов и антикоммунистов. Зависимость наиболее влиятельной партии от партнеров и парламентское устройство, при всех его неизбежных издержках, не только предотвратили монополизацию власти, но и сделали политической неизбежностью компромисс и сотрудничество правых и левых сил и их сдвиг к центру. Отчасти и по этой причине необходимые преобразования сопровождались в Словении наименьшими издержками сравнительно с соседними странами.

Македония

Страна, не слишком отличающаяся от Албании по уровню социально-экономического развития, впервые обрела зародыш собственной государственности и признание национальной самобытности лишь в составе социалистической Югославии (1945–1990). Поэтому она после прощания с социализмом легко могла повторить путь своих соседей: Албании или Сербии и Черногории. К тому же независимость Македонии не вызывала большого воодушевления среди ее жителей-албанцев (23% населения), оказавшихся отрезанными от своих собратьев в Косово. Они бойкотировали референдум о независимости и даже перепись населения, а албанские депутаты парламента не поддержали принятие новой Конституции. Но, возможно, именно осознанное стремление избежать повторения происходившего рядом да случайная удача с выбором главы государства предохранили Македонию от полного воспроизведения постъюгославских сценариев, хотя вовсе избежать сходных негативных явлений ей не удалось.

Первые многопартийные выборы в Собрание (парламент) прошли 11–25 ноября 1990 г., когда Македония еще находилась в составе югославской федерации. На левом фланге помимо Союза коммунистов Македонии — Партии демократических преобразований (СКМ-ПДП) влиятельные позиции занимала еще одна посткоммунистическая партия — Союз реформистских сил (СРС). Он объединял сторонников реформ последнего премьера СФРЮ А. Марковича, пытавшегося, и поначалу не без успеха, сохранить распадавшееся государство посредством радикальных рыночных и демократических преобразований.

Кроме того, бывший Социалистический Союз трудящихся (организация типа народного фронта) трансформировался в Социалистическую партию (СП), дислоцировавшуюся левее бывшего СКМ, но неизменно остававшуюся в коалиции с ним. Лидером антикоммунистической оппозиции выступала Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия македонского национального единства (ВМРО-ДПМНЕ), старавшаяся привлечь избирателей националистической риторикой. Среди албанского населения республики наибольшей популярностью пользовалась тогда Партия демократического процветания (ПДП). В итоге оппозиционная ВМРО-ДПМНЕ стала фаворитом выборов, получив 38 из 120 мест в парламенте республики, СКМ-ПДП — 31, СРС — 17, СП — 5 и албанская ПДП — 22. Несмотря на формальное лидерство, ВМРО-ДПМНЕ не могла сформировать однопартийное правительство, а попытка образовать коалиционное также провалилась из-за разногласий по поводу распределения портфелей. Поэтому свою многопартийную политическую историю Македония вынуждена была начать с беспартийным «правительством экспертов».

Президентом Македонии депутатами Собрания 27 января 1991 г. был избран видный политический и государственный деятель общеюгославского масштаба К. Глигоров, пользовавшийся репутацией реформатора еще во времена Тито. Человек богатого политического опыта и авторитета, вместе с тем долгое время находившийся вне Македонии, большой мастер компромиссов, он был приглашен из Белграда лидерами трех крупнейших парламентских партий как взаимоприемлемая посредническая фигура. Для главы ВМРО-ДПМНЕ Л. Георгиевского был специально учрежден пост вице-президента. Руководитель СРС (позднее преобразовавшегося в Либеральную партию) С. Андов возглавил парламент.

Восьмого сентября 1991 г. в республике проводится референдум о независимости, 17 ноября принимается Конституция, давшая Македонии парламентско-президентскую форму правления, 19 декабря Собрание провозглашает независимость страны. Двадцать первого февраля 1992 г. руководители Македонии и СРЮ подписали договор о выводе югославских войск с территории страны. Таким образом, только Македонии удалось выйти из состава СФРЮ мирным путем. Достижение независимости было, однако, осложнено длительной борьбой за международное признание. Из-за обструкционистской позиции Греции, не желавшей появления нового государства, одноименного с ее северной провинцией и как бы посягавшего на историческое наследие эллинистической Македонии, члены ЕС долгое время оття-

гивали ее дипломатическое признание. Даже в ООН она была принята под временным наименованием Бывшая Югославская Республика Македония (аббревиатура на англ. яз. — FYROM), а македонско-греческий спор о названии страны не закончен по сию пору. Еще существеннее, что новое государство сразу же оказалось в двойной блокаде в результате эмбарго со стороны Греции и введенных ООН санкций по отношению к СРЮ. Это нанесло тяжелый удар по экономике, и без того ослабленной последствиями распада прежней страны, где Македония стойко имела статус дотационной республики.

Шестнадцатого июля 1992 г. парламент вынес вотум недоверия «экспертному» кабинету. Но попытки сформировать партийное правительство не удались ни лидеру ВМРО-ДПМНЕ Л. Георгиевскому, ни П. Гошеву, тогдашнему руководителю экс-коммунистов, преобразовавших свою партию в Социал-демократический союз Македонии (СДСМ). Лишь новому лидеру СДСМ — 30-летнему Б. Црвенковскому 4 сентября 1992 г. удалось составить многопартийный кабинет, в котором социал-демократам принадлежало 10 из 23 портфелей, либералам — 5, албанской ПДП — 5 и социалистам — 1. ВМРО-ДПМНЕ и Демократическая партия, которую возглавил П. Гошев, покинувший ряды СДСМ, уходят в оппозицию. Л. Георгиевски подает в отставку с поста вице-президента.

На первых прямых президентских выборах в 1994 г. К. Глигоров, получив 52,4% голосов (в сравнении с 14,4% у ближайшего соперника — Л. Георгиевского), вновь становится главой государства. На проходивших одновременно парламентских выборах правительственная коалиция, возглавляемая СДСМ, завоевала абсолютное большинство в Собрании. Социал-демократы получили 58 мест (из 120), либералы — 29, социалисты — 8, ПДП — 10 и еще одна албанская Народно-демократическая партия — 4. Правда, такой результат стал возможен потому, что оппозиция, обвинявшая власти в фальсификации выборов, бойкотировала второй тур и сама лишила себя представительства в парламенте. Впрочем, независимые наблюдатели считали, что причиной бойкота были не столько нарушения, сколько боязнь поражения[1]. Б. Црвенковски вновь возглавил коалиционное правительство той же партийной конфигурации.

Сформировавшаяся политическая система характеризовалась незыблемостью власти трех посткоммунистических партий, объединяв-

---

[1] См.: *Hoppe H.-J.* Die politische Szene der Republik Makedonien // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Köln). 1995. No 47. S. 16.

ших в своих рядах большую часть прежней элиты, такой организацией выборов, которая ставила в выигрышное положение уже существующие крупные партии, отсутствием независимых средств массовой информации. Вопреки конституционным установлениям фактически сложился президентский режим[1], хотя определяющая роль главы государства в политическом процессе стала следствием его неоспоримого авторитета и политического искусства, а не злоупотребления своими прерогативами, которыми он пользовался довольно осторожно. Тем не менее убедительным выглядит вывод, что «в эмпирическом плане конституционная модель Республики Македонии за истекшие пять лет показала себя в большей степени как представительная система с элементами олигархии и централизации политической силы и в меньшей — как система плюралистической демократии...»[2]. Но такая форма правления, при всех ее пороках, имела и определенные позитивные эффекты: Македонии, несмотря на всю остроту межнациональных отношений, крайне тяжелое социально-экономическое положение, враждебное внешнее окружение и бушевавшие по соседству вооруженные конфликты, удавалось сохранять мир и стабильность. Но вскоре ситуация начала меняться.

Третьего октября 1995 г. К. Глигоров был тяжело ранен в результате покушения. Исполняющим обязанности главы государства стал в соответствии с Конституцией председатель парламента С. Андов, который и начал восприниматься как наиболее вероятный преемник. Руководители СДСМ во главе с премьером Б. Црвенковским посчитали такую перспективу опасной и, обострив отношения в правящей коалиции, добились смещения ключевых министров-либералов, даже вопреки воле уже оправившегося президента. В знак протеста Андов ушел в отставку с поста главы парламента, а Либеральная партия в 1996 г. покинула правящую коалицию и перешла в оппозицию. На следующий год две оппозиционные партии — Либеральная и Демократическая объединяются в одну — Либерально-демократическую. Следствием этой борьбы за власть в правящем лагере был не только его раскол и появление вновь парламентской оппозиции. Кабинет и руководство главной правящей партии стали самостоятельными по отношению к президенту политическими факторами, что создало предпосылки для демократизации политической системы.

---

[1] См.: *Hatschikjan M.A.* Macedonia: variable balances, fragile structures // Balkan forum (Skopje). 1996. Vol. 4. No 3(16). P. 133–136.

[2] См.: *Шкарич С.* Конституционно-правовое становление македонского государства // Македония. Путь к самостоятельности: Документы. М., 1997. С. 77.

На следующих парламентских выборах в 1998 г. ВМРО-ДПМНЕ, сбавившей к тому времени националистический пыл и пытавшейся предстать либеральной партией европейского типа, удается взять реванш и впервые прийти к власти. Выступая в коалиции с «Демократической альтернативой», незадолго до того созданной авторитетным политиком В. Тупурковским, она завоевала 58 мест в парламенте, СДСМ — 28, либералы — 4, социалисты — 2, ПДП — 11, Демократическая партия албанцев — 9. Коалиционное правительство возглавил Л. Георгиевски. Правившие восемь лет социал-демократы впервые оказались в оппозиции. На следующий год их соперники отвоевали и пост главы государства. На президентских выборах в ноябре–декабре 1999 г., когда отслуживший два максимально допустимых срока престарелый К. Глигоров должен был оставить свой пост, выдвиженец ВМРО-ДПМНЕ Б. Трайковски, хотя и с очень незначительным перевесом, победил ставленника социал-демократов. Попытка обжаловать результаты выборов из-за нарушений в ряде избирательных округов привела к переголосованию в этих районах, которое подтвердило первоначальный результат, признанный и международными наблюдателями. Исход выборов фактически решили голоса избирателей-албанцев, и правящей коалиции пришлось пойти навстречу албанским партиям, расширив их представительство в кабинете, пообещав предоставить статус государственного албанскому университету и создать телеканал на албанском языке. Это, в свою очередь, ослабило популярность правительства среди македонцев славянского происхождения, опасавшихся, что уступки албанским требованиям откроют путь к федерализации, а затем и к расколу страны. Сильнейшим фактором падения авторитета новых властей стал их отход от проводившейся К. Глигоровым «политики равноудаленности» от соседей и прямая поддержка действий НАТО против СРЮ в разгар косовского кризиса. Наплыв албанских беженцев из Косово дополнительно дестабилизировал ситуацию в стране.

В результате получившая всю полноту власти правящая коалиция вскоре стала подвергаться тяжелым испытаниям на прочность. В ноябре 2000 г. после ее поражения на местных выборах правительство покидает «Демократическая альтернатива», что приводит к пятой после 1998 г. реорганизации кабинета. Лишь переход на сторону зашатавшегося правительства Либерально-демократической партии продлил срок его жизни.

Расчеты на то, что прозападная и проалбанская линия руководства Македонии в косовском вопросе позволит избежать повторения подобного на собственной территории, оказались несостоятельными. Напротив, косовский пример усилил радикальные настроения среди

албанцев Македонии, а Освободительная армия Косово, почувствовав свою силу после отторжения края от СРЮ и превращения его в международный протекторат, начала экспансию на населенные албанцами территории северо-западной Македонии и юга Сербии. В конце февраля 2001 г. албанские вооруженные формирования, выступившие под названием Национально-освободительной армии (НОА), начали широкомасштабные боевые действия против македонских сил безопасности. Правительство вынуждено было ввести в действие армейские части и приступило к массированным закупкам вооружения, но усилия армии оказались не слишком успешными.

Албанские партии, как правящие, так и оппозиционные, действовали согласованно: формально отмежевавшись от насилия НОА, они, по мере ее успехов, наращивали свои требования. Власти же долго не могли выработать согласованной позиции. Премьер Л. Георгиевски, при поддержке части своей партии и влиятельного министра внутренних дел Л. Бошковского, стоял за вооруженный отпор сепаратистам. Впрочем, эскалация вооруженного конфликта отвечала и его личным и партийным интересам, спасая от досрочных парламентских выборов, суливших неизбежное поражение. Президент Б. Трайковски, действуя в русле предложений ЕС, США и НАТО, стремился погасить конфликт в рамках переговоров за счет уступок албанским требованиям. Наконец, 13 мая 2001 г. под сильным западным нажимом было сформировано правительство национального единства с участием оппозиционных партий во главе с Л. Георгиевским. Тринадцатого августа 2001 г. в Охриде всеми основными македонскими и албанскими партиями было подписано соглашение о политической и конституционной реформе, создавшее условия для прекращения вооруженных действий. В соответствии с ним изменялись преамбула и ряд статей Конституции, которые, по мнению албанских партий, фаворитизировали македонцев по отношению к национальным меньшинствам, а за албанским языком закреплялся статус государственного. Вводилась система «двойного большинства» при голосовании в парламенте по законам, затрагивающим интересы какого-либо этнического меньшинства: для их принятия требовалось не только обычное большинство, но и большинство среди депутатов данной национальности. Увеличивалось представительство албанцев в полиции и органах государственной власти. Предусматривалась децентрализация управления с передачей на места многих властных полномочий. Бывшим боевикам НОА была обещана амнистия. Шестнадцатого ноября парламент принял поправки к Конституции, но после этого СДСМ вышел из объединенного правительства.

Осенью 2001 г. миротворческие силы НАТО провели акцию по добровольному разоружению боевиков, которое, впрочем, по оценкам многих наблюдателей, было фиктивным. Непросто протекал процесс передачи занятых НОА районов под контроль этнически смешанных патрулей полиции. Под постоянным западным давлением проходило принятие парламентом законов, предусмотренных Охридским соглашением. Все же, несмотря на эпизодические вспышки насилия, албанское население в целом удовлетворилось достигнутым на данном этапе, а большинство прежних боевиков включилось в политический процесс, образовав новую партию — Демократический союз за интеграцию (ДСИ) во главе с бывшим политическим представителем НОА А. Ахмети.

На парламентских выборах 15 сентября 2002 г. коалиция «Вместе за Македонию», где доминировал СДСМ, завоевала 60 мест в Собрании, а альянс ВМРО-ДПМНЕ и Либеральной партии — лишь 33. «Демократический союз за интеграцию», сильно потеснив традиционные албанские партии, получил 16 мандатов. Демократическая партия албанцев, младший партнер в предыдущем правительстве, сумела провести только 7 депутатов, а Партия демократического процветания — 2. Коалиционный кабинет, куда вошел и ДСИ, после четырехлетнего перерыва вновь возглавил Б. Црвенковски, избранный в 2004 г. после гибели в авиационной катастрофе Б. Трайковского президентом страны. Пост премьера перешел к другому представителю социал-демократов.

Парламентские выборы 5 июля 2006 г. привели к очередной смене власти. ВМРО-ДПМНЕ досталось 37 мест, а СДСМ — лишь 27. Свою роль сыграл и происшедший незадолго до выборов раскол среди социал-демократов. Отколовшаяся группировка, образовавшая Новую социал-демократическую партию, провела 7 депутатов. В албанской среде «Демократический союз за интеграцию» получил 14 мест, а его соперница — Демократическая партия албанцев — 11. Коалиционный кабинет возглавил новый лидер ВМРО-ДПМНЕ Н. Груевски. СДСМ после поражения оказался охвачен фракционной борьбой, а вытесненный в оппозицию ДСИ стал домогаться включения в правительство, шантажируя власти угрозами дестабилизировать обстановку в стране, однако своей цели не достиг.

Несмотря на относительное спокойствие и определенные внешнеполитические успехи (ЕС в 2001 г. подписал соглашение о стабилизации и ассоциации с Македонией, а в 2005 г. ей был предоставлен статус кандидата в члены ЕС; СДСМ в 2003 г. стал полноправным членом Социалистического Интернационала), не преодоленное прошлое дает о себе знать и сегодня. Скрытая межэтническая напряженность сохра-

няется. Вызывает обеспокоенность продолжающийся процесс вытеснения славянского населения с территорий совместного проживания по косовскому сценарию (если раньше оно осуществлялось прямым насилием, то ныне — посредством массовой скупки албанцами жилья македонцев). Местные выборы весной 2005 г. вновь показали, что избирательный процесс остается слабым местом македонской демократии. Из-за многочисленных нарушений, в первую очередь в албанских районах, некоторым избирателям пришлось голосовать трижды (законом предусмотрено два тура), и европейские наблюдатели высказали серьезные замечания по поводу организации выборов (характерно, что и в 2000 г. местные выборы по тем же причинам потребовали четырехкратного голосования во многих избирательных округах).

Очередным нелегким испытанием стабильности в стране и, возможно, решающим экзаменом на состоятельность македонской государственности станет период окончательного определения статуса Косово. В это время вполне вероятна очередная эскалация сепаратистских настроений среди албанского населения Македонии и новая вспышка межнациональной вражды. Но пока стране, пусть и с внешней помощью, удалось восстановить внутренний мир, а политический процесс удержать в рамках демократических институтов, хотя их функционирование еще далеко от европейских стандартов.

Сербия и Черногория

Посткоммунистическое развитие Сербии и Черногории принципиально отличалось от трансформационных процессов в других республиках бывшей СФРЮ. Здесь бывшие компартии изначально пошли иным курсом. Внешне республиканские организации Союза коммунистов Сербии и Черногории частично открестились от своего прошлого, сменили политическую этикетку и формально признали и политический плюрализм, и рыночную экономику. Но если их идейные собратья в других странах ради того, чтобы вписаться в новый общественный строй, смогли даже поступиться властью, то сербские и черногорские коммунисты были готовы удерживать ее любой ценой. Поэтому они двинулись по пути формирования системы «постсоциалистического авторитаризма» или «управляемой демократии», подобной большинству пост советских режимов.

После развала СКЮ Союз коммунистов Сербии, объединившись с Социалистическим Союзом трудящихся (массовая организация типа народного фронта), был переименован в Социалистическую партию Сербии (СПС). Это позволило укрепить ее финансовую и социальную

базу, привлечь националистических попутчиков и, изменив идейный профиль, превратить ее в фактически левонационалистическую организацию. Два политических изобретения лидера партии С. Милошевича сделали его массовым кумиром и непререкаемым вождем. Он узаконил сербский национализм на политической сцене (прием, ранее запретный для югославской номенклатуры), сделав его своей опорой, и вывел политику на улицы, апеллируя к массам через голову аппарата. Посредством инспирированных Милошевичем массовых митингов и демонстраций протеста в 1988–1989 гг. ему удалось устранить неподконтрольных руководителей Воеводины, Косово и Черногории и напористо проводить в жизнь свои требования на федеральном уровне. Популярность новоявленного «народного трибуна» того времени была сравнима с ельцинской славой конца 80-х — начала 90-х годов. Неслучайно и Сербская Православная Церковь, и такие влиятельные центры общественной жизни, как Сербская академия наук и искусств, Союз писателей Сербии и Белградский университет, которые впоследствии перешли в оппозицию режиму, в то время его активно поддерживали. Ставка Милошевича на сербский национализм и «антибюрократическую революцию» против партийных ортодоксов укрепляла позиции СПС. У новорожденных партий сербской антикоммунистической оппозиции, большинство которых также выступало с националистических позиций, было перехвачено первенство в важнейшем тогда для массового сознания национальном вопросе.

Еще до первых многопартийных выборов полностью контролируемый Союзом коммунистов парламент 28 сентября 1990 г. принял новую Конституцию Сербии. Хотя в декларировании прав и свобод она мало отличалась от демократических конституций других республик, главной ее чертой являлась именно декларативность. В ней не был последовательно проведен принцип разделения властей, отсутствовали четкие ограничения полномочий президента, резко урезалась самостоятельность автономных краев (Воеводина, Косово и Метохия).

Переход к многопартийности в СРЮ был явно вынужденным шагом. В ходе многочисленных выборов и референдумов правящая партия обеспечивала себе предпочтительные условия за счет перекройки избирательных округов, постоянного варьирования избирательных систем, доминированием в средствах массовой информации (особенно электронных), использования «административного ресурса», прибегая и к прямым подтасовкам. К тому же неизменный бойкот всех выборов албанскими избирателями Косово, составлявшими весомую часть электората, фактически обеспечивал СПС существенное приращение результатов. Вместе с тем нельзя сказать, что выборы вовсе не

отражали настроений населения. Поэтому долговременные неудачи оппозиции в не меньшей мере объяснялись ее собственной слабостью и раздробленностью.

На первых многопартийных выборах в 1990 г. СПС завоевала 46% голосов и 194 из 250 мест в парламенте, 19 мест (16% голосов) досталось оппозиционному Сербскому движению обновления (СДО) во главе с писателем В. Драшковичем, выступавшему тогда с великосербских и монархических позиций, 7 мест (7,4% голосов) получила Демократическая партия (ДП), созданная диссидентами либеральных воззрений. На президентских выборах С. Милошевич набрал 65,3% голосов против 16,4% у его соперника В. Драшковича. Хотя выборы показали недостаток сил у новорожденной оппозиции, по примеру соседних республик и других стран региона она попыталась низвергнуть власть внепарламентским давлением. Однако многотысячные демонстрации протеста в Белграде 9 марта 1991 г. были подавлены с применением армии и выводом на улицы танков.

В Черногории С. Милошевич сместил в 1989 г. при помощи инспирированных массовых волнений прежнее недостаточно лояльное руководство и привел к власти своих молодых ставленников — М. Булатовича и М. Джукановича, что позволило местному Союзу коммунистов предстать партией обновления. В итоге на первых многопартийных выборах коммунисты одержали еще более убедительную, чем в Сербии, победу: Союз коммунистов Черногории (СКЧ), набрав 56,2% голосов, завоевал 83 из 125 мест в парламенте, Союз реформистских сил (позднее Либеральный союз) — 17 (13,6%). Лидер СКЧ М. Булатович, добившийся поддержки 76,1% голосовавших, стал председателем Президиума республики. В 1992 г. Союз коммунистов был переименован в Демократическую партию социалистов Черногории (ДПСЧ), но еще долго оставался местным дублером и верным союзником своего сербского прототипа.

После распада СФРЮ Сербия и Черногория в конце апреля 1992 г. объединились в новом федеративном государстве — Союзной Республике Югославии. Двадцать седьмого апреля 1992 г. парламенты республик приняли Конституцию СРЮ, проект которой руководители Сербии и Черногории подготовили без какого-либо участия общественности и оппозиции. Хотя югославская Конституция вторила сербской в своих основных идеях, власть на федеральном уровне была сконструирована таким образом, что президент СРЮ, избираемый Союзной Скупщиной, имел более слабую конституционную позицию, чем его республиканские коллеги и руководитель федерального правительства. Равноправие республик обеспечивало небольшой Черногории

гораздо более весомую роль, чем та, на которую она могла претендовать, исходя из численности населения и удельного веса в экономике. Гарантией равноправия служили: двухпалатная структура парламента[1], равноправие палат, особая процедура принятия решений. Но Конституция «по умолчанию» подразумевала политическое единомыслие правящих сил двух субъектов федерации или внеинституциональные способы его достижения, поскольку в ней не был четко прописан механизм разрешения потенциальных конфликтов республик.

На первых выборах в Вече граждан Союзной Скупщины (май 1992 г.), которые демократическая оппозиция бойкотировала, победу одержали социалисты и ультранационалистическая Сербская радикальная партия (СРП), чей лидер В. Шешель небезосновательно считается местным клоном Жириновского. Но, стремясь ослабить международное давление на Югославию и внутреннюю напряженность, добиться легитимации нового государства и его политического устройства, С. Милошевич, сохранявший реальную власть в стране, будучи формально лишь президентом Сербии, решил выдвинуть на первый план на федеральном уровне новые фигуры, не связанные с правящей партией и прежним режимом. Президентом СРЮ был избран писатель Д. Чосич, снискавший славу диссидента, гонимого коммунистами за «защиту сербского дела» еще во времена Тито. Премьером союзного правительства был назначен американский миллионер сербского происхождения М. Панич. Но, как только они начали проявлять самостоятельность и критиковать линию фактического правителя страны, сначала Панич, а затем и Чосич были досрочно смещены со своих постов. На пост главы союзного государства был избран абсолютно бесцветный представитель СПС З. Лилич, всецело послушный вождю, а федеральным правительством руководили его верные сторонники из ДПСЧ.

В декабре 1992 г. с целью еще раз продемонстрировать демократизм режима и подтвердить массовую поддержку своей политики С. Милошевич провел внеочередные выборы в органы власти всех уровней. Одновременно переизбираются и союзный, и республиканские парламенты, президенты Сербии и Черногории. На выборах в Вече граждан Союзной Скупщины социалисты и радикалы одерживают убедительную победу: в Сербии у СПС — 47 из 108 мест (31,5% голосов), у СРП — 30 (21,8%), у коалиции «Демократическое движение Сербии», возглавляемой СДО, — 20 (17,2%), у Демократической партии — 5 (6%), в Чер-

[1] Вече граждан, депутаты которого избирались пропорционально числу избирателей, и Вече республик, с равным числом депутатов от каждой из них.

ногории у ДПСЧ — 17 мест из 30 (47,5%). В Скупщине Сербии СПС получает 101 из 250 мест (28,8% голосов), СРП — 73 (22,6%), «Демократическое движение Сербии» — 50 (16,9%), Демократическая партия — 6 (4,2%). Милошевич вновь становится президентом Сербии, переиграв своего главного соперника — экс-премьера М. Панича (55,9% голосов против 34,3%). М. Булатович столь же убедительно добился переизбрания президентом Черногории (63,2% голосов). В Скупщине Черногории ДПСЧ получает 46 из 75 мест (43,7% голосов), СРП — 8 мест (7,7%), оппозиционная Народная партия — 14 (13%).

Парламентская поддержка радикалов позволила социалистам сформировать правительство, но их роман длился недолго. Уже к середине 1993 г. С. Милошевич в условиях введенных Советом Безопасности ООН санкций, вызвавших жесточайший социально-экономический кризис в стране, решил сменить роль борца за «Великую Сербию» на образ миротворца. После неудачной попытки радикалов во главе с В. Шешелем выразить правительству СПС вотум недоверия, не поддержанный партиями демократической оппозиции, Милошевич распустил Скупщину Сербии и назначил досрочные выборы в декабре 1993 г. На них СПС получила 36,7% голосов и 123 из 250 мандатов. Радикалы понесли ощутимые потери: поддержка избирателей сократилась до 13,8%, число мандатов — до 39. Существенно выросло общее представительство демократической оппозиции: коалиция «Демократическое движение Сербии» завоевала 16,6% голосов и 45 мандатов. Выступавшие самостоятельно Демократическая партия (ДП) и Демократическая партия Сербии (ДПС) довольствовались более скромными результатами — соответственно 11,6% (29) и 5,1% (7). Но, как и прежде, разобщенность демократов помешала им добиться большего. СПС переманила на свою сторону малую партию «Новая демократия», входившую в коалицию «Демократическое движение Сербии» и ее шесть мандатов дали социалистам необходимое большинство для формирования своего кабинета (формально коалиционного). Раскол оппозиции на националистическую и демократическую, а затем и ожесточенные распри в среде самих демократов обеспечили правящей партии вполне комфортное пребывание у власти.

В ноябре 1996 г. состоялись очередные выборы в Вече граждан Союзной Скупщины. СПС в коалиции с «Новой демократией» и Югославскими левыми (ЮЛ), созданными женой С. Милошевича Мирой Маркович для эксплуатации «югоностальгии» старшего поколения, завоевала 45,4% голосов и 64 из 108 мест. Партии демократической оппозиции в последний момент сумели все-таки объединиться в коалицию «Вместе», получившую 23,8% голосов и 22 места. Радикалам досталось

18,8% голосов и 16 мест. В Черногории фаворитом, как и прежде, оказалась ДПСЧ — 50,8% голосов и 20 из 30 мест. Оппозиционная Народная партия заняла второе место — 23% голосов и 8 мест. Сходный результат имели и выборы парламента Черногории: ДПСЧ — 51,2% голосов (45 из 70 мест), оппозиционное объединение Народной партии и Либерального союза — 25,6% голосов (19 мест).

Между тем демократическая коалиция победила в столице и крупнейших городах на проходивших параллельно местных выборах. В ответ на попытку объявить их недействительными оппозиция начала массовую кампанию протеста. Многомесячные демонстрации в Белграде, международное давление, критика со стороны политических союзников — ДПСЧ и «Новой демократии» и осуждение Сербской Православной Церкви вынудили С. Милошевича отступить.

На следующий год режиму удалось взять формальный реванш, добившись избрания С. Милошевича, который более не мог баллотироваться в президенты Сербии, на пост президента СРЮ. Успех сопутствовал социалистам и на выборах в сербский парламент в 1997 г.: коалиция СПС-ЮЛ-«Новая» демократия завоевала 34,2% голосов и 110 из 250 мест. Демократы вновь разошлись: СДО получило 19,1% голосов и 45 мест, а ДП и ДПС выборы бойкотировали. Однако радикалы пережили второе рождение, добившись 28,1% голосов и 82 места. Одновременно их вождь В. Шешель переиграл ставленника социалистов З. Лилича на выборах президента Сербии, получив, по официальным данным 49,98% голосов против 46,99% у его соперника. Но явка якобы составила 49,82% избирателей (по закону требовалось более половины), и победа на повторных выборах в конце 1997 г. была присуждена выдвиженцу социалистов М. Милутиновичу. Вся эта история, однако, показала, что режим утратил былую прочность.

Новый удар по монолитности существовавшей системы власти нанесли события в Черногории, где президент М. Булатович и начавший проявлять недовольство курсом С. Милошевича премьер М. Джуканович схлестнулись на очередных президентских выборах в 1997 г. Их победителем был объявлен Джуканович, получивший 50,79% голосов против 49,2% у его соперника, который заявил о фальсификации результатов и был поддержан Белградом. Джукановичу удалось устоять, но от правящей Демократической партии социалистов Черногории откололась Социалистическая народная партия во главе с Булатовичем. ДПСЧ, сохранив власть в республике, перешла в оппозицию белградскому режиму и превратилась в партию черногорского сепаратизма. Социалистическая народная партия Черногории (СНПЧ), выступавшая за сохранение федерации, оказалась

в оппозиции в Черногории, но продолжала находиться при власти на федеральном уровне, где Булатович получил пост премьера союзного правительства.

Начав противостояние с Белградом, М. Джуканович попытался представить себя борцом за демократию и неукоснительно следовал прозападным внешнеполитическим курсом, но суть его режима не изменилась. Вплоть до 2006 г. он оставался в Черногории вершителем судеб и на посту президента, и позднее в роли премьера, а его ДПСЧ продолжала удерживать позиции партии-гегемона, хотя была вынуждена для сохранения своего положения менять партнеров по правящей коалиции (примечательно, что ей до сих пор не удалось добиться полноправного членства в Социнтерне и приходится довольствоваться консультативным статусом).

На следующих парламентских выборах 31 мая 1998 г. ДПСЧ образовала направленную против Милошевича коалицию с прежде оппозиционными Народной и Социал-демократической партиями. Она получила 48,8% голосов и 42 из 78 мест, СНПЧ М. Булатовича — 35,6% и 29, наиболее радикальные сторонники черногорской независимости из «Либерального союза» — 6,2% и 5.

Новым испытанием для Сербии и Черногории стало начало вооруженного сербско-албанского конфликта в Косово и натовские бомбардировки Югославии в 1999 г., завершившиеся превращением края во временный международный протекторат. И эти события режим С. Милошевича попытался использовать для своего укрепления и раздробления оппозиции: усилилось давление на демократические партии и независимые средства массовой информации, началось наступление на автономию университетов, была проведена «чистка» в СПС, руководстве армии и государственной безопасности, в сентябре 1999 г. Милошевич был вновь избран на пост председателя СПС.

В июле 2000 г. федеральный парламент принял ряд поправок к Конституции СРЮ, которые предусматривали переход к прямым выборам президента страны и депутатов Веча республик, пребывание на посту главы государства допускалось в течение трех сроков. Таким способом С. Милошевич открыл себе путь к бесконечному переизбранию и урезал возможности руководства Черногории блокировать его политику. Черногорские власти в знак протеста объявили о бойкоте предстоящих выборов, что практически давало правящему блоку дополнительное преимущество. К тому же в коалицию 18 партий «Демократической оппозиции Сербии» (ДОС), выдвинувшей своим кандидатом В. Коштуницу, отказалось войти СДО В. Драшковича, что также играло на руку режиму.

Между тем президентские и парламентские выборы в Югославии 24 сентября 2000 г. стали концом правления С. Милошевича. В Вече граждан Союзной Скупщины ДОС получила 58 из 138 мест, правящая коалиция во главе с СПС — 44, СНПЧ — 28, радикалы — 5. В Вече республик ДОС завоевала 10 из 40 мест, СПС с союзниками — 7, СНПЧ — 19, СРП — 2, СДО — 1. Но на выборах президента В. Коштуница существенно обошел С. Милошевича. И хотя Центральная избирательная комиссия утверждала, что кандидат ДОС получил лишь 48,9% голосов, оппозиция заявила о фальсификации результатов и призвала к всеобщей забастовке. Пятого октября толпа протестующих, насчитывавшая сотни тысяч человек, захватила здания парламента и телевидения. Полиция и армия не выполнили приказы о применении силы против демонстрантов, власть фактически перешла в руки оппозиции. На следующий день Милошевич был вынужден признать свое поражение. Президентом СРЮ стал Коштуница.

Личный крах авторитарного правителя означал и конец его режима: ранее верная союзница социалистов — СНПЧ вступила в торг с ДОС, радикалы также отмежевались от прежних партнеров, СДО поддержало победивших демократов. В итоге было образовано коалиционное союзное правительство (ДОС-СНПЧ-Народная партия Черногории), которое возглавил представитель СНПЧ З. Жижич, а в Сербии создано временное переходное правительство (ДОС-СДО-СПС) и назначены досрочные парламентские выборы. На них в декабре 2000 г. и был довершен разгром сил старого порядка: ДОС, набрав 65% голосов, завоевала 176 из 250 мест, СПС сумела получить лишь 14% и 37 мандатов, радикалы — 9% и 23, националистическая Партия сербского единства — 5% и 14. СДО, упорно не желавшее вступать в демократическую коалицию, было наказано избирателями и не одолело 5-процентного барьера. Демократическая оппозиция Сербии стала правящей и в республике, и на уровне федерации, смена власти свершилась. Премьер-министром Сербии стал лидер крупнейшей в коалиции Демократической партии (ДП) Зоран Джинджич.

Между тем свержение авторитарного режима и переход власти к демократам не привели к упрочению демократии в стране. Правящая коалиция «Демократическая оппозиция Сербии» (ДОС), где доминировала возглавлявшаяся З. Джинджичем Демократическая партия, не стала ограничивать свои властные возможности ради декларированного демократического правопорядка. Результатом трехлетнего правления ДОС стал политический режим, при котором законодательная и судебная власть, как и большинство средств массовой информации, вновь оказались под контролем исполнительной власти.

После убийства З. Джинджича в результате покушения 12 марта 2003 г. правительство, фактически введя чрезвычайное положение, провозгласило войну организованной преступности и коррупции. Однако оно само погрязло в сомнительных связях, аферах и скандалах, а его наклонность к «чрезвычайщине» стала вызывать озабоченность даже в ЕС. Политическая система стала все более приобретать черты «управляемой демократии». Подобный итог вряд ли являлся осознанной целью новых правителей, но был вполне логичным следствием их политической практики, где революционная целесообразность ценилась выше права и морали, а скорость преобразований независимо от их цены считалась главным мерилом успеха. Такую философию разделяли далеко не все в демократическом лагере. Поэтому политическая жизнь Сербии первых послереволюционных лет свелась к противоборству его ведущих деятелей и партий, в котором личная неприязнь и соперничество играли не меньшую роль, чем идейно-политические расхождения. Впрочем, постоянные внутри- и межпартийные распри, амбициозность и ревнивое соперничество лидеров были свойственны сербским демократам даже тогда, когда сама логика борьбы с мощным авторитарным режимом Милошевича требовала единства оппозиционных сил. После того как общий враг был повержен, и давние противоречия, и новые разногласия по поводу методов, темпов и последовательности преобразований в постмилошевичевской Сербии неизбежно должны были разводить победителей. С осени 2001 г. правящая коалиция ДОС во главе с премьером Джинджичем начинает борьбу с президентом СРЮ Коштуницей и его Демократической партией Сербии (ДПС), которая вытесняется в оппозицию[1]. Затем «диссидентом» в правящей коалиции оказался и М. Лабус — вице-премьер федерального правительства и руководитель влиятельного внепартийного объединения специалистов «Группа 17+», первоначально игравшего роль интеллектуального центра демократического лагеря.

Междоусобица достигла пика в ходе нескольких неудачных попыток избрания президента Сербии, хотя и их результаты, и опросы общественного мнения неизменно показывали, что ни одно из враждовавших демократических течений не пользуется достаточной поддержкой, чтобы править в одиночку, а их борьба лишь увеличивает силы противников-радикалов. Четырежды (29 сентября, 13 октября, 8 декабря 2002 г., 16 ноября 2003 г.) выборы признавались несостоявшимися из-за недостаточной явки избирателей. Перед угрозой вынесения во-

---

[1] Подробнее см.: *Кандель П.* Двойной портрет на фоне Сербии // Мир перемен. 2004. № 1. С. 168–180.

тума недоверия правительство вынужденно пошло на отчаянный шаг: по его предложению парламент был распущен. По итогам внеочередных парламентских выборов 28 декабря 2003 г. первое место досталось радикалам, которые во главу своего списка поставили В. Шешеля, находившегося под судом в Гааге вместе с С. Милошевичем, — 27,6% голосов и 82 мандата из 250. В демократическом лагере наилучших позиций добилась Демократическая партия Сербии (ДПС) В. Коштуницы, раньше всех покинувшая правящую коалицию, — 17,7% и 53 мандата. «Группа 17+» под руководством М. Лабуса, также разошедшаяся с ДОС, получила 11,4% голосов и 34 мандата. Демократическая партия (ДП), на которую легла наибольшая ответственность за все сделанное и не сделанное правительством, понесла серьезные потери, но все же добилась 12,5% голосов и 37 мандатов. Выступавший с критикой кабинета блок «Сербского движения обновления» В. Драшковича и «Новой Сербии» (СДО-НС) получил 7,6% голосов и 22 мандата. СПС, список которой возглавил Милошевич, получила 7,6% и 22 мандата.

В итоге силы старого порядка — радикалы вместе с социалистами — добились серьезного успеха: они получили 104 из 250 мест в парламенте. Лишь после двухмесячных напряженных переговоров было сформировано коалиционное правительство меньшинства (ДПС, «Группа 17+», СДО-НС) во главе с В. Коштуницей и вице-премьером М. Лабусом, при парламентской поддержке социалистов. Прежде правящая Демократическая партия и радикалы оказались в оппозиции.

Президентом Сербии на выборах 13–27 июня 2004 г. (после пересмотра избирательного закона и отмены обязательной 50-процентной явки избирателей) все же был избран Б. Тадич — новый лидер находящейся в оппозиции правительству Демократической партии. При этом его победа во втором туре над основным соперником — лидером радикалов Т. Николичем, собравшим 45% голосов, потребовала временного объединения всех демократических сил, как правящих, так и оппозиционных. В конце 2006 г. Сербия принимает новую Конституцию. Состоявшиеся затем парламентские выборы в целом подтвердили неизменную расстановку политических сил. Националисты (СРП и СПС) собрали коло 1,4 млн голосов, как и на прошлых выборах. Демократы, как и прежде, имели поддержку 2,4 млн граждан. Но среди них вперед выдвинулась ДП, находившаяся ранее в оппозиции. Повелительной необходимостью стало формирование коалиционного кабинета демократических партий, но достижение их единства вновь оказалось труднорешаемой задачей. Впрочем, при уровне безработицы, составлявшем в 2003 г. 34% по оценке Экономической

комиссии ООН для Европы[1], при существующей структуре доходов, когда 38% населения относится к категории «бедных» и 9% — к «исключительно бедным»[2], политическая стабильность еще долго не будет гарантирована. Обширен и перечень взрывоопасных внешнеполитических проблем.

Дополнительным очагом нестабильности и после падения С. Милошевича продолжали оставаться отношения Сербии с Черногорией. Черногорские власти во главе с М. Джукановичем не изменили своего сепаратистского курса, но новая ситуация потребовала от них перегруппировки сил. На досрочных парламентских выборах 22 апреля 2001 г. коалиции ДПСЧ и Социал-демократической партии, выступавшей за преобразование СРЮ в аморфное межгосударственное объединение, противостоял проюгославский блок (СНПЧ, Народная партия, Сербская народная партия). В результате коалиция Джукановича получила 42% голосов и 36 из 77 мест, проюгославские силы — 40,6% голосов и 33 места, «Либеральный союз», объединявший наиболее радикальных поборников немедленной независимости, — 7,6% и 6 мест. После длительных переговоров ДПСЧ и социал-демократы сформировали правительство, опиравшееся на парламентскую поддержку либералов. Однако переговоры о переустройстве союзного государства, которое вели федеральные, сербские и черногорские власти, зашли в тупик.

При посредничестве и сильном давлении ЕС 14 марта 2002 г. все же был подписан документ о преобразовании СРЮ в Сообщество Сербии и Черногории. Обе наделялись статусом не республик федеративного государства, а государств — членов Сообщества, которые через три года на референдуме могут решить: жить ли им вместе или порознь. Новообразование сохраняло единую международную правосубъектность — одно место в международных организациях. Общими институтами сообщества являлись парламент, Совет министров из пяти членов во главе с президентом, суд и армия. Но структура общих органов и порядок принятия решений были таковы, что позволяли каждой республике в любой момент парализовать их, что и происходило на практике. Еще существеннее, что новообразование оказалось лишено материальной основы: вопреки провозглашаемым целям интеграции в Европу и экономической логике сохранялись две отдельные хозяй-

---

[1] См.: Эксперты ООН о развитии стран с переходной экономикой // БИКИ. 2004. № 21–22. 24 марта. С. 6.

[2] См.: *Branković S.* Distribucija moći u postmiloševićevskoj Srbiji (www.nspm.org.yu/Komentari/srbobran%20brankovic%20za%20sajt.htm).

ственные системы с собственными валютами и своими таможенными и налоговыми режимами. Таким образом, состояние полураспада, в котором последние годы находилась СРЮ, было заменено режимом временного сосуществования, окончательная судьба которого в решающей степени зависела от ЕС, наделенного функциями посредника и арбитра в разрешении споров между членами Сообщества.

Подписание этого документа вызвало правительственный кризис в Черногории. Либералы, возмущенные отсрочкой желанной независимости, отказали правительству в поддержке, недовольны были и входившие в правящую коалицию социал-демократы. Для разрешения кризиса вновь потребовались внеочередные парламентские выборы 20 октября 2002 г., на которых правящей коалиции во главе с М. Джукановичем, выступавшей на этот раз с закрепленных в соглашении о содружестве Сербии и Черногории компромиссных позиций, удалось, наконец, добиться заметного большинства: 47,7% голосов и 39 из 75 мест в парламенте. Проюгославский блок получил 38% голосов и 30 мест, либералы — 6% и 4 места. После достигнутой победы черногорские власти продолжили курс на движение республики к независимости и добились проведения 21 мая 2006 г. референдума об этом. Его условия, сформированные при посредничестве ЕС, создали сторонникам отделения от Сербии более благоприятные условия, чем их противникам. Решающее большинство должно было составить более 55% голосов числа участников (а не списочного состава избирателей); черногорцам, постоянно проживающим в Сербии, было отказано в праве проголосовать, хотя его не были лишены граждане Черногории из США и Европы. Незадолго до референдума правящая сепаратистская коалиция, стремясь заручиться поддержкой босняцкого и албанского меньшинства, выступила с проектом закона, существенно расширявшего их гарантированное представительство в органах власти и управления. В итоге за независимость проголосовало 55,5%, причем наибольшее число ее сторонников, фактически решивших судьбу страны, оказалось в населенных албанцами и босняками районах.

Независимость Черногории покончила с остатками югославской государственности, но ситуация в Косово показывает, что раздел пост югославского пространства еще не завершен. Временная администрация ООН, ставшая в 1999 г. верховной властью в крае, формально провозгласила курс на построение демократического многоэтничного общества. В соответствии с этой целью выборы были проведены уже четыре раза: дважды — муниципальные (в 2000 и 2002 гг.) и дважды — парламентские (в 2001 и 2004 гг.). Все избирательные кампании свидетельствовали о мало менявшейся расстанов-

ке политических сил. Первое место, получая примерно половину голосов, занимал «Демократический союз Косово» (ДСК) И. Руговы, вдвое меньше завоевывала Демократическая партия Косово (ДПК) во главе с политическим руководителем бывшей Освободительной армии Косово (ОАК) Х. Тачи, на третьем месте находился «Альянс за будущее Косово» (АБК), созданный еще одним предводителем боевиков ОАК — Р. Харадинаем. Сербское население, участвовавшее в первых парламентских выборах, отдало свои голоса коалиции «Возвращение» (11%), но остальные выборы бойкотировало, протестуя против своего фактического бесправия, отсутствия условий безопасного проживания вне изолированных анклавов и нерешаемой проблемы возвращения беженцев. В 2001 г. была принята временная конституция («Конституционные рамки временного самоуправления Косово»), создавшая правовые основы для строительства государственных институтов: избран парламент, который, в свою очередь, выбрал президентом Ругову (правда, лишь с четвертой попытки из-за межпартийных разногласий), создано правительство. Первый коалиционный кабинет всех парламентских партий возглавил умеренный представитель ДПК Б. Реджепи, второй, образованный коалицией ДСК и АБК, — Р. Харадинай. Он, впрочем, вскоре вынужден был оставить свой пост, чтобы предстать перед Гаагским трибуналом по обвинению в совершении военных преступлений во время вооруженного конфликта.

Между тем «демократическое строительство» в Косово, при всей его внешней активности, выглядит большой «потемкинской деревней». Этот фасад не может скрыть реальных условий существования еще оставшегося сербского населения, ютящегося в изолированных гетто, положения 220 тыс. сербских беженцев, лишенных возможности вернуться в свои дома, массового разгула организованной преступности и насилия в крае, и столь же массовой безработицы[1].

Несмотря на отсутствие необходимых условий и несоответствие ситуации в Косово предъявляемым ООН «стандартам демократии», в 2006 г. по настоянию США и ЕС был начат «процесс окончательного определения статуса» края. Ни в Вашингтоне, ни в Брюсселе не скрывали, что его итогом должно стать скорейшее провозглашение независимости Косово — приоритет для всех албанских партий. Это неприемлемо ни для сербских уроженцев края, ни для властей Сербии. И если искомый статус будет предоставлен Косово без компромисса

[1] Подробнее см.: Всеобъемлющий обзор положения в Косово (S/2005/635) // (www.un.org.).

с сербской стороной, наиболее вероятным следствием станет политический кризис в Сербии и усиление позиций, если не приход к власти радикалов. Насколько это повлияет на стабильность в Македонии, Боснии и Герцеговине, Черногории остается только гадать; несомненно, однако, что демократическое развитие всех этих государств остается в обозримом будущем заложником косовской проблемы.

Хорватия

В конце 80-х годов в Хорватии набирали силу процессы национального самоопределения. Одновременно возникали политические партии: некоторые из них заявили о себе как о преемницах старых хорватских партий периода монархии Габсбургов и межвоенной Югославии — Хорватская партия права (ХПП), Хорватская крестьянская партия (ХКП). Началась открытая политическая борьба за новый статус Хорватии, за осуществление целей национального движения. В 1989 г. возникло «Хорватское демократическое содружество» (ХДС), которое вскоре стало ведущей политической силой. Успеху ХДС способствовала и его форма — партия-движение, и большее понимание рядовыми избирателями его лозунгов и целей, чем, например, интеллектуалов-либералов или дискредитировавших себя бывших коммунистов. Несомненной популярностью пользовался и ее глава — Франьо Туджман — с одной стороны, участник антифашистской борьбы и бывший титовский генерал, а с другой — национальный «диссидент» с многолетним стажем и профессиональный историк. В 1989 г. он стал одним из основателей и председателем ХДС, в апреле 1990 г. был избран председателем Президиума Хорватии, а позднее — ее президентом. Историческим итогом деятельности хорватского национального движения во главе с ХДС стало отделение Хорватии от Югославии и создание независимого государства. Четырнадцатого февраля 1990 г. Сабор (парламент) Хорватии принял поправки к Конституции, тогда еще СР Хорватии, узаконившие политический плюрализм.

На первых многопартийных выборах 24 апреля — 6 и 7 мая 1990 г. ХДС, благодаря мажоритарной избирательной системе, одержало сокрушительную победу, обеспечившую одной этой партии почти полное доминирование в парламенте (68,8% мандатов). Это и позволило ему 22 декабря 1990 г. провести через законодательный орган такую конституцию, по которой решающая роль в новой политической системе отводилась президенту, процесс принятия решений из правительства перемещался в совещательные органы при главе

государства, а последний наделялся еще и полномочиями в сфере законодательства, несвойственными демократическим государствам[1].

Хорватия в эти годы боролась за сохранение территориальной целостности и удержание территорий, где сербское меньшинство заявило о своем праве на самоопределение «вплоть до отделения». Эта проблема была решена двояко: военные операции «Молния» и «Буря» в мае и августе 1995 г. покончили с «Республикой Сербская Краина»; 12 ноября того же года было подписано Рамочное соглашение о реинтеграции Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема, предусматривавшее в этих областях переходный период в двенадцать месяцев под временным управлением ООН, возвращение беженцев и перемещенных лиц, а также проведение местных выборов. Вооруженные действия в Хорватии закончились[2].

В годы войны сложился авторитарный режим, где слово фактически пожизненного президента оказывалось непререкаемым, а руководители предприятий должны был принадлежать к правящей партии, по сути превратившейся в элемент государственного аппарата. Благоприятные условия для подобного политического развития создавал сначала открытый, а затем законсервированный вооруженный конфликт с сербским национальным движением, пользовавшимся поддержкой Белграда, а также вмешательство в войну в Боснии и Герцеговине. Атмосфера «осажденной крепости», наряду со слабостью либеральных и демократических сил, позволяла ХДС и его главе долгое время одерживать победы на выборах всех уровней — от местных до президентских.

Вплоть до своей кончины (10 декабря 1999 г.) Ф. Туджман был полновластным правителем страны, а ХДС — не столько политической партией, сколько формой принудительного союза чиновничества и бизнеса. Его смерть ознаменовала конец первого этапа становления и развития независимой Хорватии. По мере того как победа в Отечественной войне (так в Хорватии называют войну 1991–1995 гг.) уходила в прошлое, население все больше волновали экономические

---

[1] Подробнее см.: *Vrcan S.* Izbori 1990–1993. Između demokratizacije i tehnologije vladanja // *Vrcan S. i dr.* Pohod na glasače. Izbori u Hrvatskoj 1990–1993. Split, 1995. S. 148–193; *Bulat N.* (Polu)predsednički sustav i predsednički izbori // Ibid. S. 283–293; *Ilisin V.* Structurna dinamika hrvatskog parlamenta // Politička misao. 1999. No 3. S. 151–170.

[2] См., например: Международные организации и кризис на Балканах: Документы. Том третий. М., 2000. С. 169–204; Uspon i pad «Republike Srpske Krajine»: Dokumenti. Priredio D. Pauković. Zagreb, 2005; Народни српски календар 1998. Загреб, 1997. С. 259–260.

и социальные проблемы, соблюдение гражданских прав и свобод. Становилось все яснее, что авторитарные методы правления Ф. Туджмана, фактическая однопартийная монополия на власть, опора на этнический национализм привели страну к экономическому застою, неуклонному росту социальной и межэтнической напряженности, нарушениям демократических норм, изоляции в Европе и мире.

На президентских выборах в январе 2000 г. примерно 40% получила главная сила оппозиции — левоцентристская коалиция Социал-демократической (СДПХ) и Социально-либеральной партий (ХСЛП). На втором месте, завоевав 30% голосов, осталось ХДС, третьей (14% голосов) оказалась правоцентристская коалиция Крестьянской (ХКП), Народной (ХНП), Либеральной (ЛП) партий и регионального «Истрийского демократического сабора» (ИДС). Только 5% сумели набрать крайне правые националистические партии. Коалиция социал-демократов и либералов заняла первое место в девяти округах из одиннадцати. Лишь в Восточной и Южной Славонии (где прокатилась война) и среди хорватов, проживающих за границей (округ хорватской диаспоры, прежде всего в Боснии и Герцеговине), ХДС смогло занять первое место[1].

Коалиция социал-демократов и социал-либералов оказалась удачной комбинацией. Она позволила обеим партиям избавиться от свойственных им в глазах значительной части избирателей недостатков. Так, социал-демократы многими воспринимались исключительно как наследники Союза коммунистов Хорватии, испытывающие чувство ностальгии по Югославии и даже якобы стремящиеся к ее восстановлению. Привлекательной стороной СДПХ стала ее сильная социальная программа, критически оценивавшая политику и практику ХДС, в том числе формы и методы приватизации. Пережившая болезненный раскол ХСЛП, войдя в коалицию с СДПХ, также выиграла. Социальные идеи либерализма не пользовались особой популярностью, но эту партию возглавлял бывший студенческий лидер Хорватской весны 1971 г. Дражен Будиша, во времена правления Тито отсидевший четыре года в тюрьме по обвинению в хорватском национализме. Таким образом, социальная база СДПХ дополнилась патриотическим ореолом и «умеренным просвещенным национализмом» либералов. Обе партии подчеркивали (и в этом их поддерживали и правоцентристские силы), что никто не может ставить под вопрос независимость Хорватии, которая

[1] Данные президентских и парламентских выборов в Хорватии, см., например: *Танин-Львов А.А.* Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. М.: РОССПЭН, 2001. С. 399–401.

должна стать правовым и социальным государством и присоединиться к европейским и евро-атлантическим структурам. Это позволило им получить большую часть голосов молодых избирателей.

Двадцать четвертого января 2000 г. в первом туре выборов президента победителями вышли С. Месич, возглавлявший ХНП, и Д. Будиша из ХСЛП. По итогам второго тура 7 февраля президентом стал С. Месич, которому отдали свои голоса 56% избирателей, принявших участие в голосовании. Резкий взлет ветерана хорватской политики Месича, который занимался активной политической деятельностью еще во времена титовской Югославии, стал большой неожиданностью. После подавления Хорватской весны 1971 г. С. Месич восемь месяцев отсидел в тюрьме. В 1989 г. он вступил в создававшееся тогда ХДС, а в 1990 г. стал первым некоммунистическим премьер-министром Хорватии. Он был последним председательствующим Президиума СФРЮ (т.е. президентом), когда общее югославское государство в 1991 г. прекратило свое существование. Позднее он входил в руководство ХДС, в 1992–1994 гг. был председателем Сабора. В 1994 г. Месич был смещен со своего поста и вышел из ХДС из-за несогласия с антидемократической внутренней политикой Ф. Туджмана и активного вмешательства властей Хорватии в войну в Боснии и Герцеговине. После избрания на пост президента Месич вышел из ХНП, поскольку считал, что является президентом всей хорватской нации, а не представляет лишь свою партию.

В заслугу социально-либеральной коалиции и президенту С. Месичу можно поставить пересмотр Конституции, обеспечивший демонтаж авторитарного режима: сокращение полномочий главы государства, изменение порядка формирования правительства, осуществление равенства всех граждан перед законом, внедрение принципа политической ответственности государственных деятелей, установление парламентского контроля над спецслужбами, военную реформу. Это позволило Хорватии выйти из внешнеполитической изоляции, подписать в 2002 г. соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС, стать участницей программы «Партнерство ради мира», наладить более активное, хотя и не всегда последовательное сотрудничество с Гаагским трибуналом.

После двойного поражения бывшая партия власти — ХДС находилось в состоянии распада. Постепенно во внутрипартийной борьбе стал выдвигаться новый лидер — один из ближайших сторонников Ф. Туджмана Иво Санадер. Именно ему удалось найти баланс между преемственностью национально-консервативной политики и необходимостью реформ как в ХДС, так и в стране в целом. И эта политика,

наряду с ошибками и раздорами в реформистской коалиции, вскоре привела ХДС, оказавшееся способным к самореформированию, к новому успеху.

Двадцать третьего ноября 2003 г. в Хорватии прошли выборы в Сабор, которые не только изменили соотношение политических сил, но и выставили оценку первому периоду расставания с авторитарно-националистическим прошлым. Победу одержало правоконсервативное ХДС во главе с И. Санадером. Выиграв в восьми округах из десяти, оно получило 62 мандата. Главная партия реформистской коалиции — социал-демократы премьер-министра И. Рачана добились успеха лишь в двух округах и завоевали вместе со своими союзниками из двух небольших либеральных партий 43 депутатских места. Одиннадцать мандатов получила ХНП, к которой принадлежал до своего избрания президентом С. Месич. Десять мест оказалось у Крестьянской партии во главе с председателем Сабора Златко Томчичем. Именно он решал, кому вручить мандат на формирование правительства — правым или левым. Восемь мест получили крайне правые националисты из Хорватской партии права.

Почему же спустя почти четыре года после оглушительного провала и бескровного ухода со сцены авторитарного режима население вновь доверилось национал-консерваторам, несущим немалую ответственность за развязывание войны в начале 90-х годов? В 2000 г. перед страной стояла одна насущная проблема — сменить исчерпавший свой ресурс авторитарный режим «харизматического» политика. Довольно быстро выяснилось, что и реформаторы, на которых население возлагало большие надежды, да и сами граждане, не готовы честно посмотреть в глаза прошлому, не могут решить, какой хотят видеть свою страну и какую цену готовы ради этого заплатить. По-прежнему борются два лагеря — националистов, постепенно залечивших свои раны, сменивших лидеров и немного перелицевавших свои одежды, и реформаторов. Однако и среди них встречаются деятели, не чуждые хорватскому этническому национализму. И не столь уж важно, делают они это по убеждению или ради успешной игры на общественных настроениях. Разочаровавшись в коалиции реформаторов, избиратель предпочел, чтобы в новый мир его вели люди, связанные с именем Ф. Туджмана. В то же время именно ХДС удалось наладить отношения с частью сербских политиков, чего не захотела и не смогла реформистская социально-либеральная коалиция. Одна из двух сербских партий — Самостоятельная сербская демократическая партия (СДСП) стала младшим партнером ХДС по правительственной коалиции. Политические партии, сделавшие открытую ставку на этнический нацио-

национализм, потерпели поражение, СДПХ, ХНП и либеральные партии в соответствии со своими принципами отвергают этнический национализм и не препятствуют вступлению в свои ряды представителей иных национальностей. Но результаты выборов 2003 г. не подтвердили мнение президента С. Месича о том, что национализм в Хорватии пошел на убыль. Да и независимые политологи еще до выборов отмечали восстановление популярности идей националистического популизма. Борьба между приверженцами толерантности и сторонниками более националистического подхода исподволь идет и в партиях бывшей правящей коалиции СДПХ и ХСЛП.

Вместе с тем поражение реформаторских сил выявило закономерность, наблюдавшуюся во многих других постсоциалистических странах, — консерваторы на последующих выборах побеждают партии, взявшие на себя ответственность за реформы. Но вернувшееся к власти ХДС принадлежит уже не к радикально-националистическим, а скорее к национально-консервативным партиям. Во многих аспектах оно фактически продолжило линию бывшей леволиберальной коалиции, лишая ее таким образом реальной политической альтернативы. Победа ХДС И. Санадера, ставшего премьер-министром, не означала возврата к господству воинствующего хорватского национализма, носителем которого партия была при президенте Ф. Туджмане. «Содружество» более не является и партией, встроенной в государственный аппарат.

Второго и 16 января 2005 г. в Хорватии состоялись новые президентские выборы. С. Месич проявил способность к политическому долголетию, добившись переизбрания на второй срок. Его поддержали восемь партий леволиберальной и социал-демократической ориентации, которые потерпели поражение на предыдущих парламентских выборах в ноябре 2003 г. Он и занял первое место, набрав 48,92% голосов, но едва не дотянул до победы в первом же туре из-за низкой явки избирателей (50,58%). Второй пришла к финишу кандидат правящего ХДС Ядранка Косор (20,3%). Третьим, и это стало главной сенсацией первого тура, оказался «независимый кандидат» — бизнесмен из США Борис Микшич (17,79%). Полученные им голоса — свидетельство роста протестного потенциала.

Победу Месича можно рассматривать как торжество харизматической личности над недостаточно ярким политиком. Вместе с тем леволиберальная оппозиция вновь возобладала над правоконсервативным национализмом, силы демократии — над возможностью возвращения к однопартийному государству.

Итоги выборов показали, что в Хорватии практически завершился переходный период. Дальнейшая модернизация стране и обществу

еще предстоит, но рубикон возврата к прошлому все же перейден. По мере формирования социальной структуры политические партии становятся институционально все более сильными и начинают играть роль связующих звеньев между гражданским обществом и государством. Они получили практическую возможность бороться за власть демократическими методами. Предвыборная дискуссия и результаты выборов подтвердили также, что хорватское общество высказалось за европейскую и евро-атлантическую интеграцию. Да и согласно опросам общественного мнения, вступление Хорватии в ЕС поддерживали примерно 80%, а в НАТО — чуть больше 50% респондентов.

Переговоры о приеме Хорватии в ЕС, запланированные на март 2005 г., были отложены из-за истории со скрывавшимся от следователей Гаагского трибунала хорватским генералом Анте Готовиной. Он командовал хорватскими войсками, которые в августе 1995 г. за несколько дней разгромили самопровозглашенную «Республику Сербская Краина» (РСК). Однако уже тогда стало известно о многочисленных преступлениях против человечности, совершенных хорватскими военнослужащими. Лично генералу Готовине вменяется в вину убийство 150 сербов и изгнание примерно 200 тыс. человек, проживавших на территории Сербской Краины. Ордер на его арест был выдан еще в 2001 г., но он предпочел скрыться. Это привело к политическому кризису в Хорватии и стало причиной серьезных внешнеполитических осложнений для страны. Только 8 декабря 2005 г. спецслужбы Испании арестовали генерала на Канарских островах и переправили в Гаагу. Его арест и процесс над ним вызвали в общественном мнении Хорватии противоречивые чувства и значительно повысили градус политической напряженности. Многочисленные организации ветеранов войны 1991–1995 гг., да и значительная часть населения Хорватии, считают А. Готовину героем борьбы за национальное освобождение и создание независимого хорватского государства. Именно эти люди — электоральная база ХДС как в период правления Ф. Туджмана, так и поныне. Премьер И. Санадер, опасаясь потери голосов, не мог пойти на прямое сотрудничество с Гаагским трибуналом. Однако игнорировать позицию США, ЕС и НАТО, которые требовали от официального Загреба эффективного сотрудничества, власти Хорватии не могли. Иначе оказывался закрытым желанный путь в ЕС и НАТО, провозглашенный стратегической целью. Благоприятное стечение внешнеполитических обстоятельств позволило Хорватии 19 июня 2004 г. получить статус кандидата на прием в ЕС, но когда ей удастся добиться полного осуществления своей мечты — вопрос открытый.

Босния и Герцеговина после Дейтона

Соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (БиГ) после драматических переговоров на базе Райт Паттерсон близ города Дейтон (США), получившее название Дейтонского, было парафировано 21 ноября 1995 г. и торжественно подписано в Париже 14 декабря 1995 г.[1] Проведение свободных выборов на всей территории страны призвано было воссоздать демократические политические институты и помочь преодолеть последствия конфликта. Но демократия и свобода волеизъявления в милитаризованном обществе, проникнутом взаимной нетерпимостью, где практически отсутствовало демократическое сознание, традиции и культура, где господствовала нищета, а у власти оставались люди и силы, ответственные за возникновение войны, принесли результаты, противоположные ожидаемым. И последующие избирательные кампании в Боснии и Герцеговине это полностью подтвердили.

Первые после окончания войны выборы были проведены под жестким международным контролем 14 сентября 1996 г.[2] В них приняли участие около сорока политических партий и организаций. Однако реальные шансы на победу имели только три из них — Партия демократического действия (ПДД), Сербская демократическая партия (СДП) и «Хорватское демократическое содружество» (ХДС). Последнее являлось филиалом одноименной партии в Хорватии. Они и победили, набрав, соответственно, 54,4; 54,9 и 23,4% голосов. Эти же три партии получили большинство мандатов на всех уровнях власти — в общем парламенте БиГ и в парламентах двух составляющих ее образований: Федерации БиГ (ФБиГ) и Республики Сербской (РС), в местных органах власти, а также при избрании членов коллективного руководства БиГ — ее Президиума. Алия Изетбегович, набравший наибольшее

---

[1] Перевод текста Дейтонского соглашения и приложений к нему на русский язык см.: Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Том третий. С. 205–287. Различные оценки Дейтонского соглашения см.: Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. М., 2003. С. 211–218; *Burg S.L., Shoup P.S.* The war in Bosnia-Herzegovina. Ethnic Conflict and International Intervention. Armonk. N.Y.; L., 2000; *Chandler D.* Bosnia. Faking Democracy After Dayton. L., 2000; *Bilandžič D., Cigar N., Divjak J. i dr.* Rat u Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini. 1991.-1995. Zagreb; Sarajevo, 1999.

[2] Статистические и иные данные о выборах в Боснии и Герцеговине см.: *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 64–71; *Tomić Z., Herceg N.* Izbori u Bosni i Hercegovini. Drugo, dopunjeno izdanje. Mostar, 1999; *Herceg N., Tomić Z.* Izborna kampanija u Bosni i Hercegovini 2000. godine. Mostar, 2001; *Marić F.* Pregled pučanstva Bosne i Hercegovine između 1879. i 1995. godine. Zagreb, 1996.

количество голосов, возглавил Президиум, а его коллегами стали серб Момчило Краишник и хорват Крешимир Зубак. Конституция предполагала наличие персонифицированного президентского поста в Республике Сербской, на который была избрана Биляна Плавшич.

Таким образом, первые послевоенные выборы фактически воспроизвели политическую ситуацию накануне войны, когда власть находилась в руках именно этих трех партий, руководители которых несли ответственность за развязывание межэтнического конфликта и раздел страны. Население по-прежнему проголосовало в соответствии со своей этнической принадлежностью — за партии своей национальности, что психологически было понятно и закономерно. Кроме того, голосование фактически проходило в условиях существования трех этнически однородных территорий. Конституция БиГ и Дейтонские соглашения провозглашали три народа — босняков (мусульман), хорватов и сербов «конституционными», или, как сказали бы раньше, «государствообразующими». В тот период выборы и не могли стать ничем иным, кроме как продолжением межэтнической борьбы в новой форме под военным и политическим давлением со стороны международных сил.

Выборами 1996 г. в БиГ начался избирательный марафон. Двадцать второго — двадцать третьего ноября 1997 г. состоялись досрочные выборы в парламент РС. Они привели к существенному изменению расклада политических сил: Б. Плавшич вышла из СДП, создала свою партию и начала играть роль «умеренного лидера». Как предыдущие, так и последующие выборы в БиГ на всех уровнях проходили не только под контролем, но и при непосредственном вмешательстве международных организаций в предвыборную кампанию, отбор кандидатов, избирательный процесс и подсчет голосов. Им удалось добиться отстранения СДП и поддержавшей ее Сербской радикальной партии (филиала СРП В. Шешеля в Сербии) от власти. Правительство РС, опиравшееся на мозаичную коалицию, возглавил также умеренный сербский политик, глава Союза независимых социал-демократов Милорад Додик. Двенадцатого–тринадцатого сентября 1998 г. жители БиГ вновь пришли к избирательным урнам — на этот раз для того, чтобы избрать своих представителей в коллективный Президиум БиГ и президента РС.

Столь частые выборы проводились международными организациями, ответственными за Дейтонский процесс, ради достижения двух целей. Во-первых, чтобы выработать у населения БиГ культуру избирательного процесса и мирного политического решения проблем; во-вторых, чтобы найти в трех национальных лагерях умеренные

фигуры и организации, которые можно было бы противопоставить ПДД, СДП и ХДС. Среди сербов и хорватов это частично удалось: к Б. Плавшич в этой роли присоединился вышедший из ХДС К. Зубак и его партия «Новая хорватская инициатива» (НХИ). Однако вне ХДС Зубак оказался не столь значительной фигурой и проиграл место в Президиуме Анте Елавичу — кандидату от «традиционного» ХДС, ориентировавшегося на Загреб и президента Ф. Туджмана. От босняков-мусульман в Президиум вновь вошел А. Изетбегович, а сербскую сторону стал представлять получивший поддержку международных организаций социалист Жарко Радишич. Однако президентом РС оказался общий кандидат националистов, член Сербской радикальной партии Никола Поплашен. Но он недолго занимал свой пост: уже 4 марта 1999 г. Верховный представитель международного сообщества К. Вестендорп сместил его. Летом 2000 г. престарелый Изетбегович срочно покинул пост председательствующего Президиума БиГ. Его сменил сербский представитель Ж. Радишич.

Режимы С. Милошевича и Ф. Туджмана находились в странной позиции противостояния, с одной стороны, и молчаливого взаимопонимания и даже сотрудничества — с другой. Не в последнюю очередь это объяснялось их общей заинтересованностью в разделе Боснии и Герцеговины, где у власти также находились националисты, принадлежащие к трем «конституционным» национальностям. Однако в 2000 г. ситуация начала радикально меняться. Сначала (в декабре 1999 г.) ушел из жизни Туджман, и в Хорватии на президентских и парламентских выборах 2000 г. победу одержали партии социал-демократического и национально-либерального направления. В октябре 2000 г. пал режим Милошевича в Сербии. В июне 2001 г. руководители Югославии и Хорватии заявили об отказе от территориальных претензий к БиГ и о признании ее целостности, принесли извинения соседним народам за те преступления, которые были совершены по отношению к ним.

Восьмого апреля 2000 г. в Боснии и Герцеговине прошли выборы в местные органы власти. Главный их результат: впервые не националистическая сила — социал-демократы Боснии и Герцеговины (СДП БиГ) потеснили побеждавшую все эти годы среди босняков на выборах всех уровней партию А. Изетбеговича — ПДД. Особо надо отметить успех партии в столице — Сараево и в восемнадцати городах. Но социал-демократы считались в целом «мусульманской» организацией. Победы ей достались преимущественно в районах, где босняки составляют большинство, хотя свои голоса ей отдала и часть хорватов и сербов. Представители СДП БиГ вошли даже в состав местных органов власти в некоторых городах, где хорваты составляют большин-

ство, — в Гливно, Орашье, Чаплине. В по-прежнему разделенном на хорватскую и мусульманскую части Мостаре среди хорватов вновь победили националисты из ХДС.

Социал-демократы Хорватии, победители январских (2000) выборов в Сабор, отказались от практики ХДС и не стали создавать в БиГ свою отдельную национальную организацию, подчеркнув тем самым принципиальную позицию своей партии и новой власти в Загребе: Босния и Герцеговина — отдельное независимое государство. Это привело к падению активности избирателей, однако способствовало осознанию хорватами в БиГ обособленности своего национально-политического существования. Но ХДС БиГ оказалось гораздо менее способным к внутренней трансформации и более националистическим, чем одноименная партия в Хорватии.

Одиннадцатого ноября 2000 г. в БиГ вновь состоялись выборы в парламенты всех уровней. Голосование должно было ответить на несколько вопросов: удалось ли преодолеть национальную нетерпимость и рознь после кровопролитной войны? насколько жизнеспособными стали ростки гражданского общества, в частности партии, отказавшиеся от радикального этнического национализма? верна ли политика международного сообщества?

Самым значительным результатом выборов стала относительная победа в Федерации БиГ Социал-демократической партии (ею руководил Златко Лагумджия) над ПДД. Третье место заняло ХДС и четвертое — партия «За Боснию и Герцеговину» во главе с известным босняцким политиком Харисом Силайджичем. Сходная ситуация сложилась и на выборах в общий парламент БиГ: СДП БиГ заняла первое место, ПДД — второе и ХДС — третье. Таким образом создалась возможность образования коалиционного правительства, минуя ПДД, что и было сделано. Его возглавил З. Лагумджия.

Между тем среди сербов националистическая СДП вновь одержала победу над умеренными политиками. В той части БиГ, где проживали исключительно или по преимуществу хорваты, был проведен референдум, на котором большинство проголосовавших высказалось за создание в рамках БиГ третьего — хорватского государственного образования. Но он не был признан законным международными организациями. Стремясь поставить международное сообщество перед свершившимся фактом, 3 марта 2001 г. хорваты БиГ — сторонники А. Елавича попробовали провозгласить собственное самоуправление. Однако эта затея окончилась неудачей. Не имела последствий и попытка ослабить связи РС с БиГ, усилив их с Сербией, для чего 5 марта 2001 г. был подписан договор об особых отношениях СРЮ и РС.

Очередные выборы на всех уровнях прошли 5 октября 2002 г. Характерной их особенностью было то, что депутаты и должностные лица избирались на четыре, а не на два года, как прежде. Кроме того, за их проведение уже отвечали боснийские, а не международные организации. Это стало свидетельством существенных изменений, которые, несмотря на все сложности, произошли в БиГ с момента окончания войны. Чтобы оттеснить националистические партии от власти, Верховный представитель международного сообщества ввел в действие новый закон о выборах, согласно которому даже партиям, не преодолевшим 3-процентный барьер, предоставлялись в представительных учреждениях так называемые компенсационные места. В соответствии с системой «компенсаций» была распределена четвертая часть мандатов в парламентах ФБиГ и РС, что увеличило число представленных в них партий, соответственно, с 4 до 18 и с 6 до 16. Однако тех, кто таким образом надеялся усилить позиции умеренных партий, постигло разочарование, поскольку избиратели всех трех национальностей вновь отдали большинство голосов националистическим партиям — СДП, ПДД и ХДС.

В Федерации БиГ наибольшие потери понесли возглавлявшие реформаторскую коалицию социал-демократы во главе со З. Лагумджия. Правившая коалиция в целом не оправдала ожиданий избирателей, погрязнув в междоусобицах и коррупции. Ее поражению способствовало также сближение ПДД и партии «За Боснию и Герцеговину». В РС победу на всех уровнях одержала СДП, получившая поддержку в основном в восточных районах, а Союз независимых социал-демократов и Партия демократического прогресса — в западных. В общем парламенте БиГ, как и в парламенте ФбиГ, победителями стали ПДД, ХДС, партия «За Боснию и Герцеговину» и СДП. Членами Президиума БиГ стали Сулейман Тихич (ПДД), Мирко Шарович (СДП) и Драган Чович (ХДС). В известном смысле это стало отражением общей тенденции не только в Боснии и Герцеговине, но и в Хорватии и Сербии, где вернулись к власти или значительно усилились национально-консервативные или даже национально-радикальные партии.

Объективно ситуация в Боснии и Герцеговине по-прежнему тесно связана с внутриполитическим развитием Хорватии и Сербии. Она оказывает влияние и на межэтнические отношения на пост югославском пространстве, и на региональную стабильность. Загреб и Белград объективно являются не только «историческими соперниками», но и политическими противовесами, а Босния и Герцеговина — своеобразной точкой приложения их усилий. Ни в Хорватии, ни в Сербии, да и внутри самой Боснии и Герцеговины, не дремлют силы, по-прежнему мечтающие о разделе страны по этническому принципу.

ХДС БиГ желало бы создания этнического хорватского образования в соответствии с принципом «одна национальность — одна территория — одно государство». Эта идея пользуется поддержкой и в БиГ — среди части католического духовенства, и в Загребе — среди наследников политики Ф. Туджмана. Создание подобного образования стало бы шагом назад, к разделу страны, но тенденции представляются закономерным проявлением стремления хорватов Боснии и Герцеговины к национальному самоопределению. Вопрос лишь в том, под чьим руководством — ХДС, вместе с другими однажды уже приведшего страну к войне, или либеральных сил, выступающих за межнациональный мир и сохранение территориальной целостности БиГ, — пойдет этот процесс.

Неясна и судьба Республики Сербской. Если Босния и Герцеговина будет превращена из федеративного в унитарное государство, тогда входящие в нее образования должны прекратить свое существование. К этому и призывают многие среди босняков, утверждая, что само существование Республики Сербской есть победа великосербской национальной идеи. Естественно, что эти намерения вызывают резкое неприятие в Баня-Луке.

Всеобщие выборы 1 октября 2006 г. несколько изменили соотношение сил партий, но в целом подтвердили тенденцию сохраняющейся этнической разобщенности страны. Среди босняков первое место по числу голосов заняла ПДД (22%), но на втором — оказалась партия «За Боснию и Герцеговину» во главе с ярым поборником унитарного государства Х. Силайджичем, который и стал одним из трех членов Президиума БиГ. В хорватской части страны влияние ХДС, набравшего 13% голосов, оспорило «Хорватское единство» (11%). В Республике Сербской убедительно лидировал Союз независимых социал-демократов (46%), чей представитель занял и место в Президиуме БиГ. Однако «независимые социал-демократы» смогли серьезно потеснить прежде лидировавшую СДП, переняв у нее жесткую риторику в отстаивании сербской государственности в рамках БиГ. Считавшийся умеренным их лидер М. Додик даже заявил, что если Косово получит независимость, то и боснийские сербы могут провести референдум о самоопределении.

Между тем США и ЕС — главные творцы Дейтонского мира и основные доноры БиГ — изначально и последовательно проводят курс на централизацию государства и сужение полномочий составляющих его образований. Реализуется эта политика Верховным представителем международного сообщества, фактически наделенным высшей властью в БиГ. Этот пост занимали швед Карл Бильдт (1996–1997), испанец Карлос Вестендорп (1997–1999), австриец Вольфганг Петрич

(1999–2002), британец Пэдди Эшдаун (2002–2006). Тридцать первого января 2006 г. вступил в должность новый Верховный представитель, германский дипломат Кристиан Шварц-Шиллинг. Об их активности говорят следующие цифры: если К. Вестендорп принимал в среднем по 4 решения ежемесячно, то В. Петрич — по 12, а П. Эшдаун — по 14[1]. Если первоначально в Конституции БиГ значились четыре центральных министерства, то к 2002 г. их число увеличилось до восьми. Был упразднен ротационный порядок смены председателя Совета министров БиГ и его членов, сужен круг вопросов, требующих консенсуса в кабинете. Под давлением П. Эшдауна 4 апреля 2002 г. были приняты поправки к Конституции Республики Сербской: создано в качестве полноправной второй палаты парламента Вече национальностей, в Конституционном суде — Вече защиты национальных интересов, учреждены посты двух вице-президентов, введено пропорциональное национальное представительство в правительстве республики и на высших государственных постах, в министерствах, местных органах власти и судах. Аналогичные положения были внесены и в Конституцию Федерации БиГ. Таким образом субъекты БиГ по крайней мере в формально-правовом смысле лишаются характеристик, делавших их этническими государственными образованиями. Дальнейшими шагами по пути централизации стали реформа налоговой системы, пограничной службы и юстиции, создание общегосударственного ведомства в сфере безопасности, введение единой системы радио- и телевещания, преобразования в полиции и в области обороны.

Создание единой армии БиГ было выдвинуто как необходимое условие не только вступления в НАТО, но и присоединения БиГ к программе «Партнерство ради мира». Посетивший Сараево в июле 2001 г. генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон жестко определил требования, без выполнения которых это невозможно: установить демократический парламентский контроль над армией, перенести командование и управление армией на уровень государства, создав министерство обороны, достичь полной прозрачности бюджета и планирования, добиться общей доктрины и общих стандартов вооружений и подготовки войск.

Пятого октября 2005 г. были приняты три закона, необходимые для начала переговоров между ЕС и БиГ о заключении соглашения о стабилизации и ассоциации — первой фазе присоединения к ЕС. Парламент Республики Сербской принял отвергнутый ранее закон о рефор-

---

[1] См.: *Kecmanović N.* Demokratija i protectorat u Bosni i Hercegovini // Nova srpska politička misao(www.bspm.org.yu/komentari %202005/2005_kecmanovic_org_dem_htm).

ме полиции, а общий парламент Боснии и Герцеговины — законы о телевидении и об обороне. Двадцать первого ноября 2005 г. министры иностранных дел ЕС разрешили Еврокомиссии начать переговоры.

К десятилетнему юбилею Дейтонского мира США выступили с инициативой новых конституционных изменений для повышения эффективности государства посредством дальнейшей централизации власти. В частности, предложено введение поста президента вместо коллективного Президиума БиГ, усиление позиции премьер-министра, увеличение численности и расширение полномочий парламента БиГ. Этот проект пользуется поддержкой политических сил среди босняков, с осторожностью воспринимается хорватами и вызывает естественное сопротивление сербов. Первая попытка добиться его одобрения ведущими политическими партиями БиГ на переговорах в Вашингтоне и Брюсселе в конце 2005 г. не увенчалась успехом. США и ЕС, располагая столь сильным инструментом, как доступ в ЕС и НАТО, несомненно, не откажутся от своей цели. Переговоры продолжаются, но ожидаемая независимость Косово — пример прямо противоположного подхода — может побудить все стороны к ужесточению своих позиций и обострению ситуации в БиГ.

Глава 7. Политические итоги «постсоциалистического» развития

Политические режимы, установившиеся в европейских странах бывшего «социалистического лагеря», с одной стороны, и в большинстве пост советских государств — с другой, принципиально различны — таков главный итог последних пятнадцати лет их эволюции. Если не только в Центральной, но и Юго-Восточной Европе в конечном счете утвердилась демократическая политическая система, то на пространстве прежнего СССР возобладали «симулирующие» демократию авторитарные режимы различной степени жесткости. Наиболее тривиальное и потому, быть может, самое общепринятое объяснение разницы их сегодняшних судеб обычно ищут и находят в их давней истории. В первом случае говорят о силе демократических традиций, зрелости гражданского общества и других благоприятных историко-культурных предпосылках, а во втором — об их слабости. Подобный подход не-

безупречен даже методологически, поскольку сам наличный результат проецируется на определение причинно-следственных связей, невольно побуждая в одном случае преувеличивать значимость одних факторов, а в другом — противоположных. Если же сравнивать постсоциалистические страны не только на финише, но и на старте, сопоставлять не достигнутое, а пути к нему, то очевидные истины выглядят не столь убедительно.

В историческом наследии Польши, Чехии, Венгрии, в отличие от России, нетрудно обнаружить некоторые сравнительные преимущества с точки зрения наличия предпосылок демократического развития. Но и эти страны, как известно, первый «экзамен по демократии» в межвоенную пору сдали неудовлетворительно. И хотя в Польше и Венгрии конституционно-парламентские установления имели более давнюю предысторию, именно чехословацкая модель демократии времен первой республики казалась примерным образцом для соседей. Однако и она была не лишена серьезных изъянов, которые, несмотря на огромный временной разрыв и фундаментальные социальные, экономические и политические сдвиги, дают о себе знать даже сегодня. И гипертрофированные «партократические» наклонности, и стремление президента к самостоятельной роли за пределами конституционных полномочий, и влечение к монополизации политической жизни в узком кругу политических сил, и сравнительно высокий удельный вес внеинституциональных и безыдейных межпартийных сделок — все это видится как *deja vu* и в современной Чехии.

А много ли оснований говорить о большей, нежели в России, укорененности демократических институтов и традиций в Болгарии, Румынии, Албании или на территории бывшей СФРЮ? Этим тем более не объяснить, почему после ее распада Словения, никогда ранее не имевшая даже собственной государственности, пошла по пути устойчивого демократического развития, а Сербия и Хорватия, с куда более богатой демократической родословной, на десятилетие оказались заложниками новорожденного лево- и правонационалистического авторитаризма. Правда, формально хронологически в большинстве государств этого региона конституционно-парламентские установления и зародышевые формы многопартийности появились на пятьдесят–тридцать лет раньше, чем в Российской империи (парадоксально, но не без ее участия). Правоавторитарные режимы межвоенного периода были, конечно, менее разрушительны для общества, чем советский тоталитаризм, и в большинстве случаев хотя бы внешне сохраняли парламентские институты и многопартийность. Но «школой демократии» они могут считаться скорее «от противного».

Неслучайно постсоциалистические государства Центральной и Юго-Восточной Европы не пошли на восстановление прежних политических порядков, а «исторические партии», претендовавшие на правопреемство с довоенными предшественницами, в глазах избирателей не приобрели никаких значимых преимуществ и почти нигде не стали ведущей политической силой. Между тем даже краткий обзор их к пути к сегодняшнему состоянию показывает, что сделанный на исторической развилке и конституционно-институционально закрепленный выбор демократической модели, а затем и его позитивная инерция оказываются более значимыми факторами, чем не слишком благоприятная историко-культурная наследственность. Весомость такой зависимости особенно наглядно выявляется там, где сам выбор был иным.

В современной «транзитологии» обычно выделяются четыре основных типа перехода к демократии: «революционный»; «пактовый транзит», обусловленный договором сторонников и противников старого режима; «реформистский», определяемый давлением «снизу» приверженцев ненасильственной борьбы с недемократическим строем; «навязанный» сверху одной из группировок правящей элиты вследствие ее раскола на «реформаторов» и «консерваторов»[1].

Реальная история, однако, сложнее теоретических схем. Исходная инициатива различных местных вариантов «перестройки» практически во всех странах региона принадлежала правящим компартиям. Отличие можно усмотреть лишь в том, что одни начали ее раньше, а другие позже. Кто-то действовал еще в условиях собственного безраздельного господства и, следуя преимущественно внешним примерам, а иные — уже с оглядкой на давление нарождавшейся антикоммунистической оппозиции, стремясь обеспечить политическое самосохранение посредством смены режима. Наконец, в третьем варианте перемены предпринимались лишь в целях сохранения режима.

Следуя приведенной выше схеме Т.-Л. Карла и Ф. Шмиттера, все страны региона следовало бы подвести под рубрику «навязанного транзита», хотя сами эти авторы выстраивают иную типологию[2]. Явно выраженные элементы «реформистского» и «пактового» вариантов поначалу можно было усмотреть лишь в Словении и Хорватии. Правомерно говорить о попытках «пакта» на этапе демократизации в Албании, Болгарии, Румынии и Македонии: компартии и их право-

---

[1] См.: *Карл Т.-Л., Шмиттер Ф.* Указ. соч. С. 13.
[2] См.: там же. С. 13–15.

преемницы, даже обладая полнотой власти, сами старались привлечь к сотрудничеству оппозицию, которая, однако, была гораздо менее склонна к этому. Подобное разделение ролей отчасти естественно. Правящие партии были вынуждены доказывать собственное принципиальное обновление и бесповоротный отказ от монополии на власть. Их противники для утверждения на политической сцене и обретения самостоятельного лица должны были демонстрировать непримиримость к силам старого режима, что стимулировало радикальный антикоммунизм. Лишь в Сербии и Черногории удачные маневры компартий заблаговременно обеспечили им почти полное политическое доминирование и позволили отказаться от серьезного диалога со слабой и раздробленной оппозицией, перехватив немалую часть ее националистических лозунгов и их приверженцев. Впрочем, и здесь власти формально провели круглые столы с оппозицией, которые, однако, не увенчались каким-либо договором.

Посткоммунистические партии и впоследствии уступали власть (опять-таки за исключением Сербии и Черногории), подчинившись вердикту избирателей, а в иных случаях (как, например, в Болгарии) даже не дожидаясь его. Это отступление было обусловлено и глубиной социально-экономического кризиса, и принципиальным изменением международной ситуации. Свою роль сыграли понимание бесперспективности сохранения отжившей даже в глазах «номенклатуры» экономической и политической системы, и ее стремление конвертировать власть в собственность, и ее нежелание брать на себя ответственность за непопулярные, но неизбежные реформы. Можно спорить, насколько «добровольная» сдача была вызвана натиском оппозиционных сил. Бросается, однако, в глаза, что степень податливости власти, как правило, заметно превышала давление со стороны оппозиции.

Особый случай — Румыния. Но и там после низвержения диктатуры в декабре 1989 г. последующее развитие событий подчинялось общей логике.

Политические основы нового строя в Болгарии и Румынии, по примеру Польши и Венгрии, закладывались в ходе работы круглых столов, к которым правящие Болгарская социалистическая партия (БСП) и Фронт национального спасения (ФНС) активно привлекали оппозиционные силы. Можно сказать, что демократические конституции этих стран (принятые раньше, чем в других государствах Центральной и Восточной Европы) рождены совместно властью и оппозицией, хотя их взаимодействие и проходило в острой политической борьбе. Все участники политических баталий руководствовались, естественно, не столько абстрактным стремлением к демократии, сколько собствен-

ными политическими расчетами. Скажем, Демократическая партия Албании вместе с другими новорожденными партиями первоначально отстаивала пропорциональную избирательную систему. Но после первых же выборов она стала выступать за смешанную систему, с сильными элементами мажоритарности, что серьезно ограничило возможности малых партий[1]. ФНС в Румынии, уверенный в победе на первых выборах, предоставил широкие возможности своим соперникам. Но вскоре озабоченность собственным чрезмерным доминированием сменилась боязнью потери позиций, что изменило подход к новому избирательному закону[2]. При этом все первоначальные расчеты не единожды оборачивались против их авторов. Поэтому крайне упрощенно представлять рождение демократии как следствие торжества новых антикоммунистических сил над экс-коммунистическими поборниками старого порядка.

Правящие социалистические партии победили на «учредительных» выборах в Румынии (20 мая 1990 г.), Болгарии (10–17 июня 1990 г.) и в Албании (31 марта — 7 апреля 1991 г.), достигли заметного успеха в Македонии (11 ноября — 25 декабря 1990 г.). Но, даже удержав пост президента и сохранив политическое преобладание в парламенте, они сами стремились разделить власть с новорожденной оппозицией и вовлечь ее в правительственные коалиции[3]. Пакты, однако, оказались недолговечны, поскольку оппозиция считала полное отстранение от власти посткоммунистов важнейшим условием смены режима. Проиграв первые выборы, оппозиция вскоре по собственной инициативе отказалась от участия во власти и начала наращивать внепарламентское давление, прибегая к массовым агрессивным выступлениям протеста. Под таким прессингом социалистические партии в Болгарии и Албании постепенно сдали позиции, уступив и пост главы государства, и руководство коалиционными или «экспертными» кабинетами. В Румынии и Сербии правящие партии, окрыленные своими электоральными победами и достаточно широкой массовой поддержкой, ответили на подобную тактику оппозиции силовыми методами, заставив ее уйти с улицы. И в Македонии переход антикоммунистических сил в оппозицию не принес им успеха — пост-

---

[1] Подробнее см.: *Лолочи К.* Албания. Формирование избирательных законов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1994. № 2(7). С. 4–11.

[2] Подробнее см.: *Стефои Е.* Румыния. Формирование избирательных законов // Там же. С. 15–18.

[3] Подробнее см.: Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М.: Наука, 2003. С. 421–428; *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. С. 361–381.

коммунистические партии, объединившись в коалицию, сумели еще долго сохранять власть[1].

На выборах 1990 г. в Словении и Хорватии правопреемницы компартий, возглавившие движение за демократизацию и отделение от СФРЮ, все же проиграли первые выборы, но с разным результатом и конечным исходом. Важнейшим итогом словенских выборов стала деконцентрация политической мощи и демонополизация власти, что было закреплено демократической конституцией, установившей парламентскую республику. В Хорватии же первые выборы привели к ярко выраженному политическому доминированию в законодательном органе одной силы — крайне националистического «Хорватского демократического содружества» и победе ее лидера Ф. Туджмана на выборах главы Президиума республики, а затем и президента. Это позволило им навязать стране конституционный проект президентской республики. Подобная конструкция власти в условиях начавшейся войны, развязыванию которой правящая партия активно содействовала, обеспечила формирование правоавторитарного режима при приобретавшей все более формальный характер многопартийности[2]. Образование подобного же авторитарного режима, только левого толка, в Сербии и Черногории стало следствием тех же факторов — состояния необъявленной войны на сопредельных территориях Хорватии и Боснии, в которой они фактически участвовали, и столь же сокрушительной победы на первых выборах партий — правопреемниц коммунистов и их лидеров С. Милошевича и М. Булатовича. Скроенные ими «под себя», невзирая на протесты оппозиции и без ее участия, конституции создали удобные правовые основы для формальной легитимации псевдодемократического политического устройства[3].

В результате Словения избрала почти классическую парламентскую модель с символическими полномочиями главы государства, Болга-

---

[1] См.: *Hoppe H.-J.* Die politische Szene der Republik Makedonien // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Köln). 1995. No 47. S. 7–13.

[2] Подробнее см.: *Hoppe H.-J.* Die neue politische Elite Kroatiens // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Köln). 1997. No 7. S. 7–26, 33–38; *Bacic A.* Izborni zakoni i polupredsednički system // Politička misao. 1992. No 2. S. 39–47; *Kasapović M.* Izborni i stranački sustav Republike Hrvatske. Zagreb, 1993. S. 61; *Zakošek N.* Struktura i dinamika hrvatskog stranačkog sustava // Revija za sociologiju. 1994. No 1–2. S. 91.

[3] Подробнее см.: *Pribičević O.* Vlast i opozicija u Srbiji. Beograd, 1997. S. 75–80; *Hoppe H.-J.* Die politische Führung des Miloschevic-Regimes // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Köln). 1999. No 26. S. 7–32.

рия и Македония — различные версии парламентско-президентской, Румыния — скорее президентско-парламентскую, а в Сербии, Черногории и Хорватии утвердилась президентская республика, во многом скроенная по образцу голлистской Франции, с широкими полномочиями главы государства и весьма расплывчатыми их ограничениями. Попытка навязать схожую президентскую модель была предпринята и в Албании лидером Демократической партии президентом С. Беришей, но оказалась неудачной. После краха его режима личной власти удалось принять конституцию, давшую стране парламентскую республику. Заложенные в основных законах большинства стран гарантии от авторитаризма сами по себе не могли застраховать от тенденций к чрезмерному усилению президентской власти: они проявились не только в Сербии, Черногории, Хорватии и Албании, но поначалу чувствовались и в Румынии, Македонии, Болгарии. Однако в странах, принявших парламентско-президентскую модель, где им были поставлены конституционные и институциональные преграды, они были изжиты быстрее. В иных случаях устранение подобных перекосов стало возможным лишь после ликвидации авторитарных режимов.

Подводя итог краткому очерку начального этапа перехода к демократии в странах Юго-Восточной Европы, можно констатировать, что «транзитологическая» дифференциация его типов оказывается весьма условной и формальной. В действительности «навязанный» транзит вскоре принимал форму «пактового», столь же быстро оказываясь по существу «реформистским». Но с переменами во власти давление снизу принимало принципиально противоположную политическую окраску, а политическое доминирование победивших «демократов» нередко несло не меньшую угрозу демократии, чем былое политическое всевластие их противников.

Внешне кажутся вполне логичными бытующие среди «транзитологов» догмы: наиболее типичными и одновременно самыми успешными были-де «реформистские» (проводимые под давлением снизу) «транзиты», а в становлении демократии логика конфронтации была продуктивнее линии на сотрудничество[1], главным залогом успешного перехода к демократии будто бы являлась победа демократической оппозиции в фазе смены режима[2].

---

[1] См.: *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. San Francisko, 2001. P. 16–17.

[2] См.: *Байхельт Т.* Демократия и консолидация в постсоциалистической Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т. 1. С. 486–489.

Разумеется, утверждение политической конкуренции как нормы демократии предполагает борьбу сил нового и старого порядка, не говоря уже о том, что жесткая состязательность ускоряла трансформацию и самообновление новоиспеченных социалистов. Переход власти к противникам прежнего режима по крайней мере формально устанавливал границу между двумя политическими системами. Но на практике там, где давление снизу было наиболее зримым (в Хорватии и Албании), результаты оказались весьма сомнительными. В других же странах демократический правопорядок в конечном счете утверждался, несмотря на сравнительно короткие сроки пребывания у власти «демократов» и их зачастую антидемократическую практику. Наконец, самоцельная конфронтация, вырождавшаяся в оголтелый антикоммунизм или, более того, в антилевый фундаментализм, оказалась крайне непродуктивной политической стратегией для «демократических» сил, во многом способствовавшей их поражению. Поэтому более существенными для утверждения демократии представляются иные параметры переходного процесса.

Важнейшей характеристикой «транзита» в странах региона был его в целом эволюционный, не обвальный характер (по сравнению с Россией и странами СНГ), что обусловило относительную плавность перехода. Это дало правящей элите время для собственного обновления и адаптации к новым условиям, а оппозиции — для самоорганизации и относительного «дозревания» до власти, вынуждая все стороны к договорно-правовому оформлению нового политического устройства и способствуя демократической институциализации. Там, где острота социально-экономического кризиса (как в Албании в 1991 г.) резко ускоряла процесс смены режима, воцарившийся хаос ставил под вопрос существование государства как такового.

Переход обычно осуществлялся в условиях динамично менявшегося соотношения сил основных политических акторов (а отчасти и был им движим). Но все же их примерное равновесие сохранялось: ни один из значимых участников политического процесса не был способен игнорировать существование сильного соперника. Когда это правило нарушалось (как, например, после первых выборов в Хорватии, Сербии, Черногории, Румынии, после вторых — в Албании) и наблюдалась фактическая монополизация политической сцены, безразлично — правыми или левыми, посткоммунистами или антикоммунистами, начинался откат к авторитаризму, опять-таки не важно какого — старого или нового чекана. Всевластие ФНС в Румынии на начальном этапе преобразований, долговременная незыблемость власти посткоммунистических партий в Македонии, доминирование коалиции ДОС в Сер-

бии после свержения режима Милошевича в равной мере порождали угрозу деформации трансформационного процесса.

В одном случае немалый начальный «капитал демократии» успели «конвертировать» в демократические конституции и создание основ демократического правопорядка, в другом — его растратили или злоупотребили в далеких от демократии целях. Там, где демократические институты и нормы уже на ранней стадии получили конституционно-правовое закрепление, нарушение установленных «правил игры» в дальнейшем требовало практически недостижимого перевеса в силах. Можно поэтому сделать вывод, что переход к демократии оказался наиболее успешным в тех странах региона, где эволюционное движение к новому общественному строю совмещалось с реальной демонополизацией политической сцены и ранней демократической институциализацией.

Принадлежащий С. Хантигтону минимальный критерий проверки демократичности политической системы, или консолидации демократии[1], — проведение двух свободных выборов или осуществление двукратной смены власти в соответствии с конституцией — давно уже не кажется достаточным, но остается необходимым. На сегодняшний день соревновательные многопартийные выборы в парламент в странах региона были проведены по меньшей мере пять раз (в некоторых странах и более). Их конституционные сроки большей частью выдерживались, но в Албании (1997), в Болгарии (1994, 1997), в Хорватии (1992, 1995), Сербии (1993, 2000, 2003) и в Черногории (1998, 2001, 2002) были досрочными. Однако на пять, в среднем, легислатур за время постсоциалистического развития в странах региона приходится не менее восьми–десяти кабинетов — не многие правительства смогли доработать до временного предела своего мандата. Принципиальная смена правящей партии происходила в Болгарии и Словении — пять раз, в Македонии и Румынии — четыре, в Албании, Хорватии и Сербии — трижды, и лишь в Черногории этого не случилось. При этом перемены во власти в Болгарии в октябре 1992 г. и сентябре 1994 г., в Словении в апреле 2000 г. были вызваны не результатами выборов, а кризисом правительственных коалиций. Для смены власти в Албании в 1997 г. и в Сербии в 2000 г. «потребовался» народный бунт.

Подавляющее большинство кабинетов имело коалиционный характер, даже если это не вызывалось парламентской арифметикой. Правда, в Сербии и Хорватии во времена авторитаризма, в Албании

---

[1] См.: *Huntington S.P.* The Third Wave. Democratization in Late Twentieth Century. L., 1991. P. 267.

при правлении С. Бериши, речь шла скорее об имитации коалиционности, поскольку правящие партии нуждались в своих мелких и слабосильных партнерах главным образом для демократического декорирования недемократических методов властвования.

Правомерно говорить о формировании относительно стабильной партийной системы. Ведущие парламентские партии в большинстве стран возникли еще в начале переходного периода. В законодательных органах появляются, естественно, и новые политические образования, как правило, в результате откола каких-либо фракций действующих партий. Однако партии-новички, за исключением новейшего примера Болгарии, нигде не смогли оспорить влияние партий-ветеранов.

В целом можно сделать вывод, что конкурентная многопартийность и демократический механизм смены власти стали в странах региона нормой политической жизни. Минимальную, но принципиально важную проверку демократия прошла.

Общей характеристикой политического ландшафта стран ЮВЕ по-прежнему остается доминирующий политический раскол на посткоммунистов и их противников. Соответствует ему и биполярность политической сцены: так, в Албании политическая жизнь определялась соперничеством социалистической и демократической партии, в Болгарии — БСП и фигурировавшего под разными наименованиями СДС, в Македонии — СДСМ и ВМРО-ДПМНЕ, в Румынии — ПСДР и объединения «демократических» партий. Подобная двухполюсность менее выражена лишь в Словении, которой вообще свойственна полиархическая модель распределения политических сил. Биполярность усложнена размежеваниями и по иным линиям в Хорватии (европеисты–традиционалисты), в Сербии (где к двум отмеченным расколам добавляется раздел на умеренных и радикальных реформаторов) и в Черногории (где доминировало разделение на федералистов и сепаратистов).

Несколько мелких и по отдельности маловлиятельных партий, заполняющих нишу между полюсами, хотя и оказываются в их тени, однако стали непременным, а зачастую и неизбежным фактором образования правящих коалиций. В государствах с довольно значительным национальным меньшинством (Болгария, Македония и Румыния) именно малые этнические партии турок, албанцев и венгров успешно играют роль того политического «довеска», который не раз предрешал соотношение сил и судьбу кабинетов. Поэтому и при доминирующем в обществе биполярном расколе конфигурацию политической сцены можно условно определить как «двух с половиной партийную».

Заметно отличается с данной точки зрения лишь Словения, где изначально утвердилась и стабильно воспроизводится «*n*-партийная»

структура: ни одна из партий (в том числе Либерально-демократическая, с наибольшим стажем пребывания у власти) не имела ярко выраженного превосходства, и любое правительство обречено было быть многопартийным. Аналогичная тенденция, хотя и менее выпукло, несколько последних лет стала обнаруживаться в Болгарии, Сербии, Хорватии и Черногории.

Биполярность гарантирует сохранение конкурентной среды в политике и страхует от монополизации политической сцены. Вместе с тем она превращает любую избирательную кампанию в «игру с нулевой суммой», чрезмерно усиливая бескомпромиссность сторон. К тому же подобный, не типичный для «Старой Европы» и в этом смысле архаичный раскол свидетельствует о том, что большинство государств региона до сих пор пребывают в постсоциалистическом периоде своей истории. Следовательно, переход в политическом плане все еще не завершен.

Двухполюсное противостояние отчасти смягчают мелкие партии, претендующие — не важно, насколько оправданно, — на выполнение функции политического центра. Вместе с тем сама ситуация, когда они объективно способны играть лишь дополнительную, но не самостоятельную роль, способствует их перерождению в своеобразные «малые предприятия» по беспринципной торговле голосами и политическим весом. Это, в свою очередь, не способствует росту их популярности и долговечности, хотя само постоянное воспроизводство на политической сцене акторов такого рода подтверждает сохранение запроса на политические силы центристской ориентации.

Звучит парадоксом, но «демократические» партии, выросшие из оппозиции коммунистическому режиму и провозглашавшие переход к демократии своей целью, в ее условиях преуспели гораздо менее своих противников из числа посткоммунистов. На их счету гораздо меньше побед на выборах, а сроки пребывания у власти короче. Демократы «по происхождению» нередко проявляли воинствующий антидемократизм, оказывались более подвержены расколам и гораздо менее договороспособными, демонстрируя зачастую вопиющий непрофессионализм и как политики, и как управленцы.

Подобный феномен лишь отчасти можно объяснить естественными болезнями роста молодых политических сил. В гораздо большей степени это было обусловлено их ошибочной стратегией тотальной и скорейшей «декоммунизации» любой ценой, стремления полностью вытеснить из политической и общественной жизни всю прежнюю элиту при явной недостаточности собственных кадровых ресурсов. В социально-экономическом плане это означало отказ от всех значимых прогрессивных завоеваний социализма, затрагивавших жизненные

интересы широчайших слоев населения. В экономике подобное сектантство посягало на позиции обладавшей наибольшим влиянием и управленческим опытом части бывшей «номенклатуры», толкая ее к поддержке партии, из лона которой она и вышла. В политике такое фронтальное наступление вело к самоизоляции новых политических сил и дополнительной консолидации их противников, хотя элементарный расчет требовал прямо противоположного.

В результате «демократические» партии сами замкнули себя в правой части политического спектра, предоставив не только левый фланг, но и центр иным политическим течениям. Узость правого сегмента политического рынка дополнительно способствовала его фрагментации. Заведомо сузив возможности укрепить и расширить свою политическую и социальную базу демократическими методами, провозвестники демократии должны были довольно скоро скатиться к антидемократическим способам завоевания и удержания власти. Наглядной иллюстрацией того, насколько быстро это происходит, стала политическая жизнь Албании под властью С. Бериши или же Хорватии времен Ф. Туджмана. Неправомерно поэтому связывать утверждение и развитие демократии в странах региона лишь с деятельностью сил, выросших из оппозиции коммунистическому режиму. По крайней мере не меньшая заслуга в этом принадлежит социалистическим партиям с коммунистической родословной, что, впрочем, и неудивительно: они, учитывая собственное прошлое, вынуждены много больше заботиться о своей демократической репутации и менее склонны пренебрегать ею. К особой заботе о своем демократическом «имидже» их обязывала и евро-атлантическая внешнеполитическая ориентация, и стремление получить международный сертификат на свое обновление посредством приема в Социалистический Интернационал. История стран региона после краха социализма в очередной раз подтвердила, что становление демократии — саморазвивающийся процесс, который никому недопустимо монополизировать.

Оборотной стороной относительной стабилизации партийного спектра в рамках «двух с половиной партийной системы» стала тенденция к превращению партий в «элитные» или «картельные» самоцельные образования, которые плохо справляются с функцией представительства и опосредования общественных интересов[1]. Характеристика сложившейся системы как «партократии» типична для многих стран

---

[1] См.: *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т. 1. С. 273–274.

региона. Это, естественно, самым негативным образом сказывается на авторитете и популярности как самих партий, так и власти в целом. Неслучайно, что опросы общественного мнения показывают: в странах региона политические партии среди всех общественных и государственных институтов пользуются наименьшим доверием. Немногим больше верят граждане национальным парламентам и правительствам. Так, согласно опросу, проведенному в марте 2004 г., партиям, правительству и парламенту доверяло в Болгарии соответственно 6, 19 и 13%; в Румынии — 14, 36 и 30%; в Словении — 16, 27 и 25% населения. Для сравнения: армия, религиозные институты, ЕС и ООН пользуются доверием, соответственно, 58, 36, 66, 55% опрошенных в Болгарии, 77, 84, 72, 64 — в Румынии, 43, 29, 47, 46% — в Словении[1]. Нелишним поэтому звучит предостережение, что «дефектная неолиберальная демократия заплатит за кратковременную стабильность ценой ее долгосрочных шансов на стабилизацию»[2].

Не может в этой связи не настораживать заметный и угрожающий рост популярности в последние годы национал-популистских партий антисистемной оппозиции в Румынии («Великая Румыния», Партия национального единства румын), Сербии (Сербская радикальная партия) и Болгарии (коалиция «Атака»). Их лидеры, удачно окрещенные «политическими экстрасенсами»[3], занимали почетное второе место на президентских выборах. О том, какую мощь и с какой скоростью могут набрать внесистемные силы при кризисе доверия, напомнили болгарские выборы 2001 г.: движение бывшего царя, возникшее за несколько месяцев до их проведения, сумело завоевать половину мест в парламенте и взять власть. Поэтому при накоплении потенциала социального протеста он, вероятнее всего, будет искать пути самореализации вне привычных право-левых координат, расширяя радиус действия национал-популистских течений.

Важнейшую (а в отдельные моменты и решающую) роль в укреплении и стабилизации демократии в Юго-Восточной Европе играет внешний фактор. Речь идет не только о силе примера избранного европейского образца демократии, но и о прямом экономическом и политическом воздействии (нередко весьма настойчивом и мощном) на политические события в странах региона со стороны ЕС и США.

[1] См.: Eurobarometer 2004.1. Public opinion in the acceding and candidate countries. Annex tables, first results. Spring 2004 (europa.eu.int/comm/public opinion).

[2] *Меркель В., Круассан А.* Указ. соч. С. 274.

[3] См.: *Байме К.* Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. СПб.; М.; Берлин, 2003. Т. 2. С .90.

Не всегда, правда, их роль может быть оценена однозначно позитивно с точки зрения демократизации. Скажем, слишком долгое попустительство с их стороны таким персонажам как С. Бериша, Ф. Туджман или М. Джуканович, явно задержало демократическое развитие Албании, Хорватии и Черногории, а пристрастно антисербский внешнеполитический курс западных держав долгое время помогал С. Милошевичу удерживаться у власти, разыгрывая роль защитника национальных интересов. Еще существеннее, что внешний фактор, компенсирующий недостаточность собственных внутренних ресурсов демократии, сохраняет свою действенность лишь до тех пор, пока перспектива приема в ЕС — главный инструмент влияния — не кажется миражом и сохраняет свою привлекательность.

Демократия в странах региона, бесспорно, еще далека от избранного европейского образца. Условна консолидация весьма несовершенной партийной системы, проблематична независимость судебной власти и ее эффективность. Свобода средств массовой информации постоянно является предметом политических и общественных баталий. Но при избранной ориентации на вступление в ЕС и постоянном, требовательном надзоре с его стороны за функционированием демократических институтов демократия сохраняет характер безальтернативного выбора. Попятное движение может стать вероятным лишь при утрате европейской перспективы или в случае взрывной дестабилизации ситуации в отдельных странах и в регионе в целом.

Глава 8. Характер и динамика современного развития Греции

Особенности внешней политики Греции в постбиполярную эпоху

Рост политического и экономического влияния Греции на Балканах и в Восточном Средиземноморье во многом определяется ее членством в Евросоюзе и НАТО, особым характером ее отношений с государствами Западной Европы и США.

Вместе с тем сдержанная, почти нейтральная позиция в отношении событий на Ближнем Востоке и на Балканах позволяла Греции доста-

точно эффективно реализовывать свои национальные интересы, играя на противоречиях США и ЕС, ЕС и НАТО, НАТО и ООН и конструируя внешнюю политику в рамках основных геополитических треугольников: Греция–США–Турция и Греция–ЕС–Турция. В результате Греция смогла дистанцироваться от всех крупных конфликтов и добиться серьезных успехов в осуществлении своей внешнеполитической линии, а благодаря членству в ЕС и НАТО приобрела геополитические преимущества, которые на длительный период позволят ей сохранять политическое и экономическое лидерство в регионе.

Ведущий греческий дипломат Янос Кранидиотис так определил в 2000 г. основные цели греческой внешней политики:

- усиление роли и позиции Греции, в первую очередь в ЕС, а также в других международных организациях;
- противостояние с опорой на ЕС и НАТО внешним угрозам, включая турецкую угрозу;
- вклад в укрепление мира и стабильности, демократии, защиту прав человека, справедливости в мировом масштабе, и прежде всего на Балканах и в Восточном Средиземноморье;
- противостояние новым проблемам, вызовам и угрозам, а также использование новых возможностей, которые предоставляет технологический прогресс, ради достижения более глубокой экономической, коммуникационной и структурной глобализации и взаимозависимости[1].

Сегодня к этим целям можно добавить:

- поддержку Турции в процессе ее присоединения к ЕС;
- активное участие в антитеррористической коалиции совместно с США, ЕС и Россией.

Эволюция греческой национальной оборонной доктрины

Эволюция доктрины национальной безопасности Греции еще со времен Второй мировой войны определялась военно-политическим положением страны и пониманием внешних угроз. В конце 40-х — середине 50-х годов основной угрозой были названы страны, расположенные

[1] См.: *Кранидиотис Я.* Греческая внешняя политика. Сидерис, 2000. С. 22–23. (Κρανιδιότηζ Γ. Ελληνική εξωτερική πολιτική, Σηδέριζ. 2000. С. 22–23.)

на северных границах Греции, следовательно, ее участие в НАТО было признано необходимым, а США стали «естественным союзником» Греции и главным гарантом ее национальной безопасности. Такое развитие событий во многом было связано с последствиями гражданской войны 1946–1949 гг., в ходе которой греческих коммунистов активно поддерживали Югославия, Болгария и Албания, стремившиеся захватить части Северной Греции. После окончания гражданской войны греческое руководство по многим вопросам национальной безопасности и обороны стало обращаться за помощью к США. Греческие вооруженные силы были оснащены американским оружием, а сотни греческих офицеров, прошедших стажировку в США, привносили американские традиции в подготовку греческой регулярной армии. Кроме того, запретив коммунистическую партию и приняв военную доктрину «угрозы с севера», Афины фактически признали, что основная угроза национальной безопасности находится скорее внутри страны, чем за ее пределами. В рамках натовской военной доктрины роль Греции в случае масштабного военного конфликта между НАТО и ОВД сводилась к кратковременному противостоянию силам Варшавского пакта, способному по крайней мере замедлить их продвижение на запад, а также по возможности сохранить контроль над Восточным Средиземноморьем. Однако признание Турции, члена НАТО, в качестве угрозы для другого члена Североатлантического союза ставило под сомнение военно-политическую устойчивость всей организации. После трагических событий на Кипре в 1974 г. и оккупации Турцией 40% территории острова доктрина «угроза с севера» сменилась на доктрину «угроза с востока». Противостояние Турции, также входившей в НАТО, было гораздо более сложным процессом как с военной, так и с дипломатической точки зрения, учитывая, что геополитическая роль Анкары для западной цивилизации была значительно более весомой. Но в условиях биполярного мира, когда распри на южном фланге НАТО не шли ни в какое сравнение с наличием такого мощного противника, как СССР, Греция не могла рассчитывать на серьезную дипломатическую поддержку Запада в случае своего противостояния с Турцией.

После окончания «холодной войны», распада СССР и СФРЮ для Греции вновь возникла необходимость оборонной доктрины с учетом конфликтов на Балканах. Ее главной задачей оставалась защита территориальной целостности, демократической политической системы и демократических ценностей. Вместе с тем процесс углубления военно-политической интеграции в западные структуры был затруднен отдельными внешнеполитическими действиями Афин,

которые могли нанести ущерб отношениям Греции с НАТО и ЕС. В первую очередь это затянувшийся спор относительно названия Македонии[1], против которой Греция ввела одностороннее экономическое эмбарго. Кроме того, ЕС не разделял просербскую внешнюю политику Афин, отказ Греции участвовать в нанесении ударов по боснийским сербам, отказ посылать в Боснию своих миротворцев, а также отрицательное отношение к военной операции НАТО против Югославии (1999).

В этих условиях в 90-х годах сформировалась греческая военная доктрина, получившая название «Стратегия расширенного сдерживания», основным объектом которой стала Турция. Новая стратегия Афин была призвана убедить Турцию в том, что цена использования военной силы против Греции выше любых политических и военных выгод. Другие составляющие этой стратегии сводились к совершенствованию военной мощи, способной нанести ущерб турецкой стороне и к готовности использовать эту мощь тогда, когда это необходимо. В эти годы Греция тратила на оборону 4–5% своего бюджета, 5% трудоспособного населения страны трудилось в оборонной сфере.

«Стратегия расширенного сдерживания» предполагает не только обеспечение собственной безопасности, но и национальных интересов Кипра, предусматривая:

- долгосрочную программу модернизации всех вооружений и военной инфраструктуры в целом;
- увеличение личного состава Вооруженных сил Кипра (5 тыс. военнослужащих-добровольцев из Греции в середине 90-х годов пополнили ряды кипрской армии);
- увеличение расходов на оборону;
- интенсификация военной подготовки и проведение совместных учений греческих и кипрских вооруженных сил;
- создание новых военных баз;
- совместное стратегическое планирование и закупка всего необходимого для войск;
- улучшение тыловой инфраструктуры Южной Греции;
- уделение особого внимания развитию военно-морских сил для усиления влияния Греции в Восточном Средиземноморье[2].

---

[1] В официальных греческих документах: «Бывшая Югославская Республика Македония (FYROM)».

[2] См.: *Platias A.* Greek Deterrence Strategy (www.eliamep.gr).

Формулируя доктрину «расширенного сдерживания», греческие политики подчеркивали, что в случае вторжения Турции на Кипр Греция не останется в стороне.

Три наиболее важные опоры греческой доктрины безопасности — Евросоюз, Западноевропейский союз и НАТО. Членство в НАТО и коллективная оборонная структура этой организации по-прежнему являются наиболее надежной и перспективной частью греческой оборонительной доктрины. Вместе с тем, участие в общеевропейских международных организациях, таких, как ОБСЕ и Совет Европы, во многом обеспечивает Греции возможность решения самых разных споров и проблем.

Составной частью греческой военной доктрины также является миротворчество. Будучи членом НАТО и Евросоюза, Греция активно участвует в миротворческих операциях в рамках ООН и в контроле над нераспространением оружия массового уничтожения. Еще в период Корейской войны 1951 г. Греция направила батальон пехоты и несколько транспортных самолетов ВВС в состав сил ООН. Впоследствии греческие вооруженные силы принимали участие в миротворческих операциях в Сомали, Кувейте, Северном Ираке, Западной Сахаре и в бывшей Югославии. Греция выражала готовность отправить своих миротворцев и на границу между Израилем и Сирией для осуществления международного мониторинга границы, а также в Абхазию для прекращения огня между Тбилиси и Сухуми (поскольку в Абхазии и Грузии проживало немало этнических греков), в Нагорный Карабах и в другие горячие точки. При этом Греция является одним из основных спонсоров международных миротворческих сил на Кипре.

Греция позитивно оценила итоги Стамбульского саммита ОБСЕ (ноябрь 1999 г.) и приветствовала подписание в Стамбуле адаптированного Договора об обычных вооружениях в Европе, поскольку предусматриваемые им сокращения вооружений существенно снижали, по ее мнению, опасность развертывания военных действий на пространстве от Атлантики до Урала. По вопросу о трансформации НАТО высказывалось мнение о том, что адаптированный к современным условиям альянс следовало бы ориентировать на обеспечение региональной стабильности, предотвращение кризисов и эффективное миротворчество. Выступая за расширение НАТО и включение в ее состав стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в Афинах одновременно осознают опасность появления новых разделительных линий на континенте. В этой связи греческие политики высказываются за учет озабоченностей Москвы в связи с продвижением альянса на Восток. По проблемам единой политики ЕС в области обороны и безопасности греки выступа-

ют в пользу скорейшего завершения рассмотрения организационных вопросов и перехода к практическому формированию сил быстрого развертывания, им близка позиция французов, выступающих за максимальную независимость оборонного блока ЕС от структур НАТО[1].

Как очевидно из сказанного, греческая доктрина «угрозы с востока» существенно изменила свое внутреннее содержание. Эволюционируя параллельно со стратегией НАТО, оборонная концепция Греции не исключает турецкую угрозу, однако основным источником опасности для нее стали международные арабские террористические организации, базирующиеся на Ближнем Востоке.

Греция — «балканский авангард» Евросоюза

Путь Греции к европейской интеграции не был простым. Сменивший в начале 80-х годов Константиноса Караманлиса на посту премьер-министра Андреас Папандреу выступал против активной европейской политики Греции. Это была не только дань идеологическим установкам партии Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) и предвыборному популизму греческих социалистов, но в первую очередь надежда нащупать «третий путь» Афин в условиях противостояния Востока и Запада, балансируя между США, СССР, Европой и движением неприсоединения. После кипрских событий 1974 г. недоверие к НАТО в Греции напрямую экстраполировалось на Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), которое в то время по многим вопросам зависело от НАТО и еще не сформировалось как самостоятельная политическая сила. НАТО и Варшавский договор (ОВД) были двумя враждующими лагерями. Следовательно, интеграция в Европу означала прежде всего углубление отношений с НАТО. Этим и характеризуется первый период пребывания Греции в ЕС (1981–1985).

Вместе с тем можно констатировать наличие в этот период серьезных сомнений греческих политиков относительно многих важных аспектов европейской интеграции. Ключевой целью Афин было определение новой позиции и роли Греции в ЕС через создание «особого режима» отношений и правил. С этой целью Греция предложила меморандум, где она настаивала на учете экономических особенностей страны в рамках реализации различных европейских программ и просила предоставить ей дополнительную помощь для перестройки и глубокого реформирования ее экономики. Европейская комиссия согласилась

[1] См.: www.eliamep.gr.

только со вторым пунктом меморандума и приступила в 1985-м к реализации проекта под названием «Интегрированные средиземноморские программы» (ИСП). Значимость ИСП была настолько велика, что превосходила по своей эффективности программу прямой финансовой поддержки, направленную на структурное реформирование греческой экономики. Эта программа под названием «пакет Делорс» была окончательно сформулирована и запущена в 1988. На практике она позволила Греции добиться положения реального регионального лидера не только на Балканах, но и в Восточном Средиземноморье в целом[1]. В дальнейшем это во многом способствовало успеху инициативы Кипра начать переговоры о вступлении в Евросоюз.

Второй период (1985–1995) характеризовался постепенным сдвигом в сторону понимания, поддержки и осознанного стремления к более глубокой европейской интеграции, чему способствовало окончание «холодной войны» и биполярного противостояния. С 1988 г. Греция открыто выступала в поддержку федеративной интеграционной модели развития Европы, осуществления общеевропейских совместных проектов, общей политики в области образования, здравоохранения, экологии, за укрепление наднациональных институтов (Европейская комиссия, Европейский парламент), проведение совместной внешней и оборонной политики Евросоюза. С другой стороны, остались сложности в экономической области, связанные прежде всего с отставанием Греции в ряде отраслей. Более того, с 1987 г. Греция поставила основной целью своей дипломатии в Евросоюзе вступление Кипра в ЕС в качестве полноправного члена.

Третий, современный период пребывания Греции в ЕС характеризуется дальнейшим углублением ее интеграции в европейские структуры на основе федеративной модели, а также более активным движением в направлении экономической и социальной конвергенции объединенной Европы. Основным событием этого периода стало введение единой европейской валюты, членство Греции в этом валютном союзе с 1 января 2002 г. и более тесная координация экономической и финансовой политики ЕС. Греция всецело одобрила следующие стратегические цели Евросоюза:

- поддержка основных политических и институциональных систем ЕС;
- эволюция ЕС в политический союз на федеративной демократической основе в соответствии с моделью Сообщества и методом

[1] См.: Greece and Mediterranean programs // www.greekembassy.org.

интеграции на базе сильных демократически легитимных правительственных институтов;

- укрепление и совершенствование координации макроэкономической политики в рамках экономического и валютного союза и дальнейшее усиление союза за счет политики, направленной на помощь гражданам[1].

Значительным событием для европейской внешней политики Греции стало ее председательство в ЕС в первой половине 2003 г.; при этом одним из основных приоритетов греческого председательства являлось расширение ЕС за счет стран Юго-Восточной Европы. На заседании Европейского совета в Копенгагене на переговоры о вступлении в объединенную Европу были приглашены Болгария и Румыния. Кроме того, на встрече в Копенгагене речь шла о выработке мер по ускорению процесса и доработке стратегии вступления Турции в ЕС.

Тогда же Евросоюз успешно закончил переговоры по Кипру, подтвердив приоритетность вступления острова в ЕС в качестве единого государства. В этой связи председательство Греции было направлено на возобновление прямых переговоров между общинами острова об окончательном решении кипрской проблемы в свете перспективы присоединения единого Кипра к Евросоюзу.

Таким образом, опираясь на членство в ЕС, Греция серьезно укрепила свои позиции на Балканах, в Европе и НАТО. Кроме того, Афины смогли предоставить финансовую помощь Бухаресту и Софии, а также привлечь европейские финансовые институты к оказанию прямой помощи этим странам. Греческое председательство было направлено и на выработку эффективной стратегии присоединения Турции к ЕС. Греция поддержала пришедшее в этот период к власти турецкое правительство, которое более решительно повело свою страну курсом реформ, обновления и демократизации; при ее содействии Турции были выделены значительные дополнительные финансовые ресурсы для ускорения преобразований. При этом проводился постоянный мониторинг развития ситуации в Турции, определялась степень соответствия Анкары критериям вступления в ЕС.

В целом членство Греции в ЕС стало точкой опоры в реализации внешнеполитической стратегии Афин по решению кипрской проблемы, повышению роли страны в балканских делах, прогрессу в отношениях с Турцией, достижению нового уровня отношений с мусульманским миром.

---

[1] См.: Greece and European Union (www.greekembassy.org).

Греко-турецкие отношения: от противостояния к сотрудничеству

В начале 90-х годов основными внешнеполитическими приоритетами Турции были вступление в Европейское Сообщество и улучшение отношений с Грецией. Премьер Т. Озал понимал: для того чтобы добиться позитивного ответа от ЕС и начать процесс вступления, «необходимо было преодолеть или по крайней мере ослабить противостояние с Грецией»[1]. В то же время в начале 90-х начался новый этап регионального соперничества между Афинами и Анкарой. В 1993 г. правительство А. Папандреу объявило о начале проведения единой оборонной политики для Греции и Кипра, чтобы таким образом ответить на психологическое давление Турции и ее угрозу атаковать греческие острова на востоке Эгейского моря. Одновременно Греция поддержала идею построения региональной системы мер доверия. Отношения между Турцией и Грецией еще более ухудшились в период югославского кризиса 90-х годов, когда вновь обострилась проблема притеснения национальных меньшинств.

Противоречия по поводу отношения к национальным меньшинствам были заложены после окончания греко-турецкой войны 1919–1922 гг., полного поражения Греции, массовой резни греческого населения во многих городах Малой Азии при молчаливом невмешательстве влиятельных союзников Греции по Антанте. После подписания мира в Лозанне (1923) состоялся масштабный обмен населением между Грецией и Турцией. Греки, жившие в Стамбуле, и турки из Фракии остались на своей земле. В 1923 г. каждая община насчитывала приблизительно по 100 тыс. человек, при этом Турция последовательно проводила политику вытеснения греков со своей территории. Если еще в 1965 г. 48 тыс. граждан Турции считали греческий язык родным, то к 1990 г. их число составило всего 3000. В свою очередь Афины не стремились к вытеснению турок из Фракии. К 1990 г. число турок с греческим гражданством составляло 120 тыс. человек[2].

В Греции, тем не менее, возрастала озабоченность в связи с тем, что рост мусульманского населения может создать предлог для выдвижения Турцией территориальных претензий на греческую Фракию и некоторые другие регионы. Уничтожение террористов спецслужба-

---

[1] Dagi I. Human rights and democratization: Turkish politics in the European context. Journal of Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 1. 2001. No 3. September. P. 61.

[2] См.: Greece-Turkey relations (www.greekembassy.org).

ми Турции на Родосе в середине 1994 г. было болезненно воспринято греческой общественностью, которую потрясла свобода передвижения агентов турецкой разведки по территории Греции. В ходе двусторонних переговоров продолжали доминировать вопросы демаркации континентального шельфа и прав на использование подводных ресурсов, контроля воздушного пространства, движения авиатранспорта над Эгейским морем, милитаризации греческих островов у турецкого побережья и размещения турецкой «Эгейской армии» в Западной Турции. Инцидент на островах Имия (январь 1996 г.) стал демонстрацией силы Турции, поставившей под сомнение статус-кво межгосударственных границ в Эгейском море и добавившей эту проблему к многолетнему пакету противоречий, связанных с демаркацией шельфа, контролем над воздушным пространством и движением воздушных судов над Эгейским морем[1].

В то же время Греция имела неразрешенные проблемы также и с северными соседями на Балканах. Но противоречия с Болгарией и Албанией, а также с Македонией по поводу названия этой страны не представляли ощутимой угрозы для национальной безопасности Греции. Последняя, напротив, стала в 90-х годах региональным донором и основной экономической силой на Балканах. В качестве единственного члена ЕС в регионе Греция активно разрабатывала и осуществляла многочисленные региональные экономические программы.

В свою очередь Турция не смогла стать лидером на Балканах по многим причинам, главные из которых следующие.

- Географически Турция располагает на Балканах очень небольшой территорией, которая граничит с Болгарией и Грецией. Этого недостаточно, для того чтобы полноценно влиять на стратегические направления развития региона.
- Турция — мусульманская страна, а большинство стран Балканского полуострова сталкиваются с проблемами мусульманских национальных меньшинств. Успех политики Анкары в регионе зависит поэтому от того, сможет ли Турция дистанцироваться от факторов религиозного экстремизма в своей внешней политике.
- Поддержка мусульман во время войны в Боснии лишила Анкару доверия лидеров многих Балканских государств.
- Наконец, отношения Турции с рядом Балканских стран осложнились в связи с нерешенностью проблемы Кипра.

[1] Ibidem.

В конце 90-х Анкара попыталась активизировать процесс присоединения к ЕС в качестве полноправного члена, напоминая, что Турция была одной из первых стран, подписавших в 1963 г. договор об ассоциации с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС). В декабре 1997 г. на саммите в Люксембурге Турции было отказано во вступлении в Евросоюз, но уже в 1998 г. ЕС одобрил идею начала переговоров о европейской стратегии Турции. Это привело к потеплению отношений между ЕС и Турцией и значительно повысило роль Греции в реализации сближения Турции и ЕС. Тем более, что благодаря правильному использованию европейской помощи Греция стала одной из наиболее динамично развивающихся стран ЕС. Рост ее ВВП составил за последние семь лет 3–4% в год. В 2003 г. реальные доходы на душу населения составляли 73,5% среднеевропейского уровня; Греция оказалась лидером в ЕС и по темпам экономического роста[1].

Саммит в Хельсинки в декабре 1999 г. стал началом новой эры в греческо-турецких отношениях. Однако решения, принятые в Хельсинки, стали не только результатом формирования новых геополитических интересов Анкары, но и следствием внешнеполитического курса Афин, который был сформулирован греческим премьер-министром Костасом Симитисом («доктрина Симитиса»).

Эксперты отмечают два источника успеха «доктрины Симитиса»: во-первых, она унаследовала плоды политических концепций предыдущих руководителей, которые в 1995 г. сделали ставку на европеизацию кипрской проблемы; во-вторых, она была поддержана талантливым руководителем греческого дипломатического ведомства Георгиосом Папандреу. Симитис использовал в своей доктрине так называемые космополитические ценности в виде умеренности, коммуникативности, посредничества, стремления к мирному разрешению споров. В период премьерства Симитиса (с января 1996 г.) Греция последовательно избегала конфликта с Турцией, стремилась «европеизировать» тему Кипра и греческо-турецких противоречий в Эгейском море, использовала поддержку ООН для решения кипрской проблемы, постоянно выдвигала мирные инициативы и предлагала проведение миротворческих операций и операций по восстановлению мира от Балкан до Афганистана. В Греции и за рубежом решение правительства Симитиса поддержать кандидатуру Турции на вступление в ЕС было воспринято как конструктивное.

Симитис и Папандреу активно использовали методы «народной дипломатии», особенно после землетрясений в Турции и Греции,

[1] См.: Известия. 2003. 16 февраля.

когда народы обеих стран пришли на помощь друг другу. Это был удар по утверждениям многих противников греческо-турецкого сближения — особенно идеологов Турецкой Республики Северного Кипра, — согласно которым греки и турки — «непримиримые враги на века» и им не суждено жить вместе. Министры иностранных дел двух государств Георгиос Папандреу и Измаил Сеем создали систему постоянного и эффективного диалога и сотрудничества между иностранными ведомствами двух стран, подписав целый ряд соглашений в самых разных областях сотрудничества, включая туризм и защиту инвестиций. Греческо-турецкое сближение стало началом более открытого и искреннего сотрудничества между простыми греками и турками. Реакцией Греции на землетрясение в августе 1999 г. в Турции стало ее обращение к странам ЕС с просьбой выделить заем в размере 600 млн евро на восстановление разрушенных турецких городов и поселков. Греческо-турецкое сближение в 1999–2000 гг. явилось во многом основой отказа Турции от нагнетания напряженности на острове, что могло бы затруднить процесс вступления Кипра в ЕС.

Таким образом, греческая внешняя политика 90-х годов по отношению к Турции может быть названа «политикой инициатив». В Греции считают, что в сочетании с углублением регионального сотрудничества глобализация создает позитивные предпосылки для решения самых острых проблем и кризисных ситуаций, касающихся территориальной целостности и национального суверенитета, а европейская интеграция — приоритетная цель для внешней политики всех Балканских государств. В рамках ЕС Греция избрала «политику инициатив», которую она считает наиболее эффективной, а поскольку Турция принадлежит не только Азии, но и Европе, нет сомнений, что она от этого только выиграет. Афины приветствуют любые действия Турции, направленные на ослабление напряженности, существующей в отношениях между обоими государствами в связи с Эгейским морем и Кипром. Иначе говоря, греческая «политика инициатив» предполагает предоставление Турции новых возможностей для греческо-турецкого сотрудничества в разных областях двусторонних отношений, создающих основы для более тесных контактов между двумя странами.

Особенности региональной политики Греции

В конце 80-х — начале 90-х годов несколько важнейших факторов радикально повлияли на основные принципы балканской политики

Греции. Среди них можно выделить региональную политическую и экономическую нестабильность, связанную с процессом распада Югославии и перспективами серьезных геополитических перемен на северных границах Греции, а также стратегические перемены в политике Болгарии и Албании.

Распад Югославии вызвал резкую конфронтацию между Грецией и соседней Македонией. После окончания Второй мировой войны Союзная Республика Македония получила международное признание своего статуса в составе СФРЮ. Официальные Афины всегда считали этот факт угрозой для своей территориальной целостности. Греция подчеркивала, что новая республика, называя себя Македонией, узурпирует славную страницу истории, связанную исключительно с историей эллинизма и эллинской империи Филиппа и Александра Македонского (IV в. до н.э.). С проблемой Македонии были связаны и кровавые страницы гражданской войны в Греции в конце 40-х годов XX в. Наибольшие опасения у Афин вызывало то, что, по мнению большинства греческих политиков, новое государство имело экспансионистские настроения, направленные прежде всего на захват части греческой территории. Кроме того, одновременно с использованием названия «Македония» Скопье использовало «звезду Вергины» — символ царства Филиппа — и его флаг в качестве своего национального символа.

С сентября 1991 г. греческое правительство стремилось убедить международное сообщество в серьезности экспансионистских намерений Скопье и в существовании реальной угрозы со стороны северного соседа и вынесло этот вопрос на обсуждение ООН, не прекращая переговоров с руководителями Македонии. Летом 1991 г. эти усилия почти привели к позитивным результатам, но окончательное решение, тем не менее, так и не было достигнуто. «Македонский вопрос» осложнил ситуацию и внутри Греции. Из правящей партии «Новая демократия» вышла часть ее членов, основавших либерально-патриотическую партию «Политическая весна» во главе с А. Самарасом. Раскол внутри «Новой демократии» привел к ее поражению на досрочных осенних выборах 1993 г. и возвращению к власти ПАСОК под руководством А. Папандреу.

В феврале 1994 г. после многих раундов неудачных переговоров правительство Папандреу ввело торговое эмбарго на все негуманитарные товары, поставляемые в Македонию через греческую территорию. Хотя внутри Греции эмбарго получило абсолютную поддержку, международные организации, особенно НАТО и ЕС, резко критиковали этот шаг. В самой Греции также звучали голоса, которые утверждали, что

отстаивание «символических ценностей» отдаляет Грецию от Европы и создает опасность нового конфликта в условиях и без того напряженной обстановки на Балканах. Однако никакие аргументы не смогли изменить официальную греческую позицию. Через два месяца после введения эмбарго Европейская комиссия обратилась в Европейский суд с требованием вынести решение и судебное определение по введенному против Македонии эмбарго. Посредничать в урегулировании этого кризиса пытались и бывший госсекретарь США Сайрус Вэнс, и эмиссар президента Б. Клинтона Мэтью Нимец, но серьезного прогресса им добиться так и не удалось.

В 1995 г. было подписано греко-македонское промежуточное соглашение о нормализации двусторонних отношений, и заметно активизировались двусторонние торгово-экономические связи. Однако Греция продолжает настаивать на смене названия республики Македонии на переговорах по этому вопросу под эгидой ООН. Но при этом Греция оказывала Македонии серьезную дипломатическую поддержку в ее планах вступить в НАТО, а также максимально адаптировать экономику страны для дальнейшего присоединения к ЕС.

Греческие политики отдают себе отчет в том, что поддержка территориальной целостности Македонии и интеграции Скопье в Евросоюз — в интересах Афин, поскольку в случае ее раскола последует рост албанско-турецкого влияния, возможен и новый этнический конфликт. Одновременно эксперты подчеркивают, что Скопье — «идеальная «буферная зона» между Грецией и районами, где происходят вооруженные конфликты. К примеру, во время конфликта в Косово Скопье приняло у себя множество беженцев и пережило другие трудности, которые в ином случае могли ударить по Греции»[1].

Как уже отмечалось, в конце 80-х из греческой доктрины национальной безопасности был окончательно исключен тезис об «угрозе с севера», и общая граница с Болгарией перестала быть линией противостояния, особенно после того, как Болгария поставила своей целью вступление в НАТО. Но и в период «холодной войны» греко-болгарские отношения были относительно спокойными по причине наличия единого источника угрозы их национальным интересам в лице Турции (болгарско-турецкие отношения были особенно осложнены результатами дискриминационной болгарской политики по отношению к многочисленному мусульманскому меньшинству). Однако наметившееся

[1] *Tziampiris A.* Greece and FYROM: A partnership for stability in southeastern Europe? // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 2. 2002. No 1. January. P. 218.

двустороннее сближение не стало стратегической внешнеполитической задачей Болгарии, ей удалось сформировать сбалансированную внешнеполитическую линию по отношению к своим соседям — членам НАТО. Тем не менее Афины и София продолжили сближение в 90-х годах, что, в частности, проявилось в соглашении о строительстве нефтепровода Новороссийск–Бургас–Александруполис: из Черного моря в Средиземное, минуя черноморские проливы.

Большие сложности для Греции создали трагические события в Югославии. Во-первых, нестабильность на ее северных границах создавала угрозу для ее национальной безопасности. Во-вторых, транспортный и железнодорожный поток греческой торговли с Европой на 40% шел через территорию Югославии, и после введения в 1992 г. санкций Греция теряла 10 млн долл. ежедневно. Кроме того, 23% населения получившей независимость и граничившей с Турцией Македонии составляют албанцы, а это постоянная угроза дестабилизации ситуации на северных границах Греции. Неформальная ось Тирана–Косово–Тетово (область Македонии, заселенная преимущественно албанцами) представляет также реальную зону влияния Турции.

С самого начала военных действий НАТО против Югославии Греция выступала за урегулирование косовского кризиса мирными политическими средствами на основе международного права и Устава ООН. Особенность ее позиции определялись двумя противоречившими друг другу факторами: с одной стороны, обязательствами греков в рамках НАТО, а с другой — их принадлежностью к Балканам и дружественными отношениями с Белградом. Не блокируя решений НАТО, греки вместе с тем высказывали негативное отношение к бомбардировкам Югославии. Еще в 1995 г. греческие эксперты разработали план мирного разрешения косовского конфликта, который содержал следующие конкретные рекомендации: а) восстановление автономного статуса Косово должно предшествовать завершению переговоров; б) международные гарантии территориальной целостности СРЮ должны исключать возможность предоставления Косово независимости или его объединения с соседними государствами; в) Косово должна быть предоставлена международная помощь для финансирования совместных сербско-албанских проектов; г) косовские албанцы должны дать согласие на участие в предстоящих общереспубликанских выборах; д) воинские подразделения должны быть выведены из населенных пунктов, а военизированные соединения распущены; е) возможно создание единого правового органа на основе паритетного представительства сербов и албанцев, председа-

телем которого стало бы нейтральное лицо, пользующееся доверием обеих сторон[1]. Однако этот весьма эффективный для того времени план был проигнорирован Западом. Но именно Греция после событий 1999 г. стала основным экономическим и политическим звеном в восстановлении разрушенной натовскими бомбардировками Югославии и преодолении ее международной изоляции.

Одним из ключевых элементов балканской политики ЕС стала деятельность Афин в рамках Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ), который был подписан в Кёльне 10 июня 1999 г. и одобрен подписавшими его государствами и Россией 30 июля 1999 г. в Сараево. Эта инициатива Евросоюза при поддержке ОБСЕ стала результатом реализации французского проекта урегулирования ситуации на Балканах, который был поддержан Германией и США. После окончания военной фазы югославского кризиса 1999 г. по инициативе этих стран началось продвижение французской идеи и разработка основ Пакта о стабильности и сотрудничестве в регионе. Основная задача Пакта — создание зоны стабильности в Юго-Восточной Европе, прежде всего вокруг Югославии[2].

Основная декларируемая цель Пакта Стабильности — продвижение идей демократизации и защиты прав человека в регионе, экономическое развитие всех балканских государств, ускорение процессов развития наиболее экономически отсталых стран Юго-Восточной Европы, создание стабильной и безопасной среды для развития во всех областях. Пакт Стабильности подписали Албания, Сербия и Черногория, Болгария, Румыния, Босния и Герцеговина, Хорватия, в 2001 г. к нему присоединилась Молдова. Греция является в этом процессе, наряду с ведущими западными странами, одним из основных доноров и координаторов.

В проектах Пакта стабильности участвуют не только страны — члены Евросоюза, но и не входящие в ЕС США, Канада, Япония, Россия. Среди доноров пакта — Швейцария, Норвегия. Поддержку в продвижении инициатив и проектов оказывают соседние страны Центральной Европы — Венгрия, Чехия, Словакия. В его работе активно задействованы финансовые институты — МВФ, ЕБРР, международные организации: ОБСЕ, НАТО, ЗЕС, Совет Европы, ООН, Комиссариат ООН по вопросам беженцев.

---

[1] См.: *Язькова А.А.* Косовский конфликт в балканском политическом контексте // Косово. Международные аспекты кризиса. М.: Центр Карнеги, 1999. С. 134.

[2] См.: Этнополитические конфликты в Югославии и Юго-Восточная Европа. М., 1999. С. 60–61.

С июня 1999 г. Греция в качестве страны-донора активно способствовала созданию структуры сотрудничества в Юго-Восточной Европе, политически и экономически продвигая и развивая процессы демократизации, экономического развития, укрепления стабильности в регионе.

По мнению греческих политиков, экономические и политические проблемы таких стран, как Албания, Сербия и Черногория, Болгария, должны решаться совместными усилиями Европы и международного сообщества в целом. «Эти страны имеют большое экономическое значение для Греции, которая в некоторых случаях является для них основным торговым партнером и источником инвестиций»[1]. А Евросоюз совместно с другими международными организациями должен разработать более конкретную программу макроэкономической, гуманитарной и технической помощи странам Балканского полуострова, призывая Европу своевременно реагировать на проблемы и трудности, с которыми сталкиваются Балканы. В противном случае этот регион ждут новые конфликты и потрясения, способные нанести огромный ущерб климату сотрудничества в Европе и перспективам развития самого Евросоюза. Югославский кризис, по мнению греческой стороны, также стал результатом отсутствия пристального и заинтересованного внимания ведущих стран Евросоюза к проблемам региона.

Греческо-российские отношения. Черноморское экономическое сотрудничество и Греция

Российско-греческие отношения издавна были одним из факторов европейской стабильности. Особенно это важно для ситуации на Балканах. Православная составляющая греческо-российских отношений и богатый положительных опыт их истории позволяет Афинам видеть в лице России важного союзника в проведении своей балканской политики. Для Москвы эти отношения важны тем, что через греческие дипломатические круги ей подчас легче объяснить те или иные шаги в области внешней политики другим членам Евросоюза, не способным в силу определенных причин адекватно оценивать внешнеполитические действия РФ.

В сентябре 2003 г. в Москве отметили 175-летие с момента установления дипломатических отношений между Россией и Грецией.

[1] *Michalopoulos C.* The Western Balkans in World Trade: Some Implications for Greece // Journal Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 2. 2002. No 2. May. P. 102.

В связи с этим в столице РФ в Дипломатической академии была открыта выставка дипломатических документов двух стран и проведена научная конференция. Выступая на открытии выставки, чрезвычайный и полномочный посол Греции в РФ Димитриос Параскевопулос отметил: «История и жизнь доказали жизнеспособность, глубину и силу связей греческого и российского народов, какие бы формы общественного устройства ни сменяли друг друга за этот период. Новая действительность наших отношений расширила спектр связей и возможностей для сотрудничества»[1].

Отношения России и Греции после 1991 г. складывались в целом благоприятно. 27 декабря 1991 г. Греция признала Россию в качестве государства-правопреемника СССР. В июне–июле 1993 г. состоялся визит Б.Н. Ельцина в Грецию, в ходе которого были подписаны Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами (вступил в силу 8 сентября 1995 г.), а также большой пакет двусторонних документов, регламентирующих взаимодействие в экономической, научно-технической, культурной и других областях»[2]. Важным элементом грекороссийского взаимодействия стали политические консультации между министерствами иностранных дел двух стран по актуальным вопросам современной международной политики, по которым их позиции традиционно близки или совпадают. Россия и Греция активно взаимодействуют в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)[3].

В декабре 2001 г. в Афины посетил В.В. Путин. В ходе визита были подписаны межправительственные соглашения: о сотрудничестве в области торгового судоходства, в отраслях топливно-энергетического комплекса, о воздушном сообщении, о сотрудничестве МВД России и Министерства общественного порядка Греции в области борьбы с преступностью, об учреждении и условиях деятельности культурных центров, межправительственная программа культурного и научного сотрудничества на 2002–2004 гг. В ходе встречи с лидером на тот момент оппозиционной греческой партии «Новая демократия» Константиносом Караманлисом Владимир Путин заявил, что российско-греческие отношения имеют «надпартийный характер»[4].

Важным элементом взаимодействия Москвы и Афин становится сотрудничество в области противодействия террористической угрозе

---

[1] Греческая газета. 2003. № 10.

[2] См.: www.mid.ru

[3] Ibidem.

[4] См.: РИА «Росбизнесконсалтинг». 2001. 7 декабря.

на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. Греция оказывает помощь России в налаживании и восстановлении контактов с ключевыми игроками арабского мира для расширения возможностей российской дипломатии на этом направлении. Сотрудничество в рамках оси Москва–Афины–Никосия, которая начала формироваться в середине 90-х, также значительный элемент мировой политики в условиях необходимости поддержания стабильности на Балканах, в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

С 7 по 9 декабря 2004 г. состоялся официальный визит премьер-министра Караманлиса в Россию. По результатам переговоров в Москве было подписано три важных документа, среди которых «Совместное российско-греческое заявление о сотрудничестве в борьбе с терроризмом», «Совместная политическая декларация о дальнейшем углублении отношений дружбы и всестороннего взаимодействия между Российской Федерацией и Греческой Республикой», «Совместный план действий на 2005–2006 годы Российской Федерации и Греческой Республики».

В марте 2007 г. во время визита Президента РФ В.В. Путина в Грецию было подписано российско-греческо-болгарское Соглашение о строительстве нефтепровода от черноморского порта Бургас до среднеземноморского порта Александруполис, призванного разгрузить проливы Босфор и Дарданеллы. Европе новая «труба» сулит не меньше выгод, чем России: будут диверсифицированы маршруты поставок, снижены риски их прекращения.

Протяженность будущего нефтепровода — около 280 км, пропускная способность — до 50 млн тонн нефти в год.

Греческо-российское взаимодействие активно развивается в рамках инициативы Организации черноморского эономического сотрудничества (ОЧЭС), где Греция распространяет свою роль регионального лидера до берегов Черного моря. Членство в ЕС позволяет Греции привлечь в Черноморский регион серьезные финансовые и технологические ресурсы. Афины активно участвуют в деятельности ОЧЭС с момента ее основания в 1992 г. В июне 2002 г. в ходе проходивших в Стамбуле празднований 10-летия создания ОЧЭС министр иностранных дел Греции Георгиос Папандреу выразил надежду, что ОЧЭС будет и впредь вносить вклад в укрепление мира и стабильности в регионе. В рамках ОЧЭС Греция не только расширяет свое региональное влияние, но и использует эту организацию в качестве дополнительного инструмента сотрудничества с Турцией, другими Балканскими странами и не в последнюю очередь с Россией.

В 1998 г. в Афинах при поддержке правительства Греции был создан Международный центр черноморских исследований, фокусирующий свое внимание на проблематике Большого Причерноморья, включающего Южное и Северное Причерноморье, Балканы и Южный Кавказ. Являясь научной структурой ОЧЭС, Центр проводит экспертный анализ наиболее актуальных проблем региона при участии страновых структур, образующих Исследовательское сообщество по проблематике Причерноморья (создано в 2006 г.).

Греция и Средиземноморье. Борьба с международным терроризмом

Важнейшим элементом греческой внешней политики было и остается сотрудничество в Средиземноморье. В рамках европейско-средиземноморского диалога Греция оказывает эффективное воздействие на политику средиземноморских стран в аспекте борьбы с терроризмом, развития норм межконфессиональной толерантности, соблюдения прав человека, а также других основополагающих принципов внутренней и внешней политики. Во время европейско-средиземноморской конференции в Брюсселе 5–6 ноября 2001 г., прошедшей вскоре после теракта 11 сентября 2001 г., министры иностранных дел подтвердили свою солидарность и единство в борьбе с терроризмом и подчеркнули, что понятие «терроризм» нельзя ни при каких условиях отождествлять с арабской или исламской цивилизацией.

Другим важным направлением европейско-средиземноморского сотрудничества представляется работа Средиземноморского форума, в которой участвуют 11 стран: Греция, Португалия, Испания, Франция, Италия, Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Мальта и Турция. Данный форум — неформальное объединение стран, которое не опирается на финансовую поддержку ЕС. Многие эксперты называют форум «кузницей идей» для развития средиземноморского сотрудничества и осуществления скоординированной политики в рамках Барселонского процесса[1]. В рамках Форума Греция имеет дополнительные возможности продвигать свои интересы через новые проекты и ини-

[1] Принятая на Барселонской конференции 1995 г. декларация является основным документом европейско-средиземноморского партнерства. Декларация стала началом всего так называемого Барселонского процесса, который развивался по основным направлениям, предполагавшим решение вопросов безопасности, укрепления добрососедских отношений, экономического сотрудничества, инвестиционных проектов, развития гражданского общества.

циативы. К примеру, на девятой встрече министров иностранных дел стран Средиземноморского форума 21 мая 2002 г. в Делосе эксперты высоко оценили идею Олимпийского перемирия (Экехирия), которую греческий МИД впоследствии вынес на самый высокий международный уровень. Впоследствии к Олимпийскому перемирию присоединились многие государства, неправительственные организации и общественные деятели, а в феврале 2003 г. свою подпись под Экехирией поставил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан.

Уделяя большое внимание проблемам Средиземноморья, Афины поддерживают идею использования опыта ОБСЕ в развитии сотрудничества стран региона, прежде всего в области экономики, торговли, культуры, туризма, охраны окружающей среды. Вместе с тем после 11 сентября 2001 г. руководство Греции уделяет все больше внимания проблемам борьбы с терроризмом, и членство Греции в антитеррористической коалиции стало новым измерением греческой внешней политики. Именно на этом направлении позитивный опыт Греции, накопленный за десятилетия взаимодействия с арабскими странами, может быть очень полезен для ее союзников на Западе и Востоке. В то же время Греция дистанцировалась в своей внешней политике от Израиля. По мнению Экани Атанассопулу, греческого эксперта по вопросам греческо-израильских отношений, для этого существовали три основные причины: греческие правительства боялись гонений против греческих общин в арабских странах; Греция нуждалась в поддержке арабских государств в кипрской проблеме; свою роль сыграла антиамериканская, пропалестинская политика Андреаса Папандреу в начале 80-х, а также резкая антиизраильская риторика для внутреннего потребления (в частных беседах Папандреу называл Израиль незаконным ребенком американского империализма)[1].

История отношений Греции с арабским миром выглядит практически бесконфликтно. Греция официально признала Организацию освобождения Палестины еще в конце 1981 г. и заняла весьма жесткую позицию по отношению к Израилю, что было обусловлено рядом причин. В тот период многие деятели партии ПАСОК склонялись к кардинальной переориентации греческих внешнеполитических приоритетов в сторону Движения неприсоединения. Такой путь назывался «тритокосмизм» или «путь Третьего мира». Кроме того, Афины надеялись получить поддержку арабских стран в вопросах Кипра

---

[1] См.: *Athanassopoulou E.* Responding to a challenge: Greece's new policy towards Israel // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 3. 2003. No 1. January. P. 111.

и греко-турецких противоречий в Эгейском море. Поддержка национальных устремлений палестинцев, сирийцев, курдов, армян также была направлена на создание единого антитурецкого фронта. В то же время Афины стремились обезопасить себя от террористических атак радикальных исламских групп, а также привлечь крупные арабские инвестиции в экономику страны.

Линия Греции в ближневосточном урегулировании основывается на соответствующих политических установках Евросоюза. По инициативе МИДа Греции регулярно проводятся неформальные встречи «Афинского диалога за мир и сотрудничество на Ближнем Востоке», в которых участвуют представители политических и общественных кругов Израиля и Палестины. Сформирован консультативный комитет, председателем которого является представитель Греции. Греческий эксперт в области проблем терроризма и внешней политики Спирос Каминарис отмечал факторы, которые привлекают различные террористические группы в Греции.

- В Греции проживает много этнических курдов и арабов, некоторые из которых в состоянии обеспечить тыловую инфраструктуру для террористических атак.
- Географическая близость Греции к Ближнему Востоку, Северной Африке, Восточной Европе превращают ее в удобный транзитный пункт для международных террористических групп. А тот факт, что Греция как член ЕС участвует в программах по уменьшению транспортных барьеров, фактически открывает границы для свободного перемещения в регионе.
- Такие страны, как США, Израиль, Великобритания, являющиеся для террористов приоритетными целями, имеют в Греции многочисленные представительства и учреждения в виде посольств, офисов крупных компаний, фондов, других государственных и общественных структур.
- Принадлежность Греции к Европе и свобода слова — два фактора, облегчающие соответствующее освещение терактов в СМИ, что является основной целью международных террористических групп[1].

В течение ряда лет Греция формировала региональные альянсы, в том числе и против Турции. Неформальная региональная ось Афи-

[1] См.: *Kaminaris S.Ch.* Middle East Review of International Affairs (MERIA) // Meria Journal. Vol. 3. 1999. No 2. June.

ны–Дамаск на Ближнем Востоке в свое время должна была стать ответом на альянс Анкары и Тель-Авива. Меморандум по противодействию организованной преступности, подписанный 8 сентября 2000 г., означал значительный шаг в развитии двусторонних отношений между Грецией и США. Более того, 20 ноября того же года вступил в силу закон о взаимной юридической поддержке. Эти два документа оформили взаимодействие Вашингтона и Афин в области борьбы с терроризмом и преступностью. В данном контексте важнейшим моментом является тот факт, что в июне 2003 г. Страна приняла закон, предполагающий более жесткие меры по противодействию терроризму. Греция также подписала двенадцать международных конвенций по борьбе с терроризмом в рамках ООН.

Греция активно участвует в борьбе с терроризмом и на практике. Ее Министерство юстиции ввело в действие новое антитеррористическое законодательство в соответствии с решениями Совета ЕС в 2002 г. Оно увеличивает срок заключения за убийство путем совершения теракта с 20 до 30 лет, а также увеличивает сроки заключения для лидеров террористических групп. Греческие войска в составе международных сил по обеспечению безопасности ISAF (the International Security Assistance Force) участвуют в операции в Афганистане с 2002 г. в рядах Греческого инженерного корпуса и других подразделениях боевого и тылового обеспечения в Кабуле. Кроме того, два греческих военных самолета С-130 постоянно находятся в Афганистане.

Терроризм и отношения Греции с арабским миром достаточно взаимосвязанные вопросы. Олимпийские игры в Афинах, проведенные без инцидентов и терактов, еще раз подтверждают особую роль Афин в налаживании отношений с цивилизованной частью арабского мира. Наряду с более чем миллиардом долларов, потраченных на цели безопасности Олимпиады традиция хороших отношений с арабским миром также стала фактором безопасности этого крупнейшего спортивного события начала III тысячелетия. Налаживание сотрудничества и одновременно дистанция между Грецией и Турцией позволяют выстраивать сложные и в то же время эффективные схемы переговоров с наиболее одиозными арабскими режимами. Правильное использование возможностей этих двух государств позволяет им не только установить доверительные отношения с некоторыми арабскими странами, но и постепенно начать реальную демократическую модернизацию Ближнего и Среднего Востока. Сотрудничая с прозападными мусульманскими странами — Албанией и Турцией, Афины могут проводить активную региональную политику по созданию сильного балкано-ближневосточного экономического союза, способного оказы-

вать серьезное экономическое и политическое влияние на положение дел в регионе. В феврале 2004 г. на проходившем в Кувейте саммите стран, граничащих с Ираком, Турция предложила создать союз стран Ближнего Востока по образцу ЕС. Это предложение поддержали многие страны, и наиболее активно Сирия, которая не хочет становиться новой мишенью для США в ходе дальнейшего этапа уничтожения протеррористических режимов в регионе. По мнению экспертов, в случае создания этот союз способствовал бы безопасности и процветанию Ближнего Востока, Средиземноморья и Южной Евразии в целом. Таким образом, Балканы во главе с Грецией и Ближний Восток, ведомый Турцией, вырисовываются в качестве двух взаимосвязанных политико-экономических структур, которые при известных условиях смогли бы обеспечивать политическую и экономическую безопасность в этих ключевых регионах мира.

Таким образом, греческая внешняя политика за последние пятнадцать лет обрела новый уровень эффективности и сбалансированности. На рубеже XX–XXI вв. греческо-турецкие отношения начали обретать новое содержание, поскольку подготовка Турции к вступлению в Евросоюз во многом зависит от внешнеполитической поддержки и доброй воли Афин. Греция смогла стать основным политическим и экономическим фактором балканского развития. Лидерство Афин на Балканах дополнилось ее выдвижением на ведущие позиции в регионах Восточного Средиземноморья и Причерноморья. Греция играет серьезную роль в процессе ближневосточного урегулирования, мобилизуя накопленный за десятилетия позитивный потенциал в отношениях со странами арабского мира и выступая в качестве партнера и умиротворителя.

Можно констатировать, что «надпартийная» внешняя политика Афин позволила ей освободиться от многочисленных стереотипов и идеологических ограничений, выработать внешнеполитическую преемственность и общенациональную ответственность лидеров за свои решения, которые принимаются для достижения стратегических целей, минуя узкопартийные тактические меры, не раз в прошлом приводившие страну к тупикам, кризисам и переворотам.

На современном этапе, по мнению ведущих греческих политиков, стране предстоит решить ряд важных новых внешнеполитических задач, в их числе:

- смягчение греческо-турецкого противостояния в Эгейском море;
- объединение Кипра в интересах большинства острова;

- создание более предсказуемой и управляемой ситуации на Балканах (в связи с этим предполагается демонтаж оси Анкара–Сараево–Приштина–Тирана при дипломатической поддержке Афин);
- закрепление экономического и политического лидерства, в Восточном Средиземноморье, а также в регионе Большого Причерноморья, с тем чтобы уже сейчас подготовить геополитическую расстановку сил перед возможным будущим вступлением в ЕС Турции, также претендующей на доминирование в этой части Европы.

Греческая экономика: современный этап развития

Если на карте Европы описать круг радиусом 300 км с центром в городе Страсбург, то окажется, что в этом круге сосредоточено около двух третей промышленных мощностей Европейского союза, около 70% банковского капитала и почти 80% научно-исследовательских центров. Греция расположена далеко от этого круга. У нее нет многовекового опыта разделения труда, специализации и кооперирования с соседними хозяйственными пространствами, так называемой частной экономической интеграции с соседями, как у других европейских стран, таких, как Нидерланды, Бельгия, Франция, Германия, Австрия, Венгрия. Когда в 1981 г. Греция вступила в ЕС, она была одной из самых бедных стран континента (замыкая вместе с Португалией список данных по показателям объема ВВП на душу населения). В греческих средствах массовой информации господствовал, казалось, безосновательный оптимизм по поводу присоединения к объединенной Европе, так как в стране почти не было конкурентоспособной промышленности и сельского хозяйства, полезных ископаемых, внутренний рынок был ограничен, а структура национальной экономики оставалась несовременной.

Однако неверно считать, что ресурсов для экономического развития у Греции не было. Исключительно благоприятное географическое положение, климат, условия для морского судоходства и рыболовства, обеспечившие два с половиной тысячелетия назад расцвет первой европейской цивилизации, так же как исторические и культурные памятники, накопленный опыт в мореплавании, судостроении, строительстве и торговле, — все это важные составные части национального богатства страны. И все-таки эти ресурсы могли быть реализованы только при наличии достаточных капиталов, внешнего и внутреннего

рынка, квалифицированной и мотивированной (недорогой и дисциплинированной) рабочей силы.

Если перечисленные факторы оказываются в благоприятной среде компетентной и ответственной государственной хозяйственной политики и благоприятной внешнеэкономической ситуации, то недостаток природных ресурсов перестает быть тормозом развития. Мировая практика со всей очевидностью доказала справедливость этого суждения на примерах Швейцарии, Японии, Тайваня, Австрии, Республики Кореи и ряда других стран.

В настоящее время Греция является одним из четырех государств — членов ЕС с самыми высокими темпами роста ВВП. В течение последних пяти лет — с 2001 по 2005 г. — ВВП увеличивался в среднем почти на 4% в год, а в период подготовки к Олимпиаде достиг 4,7%[1]. Рассмотрим, за счет чего произошло такое оживление, если учесть, что основу греческой экономики составляют судоходство и туризм.

Олимпийские игры 2004 г. были всего лишь одним из многих факторов хозяйственного развития страны. Но их позитивная роль в притоке иностранных туристов очевидна, если учесть, что начиная с 2000 г. число иностранных туристов, ежегодно приезжающих в Грецию, в течение трех лет снижалось (сказывались более низкие цены в отелях Болгарии, Туниса и особенно Турции). После 2004 г. приток иностранных туристов в Грецию начал возрастать, и в 2005 г. число приехавших иностранцев заметно превысило 10,5-миллионное население страны[2].

Особенность современного подъема туризма состоит в том, что общие доходы от него растут медленнее, чем увеличивается число приезжающих. Это объясняется тремя причинами.

Во-первых, иностранцы практически не покупают в Греции промышленные товары. Эти товары в значительной степени импортные, и поэтому они дороже, чем в Италии или Германии. Исключением является массовая покупка шуб отдыхающими из России. Высокий уровень косвенных налогов, в первую очередь НДС (а источников бюджетных доходов в Греции немного), привел к тому, что цены на греческие деликатесы и напитки внутри страны зачастую выше, чем в других странах ЕС.

Во-вторых, появление новых авиакомпаний, предлагающих низкие тарифы на перелеты по Европе, позволяет жителям западноевропейских городов летать в Грецию на короткие сроки. Реклама двух

---

[1] Deutsch-griechisches Industrie und Handleskammer (Athen). 2005. Informationsblatt No 4.

[2] См.: Tourismus in EG. Brussel, 2005

германских авиакомпаний летом 2005 г. предлагала полеты в Грецию из восьми крупнейших городов ФРГ по 29 евро в один конец. Это примерно столько же, во сколько обходится двухчасовая поездка по территории Германии на поезде. В результате растет доля «краткосрочных туристов» в общем числе приезжающих, т.е. сокращается средний срок пребывания иностранцев. Доходы от дешевых авиаперелетов достаются немецким, английским и ирландским авиаперевозчикам, так как обе греческие национальные компании низких транспортных тарифов предложить не могут.

В-третьих, основная часть иностранцев, прибывающих в Грецию, являются жителями Германии и Италии, которым, по словам греческого министра по делам туризма, свойственна «разумная бережливость». Конечно, немецкий, голландский, шведский, австрийский пенсионер по-прежнему может позволить себе слетать на две недели на Крит, Корфу или в Халкидики не в ущерб своим повседневным потребностям, но деньги он теперь расходует более осмотрительно. Труднее, чем четыре—пять лет назад, стало сдавать западноевропейцам в аренду дорогие вилы, яхты. В пик курортного сезона 2005 г. оказались незаполненными примерно 50% номеров в пятизвездочных отелях.

Исключением все чаще становятся российские туристы. Они приезжают не менее чем на две недели и тратят много.

Во любом случае доходы от туризма растут, а эта отрасль одна из основных в экономике Греции. В 2004 г. доля туризма в созданном ВВП составила 16%. От объемов туризма существенным образом зависят развитие инфраструктуры, строительство отелей и занятость в обслуживании иностранцев. Если прогнозы относительно увеличения числа приезжающих подтвердятся, то наметится оживление в строительство туристических объектов на севере Греции и на островах, возрастут доходы гостиниц и ресторанов.

Доля другой важной для экономики Греции отрасли — судоходства составляет 10% ВВП[1]. После быстрого роста морских транспортных перевозок в течение последнего десятилетия, вызванного экономическим подъемом в Китае, Индии и некоторых латиноамериканских странах рост морского грузооборота замедлился. Однако все 750 греческих пароходств постоянно загружены. Валовая выручка от морского судоходства составила в 2004 г. 13,2 млрд евро — больше, чем поступления от туризма и от экспорта товаров, и в середине десятилетия прирост экономики Греции происходил в основном за счет развития судоходства.

---

[1] См.: Überseheverkehr. Bericht 2005. Bremen, 2005.

Основная часть морских транспортных услуг — это перевозка грузов; но существенную роль играет и пассажирский транспорт: в 2004 г. услугами местного морского пассажирского флота воспользовались около 15 млн пассажиров. Вслед за внутренними пассажирскими перевозками по размерам выручки идут паромные линии между Грецией и Турцией, Республикой Кипр, Италией. Греческие пароходства располагают круизными судами, на которых иностранные путешественники совершают круизы по средиземноморским странам, островам Атлантического океана.

Рост морских перевозок и увеличение пассажирских круизных рейсов способствуют расширению и переоснащению морских портов, прибрежной инфраструктуры, судостроения и судоремонтных работ.

В течение трех лет подготовки к Олимпийским играм одним из стимулов для развития экономики были расходы на строительство спортивных объектов, создание инфраструктуры и реконструкцию городов; эти расходы ежегодно составляли 2% ВВП. Строительный бум обеспечил дополнительную занятость, доля безработных в стране сократилась с 10,5% в 2001 г. до 8,6% в 2004-м. Возрос импорт машин, оборудования, электронного оснащения объектов. Больше всего увеличился импорт из ФРГ, главного торгового партнера Греции. В 2002 г. он составлял 5 млрд евро, а в 2004 г. приблизился к 6,5 млрд евро[1].

Наряду с положительным воздействием на экономику Олимпиада привела к ее определенному перенапряжению. Дефицит платежного баланса возрос с 9,9 млрд евро в 2003 г. до 10,6 млрд евро в 2004 г. Дефицит бюджета в 2004 г. составил 6,1% ВВП, что более чем в 2 раза превышает показатель, допустимый для стран — участниц зоны евро. Правительство поставило своей целью улучшить платежный баланс и сократить дефицит государственного бюджета до 3,5% ВВП, что, вероятно, возможно, потому что не будет больше расходов на подготовку и проведение Олимпиады, хотя и недостаточно с точки зрения зоны евро.

Еще одним двигателем греческой экономики является рост внутреннего потребления. Прирост населения практически не играл заметной роли в увеличении емкости внутреннего рынка, важнее оказались сокращение безработицы и увеличение размеров валового внутреннего продукта на душу населения. Существенную роль сыграли низкие процентные ставки по кредитам, которые стимулировали строитель-

[1] См.: Berichte des deutsch-griechischen Industrie- und Handels. 2005. Cammer No 3.

ство хозяйственных объектов, жилья, судостроение и приобретение товаров длительного пользования.

Строительный бум, связанный с развитием туризма и подготовкой к Олимпиаде, имел еще одно далеко идущее последствие — рост цен на недвижимость. Устойчивое подорожание земли и построек повысило кредитоспособность греческих юридических и физических лиц и позволило им привлекать заемные средства под залог недвижимости. Тридцать первого марта 2005 г. сумма предоставленных кредитов возросла по сравнению с соответствующим периодом 2004 г. на 34%. Основная часть этого прироста (увеличение на 28%)[1] пришлась на иммобильные кредиты.

Эта форма мобилизации свободных капиталов для финансирования инвестиций и потребления широко применяется во всем мире. Сумма задолженности домашних хозяйств в ЕС составляет в среднем 50% ВВП, а в США она еще выше — 80%[2]. В Греции иммобильное и потребительское кредитование не было распространено по двум причинам — из-за высокой процентной ставки и из-за низкой цены на недвижимость, то есть из-за абсолютной недостаточности обеспечения кредитов. Снижение процентных ставок и подорожание недвижимости дали старт иммобильному кредитованию, вероятно, с перспективой на ближайшие десять–двенадцать лет, так как недвижимость дешеветь не будет, а суммарная задолженность греков едва достигла в середине 2005 г. 30% ВВП[3].

Важнейшим внешним источником экономического развития Греции наряду с частными иностранными инвестициями с момента вступления страны в ЕС было финансирование из европейских интеграционных фондов в целях сокращения различий в хозяйственных показателях стран — участниц объединения. В рамках действующей с 2002 г. Программы поддержания роста для менее развитых стран Греция может получить до конца 2008 г. 27 млрд евро для выполнения обоснованных и согласованных с ЕС программ и при условии долевого участия в их финансировании. До конца 2004 г. страна использовала 32% этой суммы[4]. Использование данного источника чрезвычайно важно для экономики, но оно ограничено недостатком обоснованных инвестиционных проектов, сулящих неоспоримый экономический эффект, и обязательным долевым участием страны в финансирова-

[1] См.: Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2005. 18 Juli.

[2] Данные Eurostat. 2005.

[2] Там же.

[4] Информация FAZ — Institut. 2005.

нии проектов. В условиях очень высокого и устойчивого бюджетного дефицита и под угрозой санкций со стороны европейских валютных органов греческое правительство с осторожностью относится к увеличению расходов.

Успешное экономическое развитие Греции в течение последних лет сыграло парадоксальную роль в получении помощи развитию от ЕС. В районе Аттики, вокруг Афин, где проживает примерно 40% населения страны, годовой доход на одного жителя превзошел 75% среднедушевого дохода Европейского союза, а это значит, что с 2006 г., наиболее развитая часть Греции не имеет права получать «помощь для преодоления отставания». Остальные районы страны еще не достигли этого уровня. Профессор Афинского университета Л. Теокалис считает, что по четвертой программе помощи на следующие шесть лет Греция может получить еще 20 млрд евро, до того как будет исключена из числа получателей помощи и превратится в чистого плательщика взносов[1].

Точность этого прогноза проблематична, во-первых, из-за неопределенности показателей роста среднедушевых доходов в ЕС и в самой Греции, а во-вторых, из-за неясности сроков вступления в ЕС Турции, экономические показатели которой существенно ниже, чем у Греции. Тогда нынешние по европейским масштабам бедные районы Греции окажутся богатыми по среднедушевым показателям, потоки помощи будут переориентированы на новые бедные страны — члены ЕС, и Греции придется принимать участие в финансировании этой помощи.

Менеджер крупнейшего банка страны — Национального банка Греции П. Милонас смотрит на будущее с оптимизмом и считает, что «в ближайшие годы приток средств от ЕС будет сокращаться, но окончательно не иссякнет»[2].

Одна из главных тем, обсуждаемых общественностью страны, — необходимость повышения эффективности использования средств, поступающих из фондов ЕС. Многие считают, что, получив примерно такую же по размерам помощь, как Греция, Ирландия добилась заметно больших успехов, создав новейшие производства в области высоких технологий, исследовательскую базу и проведя реорганизацию высшего и среднего специального образования. В Греции же значительная часть средств, полученных от ЕС, пошла на реконструкцию и создание новой инфраструктуры.

---

[1] Ibidem.

[2] Ibidem.

Министр экономики и финансов Г. Алогоскуфис доказывает, что такая экономическая политика единственно верная, потому что территория страны — это в значительной части острова и развитие хозяйственной территории невозможно без надежных систем транспорта и связи, энерго- и водоснабжения. Инфраструктура является также главной предпосылкой для двух основных отраслей экономики страны — судоходства и туризма. Благодаря подготовке к Олимпиаде была создана современная инфраструктура в обширном районе вокруг Афин. Теперь надо сделать то же самое в Северной Греции и на островах.

Главной экономической проблемой Греции остается дефицит государственного бюджета и значительная государственная задолженность. Предполагаемые расходы на подготовку и проведение Олимпиады оказались перевыполненными почти в 2 раза. Вместо 4,6 млрд евро[1] правительству небольшой страны пришлось израсходовать более 9 млрд, которых в свободном распоряжении не было, и правительству пришлось прибегать к займам. Государственная задолженность достигла к концу 2004 г. 110,5% ВВП[2]. На бюджет, который и так является дефицитным, легла дополнительная нагрузка по обслуживанию и выплате долга. Дефицит бюджета составил в 2004 г. 6,1%. К тому же в ноябре 2004 г. выяснилось, что и до 2004 г. греческий бюджет был сильно дефицитным, правительство просто подавало в Брюссель приукрашенные сведения о состоянии государственных финансов, чтобы страну приняли в зону евро.

Дефицит государственного бюджета и высокая задолженность порождают другие проблемы. Серьезнейшая из них — отсутствие необходимых средств, чтобы превратить олимпийские объекты, обошедшиеся стране в миллиарды евро, в источники государственных доходов. Из всех олимпийских объектов лишь два стадиона используются по назначению. Комплекс для гребли на каноэ и каяках, сооруженный на месте бывшего аэропорта Хеленикон, может быть превращен в гигантский парк, а зал для бадминтона подходит, по мнению специалистов, для перестройки в каток с искусственным льдом. В Олимпийской деревне, обошедшейся казне в 350 млн евро, должно быть создано 3200 квартир для малообеспеченных семей. Но реализация этих возможностей зависит от государственного финансирования, которого совершенно недостаточно. Попытки продать или сдать в аренду некоторые олимпийские объекты частным фирмам не увенчались успехом.

---

[1] См.: Welt am Sonntag. 2005. 7 August.

[2] Ibidem.

Олимпийские объекты, даже если их не перестраивать в коммерческих целях, надо хотя бы поддерживать, иначе они будут приходить в негодность.

Дефицитность государственного бюджета заставляет правительство проводить политику жесткой экономии под угрозой санкций со стороны ЕС. Тяжелым грузом для бюджета является необходимость выплаты процентов и погашения долгов, сделанных во время подготовки к Олимпиаде. Правительство возлагало большие надежды на получение значительных сумм от приватизации государственной собственности. Самой крупной государственной компанией, предназначенной на продажу, была авиационная фирма «Олимпийские авиалинии».

Комиссия Европейского союза установила, что «Олимпийские авиалинии» не выплатили греческому государству 350 млн евро налогов и страховых взносов, получили из бюджета 130 млн евро субсидий и государство оплатило из казны 60 млн евро долга авиакомпании. В декабре 2002 г. Комиссия уже рассматривала вопрос о недопустимом — с точки зрения поддержания в ЕС конкуренции — финансировании «Олимпийских авиалиний» со стороны греческого правительства и предложила авиакомпании вернуть в бюджет 160 млн евро[1]. Деньги эти до сих пор государству не возвращены. Председатель Комиссии Ж. Барро потребовал возврата названных сумм совершенно категорически, угрожая передать дело в Европейский суд. Ситуация приобрела критический характер. Компания не может выплатить 700 млн евро, ей придется прибегнуть к заимствованию средств под залог имущества и гарантии греческого правительства на мировых финансовых рынках. Но в этом случае придется отказаться от приватизации, так как отягощенная такими долгами компания интереса для потенциальных покупателей не представляет.

Финансовые тиски, в которых оказалось греческое правительство, заставляют его ослабить государственную поддержку экономики и в соответствии с неолиберальной концепцией исходить из того, что развитие промышленности, сферы услуг, туризма и судоходства должно происходить за счет частного капитала. Достаточный частный капитал накоплен в таких отраслях, как судостроение, морской транспорт, банковские услуги, торговля, производство кожи, мехов и изделий из них.

Однако значительная часть греческой экономики представлена малыми и средними предприятиями, у которых совершенно недоста-

[1] Financial Times (D), 15.09.2005.

точно капитала, чтобы финансировать реконструкцию и повышение конкурентоспособности до западноевропейского уровня. В сильной степени это относится к сельскому хозяйству.

Задача государства — создать благоприятные рамочные условия для экономики, совершенствовать рыночный механизм и поощрять вложение в экономику отечественного и иностранного капитала. Эта задача стоит перед многими государствами. Но в Греции проблема государственной поддержки малого и среднего бизнеса особенно остра. Недостаток финансирования может привести к снижению темпов роста экономики. Осознавая это, греческое правительство приняло закон о поощрении инвестиций, в котором предусмотрены льготы малым и средним предприятиям. Но на обеспечение этих льгот средств в бюджете на 2005 и 2006 гг. очень мало.

Правительство принимает меры по привлечению частного иностранного капитала в экономику, однако эти меры дают лишь ограниченный эффект. Ежегодный чистый приток иностранных инвестиций составляет примерно 700 млн евро.

Летом 2005 г. выяснилось, что во время подготовки к Олимпиаде в Центральной Греции было построено столько новых гостиниц, что после окончания спортивного праздника степень их заполнения снизилась. В 2004 г. среднегодовая заполняемость гостиниц в Афинах была 56,5%, а в 2005-м — только 54%. Число приезжающих туристов возросло, хотя и не достигло рекордного уровня 2002 г. — 14,9 млн человек[1]. Греческие туристические фирмы предоставляют услуги высокого уровня, и часть отдыхающих предпочла более дешевые соседние курорты Турции, Болгарии и Хорватии. К тому же в Греции во время Олимпиады резко возросли цены; после окончания игр они, как это обычно происходит, не опускаются.

Определенным стимулом хозяйственного развития может стать вступление в ЕС соседей — Болгарии и, возможно, Турции. Отмена таможенных пошлин в торговле с ними может благоприятно отразиться на экономике страны. В то же время расширение ЕС на юго-восток может активизировать приток мигрантов из вновь вступивших стран (Болгария, Румыния, Турция), где уровень оплаты труда заметно ниже, чем в Греции.

Специфическая греческая проблема — отношения с соседней Турцией. Экономическая сторона этой проблемы — положение островов в Эгейском море и приграничных северо-восточных районов. К сожалению, очередная разрядка напряженности периодически сменяется

[1] См.: Tourismus in EG. Brussel, 2005.

ухудшением отношений из-за Кипра или по какой-нибудь другой причине. Приграничные острова и территории в результате становятся периферийными, менее привлекательными для инвестиций, транзитной торговли, туризма.

Отношения с Турцией по поводу Республики Кипр (греческой) имеют для Греции серьезные экономические последствия. Кипр (греческий) является одним из мировых центров регистрации судов. В кипрском морском регистре зарегистрировано по налоговым соображениям более половины всех греческих кораблей (значительное число российских тоже). Турция не признаёт Республику Кипр и не позволяет заходить в турецкие порты кораблям под кипрским флагом или под каким-либо другим флагом, если собственник или один из собственников судоходной компании, которой принадлежит корабль, является кипрским юридическим или физическим лицом. Естественно, это наносит ущерб греческому судоходству, как и интересам российских судовладельцев, чьи корабли зарегистрированы в Республике Кипр.

В стране достаточно других серьезных экономических проблем самого разного типа. Тяжело отражается на судоходстве и судостроении рост цен на горючее и металлы. Резкие изменения курсов евро и доллара ограничивали приток иностранных туристов. Незначительный прирост населения и выезд молодежи на заработки за границу (меньший, чем 20–25 лет назад) ведут к старению населения и наращиванию затрат на пенсионное и медицинское обеспечение без достаточного прироста социальных поступлений со стороны работающих по найму и предпринимателей. Считается, что после 2015 г. по этой причине может наступить кризис системы социального обеспечения. Однако подобные проблемы есть у многих стран.

Наряду с перечисленными проблемами следует отметить и наличие у греческой экономики очевидных перспектив.

Во-первых, они заключаются в географическом положении страны, благоприятствующем развитию судоходства и туризма. Отсутствие у Греции собственных источников топлива и сырья отчасти компенсируется близостью и дешевизной морских перевозок нефти из средиземноморских портов нефтедобывающих стран, черных металлов из портов Украины. Намечающееся строительство газопровода для перекачки иранского и азербайджанского газа в Европу облегчит проблему обеспечения ее этим видом топлива и сырья.

Во-вторых, страна обладает значительными ресурсами квалифицированной рабочей силы, обладающей значительным опытом и по западноевропейским масштабам недорогой. По данным ЕС, 18,3% населения Греции в возрасте от 25 до 64 лет имеет высшее образова-

ние — это больше, чем в Австрии, Чехии, Венгрии, Польше. Особенно много лиц с высшим образованием в возрасте от 25 до 34 лет — 24,1%[1]. Греки много работают. За год они отрабатывают в среднем 1848 часов. Больше их в ЕС работают по времени только в странах Балтии.

Рабочий час в обрабатывающей промышленности обходится предпринимателям примерно в 11 евро. Таких низких затрат на оплату труда нет ни в одной развитой стране. Ниже они только в восточноевропейских странах[2].

Итак, в наличии достаточное предложение квалифицированной и недорогой рабочей силы, что дополняется положительным балансом международной миграции населения. Ежегодно за счет разницы между уезжающими из страны навсегда и переселяющимися в нее греками и иностранцами население увеличивается примерно на 25–28 тыс. человек.

В-третьих, в стране накоплен значительный овеществленный капитал в виде инфраструктуры, производственных мощностей, туристических объектов. Значительный национальный капитал накоплен в судоходстве, туризме, торговле.

Одним из препятствий, тормозящих развитие морского судоходства, является исключительно жесткое государственное регулирование отечественного судоходства. ЕС в начале 2004 г. предупредило правительство страны о необходимости либерализации судоходства по образцу других стран — участниц европейского интеграционного объединения. Затем последовало еще одно предупреждение. От Греции требуют, чтобы она отказалась от государственного установления транспортных тарифов, численности команд и срока эксплуатации судов и перешла к поощрению конкуренции и более тщательной экспертизе надежности кораблей. Пришедшее более двух лет тому назад к власти правительство намерено последовать этим рекомендациям. «Мы должны исправить ошибки прошлого и либерализировать рынок судоходных услуг»[3], — заявил министр морского транспорта М. Кефалоянис.

Проверка качества судов и списание устаревшего тоннажа увеличат спрос на новые суда и повысят конкурентоспособность греческого флота.

Изменения, происходящие в мировой экономике, могут позитивно отразиться на структуре греческой экономики. Так, возросший спрос на танкеры для перевозки сжиженного газа может дать импульс

---

[1] См.: EC im Internationalen Vergleich. Köln, 2005.

[2] Ibidem.

[3] Handelsblatt. 2005. 7 August.

греческому судостроению. Спрос внутри страны на аппаратуру, преображающую энергию солнца и ветра в электрическую, и первые шаги в производстве этой аппаратуры по немецкой технологии могут послужить развитию новой отрасли промышленности — производству оборудования для альтернативной энергетики в стране и содействовать ослаблению ее зависимости от иностранных энергоносителей.

В целом же важно отметить, что Греция перестала быть одной из экономически отсталых стран Европы, в ней успешно развиваются судоходство, туризм, строительство, промышленность, растет валовой внутренний продукт на душу населения.

Глава 9. Кипр: новая евРореальность и старые проблемы

Первого мая 2004 г. Республика Кипр — де-юре вся, а фактически пока еще только ее южная, хотя и большая часть — вошла в единое «сверхгосударство» — Евросоюз. В результате референдума на Кипре греки-киприоты получили частичный «эносис» (в переводе — «союз», т.е. идея многих греческих и кипрских политиков об объединении Греции и Кипра в единое государство), поскольку Кипр и Греция стали частями единого интеграционного объединения, а турки — неполноценный, невыгодный им же самим вариант «таксима» (турецкий вариант раздела острова в виде создания турецкого анклава с выходом к морю). Вступление в ЕС стало бы для них значительно более привлекательной альтернативой, что подтвердили результаты референдума в турецкой части Кипра.

Как известно, Кипр получил независимость в соответствии с Лондонско-Цюрихскими соглашениями 1960 г. Гарантами независимости острова становились Греция, Турция и Великобритания. Президентом Кипра был избран архиепископ Макариос, а вице-президентом лидер турецкой общины острова Фазиль Кучук. Конституция Кипра предполагала создание палаты представителей, состоящей из 35 депутатов — представителей греко-кипрской общины, и 15 депутатов, представлявших турок-киприотов. Кроме того, туркам-киприотам гарантировалось представительство в государственных службах и Министерствах, включая Министерство внутренних дел и обороны.

В ноябре 1963 г. государственная власть острова была практически парализована попытками греко-кипрской общины изменить баланс власти в стране. Президент Макариос предложил 13 поправок к Конституции, которые лишали турецкую общину многих полномочий, сокращали ее представительство в государственных органах и вели к созданию единого кипрского государства под властью большинства — греков-киприотов. Уже тогда Турция была готова к силовым действиям ради укрепления своих геополитических позиций в регионе под предлогом защиты турецкой общины на острове. Однако вмешательство США, по мнению бывшего госсекретаря Г. Киссинджера, дважды спасало Кипр от кровавых межэтнических противоречий.

На совещаниях по кипрской проблеме в Лондоне, а затем в Женеве Турция угрожала военным вмешательством в том случае, если туркам-киприотам не будет предоставлена автономия и не будут соблюдаться их политические права. В ответ на это президент США Линдон Джонсон заявил, что Турции не будет оказана помощь в случае конфликта с СССР, если она будет вести себя агрессивно на южном фланге НАТО[1].

В апреле 1967 г. к власти в Греции пришла хунта «черных полковников», которую возглавили греческие военные Георгиос Пападопулос, Николаос Макарезос, Илианос Паттакос. Их отношения с Макариосом, отвергавшим идею «эносиса» и выступавшим за независимость острова, были очень напряженными. Второго июля 1974 г. Макариос потребовал от греческих офицеров покинуть территорию Кипра, что для Греции означало потерю контроля и влияния на острове, а для самого Кипра — необратимое сползание к союзу с местными коммунистами и еще большее сближение с движением неприсоединения. По оценке Г. Киссинджера, этот шаг Макариоса, тем не менее, был основан на понимании того, что авторитет греческой хунты минимален и западные союзники не позволят Афинам осуществить какие-либо решительные действия, которые Греция имеет право предпринимать в качестве страны-гаранта по Лондонско-Цюрихским соглашениям[2]. Английское лейбористское правительство относилось к Афинам резко отрицательно, а уж Турция должна была бы только приветствовать такой шаг Никосии, который минимизировал бы влияние Афин.

---

[1] См.: *Киссинджер Г.* Годы обновления. Нэа Синора. Афины, 2000. С. 218 (на греч. языке).

[2] Там же. С. 214.

Пятнадцатого июля 1974 г. националистически настроенные греческие офицеры начали мятеж против президента Кипра. Макариосу пришлось покинуть остров, а диктатором был избран известный националист Никос Самсон, чья кандидатура даже гипотетически не могла устроить ни одну из стран-гарантов, а также международное сообщество в целом.

Но мятеж провалился, поскольку новый кипрский режим оказался в полной международной изоляции. Хунта в Греции была свергнута, в страну вернулся Константинос Караманлис, который представлял либеральное, прозападное крыло греческой политики. У нового греческого премьера был выбор: или оставить кипрские события и хаос внутри страны на совести хунты и выйти из ситуации при помощи США, или, чтобы избежать критики националистов, найти убежище в традиционной позиции, которой придерживалась и хунта. Первый вариант позволял ему решить Кипрскую проблему так, как это было возможно на тот момент, и избежать прямого политического столкновения со многими странами. Националистическая позиция успокаивала наиболее отчаянных критиков Караманлиса на короткий промежуток времени, но была обречена на неудачу, придавая всей греческой внешней политике оттенок непоследовательности и нерезультативности. И, как это часто случается, те, кого хотел задобрить Караманлис кратковременным популизмом, еще более рьяно его критиковали после кратковременного затишья. Макариос также настаивал на возвращении ситуации в режим статус-кво, который был до переворота, но достичь этого дипломатическим путем уже было невозможно — нужны были меры военного характера.

После того как США и НАТО не поддержали этот план, способный изменить соотношение сил в регионе, а Греция оказалась парализованной противоборством внутренних сил, Анкару было уже невозможно остановить. Турецкие войска под предолгом защиты турок-киприотов вторглись на Кипр, предприняв две операции, в ходе которых они захватили 38% территории острова. При этом на первом этапе Турция следовала Лондонско-Цюрихским соглашениям, противодействуя плану объединения острова с Грецией. Официально в задачи турецкой военной операции входило восстановление конституционного порядка в стране и защита конституционных прав турок-киприотов. Но, достигнув своей цели, Турция под предлогом обеспечения гарантий безопасности оставила свой воинский контингент на Кипре, законсервировав фактический раздел острова на Южный и Северный.

Анализируя политику «свершившегося факта», когда ни США, ни Европа не попытались вернуть ситуацию на Кипре в докризисное

состояние, можно утверждать, что «двойной стандарт» в американской внешней политике на примере Кипра был продемонстрирован наглядно и несомненно. Естественное стремление греков-киприотов и самой Греции убедить Запад применить все меры убеждения и воздействия на Турцию в ситуации, когда последняя, как член НАТО, могла уступить этому нажиму, не нашло понимания ни в Вашингтоне, ни в других западных столицах. К тому же нельзя забывать и том, что турецкая интервенция и последующая оккупация Северного Кипра была спровоцирована военным мятежом. весьма одиозных и опасных политиков, которые также стремились действовать, опираясь на политику «свершившегося факта» и используя политическую слабость США периода «Уотергейта». Однако это никак не может оправдать действий Анкары, нарушившей все мыслимые и немыслимые каноны международного права и международных отношений.

После оккупации турецкими войсками почти 40% территории Кипра основная задача для турецкой общины острова заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки добиться международного признания. Однако введенное США эмбарго на поставки вооружений в Турцию и осуждение ООН оккупации территории независимого государства помешали реализации этих планов. Основным принципом внешней политики самопровозглашенной Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) стал циничный в свете происшедших на Кипре в 1974 г. событий лозунг: «Мир в твоем доме — мир во всем мире». Хотя ТРСК и не была принята в ООН, ее представитель участвует в работе Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, поддерживает отношения с различными афилированными с ООН организациями и агентствами, а также расположенным на острове офисом Специального представителя ООН на Кипре. Турки-киприоты представлены на встречах организации «Исламская конференция».

По оценке властей ТРСК, греки-киприоты, марониты и британцы, оставшиеся на оккупированных территориях, никоим образом не подвергаются преследованиям, гонениям или дискриминации, на территории ТРСК не существует ограничений свобод ни в религии, ни в образовании, ни в социальной сфере. Но при этом в течение всего времени после начала оккупации в 1974 г. Турция стремилась искусственно изменить этнический баланс на острове, агитируя континентальных турок переселяться на Северный Кипр. Согласно турецко-кипрским источникам, около 80 тыс. переселенцев из Турции были перемещены нелегально на оккупированную часть Кипра после 1974 г. Им была предоставлена собственность, оставшаяся от временно перемещенных

лиц — греков и турков. Другие источники оценивают число переселенцев в 110 тысяч[1].

Коренное турецко-кипрское население начало постепенно покидать остров из-за тяжелых экономических и социальных условий на оккупированных территориях. Турки-киприоты выражали свое растущее раздражение в связи с присутствием в таком количестве турецких поселенцев и солдат на острове. Из 120 тыс. турок-киприотов сегодня осталось всего лишь 90 тысяч. Учитывая 35-тысячный турецкий военный контингент, дислоцированный на острове, пропорция между турками-переселенцами и турками-киприотами составила почти 2 : 1[2]. Сегодня эти цифры звучат весьма иронично, поскольку основной целью и поводом для высадки турецких войск в 1974 г. была защита турецкого национального меньшинства на Кипре[3].

После раздела острова в 1974 г. внешняя политика Кипра сосредоточилась на трех основных направлениях: мобилизация внешнеполитических усилий на решении кипрской проблемы, форсированное вступление в европейские структуры, прежде всего в Евросоюз, а также повышение обороноспособности страны с целью обеспечения эффективного сдерживания потенциальной угрозы со стороны Турции. При этом на определенном этапе вступление в Евросоюз и решение кипрской проблемы слились в одно интегрированное направление.

Поданная в 1990 г. заявка Кипра на вступление в Евросоюз стала одним из серьезных сигналов для начала больших перемен в мировой политике. Ослабление НАТО и ее дезориентация в связи с исчезновением основной угрозы для западного мира в лице коммунистического блока значительно понизили геополитическую роль Анкары. Турция была не в состоянии справиться с ролью региональной сверхдержавы, чьи интересы и влияние могли бы простираться от Ближнего Востока до Центральной Азии. Несмотря на внешнеполитическую активизацию Турции, она лишилась прямой поддержки Евросоюза, который начал создавать свой собственный «центр силы», где роль США уже не была столь доминирующей и определяющей, как ранее в условиях противостояния общему противнику. Разделение осей НАТО и ЕС

---

[1] См.: www.greekembassy.org.

[2] См.: там же.

[3] Политика Турции, направленная на фактическую колонизацию Северного Кипра, была изучена и проанализирована в докладе, предложенном на рассмотрение Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) испанским парламентарием Альфонсом Куко, который осуществлял специальную миссию на Кипре. Турецкая политика колонизации северной части Кипра была осуждена Советом Европы в рекомендации ПАСЕ № 1197/1992.

очень болезненно сказалось на интересах Анкары. Поэтому постепенно турецкие политики стали все яснее осознавать необходимость более активно добиваться интеграции в ЕС, чтобы перестать играть только лишь роль «сторожа» и «натовской окраины» цивилизованного мира.

События 11 сентября 2001 г. заставили США и Евросоюз уделить более пристальное внимание кипрской проблеме. Начав силовое переустройство арабского мира на Среднем и Ближнем Востоке, войны в Афганистане и Ираке, США обрели жизненную заинтересованность в стабильности и благополучии в регионе Восточного Средиземноморья. В этой связи геополитическая роль Турции вновь стала ключевой. Однако политические амбиции Анкары перестали быть для Вашингтона значимыми. Настораживали сообщения о том, что Турция одновременно с Индонезией, Индией, Китаем и Северной Кореей может приобрести ядерные ракеты малой дальности до 2020 г.[1]

Полномасштабную поддержку Анкаре в ее стремлении к скорейшему вступлению в Евросоюз оказывает Вашингтон. Стремление Соединенных Штатов как можно скорее поставить знак равенства между контингентами Евросоюза и НАТО посредством включения Турции в ЕС позволило бы США требовать от Европы разделить вместе с Вашингтоном ответственность за развитие ситуации в арабском мире, Персидском заливе, на Ближнем Востоке, взять на себя более серьезную роль на Кавказе и в Центральной Азии. При этом Кипр, занимающий столь важную геополитическую позицию в Восточном Средиземноморье, должен стать зоной стабильности и процветания для обеих общин. Будучи перекрестком двух стратегических геополитических осей (Черное море, Проливы, Кавказ, Каспийское море — к северу, Ближний Восток, Малая Азия, Персидский залив — к югу), Кипр превращается в важный элемент безопасности, от которого зависит спокойствие южных границ Европы. В то же время никто не оспаривает, что Кипр всегда был частью Европы, разделял и отстаивал основные ценности европейской цивилизации. С 1961 г. Кипр — член Совета Европы, а в 1972 г. заключил договор об ассоциативном членстве с Европейским экономическим сообществом.

На заседании Европейского Совета в Люксембурге 12–13 декабря 1997 г. Кипр, а также Венгрия, Польша, Эстония, Чехия и Словения были приглашены в Евросоюз. Первый этап переговоров начался 30 марта 1998 г. и был посвящен преимущественно изучению кипрского законодательства и путям его адаптации к основным законодательным документам Евросоюза. Для большего вовлечения в ев-

[1] Согласно сообщению Македонского агентства новостей от 26 февраля 2004 г.

ропейские дела и проблемы Кипр присоединился к Европейской конференции, которая начала работу 12 марта 1998 г. в Кардиффе. Важно отметить, что Резолюция Совета Безопасности ООН 1062 (1996) приветствовала решение ЕС начать переговоры о вступлении Кипра в его ряды. Кроме того, Резолюция подчеркивала значимость этого события для дальнейшего всеобъемлющего разрешения кипрской проблемы.

Важнейшим этапом в переговорах Кипра о вступлении в ЕС стало заседание Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г., где было окончательно подтверждено, что решение политических проблем острова не является предварительным условием вступления в ЕС, а окончательное решение будет приниматься в зависимости от объективных факторов экономического развития Кипра. В результате переговоры о его вступлении завершились на заседании Европейского совета в Копенгагене 12–13 декабря 2003 г. на том, что Кипр может вступить в ЕС в качестве полноправного члена 1 мая 2004 г.

Переговоры Кипра о вступлении в ЕС и дискуссии по решению кипрской проблемы постоянно шли параллельным курсом, так как прогресс Никосии на пути в ЕС оказывал мобилизующее воздействие на переговоры по решению кипрской проблемы. Продвижение в ее решении стало важнейшим результатом уникальной политической ситуации, когда взаимная заинтересованность двух общин на Кипре во вступлении в ЕС стала сильнее вековых страхов, недоверия и последствий национальных конфликтов. При этом Турция занимала весьма противоречивую позицию — с одной стороны, она сама стремилась вступить в ЕС, а с другой — препятствовала открыто, а затем кулуарно вступлению Кипра.

Первоначально Турция угрожала аннексией Северного Кипра с случае попыток присоединения острова к ЕС. Аргументы, которые предъявляла турецкая сторона, имели политическую и юридическую основу: вступление одной части острова в ЕС еще более углубит раскол между двумя общинами Кипра, сделав перспективу их объединения практически несбыточной; кроме того, вступление одной части Кипра в ЕС станет нарушением положений договора о гарантиях, подписанного в 1960 г. при провозглашении независимости острова. Согласно этому договору, Республика Кипр обязуется не участвовать частично или полностью ни в каких политических либо экономических союзах, а также не осуществлять подготовку, направленную на создание подобного союза. Но Европейская комиссия признала, что руководство Кипра имеет все права выражать мнение всего острова, и заявка о вступлении в Евросоюз была подана от лица всего острова.

Анкара также утверждала, что на острове нет единой властной структуры, которая могла бы представлять обе части Кипра на переговорах о вступлении в ЕС. Эти аргументы Турция использовала вплоть до последнего времени, когда стало ясно, что процесс европейской интеграции значительно обогнал то время, на которое они были рассчитаны. И что самое неприятное для Анкары, эти аргументы были лишены действенной силовой поддержки, поскольку силовое давление на Кипр в начале XXI в. было уже невозможно со всех точек зрения.

Республика Кипр стремилась максимально обезопасить свою территорию от возможной турецкой интервенции, повысив обороноспособность острова еще до вступления Кипра в Евросоюз, с тем чтобы сохранить баланс стабильности в Восточном Средиземноморье. В марте 1994 г. Кипр заключил с Грецией военный пакт, в соответствии с которым Греция принимала на себя обязательства его защиты в случае внешней агрессии. В конце 1996 г. Кипр решил приобрести и разместить на своей территории российские комплексы ПВО С300, что было негативно воспринято на Западе, особенно в США. Большинство европейских стран такие были против этого шага, поскольку подобные действия могли бы значительно усложнить процесс урегулирования кипрской проблемы. По мнению экспертов, С300 могли взорвать ситуацию в регионе, при том что количество танков, принадлежащих Греции и Турции, уже превосходит танковый арсенал Великобритании, Франции, Германии и Италии вместе взятых. Греция и Турция тратят соответственно 4,7% и 3,8% ВВП на оборону, в то время как другие европейские члены НАТО позволяют себе военные затраты не более 2,2% ВВП[1].

Региональная гонка вооружений иллюстрировала весь масштаб и глубину «ракетного кризиса», который начался после заявления Кипра о готовности разместить российские ракеты С300 типа «земля—воздух». Получив ясный сигнал с одобрением из Вашингтона, Турция официально предупредила кипрскую сторону, что она подвергнет бомбардировке места размещения С300. В свою очередь Турция усилила весьма скромные силы обороны ТРСК 35-тысячным военным корпусом, который постоянно находился на острове и обеспечивал военное преимущество Турции в случае конфликта с вооруженными силами Греции и Кипра. Любое нападение на Северный Кипр Турция рассматривает как атаку на свою территорию. Таким образом, перед нами зеркальная (в сравнении с греко-кипрской) оборонная доктрина. Ее

---

[1] См.: *Kadritzke N.* Cyprus: saying no to the future // www.Mondediplo.com. May 2004.

отличие заключается лишь в том, что Турция выступает как атакующая агрессивная сторона.

По мнению греческих экспертов, ракетный кризис нанес серьезный ущерб экономике Кипра, поскольку из-за опасности вооруженного конфликта между Турцией и Грецией многие туристы отказались отдыхать на острове (доход от туризма составляет 20% ВВП Кипра). Западная пресса отмечала при этом, что размещение С300 поддержали кипрские националисты и милитаристы из Фронта отражения агрессии, выступающие против политического решения кипрской проблемы и настаивающие на вооруженном реванше[1].

Официальные Афины и Никосия решили не вступать в полемику с Евросоюзом по вопросу отношений с Турцией и реализации мер по развитию «совместной оборонной доктрины». В действительности размещение С300 могло превратиться в дипломатическую ловушку для обоих государств, реализация этого проекта могла серьезно накалить обстановку в регионе. Поэтому Греция и Кипр, принимая во внимание резко отрицательную реакцию Европы, постарались дипломатически сгладить нежелательный эффект от «ракетного скандала». В результате президент Кипра Главкос Клеридис, принимая во внимание возможность вооруженного конфликта между Грецией и Турцией, вероятное ухудшение обстановки в регионе и на континенте в целом, угрозу замедления позитивных процессов в межобщинных переговорах, возможные проблемы в процессе переговоров о вступлении Кипра в Евросоюз, а также высокую стоимость обслуживания систем С300, заявил об отказе Кипра размещать С300 на своей территории. Комплексы, купленные Кипром, были размещены на Крите, в Греции, оставшись частью «совместной оборонной доктрины» Греции и Кипра. Одновременно Кипр выступил с широкомасштабным планом демилитаризации острова и прекращения региональной гонки вооружений. А глава греческого иностранного ведомства Т. Пангалос начал рассматривать вопрос о прекращении полетов любых военных самолетов над территорией острова.

Согласно проведенным опросам, 70% жителей Южного Кипра были уверены, что С300 усилили бы их безопасность и снизили бы угрозу турецкого вторжения в южную часть Кипра. Однако и тогда многие политологи утверждали, что подобные страхи далеки от реальности. Захватив в 1974 г. часть острова, Турция не вторглась бы в Южный Кипр, поскольку здесь ей пришлось бы столкнуться с войсками ООН, охраняющими разделительную полосу — «зеленую линию»

[1] Ibidem.

между двумя общинами — и потерять тем самым все шансы присоединиться к ЕС.

Уже в начале 90-х годов наиболее прозорливые политики понимали, что решение кипрской проблемы может быть достигнуто только в рамках присоединения к ЕС; при этом и греки-киприоты, и турки-киприоты должны были создать двухобщинную федерацию. Именно такая конструкция государства могла полноценно войти в объединенную Европу. И это был бы достойный и справедливый выход из сложившегося многолетнего раздела Кипра. Одновременно совместное вступление в Евросоюз означало бы не только создание единого кипрского государства, но и присоединение к более широкому цивилизованному политико-экономическому пространству с наднациональными органами власти, которые в состоянии отстоять интересы любого национального меньшинства. В этой ситуации очень многое зависело от переговоров между общинами Кипра, которые начались еще в 1975 г. Но на протяжении всех последующих лет стороны практически не меняли своих позиций и были очень далеки от согласия и выработки реальной общей позиции по вопросам объединения и создания единого кипрского государства.

В 1983 г. при поддержке Анкары Турецкая Республика Северного Кипра объявила о принятии своей собственной Конституции, что означало создание нового независимого государства. Этот шаг Анкары был осужден Советом Безопасности ООН. Четвертого января 2001 г. лидеры греческой и турецкой общин Кипра договорились, что к июню 2002 г. основные положения договора по созданию единого Кипра будут согласованы, утверждены и подписаны. Однако последующие 50 раундов переговоров не привели к согласию. В результате инициативу по обеспечению прогресса на межобщинных переговорах взял на себя лично Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан, предложив план решения кипрской проблемы, который был принят обеими сторонами за основу.

В геополитическом плане вступление единого Кипра в Евросоюз означало бы появление первого примера в истории, когда крупная мусульманская община становилась бы частью европейского политического, экономического и культурного пространства. Мощь Евросоюза позволила бы на деле продемонстрировать возможность мирного, дружественного проживания представителей разных религиозных конфессий в рамках объединенной Европы. Но исход проведенного 24 апреля 2004 г. референдума по вопросу объединения Кипра в единое государство на основе плана ООН перечеркнул возлагавшиеся на него надежды. Турецкая община Кипра выступила в поддержку плана

ООН, в то время как греки-киприоты подавляющим большинством сказали «нет» объединению. Сегодня можно констатировать, что исход референдума — это прежде всего дипломатическая неудача ООН, США и всего международного сообщества, которые так и не смогли выработать приемлемый для всех рецепт объединения острова. План ООН, против которого так резко выступил и президент Кипра Тассос Пападопулос, и большинство греков-киприотов, был обречен на провал, поскольку любой серьезный проект урегулирования многолетнего конфликта в первую очередь должен был быть предварительно согласован и одобрен представителями сторон, которые принимали участие в референдуме.

Греков-киприотов не устраивало, что турки-киприоты на равных должны управлять единым федеративным государством в рамках Президентского совета, а также в равных пропорциях представлять интересы Кипра в комитетах и комиссиях Евросоюза. Фактически Северный Кипр был представлен Западом как независимое государство без учета исторических условий его возникновения и дальнейшего развития. Геополитическая игра в пользу Турции со стороны США и Европы несомненно стала отрицательным фактором, который повлиял на решение греков-киприотов в ходе референдума. План ООН не предлагал ясной схемы компенсаций за потерянную собственность грекам-киприотам, которые оставили ее в Северном Кипре в результате событий 1974 г. В плане не было рецептов по решению других вопросов, связанных с имуществом беженцев. В частности, план не разрешал представителям Южного Кипра приобретать недвижимость в Северном Кипре, а также ограничивал права греков-киприотов, желающих вернуться в свои дома в турецкий сектор острова.

Не менее опасной выглядела и перспектива потери темпа экономического развития острова, который был достигнут усилиями греков-киприотов. Система оказания экономической помощи, предложенная в плане ООН, далека от совершенства и не учитывает многих особенностей кипрской экономики. Таким образом, само членство Кипра в ЕС могло оказаться неполноценным. С учетом крупных выплат за утраченную собственность и необходимости подтянуть север до уровня более развитого юга объединение обошлось бы в 6 млрд долл. Около 2,5 млрд посулили ЕС и США, остальное шло бы за счет налогоплательщиков, в основном более обеспеченных греков-киприотов[1].

Против плана Кофи Аннана активно выступили иерархи Кипрской Православной Церкви и Элладской Православной Церкви. В своих

[1] См.: Время новостей. 2004. 25 апреля.

выступлениях они отмечали, что план не основан на резолюциях ООН по Кипру, не соответствует законодательству ЕС, что может привести в дальнейшим к новым долгосрочным конфликтам и противоречиям. Ряд представителей кипрского и греческого духовенства назвали план К. Аннана нечестным и не соответствующим принципам ООН. По их мнению, он ведет лишь к легализации турецкого военного присутствия и оккупации части острова. Кроме того, в случае реализации детища Генсека ООН, по мнению греческого духовенства, туркам-киприотам будет предоставлено «непропорциональное представительство» в органах исполнительной, законодательной и судебной власти страны.

В результате в Южном Кипре «против» плана высказались 75,83% избирателей, «за» — 24,17%. Турки-киприоты проголосовали за мирный план по объединению Кипра, предложенный ООН. По данным избиркома турецкой общины, 64,9% электората высказались «за» и 35,1% — «против» плана. После греко-кипрского «нет» политическая ситуация стала еще более запутанной.

Итоги голосования в южной части Кипра совпали с российским вето в СБ ООН по резолюции, разработанной ООН, США и Великобританией в поддержку идеи объединения острова. Москва объяснила этот акт неподготовленностью самого документа и невозможностью оказывать давление на участников процесса урегулирования. В кулуарах было заявлено, что в плане ООН Россия видит слишком много уступок Турции, которые идут во вред самой концепции объединения Кипра и урегулирования ситуации на острове.

Критикуя решение официальной Никосии призвать греков-киприотов сказать «нет» на референдуме, западная пресса пыталась объяснить это тем, что нынешние лидеры Кипра мыслят категориями прошлого, не пытаясь хоть как-то осовременить свои взгляды и подходы. Президенту Кипра Тассосу Пападопулосу припоминают его прошлое. «Монд дипломатик» в этой связи писала: «Чего можно было ждать от националиста старой греческой школы, который живет прошлым и совершенно не считает себя преданным гражданином Евросоюза? То, что он так себя ведет, неудивительно. Он единственный ныне живущий политик из поколения, которое начало партизанскую войну против Великобритании в 50-х. Заявленной целью ЕОКА (Национальная организация кипрских борцов) была не независимость Кипра, а “энозис” — объединение с Грецией. После получения независимости, уже в 1963 г., ЕОКА начала кровавую гражданскую войну, преследуя все ту же цель. Пападопулос играл решающую роль в осуществлении секретного плана “Акритас” по переправке на Кипр оружия, которое отсылал националистам

глава греческих спецслужб Георгиос Пападопулос, возглавивший впоследствии военный путч в Афинах 21 апреля 1967 г.»[1].

Автор статьи, не стремясь глубоко проанализировать причины греко-кипрского «охи» (греч. «нет»), поставил на одну доску законного президента Республики Кипр и лидера турецкой общины Рауфа Денкташа, который, как и его греко-кипрский визави, был категорически против объединения. Но именно Пападопулос был инициатором открытия границ между Севером и Югом, а также автором политики «народной дипломатии», которая привела к активизации переговорного процесса и достижению многих важнейших договоренностей на пути к объединению. На самом деле греков-киприотов волновала не сделка, а окончательное и справедливое решение кипрской проблемы на основе резолюций ООН. Несомненно, новый план урегулирования станет более гибким и взвешенным. Тем более, что, несмотря на все свои недостатки, план Кофи Аннана все-таки сблизил позиции общин по большинству вопросов, связанных с созданием единого государства. И хотя в апреле 2004 г. был потерян исторический шанс объединения в рамках единого государства — члена ЕС, основные положения предложенного ООН плана могут стать достойной основой для нового, возможно более результативного, проекта кипрского объединения.

[1] *Kadritzke N.* Op. cit.

Часть IV. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУ-НАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Глава 10. Процессы интеграции стран Юго-Восточной Европы в НАТО и ЕС

В числе наиболее существенных факторов, формирующих основной вектор международной политики бывших социалистических стран Юго-Восточной Европы, нельзя не упомянуть современный характер их отношений с организациями европейского и евро-атлантического сотрудничества — НАТО и ЕС. И хотя государства Балканского региона отстают от своих бывших союзников по «социалистическому содружеству», Чехии, Словакии, Венгрии, Польши и даже бывшей республики СФРЮ — Словении, вошедших в «первую волну» расширения этих организаций, их стремление продвигаться по этому пути очевидно. При этом явное несоответствие экономического и политического развития стран Балканского региона стандартам НАТО и особенно Евросоюза не останавливает их продвижения по избранному пути. В мае 2004 г. Румыния и Болгария стали членами НАТО, а в январе 2007 г. получили членство в ЕС.

Сложнее обстоит дело с государствами Западных Балкан, которые в 90-х годах были прямо или косвенно вовлечены в вооруженные конфликты на территории распавшейся Югославии. Их переговоры с Евросоюзом едва ли в обозримое время увенчаются успехом; что же касается НАТО, то наиболее активные переговоры с евро-атлантическим альянсом ведут Хорватия, Македония и Албания, подписавшие в ноябре 2002 г. соглашение о совместных действиях на этом направлении. Сербия, Черногория и Босния и Герцеговина по разным причинам пока не включены в переговорный процесс, хотя их стремление добиться соответствия предлагаемым НАТО и Евросоюзом стандартам очевидно.

С большими трудностями развивались и развиваются отношения ЕС с Турцией, подавшей официальную заявку на вступление в ЕС еще

в 1987 г. В ежегодных докладах Европейской комиссии о подготовке стран-кандидатов к вступлению в ЕС отмечалось, что Турция пока не соответствует принятым в июне 1993 г. копенгагенским критериям членства (стабильный правовой порядок и обеспечение прав человека, функционирующая рыночная экономика, приведение законодательства в соответствие с законодательной базой ЕС).

Существенной причиной, ускорившей интеграционные устремления стран Юго-Восточной Европы в евро-атлантические структуры, стала их неспособность самостоятельно регулировать затяжные кризисы и конфликты, возникшие в Балканском регионе в 90-х годах. Не менее, если не более важную роль сыграли наступившие после распада Советского Союза кардинальные перемены в отношениях стран Юго-Восточной Европы с государствами — наследниками СССР, прежде всего с Россией, с одной стороны, и со странами евро-атлантического мира — с другой.

Существуют и другие мнения, согласно которым инициативная роль в процессах расширения НАТО на восток принадлежала самому Североатлантическому альянсу, стремившемуся к упрочению своих геостратегических позиций.

Представляется поэтому необходимым попытаться понять подлинные мотивы настойчивости руководителей постсоциалистических государств, добивающихся членства в НАТО и ЕС, оценить возможности, открываемые для них на этом пути, и этим же порождаемые новые проблемы. Не менее существенно понимание причин, по которым лидеры этих интеграционных союзов согласились начать переговорный процесс со странами Юго-Восточной Европы, по большинству критериев до сих пор не отвечающими их требованиям.

«Назад, в Европу...»

Этот призыв, сформулированный тогдашним президентом Чехословакии Вацлавом Гавелом, уже в конце 80-х — начале 90-х годов определил устремление большинства стран ЦВЕ и Балканского региона к «возврату в Европу», с которым не только их лидеры, но и большинство населения связывали надежды на лучшую жизнь и на искоренение негативных черт авторитарных и тоталитарных режимов. В условиях нестабильности СССР и его последующего распада возрастала также внутренняя решимость их лидеров добиться получения «защитного зонтика» НАТО.

Балканские кризисы и конфликты 90-х годов усилили их намерение войти в зону ответственности НАТО — посредством либо интег-

рации в альянс, либо получения его защиты на основе решений и под эгидой ООН. Не менее привлекательным, хотя и более сложным представлялось получение политической и финансовой поддержки от ЕС как возможной основы урегулирования или хотя бы смягчения затяжного экономического кризиса. Большинство стран Восточной Европы еще в 90-х годах выбрали для себя путь поэтапной интеграции в ЕС через посредство малых интеграционных группировок (ЦЕИ, ЦЕФТА и др.); в то же время, для некоторых, наиболее депрессивных государств поддержка ЕС стала единственно возможным путем предотвращения тотального кризиса. Сами же евро-атлантические интеграционные группировки — НАТО и ЕС не могли недоучитывать возрастающего масштаба опасности, которую представляет для Европы эскалация вооруженных конфликтов и разрастание кризисных явлений в Балканском регионе и за его пределами.

Возможности интеграции в Североатлантический союз оказались для стран Юго-Восточной Европы более реальными. Относительно более «спокойные» Болгария и Румыния — вслед за государствами ЦВЕ — Чехией, Венгрией и Польшей — и совместно со Словенией и Словакией были приняты в НАТО в мае 2004 г. на основе рекомендаций Пражского саммита этой организации (ноябрь 2002 г.), что стало итогом пройденного ими длительного пути. Для них, так же как и для Албании, курс на интеграцию в Североатлантический альянс стал приоритетом внешней политики с начала 90-х годов; при этом наибольшую активность проявляли Болгария и Румыния.

Парламент Болгарии после двухлетних дискуссий еще в декабре 1993 г. принял декларацию, подтверждавшую готовность страны присоединиться к НАТО. В декабре 1995 г. болгарское правительство подало официальную заявку на вступление в эту организацию. Заявка была повторена им в феврале 1997 г., несмотря на начало кризиса вокруг Косово и на то, что две трети болгар, согласно опросам общественного мнения, негативно относились к любым формам сотрудничества с альянсом в случае вооруженного конфликта на Балканах. Но, по оценкам западных экспертов, принципиальное решение НАТО о приеме Болгарии было в конечном счете обусловлено геостратегической важностью страны как связующего звена между Центральной Европой и Турцией[1].

При определении позиции Румынии известную роль сыграл фактор «исторической памяти». Неслучайно именно в дни августовско-

---

[1] См.: Institute for War and Peace Reporting (IWPR). Balkan Crisis Report (L.). 2002. No 384. November.

го путча 1991 г. в Москве министр иностранных дел Румынии был срочно направлен в Брюссель с целью проведения консультаций по поводу возможных негативных последствий московских событий для пограничных с СССР стран. И уже 10 октября 1991 г. президент Румынии представил Генеральному секретарю НАТО заявление о решимости укреплять связи с НАТО и добиваться последующей интеграции в альянс[1].

Впоследствии этой цели были подчинены все основные стратегические решения и действия румынских властей — в сентябре 1993 г. подана официальная заявка на членство в НАТО, а спустя год (сентябрь 1994 г.) Румыния стала одним из первых участников принятой на Брюссельском саммите НАТО программы «Партнерство во имя мира». Характерно, что, согласно данным Европейской комиссии, о своем намерении поддержать немедленное вступление страны в НАТО заявили в марте 1996 г. 95% опрошенных граждан Румынии (для сравнения: в Польше этот процент составлял 92, в Словении — 71, в Словакии — 63, а в Чехии и Венгрии — менее 60)[2].

По имеющимся оценкам, свыше 70% румын выступали за интеграцию в НАТО не по причинам военно-политического порядка. «Скорее румыны знают, что в НАТО нет бедных стран, и надеются, что, вступив в НАТО, тоже избавятся от бедности»[3], — заметил известный румынский политолог Сильвиу Брукан. А поскольку ни состояние экономики, ни уровень развития демократии не позволяли Румынии рассчитывать на быструю интеграцию в западный мир, она попыталась использовать имеющийся у нее козырь — стратегические позиции страны на Черном море, свою близость к конфликтогенным регионам Ближнего и Среднего Востока, а также Кавказа.

Вооруженные конфликты первой половины 90-х годов на территории экс-Югославии в той или иной мере затронули все страны Юго-Восточной Европы, превратив большинство из них в «прифронтовые государства». Поэтому начавшийся при посредничестве США и НАТО мирный процесс (Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине, прекращение вооруженных столкновений в Косово и Македонии) вселил в них надежду на хотя бы относительную эффективность действий США и НАТО по «принуждению к миру», подтверждая, как им казалось, безусловную правильность избранного ими пути. Во времена воздушного вторжения НАТО в Югославию Болгария

---

[1] См.: MFA. White Book on Romania and NATO. Bucarest, 1997. P. 23.
[2] Ibid. P. 51.
[3] Пульс планеты. 2002. 10 апреля. CE-4.

и Румыния предоставили свое воздушное пространство и аэродромы для транзитного пролета самолетов, а Албания — инфраструктуру для размещения наземных и морских вооруженных сил НАТО.

Намерения всех трех стран продолжить курс на вступление в НАТО не были поколеблены ни кризисом 1998–1999 гг., ни натовскими бомбардировками СРЮ, ни дальнейшим развитием евро-атлантических противоречий. Результаты Мадридского саммита НАТО (июль 1997 г.), где на вступление в альянс были номинированы только Польша, Венгрия и Чехия, по признанию ряда экспертов и политиков из стран Юго-Восточной Европы, явились для них горьким разочарованием. Одновременно стали очевидными и достаточно сложные условия, предъявляемые НАТО и ЕС к своим новым членам.

Шеф-редактор *«NATO-review»* Кристофер Беннет указывал им в этой связи, что кроме права использования ст. 5 Североатлантического договора со вступлением в НАТО связан ряд обязательств и наличие объективных реалий, в числе которых — функционирующие демократические системы; соответствующая требованиям ОБСЕ политика в отношении национальных меньшинств и урегулирование территориальных споров с соседями; реальный гражданский контроль над вооруженными силами и готовность внести вклад в вооруженные операции НАТО. Но даже в том случае, если новичкам удастся преодолеть все эти барьеры, НАТО уже не та организация, в которую они хотели вступить в 90-х годах, подчеркнул Беннет, она должна трансформироваться в альянс, готовый принять вызовы безопасности XXI в., и проявить готовность участвовать в операциях за пределами евро-атлантического пространства[1].

Эти и другие задачи, обозначенные в официальных документах НАТО в качестве обязательных условий приема новых членов, до сих пор трудновыполнимы для стран Юго-Восточной Европы, пока еще не преодолевших экономической отсталости и не создавших соответствующих европейским стандартам политических и правовых норм. А в кризисных условиях 90-х годов эти критерии казались практически недостижимыми. Характерно, что в год повторного обращения по поводу членства в НАТО (1997) ВВП Болгарии сократился на 7%, а безработица составила 17% . В том же году ВВП Румынии сократился на 6,1%, а уровень инфляции во второй половине 90-х годов составлял 66,2%[2].

---

[1] См.: IWPR. Balkan Crisis Report. 2002. No 384. November.

[2] См.: Through the Looking Glass 2000-2001. A Handbook for Investors in CEI Region. N.Y.; Geneva, 2000. P. 41, 81.

В то же время становились заметными позитивные перемены в национальной политике и межгосударственных отношениях ряда стран Юго-Восточной Европы, в чем, несомненно, стала проявляться стабилизирующая роль НАТО. Известно, что одним из главных критериев членства в НАТО является соблюдение норм и принципов ОБСЕ, включая мирное разрешение межэтнических конфликтов, территориальных споров с другими государствами, имея также в виду ирредентистские притязания. До последнего времени Юго-Восточная Европа была буквально нашпигована такого рода спорами и конфликтами, которыми не без пользы для себя манипулировали авторитарные и тоталитарные режимы, — достаточно вспомнить казавшиеся неразрешимыми противоречия между Румынией и Венгрией, Болгарией и Югославией, Албанией и Югославией, Грецией и Албанией, Болгарией и Турцией и ряд других.

Одним из первых шагов на пути разрешения такого рода конфликтов стало заключение в декабре 1996 г. основополагающего Договора о взаимопонимании, сотрудничестве и добрососедстве между Румынией и Венгерской Республикой, который впоследствии был дополнен подписанной в декабре 2002 г. Декларацией о венгеро-румынском стратегическом партнерстве. Достигнутые договоренности, разумеется, не могли полностью разрешить доставшийся в наследство от истории сложный комплекс национально-территориальных проблем между Венгрией и Румынией, так же как и договоренности между Венгрией и Словакией, Венгрией и Югославией, где, как и в Румынии, проживает значительное венгерское меньшинство. Важно, однако, что Венгрия как член НАТО и претендовавшие на членство Словакия и Румыния попытались решить возникающие проблемы в рамках международного права.

Аналогичные соглашения были подписаны Румынией с Болгарией, СР Югославией и Хорватией, велись переговоры о подписании соответствующих документов с Украиной и Молдовой. В разработанной правительственной программе отношений с Молдовой было указано на историческую, культурную и лингвистическую общность двух стран, но при этом на перспективу выдвигалась лишь задача «создания общего культурного и экономического пространства с целью интеграции обоих государств в европейские структуры»[1].

В начале 90-х годов с инициативой заключения двусторонних соглашений, которые должны были продемонстрировать намерение развивать добрососедские отношения на Балканах, выступила Болгария,

---

[1] MFA. White Book on Romania and NATO. P. 29.

заключившая в октябре 1991 г. с Грецией Договор о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве сроком на двадцать лет. Несколько позднее (декабрь 1991 г.) был подписан «Софийский документ» о мерах по обеспечению доверия, безопасности и военных контактах между Болгарией и Турцией, дополненный заключенным в мае 1992 г. Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Позднее были заключены аналогичные договоры с Румынией и Албанией. Вопреки сложному историческому наследию Болгария стала также первым государством, признавшим в декабре 1992 г. независимость Македонии[1].

Одновременно страны Балканского региона, особенно его восточной части, попытались с пользой для себя использовать возросшую в последние годы значимость своего географического положения, на что им прямо указывали американские эксперты и политики, акцентируя роль геостратегического фактора в процессе расширения НАТО. Так, по мнению ведущего сотрудника вашингтонского Института национальных стратегических исследований Джеффри Саймона, особое значение имела геостратегическая роль потенциальных кандидатов: Словакия и Словения являются «мостом» к Венгрии, Румыния и Болгария «сдерживают» Сербию и «стабилизируют» Македонию, одновременно «связывая» Венгрию с Грецией и Турцией. По его оценке, включение стран Юго-Восточной Европы в НАТО имеет также неоценимое значение как в контексте возможного балканского кризиса, так и в плане продвижения интересов альянса к Каспийскому бассейну с его энергоресурсами и далее в направлении Ближнего и Среднего Востока[2].

Эти идеи были подхвачены политиками из стран Юго-Восточной Европы; при этом лидирующую роль взяла на себя Румыния. Выступая в июне 2002 г. на встрече глав дипломатических миссий Румынии в регионах Черного моря, Кавказа и Средней Азии, тогдашний министр иностранных дел М. Джоане выразил убежденность в том, что Румыния приобретает роль «важного якоря» в зоне с многосторонним стратегическим значением. «В предстоящие годы Румыния будет призвана играть роль не только в Юго-Восточной Европе, как это было в последний период, но и очевидным образом опорную роль в регионе Черного моря и по направлению к Кавказу и Средней Азии, — указал он. — Надеемся, что, по мере того как нам удастся урегулировать свои отношения с Россией... мы сможем играть роль стратегического вектора и якоря к Востоку»[3].

---

[1] См.: Балканите пред избор. Мир или война, европеизация или ребалканизация. София, 1993. С. 24–25.

[2] См.: Romanian Journal of International Affairs. Vol. VII. 2001. No 1/2. P. 209.

[3] Пульс планеты. 2002. 4 июня (корр. ИТАР-ТАСС Н. Морозов, Бухарест).

В период вооруженного конфликта в Ираке Румынией была предоставлена американским вооруженным силам возможность для базирования и пролета самолетов, организована подготовка специальных подразделений для международных миротворческих миссий и антитеррористических акций в горах, а обученные английскому языку 500 румынских военнослужащих были направлены в Афганистан. Наконец, Румыния стала первой страной, подписавшей соглашение о невыдаче американских военнослужащих Международному уголовному суду и заявившей о предоставлении Вашингтону военной помощи в случае войны против Ирана[1]. В декабре 2005 г. было подписано румыно-американское соглашение о создании на румынском побережье Черного моря американских военно-морских баз. Такие же соглашения позднее были подписаны между США и Болгарией.

Концепции и политика Европейского союза

Крушение «реального социализма» в странах Восточной Европы поставило Европейский союз перед крайне сложной задачей налаживания сотрудничества со странами, стремившимися к «возврату в Европу», и их последующей интеграции в европейские структуры. Достаточно упомянуть, что суммарный ВВП десяти восточноевропейских стран составлял не более 5% ВВП стран Евросоюза, а наличие масштабного аграрного сектора существенно увеличивало нагрузку на сельскохозяйственную политику ЕС[2].

Главные условия для начала переговоров со странами «советского блока», в том числе и Балканского региона, были сформулированы в июле 1989 г. на Парижском саммите Большой семерки, по предложению которой Европейская комиссия взяла на себя функции координатора помощи, которую страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) начали оказывать европейским постсоциалистическим государствам.

В июне 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене было принято решение о возможном членстве в ЕС тех государств, которые соответствуют условиям, обозначенным как «копенгагенские критерии членства» и признаны способными:

---

[1] См.: IWPR. Balkan Crisis Report. 2002. No 384. November.

[2] См.: *Быховский С.* Расширение Евросоюза на Восток // Европейский Союз: Справочник. М., 2003. С. 179.

- создать стабильные институты, гарантирующие демократию, правовой порядок, соблюдение прав человека и защиту национальных меньшинств;
- иметь функционирующую рыночную экономику, способную справляться с конкуренцией и действием рыночных сил;
- привести в соответствие с законодательной базой ЕС *(acquis communautaire)* внутреннее законодательство страны-кандидата[1].

Несмотря на очевидное несоответствие выдвинутым Евросоюзом критериям (проведение свободных и демократических выборов; уважение к главенству закона; соблюдение прав человека, в частности прав национальных меньшинств; проведение экономических реформ, ведущих к созданию рыночной экономики), Болгария и Румыния уже в начале 90-х годов предприняли первоначальные шаги по сближению с ЕС. В марте 1991 г. обе страны подписали соглашения о торговле и сотрудничестве и были включены в принятую в 1989 г. Программу ФАРЕ (PHARE — Poland and Hungary Assistance for the Restructuring of the Economy), которая позднее была распространена на двенадцать стран ЦВЕ и ЮВЕ. В 1993 г. Евросоюз заключил с Болгарией и Румынией соглашения об Ассоциации, предусматривавшие создание в перспективе зон свободной торговли посредством постепенного снижения таможенных тарифов.

О значении этих соглашений говорит тот факт, что в результате их применения объем торговли, например, между Румынией и ЕС увеличился с 3,6 млрд долл. в 1993 г. до 10,6 млрд долл. в 1996 г., а доля ЕС во внешнеторговом обороте страны возросла до 54,1%, в результате чего ЕС уже в середине 90-х годов стал главным внешнеэкономическим партнером Румынии[2].

Румыния и Болгария приняли ряд мер по выполнению разработанных ЕС условий в области совершенствования экономических и политических структур, что должно было ускорить их интеграцию в ЕС. Весной 1995 г. была разработана «Национальная стратегия подготовки Румынии к вступлению в Евросоюз», одобренная парламентом и всеми политическими партиями[3]. В ответ на обнародованную Европейской комиссией Белую книгу об условиях интеграции новых государств болгарское правительство приняло в 1995 г. Стратегию

---

[1] См.: там же. С. 183—184.

[2] См.: *Шандру В.* Румыния и Европейский Союз // Европа и Россия. Проблемы южного направления. М., 1999. С. 158.

[3] См.: там же.

о применении указаний Белой книги, содержащую обзор болгарского законодательства в свете выдвинутых требований[1].

В июне 1995 г. Румыния, а в декабре того же года Болгария представили в руководящие органы ЕС официальные заявления. Но недостаточно быстрое проведение экономических реформ и сохранявшаяся социально-политическая нестабильность в обеих странах в сочетании с пополнением в середине 90-х годов списка «кандидатов» более сильными претендентами на вступление в ЕС[2] привели к тому, что обе страны были отодвинуты на второй план и в дальнейшем стали рассматриваться в группе «других Балканских стран»[3]. Об уровне их социально-экономического развития, действительно поставившем их в этот ряд, свидетельствуют данные о душевом объеме ВВП в 1997 г. (в долларовом исчислении): Румыния — 1500, Болгария — 1200, СРЮ — 1500, Македония — 1900, в то время как Чехия — 5050, Венгрия — 4400, Польша — 3540, а Словения — 9500[4].

Несмотря на внушившие Западу надежды победы на президентских выборах в ноябре 1996 г. правых кандидатов (Э. Константинеску в Румынии и П. Стоянова в Болгарии), Европейская комиссия приняла решение о переносе рассмотрения заявок на вступление этих стран на 2000-е годы и на их включение во «вторую волну» расширения, тогда как Эстонии и Словении было предложено присоединиться к лидерам — Чехии, Венгрии и Польше. Македония была включена в программу ФАРЕ в июле 1993 г., в декабре 1995 г. она установила дипломатические отношения с ЕС, а в апреле 1997 г. подписала с ним Соглашение о торговле и сотрудничестве[5].

Конкретные сроки вступления в ЕС не были тогда предложены Албании, хотя она присоединилась к программе ФАРЕ в декабре 1991 г., а в феврале 1992 г. подписала с ЕС Соглашение о торговле и сотрудничестве. В 90-х годах отношения Албании с ЕС строились преимущественно в рамках региональных программ помощи ЕС Балканским странам.

Республики распавшейся СФРЮ (СРЮ, Хорватия, Босния и Герцеговина) были включены в одобренную в феврале 1996 г. программу

---

[1] См.: *Недялкова А.* Болгария на пути в Европейский Союз // Европа и Россия: проблемы южного направления. С. 172.

[2] В 1995 — начале 1996 г., помимо Венгрии, Польши и Чехии заявления подали Словакия, Латвия, Эстония и Литва.

[3] См.: *Papadimitriou D.* The EU's Strategy in the Post-Communist Balkans // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2001. Vol. 1. No 3. September. P. 73.

[4] См.: Transitions. 1998. Vol. 5. No 4. April. P. 72.

[5] См.: *Papadimitriou D.* Op. cit. P. 73.

«Региональный подход для Балкан» (The Regional Approach for the Balkans). Программа предусматривала достижение следующих основных целей: успешную реализацию Дейтонских договоренностей; создание условий политической и экономической стабилизации на основе упрочения законности и создания гражданского общества; продвижение экономических реформ[1].

В итоге к концу 90-х годов отношения ЕС со странами Юго-Восточной Европы характеризовались, по оценке Димитриоса Пападимитриу[2], «удивительным разнообразием». В регионе присутствовали: полный член ЕС (Греция), включенная в «первую волну» расширения Словения, два кандидата «второй волны» расширения (Болгария и Румыния), подавшая заявку на вступление в ЕС Турция, а также Албания, Македония, Босния и Герцеговина, Хорватия и СРЮ, включенные в дополнительные программы Евросоюза. Вся эта сложная система подверглась серьезному испытанию в дни вооруженного вторжения НАТО в Союзную Республику Югославию. Реальная перспектива регионального экономического обвала, гуманитарной и экологической катастрофы на Балканах заставила Евросоюз обсуждать и принимать экстренные меры.

Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы

В середине мая 1999 г., в самый разгар авиаударов по СРЮ, от которых пострадали также и сопредельные, «прифронтовые» государства, Европейская экономическая комиссия (ЕЭК) ООН выступила в поддержку некоего варианта плана Маршалла для Балкан. В распространенном в Женеве Коммюнике секретариат ЕЭК заявил о необходимости экономического содействия Югославии и ее соседям после завершения военных действий. Речь шла о программе помощи, которая обеспечила бы странам Юго-Восточной Европы стабильность и развитие и позволила бы им «в будущем реинтегрироваться в широкую европейскую экономику».

Конкретным шагом на этом пути стало принятие 10 июня 1999 г. на встрече в Кёльне министров иностранных дел государств ЕС, США и России, группы Балканских стран (кроме СРЮ), а также ряда европейских и международных организаций, в их числе представителей Совета Европы, ОБСЕ, ООН, МВФ и Всемирного банка, «Пакта

[1] Ibid. P. 91.

[2] Эксперт в области европейских и балканских исследований, профессор Университета в Брэдфорде (США).

стабильности для Юго-Восточной Европы». В документе содержался ряд принципов, в соответствии с которыми, по мнению его разработчиков, должна была быть достигнута стабилизация положения в регионе на основе демократизации, ускорения экономических преобразований и борьбы с организованной преступностью. Особо подчеркивалась необходимость предотвращения «массовых насильственных переселений» и «безопасного и свободного возвращения всех беженцев и перемещенных лиц в места их проживания»[1].

О подвергшейся авиаударам Союзной Республике Югославии в документе было сказано, что она может стать «полным и равноправным участником Пакта стабильности, если будет следовать по пути политического разрешения косовского кризиса в соответствии с принципами, согласованными министрами иностранных дел группы G8». Пока же право присоединения к Пакту было предоставлено лишь Черногории как составной части СРЮ[2].

Стартовавший в 1999 г. так называемый процесс стабилизации и ассоциации основывался на новом типе контрактных отношений между ЕС и западной частью Балканского региона, при этом программа финансовой помощи на период до 2006 г. предполагала использование 4,65 млрд евро для пяти стран. Но, как подчеркивали европейские эксперты, возможности для интеграции стран в ЕС будут зависеть не только от их — пока еще сомнительной — готовности к членству, но и от готовности ЕС к их приему. Пока же многие вопросы остаются открытыми[3].

Итоги последующих неоднократных встреч выявили заколдованный круг: политическая стабильность в Юго-Восточной Европе невозможна без прогресса в экономике, а он, в свою очередь, тормозится отсутствием политической стабильности. Неоднократно высказывавшиеся декларативные пожелания, подкрепленные рекомендациями о понижении таможенных барьеров, постепенном введении в обращение евро, создании на Балканах зоны свободной торговли и т.д., не приводили к решению множества сложнейших проблем, в том числе к снятию межэтнических и территориальных противоречий. Для формирования в регионе структур открытого, демократического общества требовалось еще много времени.

---

[1] Stability Pact for South Eastern Europe. Cologne, 10 June 1999 // Romanian Journal of International Affairs. Vol. V (Bucharest). 1999. P. 261–262.

[2] Ibidem.

[3] См.: *Uvalic M.* Economic Transition in Southeastern Europe // Southeast European and Black Sea Studies. 2003. Vol. 3. No 1. January. P. 77.

НАТО и Юго-Восточная Европа в 90-х годах

После окончания «холодной войны» отношения НАТО с Советским Союзом и странами Варшавского договора стали постепенно стабилизироваться. В июле 1990 г. на сессии НАТО в Лондоне было принято решение об уменьшении роли ядерного оружия в военной стратегии НАТО. В ноябре того же года на саммите стран НАТО в Риме было предложено создать Совет североатлантического сотрудничества (ССАС) в качестве форума для диалога со странами бывшего Варшавского договора. Первое заседание Совета состоялось в декабре 1991 г. с участием представителей 16 государств альянса и девяти стран-партнеров, и все они стали свидетелями исторического события. При утверждении заключительного коммюнике советский посол попросил исключить из текста все упоминания об СССР. Как раз в эти дни произошел роспуск Советского Союза, и посол заявил, что поэтому он может представлять только Российскую Федерацию. В марте 1992 г. в ССАС, где из числа стран Юго-Восточной Европы уже были представлены Болгария и Румыния, вступили еще десять новых независимых государств бывшего СССР, а в июне того же года — Грузия и Албания[1].

Следующим шагом НАТО стала принятая в январе 1994 г. программа «Партнерство во имя мира» (ПИМ), в рамках которой предлагались индивидуальные программы сотрудничества и укрепление политических отношений на двусторонней основе. В первые шесть месяцев программу подписали двадцать государств, в их числе Румыния (26 января), Болгария (14 февраля), Албания (23 февраля)[2].

Во время войны в Боснии ряд государств — участников ПИМ оказали содействие Североатлантическому союзу в контроле за соблюдением эмбарго на оружие, наложенного на всю бывшую Югославию; это содействие выразилось в экономических санкциях против Сербии и Черногории и запрете полетов над Боснией. Албания разрешила кораблям НАТО использовать свои территориальные воды для осуществления контроля за соблюдением эмбарго на оружие и экономических санкций[3]. С целью дальнейшего углубления практического сотрудничества НАТО с наиболее активными партнерами из числа стран ЦВЕ и ЮВЕ в мае 1997 г. был учрежден Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП).

---

[1] См.: Вестник НАТО. 2001. Осень. С. 7.
[2] См.: NATO review. 1994. No 3. June. P. 6.
[3] См.: Вестник НАТО. 2001. Осень. С. 8.

Отношения между НАТО и Россией стали налаживаться на основе Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, подписанного в Париже 27 мая 1997 г., когда был также создан Совместный постоянный совет (СПС) в качестве структуры для проведения консультаций, координации деятельности и формирования консенсуса между НАТО и Россией. В 1998 — начале 1999 г. в рамках Совета проводились интенсивные переговоры о положении на Балканах и вокруг Косово, однако принятие НАТО решения об авиаударах по Югославии привело к разрыву отношений между Россией и НАТО. Новые возможности сотрудничества наметились лишь после создания в мае 2002 г. Совета Россия–НАТО как механизма консультаций по современным проблемам международной безопасности.

«Стратегическая концепция» НАТО и ее реализация

Для государств Юго-Восточной Европы особое значение имело принятие Вашингтонским саммитом НАТО «Стратегической концепции» (апрель 1999 г.), где по понятным причинам — саммит проходил в самый разгар натовских бомбардировок СРЮ — основное внимание было уделено положению дел в Балканском регионе. Саммит не только обозначил стоящие перед альянсом новые сложные задачи и новые факторы риска, но и существенно расширил само понятие ***безопасности*** для Европы. Указывалось, в частности, на появление в последнее десятилетие «новых сложных факторов риска для мира и стабильности в евро-атлантическом регионе, таких, как притеснение, межэтнические конфликты, экономические неурядицы, крах политического строя и распространение оружия массового уничтожения»[1].

На Вашингтонском саммите было принято «Заявление по Косово», разъяснявшее цели и задачи военной операции на Балканах, а также документы о встречах руководящего Совета НАТО с главами государств и правительств и министрами иностранных дел стран Балканского региона. В этих документах, обнародованных через месяц после начала военной операции, было изложено видение западными политиками причин конфликта на территории Косово, явившегося «кульминацией целенаправленной политики угнетения, этнических

[1] Стратегическая концепция Североатлантического Союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. // Путеводитель по материалам саммита НАТО в Вашингтоне. С. 47–62.

чисток и насилия, проводимой режимом Белграда». Политической целью военной акции провозглашалось создание «мирного, многоэтничного и демократического Косово, где все его население сможет жить в безопасности и пользоваться на равной основе всеобщими правами человека и свободами»[1].

Принятые на Вашингтонском саммите документы легли в основу дальнейших процессов трансформации и модернизации НАТО, и первые практические шаги по регулированию международных кризисов за пределами зоны ответственности альянса были сделаны именно в Балканском регионе, но их результаты оказались гораздо скромнее ожиданий. Не была достигнута основная цель — стабилизация кризисного района Юго-Восточной Европы. И причиной этой неудачи, как абсолютно верно отметил известный российский политик и правозащитник С.А. Ковалев, стало то, что действия НАТО, нравственно обоснованные, не имели решительно никакого правового обоснования[2]. Можно только добавить, что решения были приняты на основе субъективных и односторонних оценок, что и выявилось впоследствии.

Принятие Советом Безопасности ООН в июне 1999 г. резолюции 1244, подтверждавшей территориальную целостность СРЮ и установившей международный протекторат над Косово, не разрешило ключевой проблемы — статуса Косово и правового положения сербского меньшинства.

В соответствующих разделах Стратегической концепции и в других документах Вашингтонского саммита были обозначены перспективы и возможности интеграции большинства стран Юго-Восточной Европы в Североатлантический союз: равные для всех условия начала переговоров о членстве в НАТО; урегулирование международных споров мирными средствами; разрешение межэтнических и территориальных конфликтов с соседями; демонстрация приверженности верховенству закона и защите прав человека, отказ от угрозы применения силы и создание системы демократического и гражданского контроля над вооруженными силами; предоставление информации о состоянии экономики и о принципах экономической политики[3]. Однако на практике отношения с претендентами на вступление в НАТО, как это уже отмечалось, зачастую определялись

---

[1] Там же.

[2] Миропорядок после Балканского кризиса: Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. М., 2000. С. 288.

[3] См.: Стратегическая концепция Североатлантического Союза. С. 74–75.

иными факторами, и это приводило к разделению, а в ряде случаев и противопоставлению стран региона, появлению между ними новых противоречий.

Руководство НАТО осознавало всю сложность задач трансформации альянса применительно к Балканскому региону. «Условия безопасности в этом стратегически важном районе пока относительно стабильны, но остаются хрупкими», — говорилось в документе «Реорганизация НАТО и новое в отношениях Россия–НАТО», обнародованном в феврале 2004 г. Далее в документе были обозначены наступившие позитивные перемены, в частности улучшение ситуации в Боснии и Герцеговине, что позволило ограничить присутствие там миротворческих контингентов. В то же время, как подчеркнуто в документе, нестабильность положения в Косово будет и впредь оставаться серьезной проблемой как для НАТО, так и для России.

Румыния и Болгария смогли, хотя и весьма условно, преодолеть поставленную альянсом планку. Что же касается интеграционных перспектив государств западной части Балкан, то генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер в отношении Боснии и Герцеговины высказался в том смысле, что в дополнение к реализации программ военных реформ эта страна «должна продемонстрировать, что она активно сотрудничает с Международным трибуналом по бывшей Югославии в Гааге, и только тогда она сможет стать участницей “Партнерства ради мира”», при этом Схеффер распространил эти условия также и на Сербию и Черногорию[1].

В июле 2005 г. было подписано соглашение о транзите спецподразделений НАТО через территорию Сербии и Черногории для проведения миротворческих операций на Балканах. В случае выполнения всех предварительных условий государства Западных Балкан могут, по оценке западных политологов, претендовать на вступление в альянс в период до 2008 г.[2]

Процессы трансформации НАТО в регионе Юго-Восточной Европы проходят, таким образом, достаточно сложно, и балканские кризисы лишь с большой долей условности можно назвать «фактором ускорения модернизации альянса», как это утверждалось в Стратегической концепции. Не случайно поэтому стала необходимой активизация сотрудничества НАТО и ЕС в этом сложном и взрывоопасном регионе, что выразилось в поиске ими согласованных подходов к решению проблем Западных Балкан.

---

[1] См.: Вестник НАТО. Историческая перемена на Балканах. Брюссель, 2005. С. 7.

[2] См.: Atlantis. Atlantic Council of Serbia and Montenegro. 2006. No 3. P. 25.

Балканские страны в контексте стратегического партнерства НАТО–ЕС

После установления официальных отношений между ЕС и НАТО (январь 2001 г.) в декабре 2002 г. была принята Декларация ЕС–НАТО об общеевропейской политике в области безопасности и обороны. За этим последовали документы о сотрудничестве в сфере кризисного регулирования (пакет «Берлин-плюс»), позволившие, в частности, Евросоюзу принять на себя в апреле 2003 г. ответственность за миротворчество в Македонии[1]. Через несколько месяцев после этого, в июле 2003 г., ЕС и НАТО совместно опубликовали документ «Согласованный подход к Западным Балканам», где были определены основные области сотрудничества.

Следующим шагом стало принятие Стамбульским саммитом Североатлантического союза (июнь 2004 г.) решения о Стратегическом партнерстве НАТО и ЕС в отношениях со странами Балканского региона и предотвращении расширения конфликтных зон. Тогда же было заявлено о прекращении операции НАТО и передаче Евросоюзу оперативных функций по стабилизации положения в Боснии и Герцеговине. Но сохраняющаяся в регионе Западных Балкан напряженность говорит о том, что деятельность ЕС как миротворца сегодня и на обозримую перспективу возможна лишь в тесном взаимодействии со штаб-квартирой НАТО, которая взяла на себя планирование и обеспечение поддержки операции ЕС в Македонии (а затем и в Боснии) на основе специального соглашения между двумя организациями[2]. Сотрудничество НАТО и ЕС необходимо также и для предотвращения неизбежных обострений ситуации в Косово и вокруг него.

Без поддержки европейских и евро-атлантических структур государствам западной части Балкан (Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине) угрожают не только межэтнические конфликты, но и экономическая и политическая нестабильность, опасность надолго задержаться «на обочине Европы». Между тем Евросоюз, несмотря на неоднократные обещания, оказывает им меньшую поддержку, чем относительно более благополучным государствам восточной части Балкан. При сравнительно равной численности населения этих двух частей полуострова ориентировочная сумма поддержки ЕС (2004–

[1] См.: НАТО. Кризисное урегулирование: Брифинг. Октябрь 2003 г. С. 5.

[2] См.: *Загорский А.В.* НАТО: трансформация или агония? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2004. Вып. 13. Сентябрь. С. 6.

2006) проведению реформ в Румынии и Болгарии составляет 1,5 млрд евро (2,6% их суммарного ВВП), а государствам Западных Балкан выделяется 500 млн евро (1% их ВВП)[1].

Конкретный анализ ситуации в западнобалканском субрегионе содержался в подготовленном в рамках Европейской стабилизационной инициативы (ESI) докладе «Западные Балканы-2004. Содействие, объединение и новые границы». Европа должна предложить Западным Балканам больше, чем руку помощи, считают авторы доклада, с тем чтобы этот регион не остался островом нестабильности в сердце Европы. Необходима подготовка многолетних программ развития на основе реального партнерства между ЕС, национальными правительствами, местными властями и гражданскими обществами с выдвижением приоритетов развития и мониторингом реализации программ. В итоговом комментарии к докладу указывалось, что без помощи Европы региону угрожают не только межэтнические конфликты, но и экономическая и политическая дестабилизация, надвигающийся вал безработицы, наконец, нарастающее разочарование в связи с провалом демократических реформ.

Для поддержания стабильности, по мнению авторов доклада, необходимо включение Западных Балкан в процессы общеевропейского экономического и политического сотрудничества и создание финансовой основы для поддержки этого субрегиона (предположительно оцениваемой в 900 млн евро), учитывая, что весьма вероятные кризисы и конфликты будут стоить еще дороже[2].

Евросоюз и Западные Балканы

Принципиальное решение о начале переговоров ЕС с государствами западной части Балкан, в их числе и СРЮ (Сербия и Черногория) было принято на саммите в Салониках (2003), но у Евросоюза оставалось еще много общих и более конкретных вопросов, тормозивших его практическую реализацию. К тому же процесс замедлился после провала референдума о принятии европейской Конституции (2005), что еще более усилило сомнения политиков и экспертов в необходимости форсировать процесс расширения Евросоюза[3]. Но в любом слу-

---

[1] Road to Saloniki. Cohesion and the Western Balkans. Berlin, 12 March 2003 (http://www.esiweb.org/).

[2] Ibidem.

[3] См.: IWPR, Balkan Crisis Report. 2005. No 560. 17 June.

чае к этому времени сценарий одновременного начала переговоров с Албанией, Боснией и Герцеговиной, Сербией, Черногорией, Хорватией и Македонией был отвергнут, и последующие переговоры велись с каждой страной отдельно.

После выполнения условий Гаагского трибунала были сняты препятствия для начала диалога с Хорватией, но, как при этом подчеркнул Уполномоченный ЕС по проблеме расширения Олли Рэн, переговорный процесс с Хорватией должен проходить «на общих для всех условиях».

Несмотря на позитивную оценку процессов реформирования в Сербии и Черногории, европейские эксперты указывали на то, что будущее югославской федерации еще не определилось, неясным остается и статус Косово, и это может затормозить не только экономическое возрождение всего региона, но и перспективы интеграции Сербии и Черногории в ЕС[1]. Тем более, что политические критерии при принятии решений Евросоюза не менее значимы, чем экономические[2].

Неопределенными были и перспективы начала переговоров ЕС с Боснией и Герцеговиной. Ведущие эксперты ESI утверждают, что переговоры с ней станут возможными лишь после того, как будет упразднен пост Верховного представителя и страна станет де-факто и де-юре независимой. Необходимая для перехода в новое состояние реформа сил внутренней безопасности (полиции), которую Евросоюз рассматривает в качестве основного условия для начала переговоров, тормозится правительством Республики Сербской[3].

Что же касается Албании, то в феврале 2006 г. с ней было подписано соглашение о стабилизации и ассоциации, хотя годом ранее было заявлено, что «в Брюсселе не ощущают определенного межпартийного консенсуса по поводу вступления в ЕС. Нет также и четкого намерения Тираны проводить необходимые реформы»[4].

В иной плоскости рассматривалась проблема интеграции в ЕС Македонии, которая, несмотря на очевидные экономические затруднения, была поставлена в один переговорный ряд с Хорватией при условии продолжения деятельности межэтничного коалиционного правительства. В числе причин такого решения Комиссия ЕС указала на то, что уже в течение ряда лет правительство Македонии соблюдает подписанные в 2002 г. в Охриде соглашения, благодаря которым уда-

---

[1] См.: *Papadimitriou P.* Op. cit. P. 87.
[2] См.: Atlantis. Atlantic Council of Serbia and Montenegro. 2006. No 3. P. 24.
[3] См.: IWPR. Balkan Crisis Report. 2005. No 560. 17 June.
[4] IWPR. Balkan Crisis Report. 2005. No 550. 06 April.

лось предотвратить сползание к масштабному балканскому конфликту[1]. Примечательно также, что руководство Македонии параллельно обратилось за поддержкой к США в деле урегулирования ее спора с Грецией по поводу названия страны, без чего невозможно окончательное решение вопроса о ее членстве в ЕС[2].

Очевидно, таким образом, что пока трудно говорить о вступлении Албании, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории в ЕС и о выполнении поставленных им условий: проведение свободных и демократических выборов; уважение к главенству закона; соблюдение прав человека, в частности прав национальных меньшинств; проведение экономических реформ, ведущих к созданию рыночной экономики.

Болгария и Румыния в ЕС: итоги и перспективы

Первого января 2007 г. Румыния и .Болгария получили членство в ЕС, которого они добивались на протяжении последних полутора десятилетий. Предварительное соглашение с Болгарией было подписано в июне 2004 г., и в соответствии с ним она получила оценку «реально функционирующей рыночной экономики»[3]. В апреле 2005 г. было заключено аналогичное соглашение с Румынией, хотя, в отличие от Болгарии, на тот момент она подтвердила наличие меньшего числа «критериев соответствия». Было, в частности, указано, что одним из главных препятствий на пути в ЕС остается недостаточная открытость румынской экономики и неразвитость политических структур.

Состоявшийся в октябре 2003 г. референдум об изменении ряда положений Конституции Румынии в соответствии с требованиями ЕС проходил с большим трудом, поскольку вводимые с целью соответствия стандартам ЕС меры пока лишь понизили жизненный уровень большинства населения, а внесенные в Конституцию поправки соответствовали интересам незначительных слоев населения[4]. И хотя законодательство обеих стран в основных чертах приведено в соответствие с европейским и на его основе реализуются программы ЕС по региональному развитию и инфраструктуре, отрыв от европейских стандартов еще очень велик.

---

[1] См.: BYRN. Balkan Investigative Reporting Network. 2005. 16 December (*Sahin M.* The EU should seize the opportunity and accept Macedonia as a candidate for membership).

[2] См.: IWPR. Balkan Crisis Report. 2005. No 581. 28 October.

[3] См.: FOCUS Europa (IDM, Wien). 2004. No 6. S. 9.

[4] См.: IWPR. Balcan Crisis Report. 2003. No 464. 16 October.

Наиболее существенным препятствием для сотрудничества в рамках ЕС как Румынии, так и Болгарии по-прежнему остается коррупция, которая, по определению Европейской комиссии, «представляет собой широкую и системную проблему, подрывающую правосудие, экономику и веру граждан в государство». Попытки ускоренного обуздания коррупции и теневой экономики могут, однако, возыметь не только позитивные, но и негативные последствия. В странах ЮВЕ и без того высок официально заявленный уровень безработицы, а поспешная ликвидация теневых структур может его значительно повысить[1].

Многие аналитики полагают, что для Болгарии и Румынии политические условия интеграции в ЕС трудновыполнимы, но не меньшей тяжестью для них могут стать долгосрочные экономические последствия поспешно проводимых реформ, а в дальнейшем и условия взаимодействия с развитыми европейскими странами, особенно в аграрной сфере.

«Режим свободной торговли может принести странам региона больше вреда, чем пользы, особенно в сельскохозяйственном секторе»[2], — к такому неутешительному выводу пришла корреспондент лондонского Института репортажей о войне и мире, работающая в Приштине, Скопье, Тиране и Загребе. По ее оценке, свободный доступ продукции из Балканских стран не играет сколько-нибудь значимой роли для Европы, поскольку ее объем составляет всего 0,5% импорта ЕС.

В то же время Евросоюз ввел квоты на экспорт сельскохозяйственной продукции. Так, Македония сможет вывозить в страны ЕС только пятую часть производимых в стране вин. Румыния и Болгария отныне должны соблюдать жесткие европейские стандарты гигиены и продовольственной безопасности, без чего множество малых и средних предприятий могут сойти с дистанции. Ожидается, что закроются около 40% малых и средних текстильных предприятий[3].

По оценке авторов недавно опубликованной коллективной монографии, сложными, несовпадающими представляются интересы стран «новой» и «старой» Европы и по ряду других проблем, в том числе по вопросам регулирования миграции рабочей силы[4]. В связи со вступлением в ЕС Болгарии и Румынии Великобритания уже объявила, что примет лишь 20 тыс. неквалифицированных рабочих, а ограничения

---

[1] См.: IWPR. Balkan Crisis Report. 2005. No 573. 02 September.

[2] См.: IWPR. Balkan Crisis Report. 2005. No 535. 07 January.

[3] См.: Независимая газета. 2006. 29 декабря.

[4] Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М., 2002. С. 201.

на трудовую миграцию на три и более лет ввели Австрия, Германия, Бельгия, Голландия, Дания, Люксембург, Испания, Италия.

До 2013 г. Румыния получит из евробюджета 32 млрд евро кредитов на структурные реформы, Болгария — около 15 млрд. Правительства этих стран должны предложить проекты, которые отвечали бы европейским стандартам, иначе финансирование им урежут. Поэтому политики и общественность озабочены контролем Брюсселя за ходом дальнейшего продвижения экономических и политических реформ[1].

Пока не найдены сколько-нибудь убедительные ответы на вопросы: будет ли в обозримом будущем продолжаться расширение Евросоюза за счет стран Юго-Восточной Европы? на каких условиях это будет происходить и с какой скоростью? удастся ли по этому поводу достичь консенсуса нынешних 27 полноправных членов ЕС? В этой связи обсуждается вопрос о необходимости новой «стратегии расширения», при которой интеграция в ЕС Западных Балкан и Турции рассматривалась бы как единый процесс, который мог бы быть завершен в течение десяти лет. По мнению известного европейского политика, члена Международной комиссии по Балканам Карла Бильдта, это был бы хороший повод, чтобы в июне 2014 г. отметить окончание трагического периода балканской истории, начало которого было положено убийством эрц-герцога Франца Фердинанда в Сараево, ставшим прологом к Первой мировой войне[2].

На состоявшемся в Брюсселе в середине декабря 2006 г. двухдневном саммите выступающие за продолжение расширения ЕС Великобритания, Швеция и Польша предложили план, суммирующий все критерии, которым должна отвечать страна-кандидат. Первой среди этих стран была названа Хорватия, очередь которой может наступить в 2009 г., за ней следуют Македония, Черногория, Албания, Босния и Герцеговина, которым предстоит проделать немалую работу. Италия и Испания выступают за начало переговоров и с Сербией, однако Франция и Великобритания считают обязательным условием для этой страны ее более активное сотрудничество с Гаагским трибуналом.

На саммите обсуждался также вопрос о переговорах с Турцией, но было принято решение заморозить с ней переговоры по 7 из 35 пунктов из-за нежелания Турции признать Кипр и открыть свои порты для кипрских судов[3].

---

[1] См.: Независимая газета. 2006. 29 декабря.

[2] См.: *Бильдт К.* Между интеграцией и дезинтеграцией // Вестник НАТО. Историческая перемена на Балканах. С. 13.

[3] См.: Коммерсант. 2006. 15 декабря.

В целом можно заключить, что, несмотря на все возможные негативные последствия, процессы сотрудничества стран Юго-Восточной Европы с европейскими и евро-атлантическими структурами будут продолжены независимо от возникающих на этом пути неизбежных проблем. Стремление «вернуться в Европу» остается доминирующей чертой политики стран бывшего «социалистического содружества», и с этим стремлением не только политические деятели, но и большинство населения связывают надежды на окончательное, пусть и не близкое преодоление наследия тоталитарных режимов и развитие демократии. Однако дальнейшие перспективы их пути в Европу во многом будут зависеть от того, когда и насколько успешно они преодолеют экономические и социальные барьеры между Востоком и Западом Европы и одновременно наладят — уже на новой основе — конструктивное сотрудничество между собой и своими традиционными партнерами на пост советском пространстве, прежде всего с Россией.

Глава 11. Государства Юго-Восточной Европы и Россия

Советская политика в отношении стран Балканского региона в годы перестройки

Новая формула отношений со странами «социалистического содружества» была обозначена М.С. Горбачевым в марте 1985г.: *преемственность и необходимость перемен*. Но, по его свидетельству, не все партнеры отнеслись к этому серьезно — давала о себе знать традиция патернализма, с одной стороны, иждивенчества и послушного следования за лидером — с другой[1].

Во многом это объяснялось тем, что в большинстве «социалистических» стран Балканского региона — в Болгарии, Румынии, Албании политическая стагнация приобрела к этому времени системные черты. В рамках принятой после 1968 г. доктрины «ограниченного суве-

[1] См.: *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 311, 313. Подробнее об этом см.: *Язькова А.А.* Восточная Европа на этапе кардинальных свершений (1985–1991) // Мир перемен. 2005. № 1.

ренитета» еще более окреп стержень и основа политической системы «реального социализма» — политический монстр «партия-государство», характерной чертой которого была сверхцентрализация, сосредоточение власти в руках партийной верхушки, монополия на силовые структуры (армия, спецслужбы) и средства массовой информации; поглощение общества государством и практическое отсутствие гражданского общества[1].

Сложившиеся в Албании и Румынии жестко тоталитарные режимы вобрали в себя все худшее, что они могли позаимствовать из советской модели. При этом, по справедливому утверждению эмигрировавшего в США румынского историка В. Тисмэняну, на Западе в конце 60-х годов поспешно и необдуманно был создан миф о румынском «национальном коммунизме», оказавший существенную моральную поддержку деспотическому режиму Н. Чаушеску[2].

В Болгарии сформировался автократический режим, в чем-то сходный с советской системой времени «брежневского застоя». При этом сторонники догматического курса, привыкшие использовать в своих интересах свои «особые отношения» с СССР, находили себе оправдание в якобы еще не определившейся позиции советского руководства.

И только в ноябре 1987 г. из Москвы поступила наконец более четко сформулированная официальная позиция по поводу отношений между социалистическими странами: «Это — безусловное и полное равенство, Это — ответственность правящих партий за дела в своем государстве. Это — уважение друг к другу, серьезное отношение к достигнутому и опробованному друзьями... Это — строгое соблюдение принципов мирного сосуществования...»[3]

Это важнейшее, хотя и запоздалое заявление означало официальный отказ от доктрины «ограниченного суверенитета», провозглашавшей «коллективную ответственность за судьбы социализма» и позволявшей СССР вмешиваться во внутренние дела «братских стран». Но, как стало вскоре очевидным, это заявление было негативно воспринято руководством тех из них, кто не желал перемен и привык ориентироваться *на Москву,* но не на сторонников Горбачева, а на его оппонентов. На этом поворотном этапе «содружество» выявило свой

---

[1] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2001. С. 61.

[2] См.: *Tismaneanu V.* Byzantine Rites, Stalinist Follies: the Twilight of Dynastic socialism in Romania // Orbis. 1986. Vol. 30.

[3] *Горбачев М.С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. 1917—1987. М., 1987. С. 58.

подлинный характер, продемонстрировав то, чем оно было всегда, — союзом консервативных партийно-государственных элит[1].

В 1987–1988 гг. М.С. Горбачев совершил ряд официальных визитов в страны Балканского региона, в том числе в Румынию и Югославию, после чего стало очевидным, что уже на этом этапе отношения с этими странами складывались по-разному. Что же касается встреч с болгарским руководством в лице Т. Живкова, то, по оценке Горбачева, он интерпретировал эти встречи «избирательно», с выгодой для себя»[2]. В частности, после встречи в Москве осенью 1987 г., где были сделаны заверения о поддержке курса на перестройку, по Софии поползли слухи, что «Горбачев сорвал намерение Живкова переориентировать Болгарию на Запад»[3].

В ноябре 1989 г. под нажимом реформаторских сил, действия которых поддерживались в Москве, Живков подал в отставку. Но, как писал известный болгарский политолог Камен Денчев, процессы начавшейся после этого лавинообразной политизации и поляризации были замешаны на так называемой балканской политической культуре, которая, как известно, не страдает избытком толерантности и готовности к цивилизованному диалогу[4].

В Румынии авторитаризм Н. Чаушеску по мере изменений, проходивших в других странах, принимал все более уродливые и угрожающие формы. Наряду с резким падением уровня жизни и нелепыми реформами типа «систематизации» сельских поселений и создания «агрогородов» в стране стал утверждаться режим «закручивания гаек» снизу доверху вплоть до создания досье на всех членов высшего руководства и постоянной слежки за ними, а господствовавший в стране культ личности диктатора принимал все более нелепые формы (бесконечные овации, многочасовые скандирования «Чаушеску — РКП!») и т.д.

«Я чувствовал себя включенным в цирковое представление», — так охарактеризовал М.С. Горбачев подобного рода обстановку во время своего визита в Бухарест в мае 1987 г. В эти же дни вышла на поверхность прежде скрывавшаяся неприязнь и конфронтация между лидерами Румынии и СССР. В ходе одной из личных встреч Чаушеску «порекомендовал» Горбачеву «меньше заниматься международными делами, а больше — внутренними, проявляя сдержанность в вопросах демокра-

---

[1] *Шеварднадзе Э.А.* Мой выбор в защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 198.

[2] См.: *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 366.

[3] Там же. С. 370.

[4] См.: *Денчев К.* Восточная Европа после социализма: поиск новых парадигм. Габрово, 1997. С. 112.

тизации и гласности». Горбачев ответил на это: «То, что вы выдаете у себя за общество благоденствия и гуманизма, на мой взгляд, не имеет ничего общего ни с тем, ни с другим, не говоря уж о демократии, — всю страну держите в страхе, изолировав ее от окружающего мира»[1].

И хотя Горбачев тогда же заявил, что теперь, как в прежние времена, нет необходимости копировать то, что происходит в другой стране: «делайте у себя, что считаете нужным и сами за это отвечайте», вскоре по Бухаресту поползли намеренно распространявшиеся слухи о том, что «советские хотят оккупировать Румынию и устранить Чаушеску». Тем самым Чаушеску в очередной раз попытался спасти свой режим посредством разжигания национализма и страха перед внешней угрозой.

В связи с декабрьскими событиями 1989 г. в Румынии, когда Чаушеску был свергнут и вскоре после этого казнен, Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос «О первоочередных мерах в связи с обстановкой в Румынии», поручив рабочей группе (Э.А. Шеварднадзе, В.А. Крючкову) принять меры к установлению прямых и постоянных контактов с руководством Фронта национального спасения (ФНС), в первую очередь И. Илиеску. Но в этом же постановлении предлагалось также рассмотреть возможные варианты событий в Молдавской ССР «с учетом имевших место попыток со стороны экстремистски настроенных групп перейти границу с целью поддержки ФНС»[2].

Показателен и такой факт: лишь 17 января 1990 г., спустя почти месяц после свержения Чаушеску, было принято Постановление Политбюро ЦК (с пометкой «сов. секретно») о его лишении советских государственных наград[3].

Нельзя не заметить, что, несмотря на всю сложность обстановки в Восточной Европе, у горбачевского руководства было в целом правильное понимание положения в большинстве стран «содружества» (СЭВ и ОВД), чего, на наш взгляд, нельзя сказать об общей оценке ситуации в Югославии. Даже такой проницательный политик, как Г.Х. Шахназаров, оценивая итоги визита Горбачева в Белград (март 1988 г.), назвал двусторонние отношения между СССР и СФРЮ «самыми безоблачными», заметив при этом, что «перестройка продви-

---

[1] Там же. С. 397.

[2] РГАНИ. Коллекция. Фонд 89. Перечень № 9. Док. 67.

[3] См.: там же. Док. 71 В этой связи следует заметить, что возражения против награждения Чаушеску высшими орденами СССР наравлялись в ЦК КПСС еще в 1987 г.

нула Советский Союз примерно к тому состоянию, в каком оставил свою страну Тито»[1].

В действительности же Югославия с начала 80-х годов стала втягиваться в длительный системный кризис, который затронул прежде всего сферу экономики, что привело к беспрецедентному падению жизненного уровня (в среднем на 30% ежегодно уже в первой половине 80-х годов) и обострению социальных и национальных проблем. Во второй половине 80-х годов стало очевидным, что без глубоких реформ нельзя добиться перелома в регрессивном экономическом и политическом развитии страны[2].

В этих условиях на поверхность, как всегда, вышел национализм, прежде всего в общественной жизни и политике руководства Сербии, что позволило лидеру сербских национал-коммунистов С. Милошевичу развернуть политическую кампанию, основанную на сербском этническом самоутверждении[3]. По оценке известного сербского политолога П. Симича, С. Милошевич был первым в СФРЮ коммунистическим лидером, который открыто выступил против политического наследия Тито и в конечном счете это стало первым шагом к провалу последующих экономических реформ, вооруженному конфликту между союзными республиками и распаду СФРЮ[4].

Тем не менее в конце 1990 г., еще до начала вооруженного конфликта на территории Югославии, советское руководство заняло взвешенную позицию в югославском вопросе, пытаясь совместить справедливые интересы сторон, не допустив при этом ущерба окружающему миру[5]. В октябре 1991 г. при посредничестве Горбачева состоялась встреча в Москве руководителей Сербии и Хорватии, но предотвратить дальнейший распад Югославии на этом этапе уже не удалось.

Государства Юго-Восточной Европы и Россия. 90-е годы

В регионе Юго-Восточной Европы и в каждой стране в отдельности в 90-х годах проходили принципиальные изменения, наложившие

---

[1] См.: *Шахназаров Г.* Цена свободы. М., 1993. С. 102.

[2] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 506, 510.

[3] См.: Этнополитические конфликты в Югославии и страны Юго-Восточной Европы. М., 1999. С. 9–11.

[4] См.: *Simic P.* Occasional Paper. Institute for International Politics and Economy. Belgrade. P. 9, 11.

[5] См.: Записка Г.Х. Шахназарова М.С. Горбачеву, декабрь 1990 г. // *Шахназаров Г.Х.* Указ. соч. С. 506.

отпечаток и на их внешнюю политику — заявленное ими стремление присоединиться к НАТО и ЕС, — и не в последнюю очередь на их отношения с Россией.

Российско-болгарские отношения развивались в эти годы противоречиво. Периоды охлаждения сменялись периодами активизации связей, прежде всего экономических[1]. Специфика взаимоотношений России с Болгарией состояла в том, что из «самого близкого и верного союзника» СССР и «славянского брата» последняя постепенно превращалась в недоброжелателя, все больше отдаляясь от России. В известной мере это было обусловлено разной направленностью внутренней и внешней политики двух государств. От некоторой части отечественных политиков и журналистов приходилось слышать упреки в адрес болгарской стороны: болгары, дескать, забыли «традиционное братство». Слишком большие надежды они возлагают на сотрудничество с Западом, занимая при этом недружественную позицию по отношению к России и стремясь одновременно сохранить те льготы, которые предоставляли «особые отношения» двух стран. В ответ слышались нарекания на то, что Россия проводит эгоистическую политику исключительно в своих собственных интересах, вспоминался «навязанный социализм», а также случаи, когда Петербург (в конце XIX — начале XX в.) или Москва не поддерживали те или иные устремления Софии[2].

Обе страны переживали трудный процесс освобождения от мифов и предрассудков прошлого, стремясь встроить национальные традиции в новую европейскую и мировую реальность. Это касалось и внешней политики в целом, и российско-болгарских отношений в частности.

Процесс переосмысления прошлого шел трудно, и новое мироощущение возникает не вдруг. В Болгарии в начале 90-х годов антикоммунистическая идеология неизбежно ассоциировалась с антисоветизмом, который на определенном этапе приобретал антироссийскую окраску, тем более что и сама Россия решила в начале 90-х годов «уйти» из Восточной Европы, полагая, что всё решают отношения со странами Западной Европы и с США. Восточные европейцы, в том числе и болгары, также сочли, что без России «можно обойтись».

Но и то и другое было ошибкой. Реформаторы смотрели исключительно на Запад и не видели друг друга. В результате многое в двусто-

---

[1] Подробнее об этом см. например: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Т. 3. Ч. I–II; Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. М., 2003. С. 32–48.

[2] См. полемическую книгу болгарской исследовательницы С. Шаренковой «Болгария. Россия». София, 2004. С. 162–165, 173–174.

ронних отношениях оказалось не переосмысленным и видоизмененным, а разорванным и утраченным. Это касается и экономического сотрудничества, это относится и к проблемам создания новой системы безопасности.

В России достаточно болезненно восприняли вступление Болгарии в НАТО, хотя и признали, что никто более не собирается ограничивать суверенитет других стран. Но для того чтобы вступить в НАТО, Болгария сократила армию, поставила ее под гражданский контроль, признала отсутствие территориальных споров с соседями. Тем самым она стала одним из элементов стабильности в этом пока неспокойном регионе.

Как и другим странам — соискателям членства в НАТО, Совет альянса направил Болгарии в феврале 1999 г. запрос о намерениях участвовать в возможной наземной операции «Джойнт гардиан» в Косово, а также о конкретных средствах, которые она могла бы подключить для реализации этой операции. При этом отмечалось, что решение о ее проведении может быть принято только Советом Безопасности ООН, как это было в случае проведения миротворческих акций FOR и SFOR в Боснии и Герцеговине.

Правительство дало согласие на участие Болгарии в «Джойнт гардиан», а министру обороны РБ Г. Ананиеву было поручено определить, каким образом Болгария будет в возможной операции участвовать. Было принято следующее решение: страна ограничит свое участие только невоенными формированиями: транспортными, инженерными и медицинскими. Решение Совета министров об участии страны в возможной миротворческой операции НАТО базировалось на декларации Народного собрания Болгарии от 23 октября 1998 г., которая поручала правительству продолжить консультации с НАТО по заключению соглашений о конкретных мерах военно-политического и военного характера, обеспечивающих ясные гарантии Североатлантического альянса национальной безопасности страны. Соглашение по операции «Джойнт гардиан» было ратифицировано Народным собранием Болгарии[1].

В то же время Болгария наряду с Румынией и Венгрией отказалась дать разрешение российским военным самолетам, которые должны были осуществить связь с российским воинским контингентом в Приштине, на пролет над своей территорией. Это было очень болезненно воспринято в Москве теми, кто не понял ни изменения политической

[1] См.: Этнополитические конфликты в Югославии и страны Юго-Восточной Европы. М., 1999. С. 101.

ситуации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, ни психологии своих вчерашних «союзников»[1].

Советско-албанские, а затем и российско-албанские отношения тем более не были простыми. По сравнению с отношениями с другими «социалистическими» странами Юго-Восточной Европы их специфика определялась наличием затяжного политико-идеологического конфликта, берущего свое начало в 60-х годах прошлого века. В 90-х годах наступила нормализация двусторонних отношений, разорванных в 1961 г. Их восстановление происходило на фоне общего для обоих обществ и государств преодоления наследия социализма и тоталитарного прошлого. Для Албании это означало, с одной стороны, отказ от догм периода Энвера Ходжи и выход из внешнеполитической изоляции, а с другой — преодоление негативного образа СССР и отказ от перенесения его на независимую пост советскую Россию. Однако восстановление отношений с СССР (июль 1990 г.) рассматривалось в рамках общей линии на преодоление изоляции Албании и восстановление ее связей с внешним миром. В начале 90-х годов Албания вступила в СБСЕ, Совет Европы, МВФ, МБРР, стала соучредителем Организации черноморского экономического сотрудничества. Одиннадцатого мая 1992 г. было подписано соглашение о сотрудничестве с ЕС. Двадцать третьего февраля 1994 г. президент Албании С. Бериша подписал в штаб-квартире НАТО Рамочный документ программы «Партнерство во имя мира».

Однако полностью избавиться от конфликтности в российско-албанских отношениях не удалось и в 90-х годах. На смену политико-идеологическому противостоянию постепенно пришли противоречия, связанные с трактовкой Москвой своих геостратегических интересов в этом районе мира. Как и в прошлом, определяющую роль в российско-албанских отношениях сыграли отношения обеих стран с Югославией. Москва (несмотря на зачастую критическое отношение президента Бориса Ельцина к С. Милошевичу и его политике) во многом рассматривала СРЮ как своего стратегического союзника и поддерживала ее в попытках не допустить интернационализации косовской проблемы. Односторонняя позиции России лишала ее возможности играть роль эффективного посредника и поддерживать контакты со всеми вовлеченными в конфликт сторонами[2]. Негативно

---

[1] См.: *Ahtisaari M.* Beogradska zadaća. Kako je slaman Milošević. Prijevod s finskog. Zagreb, 2002. S. 172.

[2] Подробнее об этом см., например: *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 370–411; Косово. Международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 96–157, 247–300.

был воспринят в Москве и призыв правительства Албании к НАТО вмешаться в косовский конфликт.

В 1998–1999 гг. албанские власти стремились не допускать открытого противостояния с сербскими вооруженными силами, расположенными вдоль югославо-албанской границы. К тому же перед албанским руководством постоянно возникал вопрос: сумеет ли оно в случае более активной поддержки косовских вооруженных формирований взять их под свой контроль? И стоит ли брать на себя ответственность за пропагандируемый косовскими экстремистами лозунг «Великой Албании», способный перессорить Албанию с большинством Балканских государств и с европейским сообществом? В период активной фазы натовских бомбардировок Албания стала плацдармом для большого числа воинских подразделений НАТО, поскольку именно с ее территории (и территории Македонии) предполагалось сухопутное вторжение в Югославию.

Внешняя политика России и Албании развивалась, таким образом, в разных направлениях, и это не создавало необходимой основы для сотрудничества. Новое албанское руководство, независимо от партийной принадлежности, ориентировалось на США и страны Западной Европы, которые рассматривались как источник финансирования рыночных преобразований. Россия же в силу известных причин не могла предложить Албании ни крупных инвестиций, ни технических новшеств, ни помощи в преодолении политического наследия Э. Ходжи[1]. Албания не видит своего будущего вне евро-атлантических структур и рассчитывает уладить косовскую проблему в рамках объединенной Европы.

Примирение с «югославами» — насущная задача

Советское руководство с тревогой следило за тем, как в 1990–1991 гг. дезинтеграционные процессы в СФРЮ стали набирать силу и в конце концов приобрели необратимый характер. Несмотря на все идеологические различия, социалистическая Югославия в глазах Москвы оставалась не только социально однотипным государством, но и многонациональной федерацией, развитие событий в которой могло стать не только предзнаменованием, но и реальным прообразом возможных событий в самом СССР.

[1] См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. II. С. 9–44.

О степени озабоченности происходившим в СФРЮ и о понимании «первопричин происшедшего там взрыва», его возможных последствий свидетельствует одна из «записок», направленных Г.Х. Шахназаровым М.С. Горбачеву еще в декабре 1990 г. и озаглавленная «К вопросу о Югославии». «Перед нами сейчас традиционная для международных отношений политическая задача: как совместить два справедливых интереса (государственный суверенитет и право народов на самоопределение), не допустив при этом ущерба окружающим. Задача высшей политической сложности, и, если ее не удастся решить, последствия могут быть катастрофическими», — писал Г.Х. Шахназаров, подчеркивая, что эти признанные международным правом принципы «составляют фундамент общеевропейского процесса»[1].

Для советского руководства положение в Югославии в конце 80-х — начале 90-х годов было важным из-за теоретических и практических аналогий между судьбами двух «социалистических» государств и этнотерриториальных федераций, поэтому было крайне важно выработать некоторые общие подходы к событиям в СФРЮ. В декларациях ООН и документах СБСЕ, особенно в Парижской хартии для новой Европы, были заложены требования, которые должны неуклонно соблюдаться: право народов на самоопределение должно осуществляться так, чтобы при этом не допускалось нарушение суверенитета государств. Любые изменения не должны вести к перекройке границ в Европе, нерушимость которых стала главной гарантией мира и безопасности на континенте. Отсюда ясно, что не могут признаваться законными односторонние акты, нарушающие конституционный порядок в том или ином государстве. Пойти по этому пути значило бы нарушить принцип невмешательства во внутренние дела, породить цепную реакцию, разрушающую всю международную законность. Парадокс, однако, состоял в том, что позиция насильственного сохранения единства распадавшихся государств отнюдь не в меньшей мере означала стимулирование конфликта внутри самого государства посредством «противоправных насильственных акций», радикализацию позиций вовлеченных в него сторон. А решение оказывалось весьма далеким от «мирного, демократического пути, на основе переговоров и взаимных компромиссов», на которые надеялись в Кремле.

Кремлевское руководство стремилось найти «общие подходы» с руководителями стран Западной Европы и США к решению югослав-

[1] См.: *Шахназаров Г.Х.* Указ. соч. С. 505.

ского вопроса. В мае–июле 1991 г. собеседниками Горбачева в Москве были Дж. Андреотти, Г. Коль, Ф. Гонсалес и Дж. Буш-старший. Обсуждение проблем СФРЮ Президент СССР неизменно использовал для подкрепления собственного плана сохранения реформированного СССР. «Мы выразили надежду, что нынешний переход к новому качеству югославской федерации завершится успешно. Мы это воспринимаем близко, потому что это перекликается с процессами в нашей стране»[1], — заявил он в мае 1991 г. после встречи с премьер-министром Италии.

Сравнивая впоследствии опыт распада СССР и СФРЮ, Президент СССР по-своему посмотрел на проблему. «Очевидно, мы имеем дело с двумя крайностями, которые, при всем их различии, привели к одинаковым последствиям. Я имею в виду попытки, с одной стороны, сохранить практически в нетронутом виде унитарное государство, а с другой — пожертвовать единым государством под флагом борьбы за идею суверенитета»[2].

«Югославские товарищи» в Белграде, постепенно переходившие на позиции полной поддержки С. Милошевича, как свидетельствуют их дневники и воспоминания, резко отрицательно относились к политике Горбачева и его единомышленников. Однако в руководстве СКЮ и СФРЮ были и люди, следившие за деятельностью советского президента с откровенной симпатией. Они отмечали, в отличие от практики предшествующих лет, «дружескую атмосферу» и «откровенность», устанавливавшиеся на переговорах, и признавали, что «Горбачев идет далеко впереди других»[3].

В начале 1991 г. Балканы вновь оказались в сфере внимания российской общественности — этот регион назвали в качестве «тревожного» 25% респондентов, — отмечала российский социолог Л.Б. Косова. Стремление Словении и Хорватии выйти из состава Югославии совпало с центробежными тенденциями в самом Советском Союзе и попытками силой удержать разбегающиеся республики, в первую очередь Прибалтийские. Январские события 1991 г. в Вильнюсе, отозвавшиеся многотысячными демонстрациями в Москве, создали устойчивый стереотип неприятия подобных методов действия в целях сохранения территориальной целостности. Этот стереотип переносился и на балканские события: только 8% опрошенных одобрили использование

---

[1] Югославский кризис и Россия. М., 1993. С. 217.

[2] *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 386.

[3] См.: *Dizdarević R.* Od smrti Tita do smrti Jugoslavije. Sarajevo: Svjedočenja, 1999. S. 176–177.

силы для предотвращения выхода Словении и Хорватии из состава Югославии, 35% были против этого[1].

Использование силы в Литве привело к тому, что сербские военные стали видеть в Горбачеве чуть ли не единомышленника и союзника. В марте 1991 г. состоялся экстренный ночной визит союзного секретаря (министра) по делам обороны В. Кадиевича в Москву, для того чтобы выяснить, сможет ли СССР защищать СФРЮ «от возможного вмешательства Запада, если Белград пойдет на использование военной силы»[2]. Визит проходил в момент подъема студенческих демонстраций в Белграде, вынудивших Милошевича и его окружение применить силу и одновременно выступить с обещаниями демократических преобразований. Но советское руководство, извлекшее необходимые уроки из событий не только в Польше, Венгрии, Чехословакии 50–70-х годов, но и 1948–1953 гг. в отношениях с Югославией, на этот раз не дало себя завлечь в ловушку.

Формальный отказ поддержать государственный переворот в Югославии в марте 1991 г. не означал, однако, что югославские и советские противники реформ прервали свои связи и отказались от дальнейших попыток синхронизировать свои действия. Летом 1991 г. в официальной югославской печати была развернута критика горбачевского руководства, а советские средства массовой информации были полны материалами, направленными против стремления Словении и Хорватии к обретению суверенитета, в поддержку С. Милошевича и руководства ЮНА.

Принятие парламентами Хорватии и Словении Декларации о независимости 25 июня 1991 г. было негативно встречено в ориентировавшейся по традиции на официальный Белград Москве, которая расценила эти шаги как «не получившие признания государственных органов СФРЮ и не могущие рассматриваться как способствующие решению сложных проблем Югославии»[3].

В августе 1991 г. Ф. Туджман и правительство Хорватии, исходя из собственных национально-государственных интересов, в отличие от сербского руководства, которое с «энтузиазмом» приветствовало

---

[1] См.: *Косова Л.* Балканы и Чечня: испытание чувств // Миропорядок после балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира: Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. М.: Добросвет, 2000. С. 198.

[2] *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: usbogu из дневника. Београд, 1996. S. 295; *Mamula B.* Slučaj Jugoslavija. Podgorica, 2000. S. 33; *Nobilo M.* Hrvatski feniks. Diplomatski procesi iza zatvorenih vrata. 1990–1997. Zagreb, 2000. S. 74–75.

[3] Заявление МИД СССР от 26 июня 1991 г. // Югославский кризис и Россия. С. 56.

московский путч и арест Горбачева, осудили путчистов и заявили о своей поддержке президентов СССР и России. «Государственный переворот в СССР, конечная цель которого состоит в отрицании права народов и их республик на самоопределение и в сохранении коммунизма, показал, что сторонники господства самого крупного народа в большевистских федерациях так просто не сдаются»[1], — говорилось в письме президента Хорватии президенту М.С. Горбачеву от 20 августа 1991 г.

В Словении общественность встретила августовские события с интересом, но несколько отстраненно, как исключительно внешнеполитическое событие. Это было естественно, если принять во внимание поворот, уже практически свершившийся в сознании значительной части словенцев, не говоря уже о политическом классе[2].

В октябре 1991 г. МИД СССР выступил с инициативой пригласить в Москву для переговоров С. Милошевича и Ф. Туджмана, и 15 октября, на встрече с М.С. Горбачевым, на которую изначально было мало надежды, оба лидера сходными мотивами объяснили свое появление в Москве: «Именно благодаря своему уникальному и трудному опыту перестройки Горбачев имеет и опыт, и моральное право, для того чтобы высказать нам свои рекомендации. И именно от него мы готовы принять советы»[3]. Однако шанс на восстановление мира в Югославии использовать не удалось, да и вряд ли это было объективно возможно. Сербский и хорватский лидеры не могли не почувствовать нарастающую слабость позиций самого Горбачева и непрочность возглавлявшегося им государства, не говоря об их собственном субъективном нежелании и незаинтересованности, поскольку оба уже тесно связали свою политическую судьбу со взаимной конфронтацией. Предусмотренные в совместном коммюнике «прекращение всех вооруженных конфликтов» и «переговоры между высшими представителями Сербии и Хорватии» так и не состоялись[4]. Но, будучи реальным политиком, Горбачев тогда понял, что путей к сохранению СФРЮ уже нет и главное в сложившейся ситуации — обеспечить «мирный развод», чего также не получилось.

---

[1] См.: *Nobilo M.* Op. cit. S. 176.

[2] См.: Vrednote v prehodu II. Slovensko javno mnjenje 1990–1998. *Toš N., Kinar P., Roter Z. i dr.* Ljubljana: Dokumenti SJM, 1999. S. 96.

[3] Цит. по: *Грачев А.С.* Кремлевская хроника. М., 1994. С. 212. Также см., например: *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije. Koper, 1995. S.430.

[4] См.: Югославский кризис и Россия. С. 63; *Tomac Z.* The Struggle for the Croatian State. P. 446; *Nobilo M.* Op. cit. S. 118.

Отказ от применения силы, безусловно, был сознательным выбором Президента СССР и как политика, и как человека. Размышляя о судьбе М.С. Горбачева и Советского Союза, его близкий соратник в те годы — А.Н. Яковлев высказал предположение, что, обладай Президент СССР «бойцовскими качествами, да еще сильно обостренными», возможно, «югославский сценарий» называли бы сейчас «советским»[1].

Октябрьский визит в Москву одновременно стал и началом новых отношений между новой Россией и новой Хорватией. Хотя Ф. Туджман на пути в Москву и опасался, что Горбачев предложит Загребу сохранить Хорватию в составе некой новой третьей Югославии, «к счастью, этого не произошло»; хотя чувствовалось, что советский президент и «заинтересован в том, чтобы республики Югославии сохранили некую региональную форму сотрудничества (союз суверенных республик), он не выдвинул ни этого, ни никаких-либо иных требований»[2].

Совпадение в тот момент позиций Москвы (уже Б.Н. Ельцина, а не М.С. Горбачева) и Загреба по отношению к своим распадавшимся федерациям создавало и объективные, и чисто субъективные предпосылки для налаживания нормальных и эффективных взаимоотношений между Москвой и вновь образовавшимися государствами. Значение краткого визита хорватской делегации в Москву в октябре 1991 г. состояло также и в том, что он отчасти заложил основы отношений между двумя новыми независимыми государствами — Россией и Хорватией. Во время октябрьских переговоров Ельцин предложил создать двустороннюю российско-хорватскую комиссию по сотрудничеству и принял приглашение посетить Хорватию сразу после окончания войны (этому визиту так никогда и не суждено было состояться). Однако уже 17 февраля 1992 г. произошло полное признание Россией независимости Словении и Хорватии, 27 апреля 1992 г. — Боснии и Герцеговины.

Россия и конфликты в Хорватии и Боснии и Герцеговине

Внешнеполитический курс России на Балканах в первой половине 90-х годов испытывал на себе влияние целого ряда факторов. Главными из них были распад СССР, события на самом Балканском полуост-

[1] *Яковлев А.Н.* Омут памяти. От Столыпина до Путина. Кн. 2. М.: Вагриус, 2001. С. 73.

[2] *Nobilo M.* Op. cit. S. 177.

рове и новая ситуация в системе международных отношений в целом. Имея в виду взятый российским руководством курс на сохранение за Россией статуса мировой державы, а также кажущуюся схожесть процессов дезинтеграции многонациональных государств, каковыми являлись бывшая СФРЮ и Советский Союз, нетрудно представить себе роль балканского направления для внутриполитической ситуации в посткоммунистической России и для ее общественного мнения.

Влияние России на Балканах уменьшалось, а внутри страны югославский конфликт превратился в разменную монету в игре между различными политическими силами. При этом праволиберальное крыло постепенно уступало инициативу в выработке внешней политики либо «партии власти», либо коммунистической и псевдопатриотической оппозиции.

С одной стороны, российское руководство, как и позднегорбачевское, отказалось от поддержки ортодоксальных коммунистических сил внутри бывших «социалистических стран». В то же время именно левые силы на Балканах (за исключением Албании) оказались наиболее положительно настроены в отношении России, видя в ней противовес Западу, поддерживавшему праволиберальную оппозицию. Как советские лидеры, так и российские руководители весьма настороженно относились к процессу перехода бывших социалистических стран Балканского региона на позиции исключительно тесного взаимодействия с НАТО и негативно оценивали их намерения войти в этот военно-политический блок.

Москва попыталась трансформировать прежние взаимоотношения СССР со странами Юго-Восточной Европы в соответствии с пониманием ее государственным и внешнеполитическим руководством задач России на международной арене. В этой связи сами Балканы выступали не в роли самостоятельного объекта российского национального интереса, а как вспомогательная часть российско-западных отношений (включая американскую составляющую) и отношений России с пост советскими государствами. В контексте этой объективно сложившейся диверсификации соотношение сил и характер выстраиваемых внешнеполитических конфигураций представляли собой достаточно сложную, а потому малоконтролируемую систему. Конфликтогенность ее составляющих была очевидна и серьезно влияла на собственно российские интересы вблизи границ РФ. Так, в частности, югославская ситуация в силу объективных условий резонировала в румынско-молдавско-приднестровском секторе; отношения между Москвой, Афинами, Баку, Ереваном и Тбилиси так или иначе затрагивали российско-кавказско-балканскую проблематику, а тюркско-

исламский аспект общественно-политического и этнокультурного развития отдельных этносов и регионов Российской Федерации и государств СНГ в определенной мере сказывался на взаимоотношениях России и Турции.

До распада СССР Россия практически не принимала самостоятельного участия в попытках урегулирования югославского конфликта. Упомянутая ранее встреча Бориса Ельцина с Франьо Туджманом и Слободаном Милошевичем в октябре 1991 г. была одной из первых, рассчитанных на перспективу, попыток собственной игры не только на «югославском», но и на международном поле.

Признав независимость Хорватии, Словении и Боснии и Герцеговины, новая Россия, как тогда казалось, получила как правопреемница СССР и возможности для успешного посредничества, но они, однако, оказались упущенными. С одной стороны, исполнительная власть поддерживала не всегда продуманные и дальновидные решения международного сообщества. С другой стороны, она вынуждена была идти на все большие уступки коммунистическо-патриотической оппозиции, превратившей в свой оплот сначала Верховный Совет, а затем и Государственную Думу. На всем протяжении 90-х годов различия между МИДом и Думой в отношении политики России на Балканах оставались весьма значительными.

В России 90-х годов XX в. можно выделить несколько элементов партийно-политической системы, каждый из которых занимает определенную позицию по отношению к событиям на территории распавшейся Югославии и на Балканах: исполнительная власть, думская оппозиция, политический класс, в более широком смысле политизированная часть общества, большинство населения, слабо интересующееся внешней политикой и слабо ориентирующееся в ней. Расходились официальные политические декларации и насущные экономические интересы РФ и ее субъектов. А по проблематике югославского кризиса практически не было единого мнения внутри какого-либо научного учреждения, политической партии. Не был исключением и узкий слой высших российских политиков, в котором существовали весьма различные взгляды на причины югославского кризиса и подходы к его решению.

Применительно к событиям 90-х годов в распадавшейся СФРЮ в российском истеблишменте можно было выделить три группировки: силы, ориентировавшиеся на советское прошлое и на сотрудничество с С. Милошевичем как с представителем коммунистического направления в практической политике; силы, делавшие ставку на боснийских сербов и их лидера Р. Караджича; наконец, сторонники трезвого и равноудаленного подхода в отношениях со всеми сторонами конфликта.

В общественном мнении россиян преобладали «изоляционисты», которые считали, что Балканы далеко и нам нужно больше заниматься «своими делами», или же люди, которые не имеют и не хотят иметь ни малейшего представления ни о Югославии, ни о Балканах, ни о внешней политике вообще.

Весь комплекс зачастую взаимоисключающих взглядов явился отражением переходного состояния общественного сознания России, когда более половины опрошенных продолжали считать Россию сверхдержавой и ощущали потребность в «идеологии», а политическая элита демонстрировала образцы типичные для прошлого[1]. Однако, несмотря на «угрозу традиционному месту России в международных отношениях», как бы ни было ущемлено национальное чувство русских, платить ценою крови за восполнение геополитических потерь общество абсолютно не готово»[2].

Немаловажное обстоятельство: политика министра иностранных дел А.В. Козырева в отношении пост югославских государств все же опиралась на определенные общественные настроения, на «демократический ресурс». «В то время российское общество не испытывало особого чувства единения с “сербскими братьями” — оно было скорее готово породниться с “демократическим Западом”». В июле 1992 г. 25% респондентов позитивно восприняли решение российского правительства присоединиться к санкциям ООН в отношении к Сербии (политике С. Милошевича), против были 16%, и очень высоким оставалось число затруднившихся определить свое мнение — почти 60%»[3].

Применительно к событиям на пост югославском пространстве «боснийско-хорватский» период конфликта можно разделить на несколько этапов. На первом (летом–осенью 1991 г.), во время распада СССР и СФРЮ, Россия «воздерживалась от вовлеченности в конфликт». На втором этапе (зима 1991/92 — осень 1992 г.) Российская Федерация «все более и более вовлекалась в урегулирование конфликтов после безуспешных попыток Европейского сообщества, ООН и Конференции по безопасности в Европе». Третий этап (зима 1992/93 — декабрь 1993 г.) характеризовался «попытками российской дипломатии содействовать осуществлению плана Вэнса–Оуэна при растущем участии России в международных усилиях по урегулированию». Наконец,

---

[1] См.: *Киселев И.* Психологические аспекты адаптации // Миропорядок после балканского кризиса... С. 248.

[2] Этап за глобальным. Либеральный национализм во внешней политике России: Доклад независимой группы экспертов. М., 1994. С. 27, 31.

[3] *Косова Л.* Указ. соч. С. 198.

четвертый этап продлился с декабря 1993 до ноября–декабря 1995 г., т.е. до подписания Дейтонских/Парижских соглашений, когда российская дипломатия, «с одной стороны, противилась односторонней военной акции НАТО без участия ООН, а с другой — добиваясь равноправия, принимала участие в дальнейших усилиях по прекращению конфликта»[1]. По словам тогдашнего первого заместителя министра иностранных дел А.Л. Адамишина, Россия «пыталась не допустить разрастания конфликта на другие регионы и перерастания его, тем более в общебалканскую войну[2].

Такая позиция не только не исключала, но и предполагала зачастую весьма резкие дискуссии с представителями всех участников пост югославских конфликтов. Москва неоднократно резко критиковала и сербскую (как Белград, так и Пале), и хорватскую, и мусульманскую стороны за нарушение достигнутых при помощи международных посредников договоренностей.

Это подтверждается, например, заявлением Б.Н. Ельцина 9 марта 1993 г. «Любая из конфликтующих сторон, которая не примет план Вэнса–Оуэна в принципе, возьмет на себя тяжелую ответственность. [...] Российская Федерация не будет покровительствовать тем, кто противопоставляет себя мировому сообществу. С жестким отпором ООН столкнутся и сербские националисты, и любые другие участники конфликта, делающие ставку на силу»[3].

Причины неудачи российской политики первой половины 90-х годов заключались не в якобы присущем ей «проамериканизме» или «либерализме», а в том, что она проводилась недостаточно эффективно и последовательно, а вскоре, став заложницей политики внутренней, была пересмотрена.

Депутаты Верховного Совета РФ, а затем и Государственной Думы неоднократно посещали не только Белград, но и Сараево и Загреб, где вели переговоры с высшими государственными деятелями всех трех стран. Однако в Боснии и Хорватии, к сожалению, это в основном был диалог глухих не только из-за «просербской» позиции членов большинства делегаций, но и из-за типологического сходства посткоммунистического национализма на пост советском и на пост югославском пространстве. Кроме того, мешала недостаточная осве-

---

[1] См.: *Edemskii A.* Russian Perspectives // International Perspectives on the Yugoslav Conflict. Ed. by A. Danchev and Th. Halverson. L.: Macmillan Press, 1996. P. 29–51.

[2] Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993). М.: Славянская летопись, 1993. С. 192, 134.

[3] Югославский кризис и Россия. С. 181, 182.

домленность о том, куда и ради чего они едут и с кем встречаются. Вот, например, отрывок из заявления членов «первой официальной парламентской делегации РФ в новой Югославии» от 19 апреля 1993 г. Они информировали коллег, что, «опираясь на предварительный анализ наших переговоров с руководителями Хорватии, Сербской Краины, Боснии, Сербской Республики БиГ, СР Югославии, Сербии», они расценивают «ужесточение санкций ООН против Сербии и Черногории» как «однобокое и несправедливое», как «предвзятый подход международного сообщества», которое становится заложником крупных геополитических интересов отдельных стран»[1].

«Русский фактор» на пост югославском пространстве не ограничивался политико-дипломатическим присутствием. Согласно некоторым данным боснийско-мусульманской стороны, с начала 1993 г. около 2500 русских «добровольцев» участвовали на сербской стороне в войне в БиГ. Кроме того, около 400 казаков под командованием десяти русских офицеров участвовали в наступлении в областях Орашье, Градачац, Требевич и др. Как и во второй половине XIX в., эти «добровольцы» в массе своей были вовсе не убежденными борцами за «славянство» и «православие», а людьми, которые подобным путем пытались решить свои социальные и личные проблемы[2].

Россия и косовский кризис

В 1995–1996 гг. Россия начала на Балканах постепенный дрейф в сторону так называемого неотрадиционализма. Его суть заключалась в пока еще осторожном, но все-таки настойчивом выдвижении ряда взаимосвязанных тезисов. Главными из них являлись апелляции к «традиционности российского присутствия на Балканах», заявления об «этноконфессиональной близости народов полуострова и России», о «покровительстве со стороны России Балканским странам и народам, которым угрожают внерегиональные силы», и, наконец, об особом «российском честном посредничестве в конфликтах на полуострове». В балканской политике Москвы начали усиливаться

[1] Югославский кризис и Россия. С. 183–184.

[2] См., например: *Čekić S.* Agresija na Bosnu i genocid nad bošnjacima. 1991.-1993. Sarajevo, 1994. S. 222; *Шарый А.* После дождя. Югославские мифы старого и нового века. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 93–109; *Некрасов И.* Югославия: Русские уже пришли // Московские новости. 1992. № 491. 6 декабря; *он же.* В Боснии мы защищаем Россию // Московские новости. 1993. № 9. 28 февраля; *он же.* Волонтеры // Общая газета. 1994. № 16/41. 22–28 апреля.

конфронтационные аспекты, прежде всего в форме активизации взаимоотношений с теми из стран полуострова, которые в силу определенных обстоятельств имели проблемы во взаимоотношениях с Западом или, являясь в военно-политическом плане его частью, выступали с особых позиций. На этом этапе Москва постаралась усилить свое присутствие на югославском направлении; возобновить контакты с Болгарией (чередование правительств демократов — сторонников усиления сотрудничества с Западом и социалистов, выступавших за сохранение отношений с Россией, способствовало таким шагам Кремля); активизировать взаимоотношения и с Афинами, и с Анкарой (хотя и в достаточно противоречивом виде)[1].

Тогдашний президент Союзной Республики Югославии С. Милошевич опирался на Россию вынужденно, пытаясь в сложившейся — во многом по его вине — кризисной ситуации использовать Москву как «противовес» политике США и НАТО. Игра на противоречиях «великих держав» или военно-политических блоков — давняя традиция политики Белграда (равно как и других балканских столиц) была обусловлена геополитическим и стратегическим положением Сербии, а затем и Югославии (как СФРЮ, так и СРЮ). Более того, провоцирование конфликта между Россией и НАТО давало Милошевичу и его режиму единственный политический шанс на выживание. Сама же Россия, следуя сложившимся у части российского общества стереотипам, фактически способствовала поддержанию на плаву этого режима и его главы.

Естественно, у России были свои стратегические интересы на Балканах. Они связаны не только с поддержкой проживающих там братских народов. По справедливому утверждению тогдашнего премьер-министра России и спецпредставителя Президента РФ на Балканах В.С. Черномырдина, «освободительное миссионерство накладывалось на необходимость обеспечить собственное беспрепятственное судоходство через Черноморские проливы». В то же время он вряд ли обоснованно видел причину возникновения косовского кризиса прежде всего в так называемом внешнем факторе, прежде всего в политике США и стран Западной Европы.

Подобного рода исходные позиции не могли не привести к самым негативным для российской политики результатам в период конфликта вокруг Косово. Запад не посчитался с Россией не только из-за различия интересов, несомненно имевшего место, но и потому, что

---

[1] См.: *Романенко С.А., Улунян Ар.А.* Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // Pro et contra. 2001. Т. 6. № 4.

практика словесной поддержки российскими политиками С. Милошевича не воспринималась как реальное препятствие военной операции. Начавшиеся 24 марта 1999 г. воздушные удары, как известно, продолжались вопреки официальному осуждению «агрессии НАТО» со стороны Москвы и предпринятым ею демаршам.

Российские военные аналитики утверждают, что почти на всем протяжении балканского кризиса главная проблема для России заключалась в выборе: следовать ли ей в фарватере политики Запада в этом регионе или вести собственную независимую линию. Одновременно заявлялось, что «национальные интересы России на Балканах в военной сфере заключаются в защите независимости стран региона, обеспечении их суверенитета, государственной и территориальной целостности, предотвращении военной агрессии, создании условий для мирного, демократического развития этих государств», а в политической сфере — «в сохранении конституционного строя, суверенитета, политической, социальной и экономической стабильности государств, в обеспечении законности и правопорядка»[1]. Но решение этих задач оказалось несовместимым с политикой избирательной поддержки авторитарных режимов, а мирное урегулирование и обеспечение стабильности в регионе не могли быть достигнуты путем конфронтации с остальными ведущими государствами.

На этом фоне вполне понятны были результаты голосования в Совете Безопасности ООН 26 марта 1999 г. по предложенной Россией резолюции, характеризовавшей действия НАТО как агрессивные, предпринятые против суверенного государства без санкции и в обход ООН и представляющие собой реальную угрозу международному миру и безопасности. Россия требовала прекратить силовую акцию. Но за предложенный ею проект резолюции проголосовало всего 3 члена Совета из 15 (Россия, Китай и Намибия). При этом против был представитель Словении, а приглашенные на заседание делегаты от Украины и Боснии и Герцеговины заняли по отношению к проекту, соответственно, нейтральную и критическую позиции. Добавим, что Россию тогда не поддержала ни одна из представленных в Совете Безопасности европейских стран[2]. В то же самое время в Государственной Думе РФ в осуждении действий НАТО были едины все — от ЛДПР до «Яблока».

---

[1] *Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А.* Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. М., 2001. С. 39, 41.

[2] См.: *Максимов А.* Югославская трагедия. Финал? // Открытая политика. 1999. № 7/8(38). С. 62, 63.

Российское общество, несмотря на излишне эмоциональную реакцию части официальной элиты, не питало никаких иллюзий и оказалось в целом более здравым и рациональным. Опросы общественного мнения показывали, что Югославию С. Милошевича в 1999 г. считали союзником не более 5% опрошенных. В марте–мае 2000 г. союзником России США видели 4%, а Югославию (т.е. Сербию Милошевича) — 2% опрошенных, и только 1% считал, что Югославия (наряду с Францией и Кубой) искренне проводит по отношению к России дружественную политику[1]. Более позднюю Югославию, избравшую демократический курс два годя спустя, в ноябре 2001 г. союзником считал лишь 1% опрошенных[2].

По прошествии времени имеется возможность восстановить ход последующих переговоров 1999 г. и с С. Милошевичем, и с Европой, и с США, опираясь на воспоминания непосредственных участников, игравших в них ключевую роль. Вот как описывает ход российско-американских переговоров относительно урегулирования ситуации в Косово и прекращения военной операции генерал Л.Г. Ивашев: «В Европе уже началось брожение по поводу агрессии против суверенной Югославии. [...] В этих условиях Россия получила шанс стать центральным игроком в урегулировании югославского кризиса. Европейцы и даже американцы с надеждой смотрели на нас, полагая, что Россия сможет развести стороны, участвовавшие в конфликте. [...] Нам удалось добиться многого. Посредниками выступили финны, они сыграли положительную роль»[3].

Нельзя не упомянуть о заключительном эпизоде, случившемся уже после подписания всех документов по Косово — о неожиданной и несогласованной переброске колонны российских десантников в аэропорт столицы Косово — Приштины. По мнению спецпредставителя Президента РФ В.С. Черномырдина, маневр был оправдан, особенно если учесть затяжку в переговорах по формированию миротворческого воинского контингента в Косово. «Россия добилась, что переговорный процесс стал более быстрым. Чего не удалось достичь в зале для переговоров, было осуществлено благодаря действиям в полевых условиях. С другой стороны, Россия еще раз обозначила свои интересы в Югосла-

---

[1] См.: Новые известия. 2000. 26 мая.

[2] Цит. по: Известия. 2001. 12 ноября.

[3] См.: *Юрьев И.* Кремлевские интриги вокруг Косово: Интервью с Л. Ивашевым // Независимое военное обозрение. 2003. 18–24 апреля. Также см.: *Ивашев Л.Г.* Косовский кризис 1999 г. Бросок на Приштину // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 87–114.

вии и лишний раз подчеркнула, что с ней нельзя не считаться, а тем более выводить нашу страну за скобки миротворческих усилий»[1].

Тончайшая грань, за которой могло начаться губительное для всего мира военное столкновение России и НАТО, не была перейдена во многом благодаря ставшей знаменитой фразе британского генерал-лейтенанта М. Джексона, командующего корпусом сил быстрого реагирования Верховного главнокомандования объединенных вооруженных сил НАТО в Европе. В ответ на приказ своего командующего У. Кларка блокировать взлетно-посадочные полосы аэродрома, занятого к тому времени российскими десантниками, не потерявший чувства ответственности и трезвости в анализе событий, генерал ответил: «Сэр, я не собираюсь ради вас начинать третью мировую войну...»[2]

Ведущие российские политики по-разному оценивали результаты косовского кризиса. Президент Б.Н. Ельцин полагал, что «Россия не дала себя победить в моральном плане. Не дала расколоть себя. Не дала втянуть в войну»[3]. «Да, конфликт в Косово остановлен. Но проблемы этого края не решены. Что делать с Косово дальше — никто не знает. Война лишь укрепила режим Милошевича, пусть даже и на некоторое время»[4], — закончил Б.Н. Ельцин без всякого сочувствия к югославскому президенту.

Оценивая последовавшие за косовским кризисом события 5 октября 2000 г., в результате которых С. Милошевич был отстранен от власти, Е.М. Примаков замечал: «Безусловно, в итогах выборов отразилось широкое недовольство югославской общественности. Но чем? Не политикой, направленной на сохранение территориальной целостности Югославии или его (С. Милошевича. — *Авт.*) противодействием попыткам диктовать этой стране неприемлемые для нее условия. Результаты президентских выборов свидетельствуют о другом: общество не согласно с методами бывшего президента по руководству Югославией, с отсутствием демократического выбора в созданном им режиме»[5]. Многие сербские политики, пришедшие к власти после ухода Милошевича (например, избранный в 2000 г. президентом СРЮ Воислав Коштуница), считали, что тех же целей можно и нужно добиваться, только иными методами.

---

[1] *Черномырдин В.С.* Вызов. М.; Киев; Париж, 2003. С. 236.

[2] *Clark W.K.* Waging modern war. P. 394.

[3] *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. С. 292–293. Также см.: *Ahtisaari M.* Beogradska zadaća. S. 167–173.

[4] *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 281.

[5] *Примаков Е.М.* Восемь месяцев плюс. М., 2001. С. 165–166.

Если же оценивать события с точки зрения реальных интересов России в мире, в Европе, на Балканах, в СНГ, внутри страны, то результаты ее политики в косовском кризисе выглядят достаточно сомнительными, если не прямо противоположными желаемому. «Вместо общероссийского консенсуса мы получили обострение внутриполитической ситуации, призывы леворадикальных сил к немедленной отставке президента, не пожелавшего незамедлительно оказать военно-техническую помощь режиму С. Милошевича»[1]. Причем произошло это в момент, когда России действительно необходимо было рациональное согласие общественных и политических сил относительно отказа от необратимо ушедшего, в момент «формирования новых политических механизмов новой международной политической системы»[2].

Россия в поисках новых ориентиров балканской политики

После событий марта–июня 1999 г. в Москве все же начали понимать, что провоцирование конфликта со странами Западной Европы и США, с НАТО и ЕС (пусть даже используемое «для внутреннего употребления») противоречит долгосрочным интересам самой России. Вскоре после завершения военной операции НАТО «косовскую проблему» и «сербский национальный вопрос» перестали активно использовать для прямых спекуляций и манипулирования российским общественным мнением, хотя упрек Западу за косовскую операцию стал в устах российских политиков и дипломатов стандартным ответом на критику операции в Чечне.

Тридцатого июля 1999 г. на встрече в Сараево, посвященной обсуждению Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, тогдашний премьер-министр России С.В. Степашин прямо отмежевался от политики С. Милошевича. Он заявил, что «страдания югославского народа — это не только бомбардировки, но и режим С. Милошевича». В тот момент это вполне соответствовало и словам Президента РФ о «необходимости сгладить югославскую ситуацию, наладить с США, Германией, Францией и другими государствами дружеские отношения»[3].

---

[1] *Пархалина Т.* Некоторые результаты политики России в ходе косовского кризиса. С. 121. Также см.: *Romanenko S.* The Kosovo Crisis and Russia // Croatian International Relations Review. 2000. Vol. VI. No 18/19. January/June. P. 11–22.

[2] *Марков С.* Югославский кризис и новый мировой порядок // Миропорядок после балканского кризиса... С. 43.

[3] Коммерсантъ-Власть. 1999. 10 августа. С. 32.

Визит президента Черногории Мило Джукановича в августе 1999 г. некоторыми московскими наблюдателями был воспринят как отказ России от «сомнительных друзей, доставшихся ей в наследство от советской империи»[1]. Для России начало контактов с югославской и сербской оппозицией и поиск альтернативной политики, безусловно, сыграли положительную роль. Однако с М. Джукановичем в Москве зачастую беседовали те же люди, которые выступали инициаторами и апологетами союза России, Белоруссии и Югославии на основах «славяно-православного братства» или фантазий об обретении Россией выхода к Адриатическому морю.

Последующие встречи российских дипломатов с представителями сербской оппозиции можно было считать новым акцентом в балканской политике РФ. Эти давно необходимые контакты стали продолжением попыток Москвы найти более гибкую и прагматичную линию поведения[2]. Но до конца преодолеть двойственность и непоследовательность своей политики на балканском направлении Москве так и не удалось.

Бросается в глаза непонимание российской общественностью и частью отечественных политиков всей сложности региональных проблем, доставшихся в наследство от 90-х годов. Не получает одобрения стремление Балканских стран войти в НАТО и ЕС, стать равноправными участниками интеграционных процессов в Европе. Это свойственное всем государствам Юго-Восточной Европы стремление — не каприз, но выбор пути исторического развития и долгосрочная политика, соответствующая их национальным интересам. Оно ни в коей мере не означает проявления враждебности в отношении России, сотрудничество с которой, как показал опыт, также определяется долгосрочными интересами этих стран. Но Россия пока не может предложить ни материальных средств для восстановления разрушенного, ни модели перехода к рыночной экономике и демократической системе, ни планов урегулирования межнациональных отношений и системы безопасности. Необходим поэтому поиск рациональных форм сотрудничества с учетом интересов всех сторон.

В то же время достижение и укрепление стабильности на Балканах отвечают подлинным и долгосрочным политическим интересам России. Поэтому ее стратегической задачей должно быть установление нормальных отношений с Балканскими государствами, урегулирование существующих противоречий и конфликтов в союзе

[1] Там же. С. 32, 33.
[2] См.: Danas (Beograd). 1999. 7 Septembar.

с теми силами, которые проявляют в этом наибольшую заинтересованность.

Суть российских внешнеполитических комбинаций на балканском направлении начиная с 1996 г. заключалась в обеспечении следующих основных целей: 1) сохранение территориальной целостности СР Югославии; 2) недопущение слишком активного вовлечения внерегиональных сил в балканские дела; 3) закрепление существующего территориального разделения и недопущение его последующего изменения; 4) расширение взаимодействия с государствами, занимающими особую позицию в рамках евро-атлантических структур; 5) поддержка региональных общественно-политических сил, ориентирующихся на создание баланса между основными участниками международного сообщества, включая Россию, и выступающих за активное привлечение последней к решению региональных проблем.

Чередование активной (военной) и латентной (полумирной) фаз балканского кризиса, имея в виду такие знаковые события, как гражданская война в Албании (весна 1997 г.), косовский кризис (1997–1999), внутриполитический конфликт внутри СРЮ и в отношениях между ее федеральными частями — Сербией и Черногорией, партийно-политические перемены в Болгарии и Румынии и, наконец, этнополитический конфликт в Македонии, препятствовало укреплению системы международных отношений на Балканах в частности и в Европе в целом.

Российская внешняя политика на Балканах выявила в эти годы ряд черт, позволяющих говорить о ситуативной реакции на события в контексте собственно российских проблем и в то же время о стремлении к консервации балканской этнотерриториальной картины и недопущении каких-либо изменений в этой области.

Новые реалии балканской политики, связанные с поиском принятия практических решений как на региональном, так и на международном уровне, ставят Россию перед необходимостью перехода на позиции прагматизма, не имеющего ничего общего ни с романтизмом, грозящим неисчислимыми конфликтами в поисках недостижимой «справедливости», ни с примитивным практицизмом, видящим только сиюминутную выгоду. В XXI в. России необходим новый стратегический курс в Юго-Восточной Европе. Но для этого не годятся ни абстрактные идеи мыслителей XIX — начала XX в., ни упрощенные глобальные схемы современных западных политологов, ни механическое перенесение ситуации из прошлого в настоящее.

Глава 12. Россия и Юго-Восточная Европа: между историей, экономикой и политикой

Балканы словно специально были созданы, чтобы испытывать Россию на соответствие ее идеалов интересам политики — экономике, исторических связей — современным задачам. Неудивительно, что тема «Россия и Балканы» всегда была популярна в нашей стране. Причины этого достаточно очевидны. Языковая близость, вековое историко-культурное взаимное влечение народов и их конфессиональная общность превращали регион в естественное поле для проявления национальных эмоций, травмированных в конце XX в. распадом великой страны и потерей былого статуса сверхдержавы. На этом фоне казалось не столь важным, что в реальности Балканские страны более враждовали, нежели сотрудничали: Сербия и Болгария, обретя независимость, вскоре начали междоусобную войну (1885), а Первая и Вторая Балканские войны (1912–1913) ввели в международный лексикон термин «балканизация» как синоним борьбы всех против всех. Достаточно противоречивыми были и их взаимоотношения с Российской империей, стремившейся к овладению Черноморскими проливами не меньше, чем к покровительству православно-славянским братьям. Мало кто вспоминал, что российские императоры, начиная с Александра II, очень настороженно относились к панславизму и более всего опасались, что вовлечение России в балканские распри может повредить ее европейской политике. Даже у Советского Союза отношения с Югославией, Албанией и Румынией, ставшими на путь социализма, складывались непросто. Тем не менее процесс распада СФРЮ, протекавший хотя и иначе, чем дезинтеграция СССР, но типологически с ней схожий, самой этой однотипностью подвигал на прямые, а иногда и на преднамеренно спрямленные параллели. Поэтому российская политика в регионе служила важным инструментом идейно-политического размежевания и борьбы власти и оппозиции в самой России.

На протяжении 90-х годов одним из значимых пунктов международной повестки дня оставался югославский кризис, а драматичные эпизоды сопровождавших его вооруженных конфликтов — неизменно благодатным сюжетом для средств массовой информации. К тому же западные державы и Россия вместо единственно целесообразного общего подхода к урегулированию кризиса обзавелись собственными клиентами среди противоборствующих сторон и принялись ак-

тивно «болеть» за них. США и ЕС встали на сторону противников Белграда (сначала хорватов, затем босняков-мусульман и, наконец, албанцев Косово), предоставив России попечительство над сербами. Территория конфликта тем самым невольно начинала превращаться в зону геополитического соперничества России и Запада. Он тем более охотно воспринимался в этом качестве, поскольку унаследованные со времен «холодной войны» стереотипы как бы получали новое подтверждение, эффективно обслуживая интересы тех, кто нуждался в ее продолжении.

Для российской внешней политики это был во многом вынужденный выбор, навязанный отчасти поведением западных партнеров, отчасти логикой внутриполитической борьбы. В реальности же Россия вела себя достаточно пассивно, хотя внешне шумно и эмоционально, играя роль скорее благосклонного к сербам посредника, нежели покровителя и защитника. Между тем одержать стратегическую победу в наметившемся споре за доминирование в регионе РФ была не состоянии даже в самом лучшем случае. Более того, подобная победа при непредвзятом анализе выглядит не только непосильной, но и ненужной. Достигнутое ценой полномасштабной конфронтации с Западом преобладание в наименее развитой по социально-экономическим параметрам части континента, как и сама Россия, жизненно нуждавшейся в массированном донорстве и внешних инвестициях, — проект и сам по себе высокозатратный. Даже если признать его реализуемым, что он мог дать для решения первостепенной национальной задачи — экономического возрождения страны? И что должно было подвигнуть Россию на подобные жертвы на Балканах, если даже на пост советском пространстве она не была готова нести расходы, связанные с ролью центра возможной интеграции? Хотя такая роль в ее ближайшем окружении гораздо теснее связана с ее непосредственными интересами и вменяется России не только былой историей, но и сегодняшними проблемами. Именно этот очевидно неблагоприятный баланс возможных приобретений и неизбежных издержек налагал объективные пределы степени российской активности на Балканах и решающим образом определял меру ее подлинной заинтересованности.

Во внешнеполитических декларациях, в дебатах в Думе, в прессе этому региону уделялось куда более значительное место сравнительно с тем, какое он занимал в списке действительных политических приоритетов, в структуре внешнеэкономических связей России или в подлинных массовых предпочтениях ее граждан. Но слова, не обеспеченные материальными ресурсами, стоили недорого и не могли влиять на ход событий. Поэтому курс России на Балканах оказывался

функциональной переменной, зависящей от факторов, имеющих малое отношение к самому региону, — от общего контекста ее отношений с западными державами и хода внутриполитической борьбы. В те редкие моменты, когда балканская политика начинала приобретать самодовлеющее значение, быстро обнаруживалась «цена вопроса» и ее неприемлемость. При этом российская дипломатия в регионе оказалась слишком сфокусирована на югославский кризис. Между тем для других стран Юго-Восточной Европы, сумевших остаться от него в стороне, происходившее на территории бывшей СФРЮ было скорее негативным примером, стимулом для поиска новых сильных покровителей и средством привлечь к себе их внимание.

Балканы, таким образом, в последнее десятилетие ушедшего века представляли собой для России не слишком благодатное поприще. Сфера былых интересов исчезнувшей державы оказалась периферийным регионом континента и зоной затяжного и острого конфликта. Эта международная проблема требовала от России повышенной активности, не отвечавшей ее внутренним потребностям. Она при этом была вынуждена разыгрывать роль, не соответствующую ее реальным возможностям (ни в смысле влияния на подопечных, ни с точки зрения конкуренции с соперниками). Собственно говоря, не будь западная политика в регионе столь пристрастно антисербской, она могла бы и в СРЮ добиться своего куда раньше и с много меньшими затратами. Элиты же других стран региона уже в начале постсоциалистического периода своего развития взяли курс на вступление в ЕС и НАТО.

Парадоксально, но и для западных держав, вопреки распространенным у нас представлениям, балканские проблемы также не являлись жизненно важными. США и ЕС, нехотя и по необходимости занявшись урегулированием югославского кризиса, а затем и стабилизацией региона, довольно долго ограничивались дипломатической активностью и не спешили обозначить свое непосредственное присутствие на Балканах. Лишь когда стало очевидно, что прекратить войну в Боснии и Герцеговине без активного внешнего вмешательства не удастся, а ООН с этим не справляется, США и НАТО взяли на себя функцию «принуждения к миру». Но и в этом случае собственно балканские сюжеты служили скорее поводом. Подлинные же мотивы силовой акции Североатлантического альянса и американской активности в установлении Дейтонского мира в БиГ были связаны с внутриполитическими расчетами администрации Клинтона, с желанием вдохнуть в НАТО новую жизнь и вновь утвердить лидерство США во взаимоотношениях с Европой. Схожие побуждения лежали и в основе косовской операции НАТО в 1999 г. Примечательно, что с приходом

администрации Буша, несмотря на ее глобальные претензии, США заявили о намерении максимально сократить свое присутствие в зоне конфликта. Лишь по настоянию европейцев этому процессу был придан более плавный характер: достигнута договоренность, что ЕС постепенно должен перенять от НАТО руководство миротворческими операциями в Македонии, БиГ и Косово. Правда, новейшее решение о передислокации части американских войск на создаваемые в Болгарии и Румынии базы придает новое измерение геостратегическому положению региона и ставит Россию перед новыми вызовами. Но, как нетрудно убедиться, ни с югославским кризисом, ни с собственно балканскими проблемами оно не связано.

Неслучайно расширение НАТО и ЕС поначалу охватило Центральную, а не Юго-Восточную Европу, казалось бы более нуждавшуюся в их стабилизирующем присутствии. Именно на страны Центральной Европы был ориентирован основной объем экономической помощи, туда же направлялась большая часть иностранных инвестиций. В товарообороте ЕС (как и самой России) с государствами бывшего советского блока наибольшая доля также приходится на Польшу, Чехию, Венгрию и Словакию. Лишь в 1999 г. ЕС произвел на свет Пакт стабильности Юго-Восточной Европы, но его финансовое обеспечение, как и реальная отдача, оказалось гораздо скромнее, нежели обещания и ожидания. Болгарии и Румынии, несмотря на все потуги, пришлось дожидаться «второй волны» расширения НАТО в 2004 г., а в ЕС они были приняты лишь в 2007 г. В 2004 г. статус кандидата на прием в ЕС получила Хорватия, а в 2005 г. — Македония. Всем претендентам предложено заключить с ЕС особого типа «соглашения о стабилизации и ассоциации», дающие им некоторые льготы и право на помощь, но в меньшем объеме, нежели кандидатам на вступление. Подобные соглашения на сегодняшний день подписаны с Македонией, Хорватией, Албанией и Черногорией, а с Боснией и Герцеговиной и с Сербией ведутся переговоры на эту тему. Ожидания Хорватии, Албании и Македонии на прием в НАТО в 2006 г. не оправдались. Правда, Сербия, Черногория и БиГ получили приглашение присоединиться к программе «Партнерство во имя мира».

Причина относительно меньшего интереса США, НАТО и ЕС к Балканам была та же, что и у России. Не слишком лакомый кусок, суливший большие расходы, не давая ощутимых и весомых выгод, несмотря на важное географическое положение региона на перекрестке Европы и Среднего Востока, пост советского пространства и Средиземноморья, сам по себе вызывал недостаточный интерес. И только когда в Брюсселе и Вашингтоне по внерегиональным мотивам со-

чли целесообразным вписать Балканы в более масштабные проекты единой Европы и большого НАТО, наделенного глобальной ролью, страны Юго-Восточной Европы смогли привлечь к себе большее внимание. Только в этих условиях нацеленность местных элит на вступление в ЕС и НАТО, свойственная им в большинстве стран региона (за исключением СРЮ) с начала 90-х годов, нашла наконец реальный отклик. Статус члена этих союзов уже не является желанной, но туманной целью. Для одних он уже стал реальностью, для других — вполне конкретной перспективой. На ее осуществление может повлиять возникший в ЕС кризис, связанный с отсрочкой принятия европейской конституции и накопившейся «усталостью» от предшествующего расширения. Процесс европеизации Балкан займет, по-видимому, больше времени, чем это представлялось. Но подобная перспектива сама по себе остается материальной силой, во многом предопределяющей поведение Балканских государств. Поэтому и в Брюсселе вряд ли захотят лишиться столь мощного инструмента регулирующего воздействия на положение в регионе.

Ситуация на Балканах на рубеже веков существенно изменилась. После того как авторитарно-националистические режимы Ф. Туджмана в Хорватии и С. Милошевича в Сербии в 2000 г. прекратили существование, наиболее активные участники югославского кризиса были выведены из игры, и открылся путь к подлинной нормализации межгосударственных отношений на территории бывшей Югославии. Потенциальным источником экстремизма остаются лишь претензии албанской элиты Косово на независимость как можно скорее и любой ценой (а в идеале — на воссоединение всех «албанских» земель) и активность разнообразных ответвлений бывшей Освободительной армии Косово. Вооруженные конфликты стали сходить на нет. Правда, события 2001 г. в Македонии и на юге Сербии, антисербские погромы в 2004 г. в Косово напомнили: оружие может заговорить вновь. И все же воцарилась пусть хрупкая и относительная, но стабильность. Народы, населяющие территорию бывшей Югославии, за исключением разве что части албанцев, похоже, досыта навоевались, хотя и с трудом привыкают к совместной мирной жизни.

Регион уже не может восприниматься и как поле геополитического соперничества России и Запада. До Балканских государств, выстроившихся в очередь на прием в ЕС и НАТО, дошел наконец черед в европейских и американских проектах. И если прежде для России Балканы были главным образом сферой приложения дипломатических сил, то ныне они оказались привлекательными для вставшего на ноги российского бизнеса. Постоянные декларации об интересах Рос-

сии на Балканах стали обретать реальное, материальное наполнение. При этом изменилось и само их содержание: из несколько абстрактной формулы внешнеполитического словаря, довольно произвольно заполняемой историческими спекуляциями, геополитической символикой и наследственными стереотипами, интересы начали отражать вполне конкретные калькуляции выгод и расходов совершенно определенных экономических субъектов.

Нынешнее состояние региона остается достаточно сложным. Тяжелое наследие вооруженных распрей последнего десятилетия минувшего века (если не заглядывать в более отдаленное время), массовая безработица, всеобщая нищета и столь же распространенная преступность, сотни тысяч беженцев, которые до сих пор не могут вернуться домой, — все это подходящая среда и для консервации националистических настроений, и для новых конфликтов. Прочная и долговременная стабильность здесь не установится, пока не будет найдено справедливое и окончательное решение государственно-политического будущего таких временных международных протекторатов, как Косово, Босния и Герцеговина.

Между тем и ЕС, и США, взявшие на себя роль едва ли не единственных вершителей судеб Балканских государств, проводят в регионе курс, принципиально отличный от российского. Позиция России — отстаивание нерушимости границ, суверенитета и территориальной целостности государств региона. Политика ее западных партнеров далека от единого стандарта и общей логики в отношении однотипных ситуаций и не готова на деле признать равноправие народов и государств этой части Европы. Если в интересах России было бы создание на Балканах международно-правовых и политических прецедентов, выгодных ей на пост советском пространстве, то ЕС и США склонны решать каждую проблему, руководствуясь разными принципами, исходя из собственных прагматических задач в каждом конкретном случае.

Наметившееся смещение геополитического противостояния на пост советское пространство, ставшее особенно явным в ходе «разноцветных революций» в ряде стран СНГ, не отменяет ни соперничества России и Запада на Балканах в сфере геоэкономики, ни реальной и нередко нелояльной конкуренции европейских и американских компаний с российскими. Пойдя на широкомасштабное сотрудничество с США и НАТО, умерив свои возражения против его расширения на восток, хладнокровно наблюдая за готовящейся передислокацией американских баз к своим западным рубежам, Россия объективно не может оставаться безучастной к этому. Ведь подобные действия ее западных партнеров не только противоречат политическим обязательст-

вам, взятым ими на себя в Договоре ОВСЕ и Основополагающем акте об отношениях НАТО и России. В Центральной и Юго-Восточной Европе создается инфраструктура проецирования силы на пост советское пространство и саму Россию. Не забывая об этом, все же можно сказать, что в новой ситуации складываются более естественные, нежели прежде, условия для сотрудничества РФ со странами этого региона, поскольку оно едва ли не впервые начало приобретать реальную размерность и конкретное материальное содержание.

После того как даже попытки ненужного и непосильного для России геополитического соперничества за Балканы стали невозможны, она смогла освободиться от иллюзорных целей, сосредоточив свои усилия на действительно перспективных проектах. Ее экономическое присутствие в Юго-Восточной Европе или предложения о сотрудничестве в военно-технической сфере не могут трактоваться как попытка отвлечь Балканские государства от их уже бесповоротно сделанного выбора в пользу ЕС или НАТО. Наметившаяся нормализация отношений между Балканскими государствами — естественная предпосылка реализации взаимовыгодных широкомасштабных инфраструктурных проектов по увеличению экспорта, транзита и переработки российских энергоносителей, что по самой природе этого бизнеса требует стабильности. Наконец, утвердившись заблаговременно на тех рынках, которые становятся частью единого экономического пространства ЕС, российские компании открывают возможность стать его активными участниками. Первые немаловажные успехи на этом пути уже достигнуты.

Вместе с тем обостряется соперничество за контроль над путями транзита нефти и газа, предпринимаются попытки увеличить поставки энергоносителей каспийских государств в обход России. В 2007 г. Россия, Болгария и Греция после многолетних переговоров подписали соглашение о сооружении нефтепровода Бургас–Александруполис с Черноморского побережья Болгарии к средиземноморскому порту Греции. Но рассматриваются и иные, альтернативные варианты. Болгария, Македония и Албания выступили с инициативой строительства нефтепровода Бургас–Влёра. Румыния и Италия отстаивают проект нефтепровода Констануа–Триест. Таким образом создаются условия для расширения экспорта каспийской нефти в обход Черноморских проливов, ставших узким местом на ее пути в Европу отчасти из-за объективно ограниченной пропускной способности, отчасти в силу интересов Турции. Тем самым прокладываются новые маршруты доставки нефти, альтернативные и отчасти конкурентные, по нефтепроводу Баку–Джейхан, строительство которого пролоббировали США и Турция.

Предложенному «Газпромом» южно-европейскому газопроводу, предусматривающему расширение «Голубого потока» и продление магистрального трубопровода через Турцию, Болгарию и Сербию до Венгрии, ЕС противопоставил свой проект NABUCCO из Азербайджана через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию до Австрии. Ведется строительство турецко-греческого газопровода Караджабей–Комотини, и проектируется его продление в Италию (Комотини–Отранто).

Стратегический интерес для российских компаний представляет переработка сырья. И в этой сфере они сумели занять выгодные плацдармы. «Лукойл» приобрел контрольные пакеты акций нескольких компаний по переработке и продаже нефтепродуктов: «Петротел» в Румынии (в 1998 г.), «Нефтохим» в Болгарии (в 1999 г.), «Беопетрол» в Сербии (в 2003 г.), создал в этих странах свою сеть автозаправочных станций. В 2005 г. эта российская компания договорилась о строительстве подобной сети и с правительством Македонии, а в 2006 г. подписала соглашение со словенской «Петрол» о создании совместного предприятия для реализации нефтепродуктов в Юго-Восточной Европе. «Русал» стал собственником глиноземного комбината «Алор» в Румынии, приобрел контрольный пакет акций аллюминиевого комбината, бокситового рудника, ТЭС и угольной шахты в Черногории.

В 2001 г. корпорация «Объединенные машиностроительные заводы» — группа «Уралмаш-Ижора» купила контрольный пакет акций завода нефтяного оборудования «Упет» в румынском городе Тырговиште. «Мечел» приобрел металлургический комбинат в Сисаке (Хорватия). «Энергомашэкспорт — Силовые машины» осуществляет реконструкцию ТЭС «Джердап-1» в Сербии и расширяет сотрудничество в реконструкции объектов электроэнергетики в Македонии. «Газпром» проявляет активный интерес к участию в приватизации транзитных газопроводов и местных газораспределительных сетей. Широкое поле деятельности существует в регионе и у российского Минатома. Болгария и Румыния объявили об амбициозных программах в области атомной энергетики. Румынское правительство в конце 2002 г. представило потенциальным инвесторам план строительства третьего и четвертого энергоблоков АЭС «Чернаводэ». Стоимость каждого — 1,3 млрд евро. Одновременно и болгарские власти решили возобновить законсервированное в 1991 г. по требованию «зеленых» строительство АЭС «Белене». Закрывая по настоянию ЕС четыре реактора «чернобыльского» типа на действующей АЭС «Козлодуй» (два — в 2002 г. и еще два — до начала 2007 г.), страна, являвшаяся одним из основных экспортеров электроэнергии в сопредельные государства, столкнулась с дефицитом производственных мощностей. Восполнить его и призвана АЭС «Белене».

Экономическая экспансия России в Юго-Восточную Европу вызывает различную реакцию. Как отмечала 31 января 2002 г. софийская газета «Труд»: «...Болгария для Москвы уже не та, что прежде... Сейчас Болгария для России представляет стратегическую сеть электро-, газо- и нефтепроводов, расположенную в центре Балкан. Это и есть современные коммерческие магистрали для “длинной руки Москвы”. С капиталистами — по-капиталистически, сказали бы идеологи “холодной войны”. С помощью крупных энергетических компаний Кремль сегодня в состоянии проводить куда более сильную региональную политику, чем посредством инструментов традиционной дипломатии». Политическая стилистика этих строк, может быть, и неудачна, но они вообще-то верно описывают изменившуюся ситуацию в Юго-Восточной Европе и новые возможности и потребности России, которые, однако, не противоречат ни интересам ее балканских партнеров, ни их европейским планам. Ведь и для ЕС в целом Россия остается одним из основных поставщиков энергоресурсов, которому в обозримом будущем нет экономически рациональной альтернативы. В этом смысле расширение российского экономического присутствия органично вписывается и в политику стабилизации региона, и в отношения России с ЕС. Стать связующим звеном между ними Балканским государствам явно выгоднее, нежели предлагать себя на роль антироссийского форпоста на восточных рубежах Европейского союза, хотя попытки ЕС и США «снизить энергетическую зависимость от России» подменяют экономическую логику политическими расчетами.

В справедливости этого вывода можно убедиться на примере тех стран Юго-Восточной Европы, которые словно взялись проверить его «от противного». Они в минувшее десятилетие не только активно переориентировали свои внешнеэкономические связи на ЕС и государства Центральной и Восточной Европы. Параллельно прилагались немалые усилия, чтобы любым способом противопоставить себя России. Результатом стало политическое отчуждение, фактическая потеря ими российского рынка и громадный дефицит торгового баланса, поскольку импорт российских энергоносителей, которым замены не нашлось, все меньше покрывался скудеющим экспортом в Россию. Красноречивой иллюстрацией могут служить спады и подъемы в отношениях Болгарии и Румынии с Россией, которые заметны как в политической, так и в экономической сфере.

Так, стараниями правительства Союза демократических сил (1997–2001), возглавлявшегося И. Костовым, болгарско-российские отношения в целом были практически «заморожены», поскольку оно не придумало ничего лучшего, как пытаться поднять невысокие шансы

страны на скорый прием в ЕС и НАТО демонстративно антироссийским курсом. Замысел оправдался не вполне: в «первую волну» приема в НАТО и ЕС Болгария все же не попала. Но болгарские «западники» подобного чекана выказали столь низкопробную и махровую русофобию, какую не часто встретишь даже в странах, где исторические обиды на Россию имеют давние корни и обоснованы хотя бы прошлым.

Между тем российско-греческие отношения дают пример того, что статус Греции как члена ЕС и НАТО сам по себе не является помехой для успешного сотрудничества при наличии доброй воли. Следующее правительство Болгарии, сформированное в июле 2001 г. Симеоном Сакскобургготским, поставило конструктивную цель: развивать отношения с Россией, не противопоставляя их евро-атлантическому вектору болгарской политики. Оно, однако, было вынуждено начать практически с нуля. Образовавшийся дисбаланс в торговле с Россией нанес ущерб в первую очередь самой Болгарии. Он составляет значительную часть болгарского внешнеторгового дефицита; в то время как отсутствие болгарских товаров на российском рынке вызвало сожаление у их традиционного массового потребителя, но оно было моментально восполнено многочисленными конкурентами.

По существу, такие же зигзагообразные тенденции были свойственны и российско-румынским отношениям, а обнаружившиеся проблемы фактически однотипны. Крутой экономический и политический разворот на Запад и «демонизация» новой России имели следствием застой во взаимоотношениях, спад в экономических связях и огромное отрицательное для Румынии сальдо в российско-румынском товарообороте. Несмотря на таможенные льготы, предоставленные в 1994 г. Румынии со стороны России как развивающейся стране (в 1999 г. такие же были даны и Болгарии), российский экспорт к началу нового века почти в 10 раз превышал румынские поставки в Россию. Анахронизм навязчивого политического дистанцирования от России стал настолько очевидным, что даже президент США Дж. Буш, выступая в Бухаресте в декабре 2002 г., счел нужным рекомендовать своим румынским хозяевам активнее сотрудничать с Россией. После возвращения в 2000 г. на пост президента Румынии И. Илиеску не раз обращал внимание на то, что Польша, Венгрия и Чехия имеют с Россией гораздо более содержательные отношения и Румынии также нужно преодолеть этот рубеж. В 2003 г. в ходе его визита в Москву был наконец заключен Договор о дружбе и сотрудничестве, который разрабатывался еще с 1992 г., но долгое время не подписывался. Настоятельная необходимость поворота в румынских деловых кругах была осознана еще ранее.

В современных условиях страны Юго-Восточной Европы получили возможность полностью использовать естественные преимущества Балкан как перекрестка Севера и Юга, Запада и Востока. Показательны в этом смысле итоги визита российского президента в Софию в 2003 г. Результатом переговоров стала «Совместная декларация о дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерства между Российской Федерацией и Республикой Болгария» и еще восемь документов о сотрудничестве в различных областях. Подписаны меморандумы о долгосрочном экономическом сотрудничестве в области энергетики и о поставках и транспортировке газа, программа научно-технического сотрудничества, протокол о поощрении и взаимной защите капиталовложений, соглашение о взаимодействии в сфере налогообложения и несколько договоров о сотрудничестве отдельных регионов России и Болгарии. Наибольшее значение имеют, пожалуй, проекты расширения взаимодействия в сфере экономики.

Стороны договорились продлить действующий до 2010 г. контракт о транзите российского газа через Болгарию в Турцию, Сербию, Черногорию и Грецию на десять–пятнадцать лет и увеличить его объем с 13,5 до 18 млрд куб. м. Поставки газа в Болгарию к 2010 г. также могут вырасти с 3,2 до 8 млрд. кубических метров. «Газпром» выразил готовность участвовать в приватизации «Булгаргаза» и стать акционером болгарских газопотребляющих предприятий, в первую очередь химических заводов, снизив в этом случае цену на поставляемый им газ. Внимание «Газпрома» привлекла и программа газификации населенных пунктов Болгарии, к финансированию которой проявили интерес Европейский банк реконструкции и развития и ряд других структур.

РАО «ЕЭС России» не менее заинтересовано в возобновлении и расширении поставок электроэнергии на Балканы, в том числе с Молдавской ГРЭС, отошедшей в российскую собственность. Компания уже располагает пакетом предложений от предприятий Сербии, Черногории, Македонии и некоторых других государств, испытывающих хронический ее дефицит. До недавнего времени Болгария блокировала российские попытки выйти на местный рынок, ссылаясь на неполную совместимость технических параметров сетей. Сейчас они согласованы. Следуя Европейской энергетической хартии, Болгария не может препятствовать транзиту электроэнергии в третьи страны. Да и ситуация с обеспеченностью электроэнергией меняется в связи с остановкой реакторов на АЭС «Козлодуй». В этих условиях предложение создать российско-болгарское совместное предприятие по производству и продаже электроэнергии в страны

Юго-Восточной Европы выглядит взаимовыгодным. Подписан Меморандум о разработке долгосрочной программы сотрудничества в области энергетики.

Важнейшей областью сотрудничества остается ядерная энергетика. Продолжены работы по модернизации, безопасной эксплуатации и продлении сроков службы 5-го и 6-го энергоблоков АЭС «Козлодуй». В этих целях в 2003 г. из российского бюджета Болгарии был выделен кредит в 21 млн долл. Российский «Атомстройэкспорт» стал победителем конкурса по строительству АЭС «Белене», которое было поддержано и Европейской комиссией.

Все эти проекты инвестиционного и научно-технического сотрудничества, выходящие за рамки традиционной торговли, дают шанс увеличить российский экспорт высоких технологий и продуктов с высокой добавленной стоимостью, облагораживают структуру экономического взаимодействия. Очевидна при этом и выгода Болгарии, на деле превращающейся в диспетчерский центр энергопотоков на Балканах, — роль, на которую она претендует.

Даже с учетом состоявшегося или предстоящего вступления в НАТО сохраняются, по крайней мере в ближайшей перспективе, возможности продолжения военно-технического сотрудничества России со странами региона. Поскольку средства на перевооружение крайне ограниченны, модернизация стоящей на вооружении российской военной техники под стандарты НАТО, поставки запасных частей и комплектующих изделий могут быть востребованы.

Удалось окончательно решить застарелую проблему советского долга Болгарии, причем на весьма выгодных для нее условиях. В соответствии с прежними договоренностями российская сторона должна была погасить 49,5 млн долл. долга поставками ядерного топлива, а остаток в 24 млн долл. — специальной продукцией для болгарской армии. В ходе визита было решено, что 34 млн долл. будет выплачено в твердой валюте и безотлагательно.

Правда, на практике и Россия, и ее партнеры не всегда последовательны в исполнении взятых на себя обязательств. Так, в 2004 г. болгарское правительство вынуждено было аннулировать контракт с корпорацией МИГ на модернизацию истребителей, которыми оснащена болгарская армия, из-за неоднократных задержек в его выполнении, и лишь в 2006 г. стороны подписали новый договор. В свою очередь при проведении в Болгарии конкурса на участие в приватизации энергораспределительных компаний его условия были сформулированы таким образом, что РАО ЕЭС заранее оказалось исключенным из соревнования. Продажу гиганту российской энергетики двух бол-

гарских электростанций в 2005 г. можно было бы считать некоторой компенсацией проявленной некорректности, но и здесь не обошлось без подвохов. Уже после тендера болгарская комиссия по защите конкуренции заявила, что передача в одни руки двух электростанций ограничит конкуренцию и потому может быть признана сделка только по одной из ТЭЦ. В конечном счете российская компания сочла целесообразным вовсе отказаться от покупки.

Болезненной темой, типичной для экономических отношений стран Юго-Восточной Европы (за исключением Словении) с Россией, является существенный дисбаланс во взаимной торговле — закономерное следствие резкой и не вполне продуманной переориентации всех их экономических связей на Запад в минувшее десятилетие. Существенное увеличение доли ЕС в их товарообороте, учитывая либерализацию торговли с Евросоюзом и ориентацию на вступление в его ряды, неудивительно. Но при относительно слабом экспортном потенциале Балканских государств это почти автоматически влекло сокращение доли России в их экспорте, хотя она и осталась среди ведущих их импортеров.

Динамику торговли России со странами Юго-Восточной Европы характеризуют следующие цифры (см. табл. 12.1).

Таким образом, российский экспорт в эти страны в 2004 г. составил 2,3% его совокупного объема, а импорт — 1,3%. При этом отрицательное сальдо торгового баланса с Россией достигло для Албании 18,6 млн долл., для Боснии и Герцеговины — 23 млн, для Болгарии — 857 млн, для Македонии — 15 млн, для Румынии — 1688 млн, для Хорватии — 508,1 млн, для Сербии и Черногории — 324 млн долл. Одной Словении удалось добиться с Россией положительного для себя торгового баланса, составившего 222 млн долл. Сложившуюся ситуацию российские партнеры склонны расценивать как «катастрофическую». Вместе с тем и российский экспорт в эти страны хотя и может формально увеличиваться за счет роста цен на энергоносители, но при сохранении его нынешней структуры фактически близок к своему пределу.

Проблемы в торговле стран региона с Россией носят структурный, а не только конъюнктурный характер. Как справедливо заметил один из отечественных исследователей, «значимость стран СНГ и ЦВЕ в российском экспорте существенно превышает их значение в глобальном импорте (соответственно в 25 и 5,5 раза). Это объясняется инерцией традиционных хозяйственных связей, взаимодополняемостью национальных экономик, географической близостью, наличием развитой договорно-правовой базы и инфраструктуры. Однако расхождение экспортной ориентации России и реального импортного

Таблица 12.1

Внешняя торговля России со странами ЮВЕ в 1999–2004 гг.
(на основе таможенной статистики, не включая неорганизованную торговлю), млн долл.

	1999		2000		2001		2002		2003		2004	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
В целом	72 885	30 278	103 093	33 879	99 970	41 881	106 712	46 174	133 656	57 347	181 532	75 590
Албания	3,6	0,5	6	0,7	8,9	0,7	20,5	0,3	36,3	6,6	20,2	1,6
Босния и Герцеговина	14,4	5,1	56	23	40	5,2	28,3	0,5	52,9	2,1	41,4	18,8
Болгария	479	109	585	116	512	139	528	136	619	162,5	1060	203
Македония	13,4	18,2	70,1	10,3	31,2	16,9	19,5	16,5	13,8	18,9	11,9	26,9
Румыния	404	48,6	921	79,4	796	91	944	61,8	1292,8	68,6	1819	131
Словения	102	117	123	161	137	245	135	257	169	309	157	379
Сербия и Черногория	144	53,3	185	66,8	277	65,3	244	89,6	333,6	114,5	493	169
Хорватия	178	91,3	269	51,2	393	77,2	447	64,4	358,7	64	587	78,9

Источник: Russia: foreign economic relations. Trends and prospects. Moscow, 2004. P. 49–50.

потенциала данных групп государств является чрезмерным и в дальнейшем, по мере совершенствования товарной структуры экспорта, можно ожидать снижения их доли в общем объеме поставок»[1]. Так, если на страны ЦВЕ в целом в 2002 г. приходилось 15% российского экспорта, то в мировом импорте — лишь 2,7%. В еще большей мере это справедливо применительно к Балканским странам, поскольку основными партнерами России среди 15 стран ЦВЕ являются Польша, Венгрия, Чехия и Словакия.

Заметна и явная асимметрия интересов России и ее партнеров. Если главной заботой стран Юго-Восточной Европы является сокращение дисбаланса в торговле и возвращение на российский рынок, то Россию, в свою очередь, не слишком устраивает то обстоятельство, что около 90% российского экспорта в регион приходится на энергоносители, сырье и полуфабрикаты, тогда как доля машин и оборудования неуклонно снижается. Сказывается, конечно, недостаточная конкурентоспособность и отечественной продукции на рынках Балканских стран, открытых в сторону Европы, и их товаров на российском рынке.

Несомненно, однако, что российские товары, не относящиеся к топливно-сырьевой группе, поставлены в неравноправные условия. В результате либерализации торговых отношений государств региона с ЕС и ЕАСТ с промышленных товаров этих партнеров таможенные пошлины не взимаются. Тридцать одно двустороннее соглашение о свободной торговле было заключено Балканскими государствами между собой. Но, скажем, совместное заявление глав правительств России и Болгарии в 1977 г. о мерах по либерализации взаимной торговли, предусматривающее возможность создания зоны свободной торговли, никаких реальных последствий не имело. Это и неудивительно, учитывая обязательства Софии перед ЕС. Между тем ввозимая российская машинотехническая продукция облагается довольно высокими пошлинами. Например, в 2002 г. ставки болгарских таможенных пошлин при импорте тракторов из России составляли 7,5 и 11,3%, легковых автомобилей — 10 и 11,5, грузовиков — 10 и 17,5%, а из ЕС — 0. Дополнительным ограничивающим фактором станут нетарифные барьеры, связанные с переходом на технические и экологические стандарты ЕС.

Россия, которая никогда не возражала против расширения ЕС в принципе, уже с 1999 г. выражала обеспокоенность тем, что оно может

---

[1] *Спартак А.Н.* Российский экспорт: проблемы и перспективы // БИКИ. 2003. № 37 (8533). 1 апреля. С. 4.

привести к сокращению ее связей со странами Центральной и Восточной Европы. Однако ни в Брюсселе, ни в столицах стран — кандидатов на вступление эта озабоченность не встретила практического отклика. Ее инициатива — заранее обсудить возможные проблемы и найти способы их решения — фактически была «утоплена» посредством бюрократической волокиты. Если же ситуация не изменится, наивно было бы рассчитывать на фактический рост товарооборота. Понятно, что такие архаичные и суррогатные формы, как бартерные сделки, расширение которых нередко предлагается в качестве выхода из торгового тупика, никак не отвечают ни интересам российских товаропроизводителей, ни европейским стандартам и перспективам. Теоретически решение можно искать в рамках Общеевропейского экономического пространства, которое охватило бы ЕС и Россию. Но начатый диалог на эту тему, рассчитанный на длительную перспективу, обещает быть долгим и непростым — сегодняшних проблем он не разрешит. Договоренности, придающие политический импульс сотрудничеству и создающие хороший задел для его развития на принципиально новой основе и в гораздо более широких масштабах, сами по себе представляют по большей части заявления о добрых намерениях. И без решения структурных проблем они рискуют таковыми и остаться.

Последнее десятилетие минувшего века правомерно считать законченным периодом не только по хронологии, но и по сути. Непростая история взаимоотношений РФ с государствами региона в эти годы позволяет извлечь необходимые уроки. Немалое число людей, видевших в ней продолжение векового противостояния России и Запада на Балканах, полагают, что для нашей страны этот регион утрачен. Если пользоваться подобной «оптикой», они правы. Но нужно ли самой России ставить Балканские государства перед выбором: развивать им отношения с ней или с ЕС и НАТО? Этот выбор давно сделан, да такой альтернативы после краха социализма и распада Советского Союза, собственно говоря, уже и не было. Слишком очевиден был контраст между набиравшей силы европейской интеграцией и раскалывавшимся и погружавшимся в кризис пост советским пространством. Слишком явным было соотношение сил и степень притягательности Брюсселя и Москвы. Все это склоняет к единственно возможному выводу: связи России со странами Юго-Восточной Европы, как, впрочем, и со всеми партнерами по бывшему советскому блоку, будут развиваться тем успешнее, чем более они будут дополнять отношения с Европейским союзом и Североатлантическим альянсом, а не противопоставляться им. Это налагает определенные обязательства и на Россию, и на ее партнеров.

Безусловно, отношения в треугольнике Москва–Брюссель–балканские столицы не могут быть беспроблемными, как не являются таковыми и отношения внутри ЕС и НАТО. Уже наметившееся разделение в ЕС на «Старую» и «Новую» Европу — на «старожилов» и «новичков» — при дальнейшем его расширении на страны Юго-Восточной Европы будет лишь усиливаться. И хотя трехстороннее сотрудничество ЕС, России и государств региона выгоднее и перспективнее для всех их участников, чем другие сценарии, они и в его рамках останутся не только партнерами, но и во многом конкурентами. Для России желательно сохранить роль одного из ведущих поставщиков энергоносителей в Европу и главной зоны их транзита на европейские и мировые рынки. Стратегические установки ЕС и США прямо противоположны: диверсификация их источников и путей транзита; это нашло материальное воплощение в нефтепроводе Баку–Джейхан, газопроводе Баку–Эрзрум, проектах его продления на Балканы. Интересам России отвечает закрепление за собой главных транспортных коридоров из Европы в Среднюю и Юго-Восточную Азию. ЕС стремится создать альтернативные маршруты (проект ТРАСЕКА, идея возрождения Великого шелкового пути, попытки сделать реальностью замыслы транскаспийских нефте- и газопроводов). России стратегически необходимо устранение дискриминационных торговых барьеров, повышение доли машин, оборудования, наукоемкой продукции в своем экспорте, в первую очередь в ЕС. Европейцы не заинтересованы в этом и, располагая таким мощным политическим ресурсом, как условия приема в ЕС, обеспечивают себе привилегированные позиции и выгодные возможности для конкуренции. Расширение НАТО и тенденция к укреплению «европейской оборонной идентичности» используются для существенного ограничения возможностей российского ВПК в регионе. Расширение ЕС аналогичным образом служит вытеснению российской атомной промышленности (ультимативное условие приема — скорейшее закрытие всех реакторов «чернобыльского» типа, хотя это серьезно ухудшает энергообеспечение многих стран региона и их экономическое положение, а сами реакторы в настоящее время отвечают требованиям МАГАТЭ).

Главный интерес России в Юго-Восточной Европе состоит в том, чтобы заблаговременно экономически закрепиться в сфере предстоящего расширения ЕС, использовать транзитный потенциал региона к взаимной выгоде и по возможности блокировать потенциальные или актуальные антироссийские тенденции. Это требует напористого отстаивания собственных позиций и в Брюсселе, и в Вашингтоне, и в столицах Балканских государств.

Но не следует заниматься самообманом — вещи всегда полезнее видеть в их естественных размерах. Государства Юго-Восточной Европы могут стать привлекательной для российской экономики и политики сферой активности, но объективно не являются и не будут для нее приоритетом, даже когда в политических заявлениях утверждается обратное. Если в структуре внешнеэкономических связей России на все страны Центральной и Юго-Восточной Европы довольно устойчиво приходится 12–15% товарооборота, то на ее юго-восточную часть — 2–3%. Думается, эти цифры более точно характеризуют реальное значение Балкан для российской экономики. Их место в российской политике задано контекстом отношений России с Европой и США. Столь же очевидно, что и сама Россия для государств региона не заменит ЕС и НАТО в качестве приоритета. Но без нее балканское уравнение лишается важного элемента. Поскольку никому не выгодно, когда перекресток превращается в тупик или в улицу с односторонним движением, то и у отношений России со странами Юго-Восточной Европы, несомненно, есть будущее. Нужно лишь отличать реальные интересы страны в этом регионе от доставшихся в наследство от истории заблуждений, предрассудков и мифов.

Сведения об авторах

Язькова Алла Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, руководитель центра Средиземноморье-Черноморье, председатель Совета Средиземноморско-Черноморских исследований, Институт Европы РАН.

Кандель Павел Ефимович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Института Европы РАН.

Романенко Сергей Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Рытов Александр Григорьевич, кандидат исторических наук, МГИМО МИД РФ, член Совета Средиземноморско-Черноморских исследований Института Европы РАН.

Ходов Леонид Григорьевич, доктор экономических наук, профессор Всероссийской Академии внешней торговли.

Бьянкини Стефано, профессор Университета Болоньи, директор Института исследований Центрально-Восточной Европы (Италия)

Увалич Милица, профессор отделения экономики, финансов и статистики факультета политических наук Университета Перуджи (Италия).

Давыдов Юрий Павлович, доктор исторических наук, профессор (1.XI.1931-30.X.2006), известный российский ученый-международник.

Summary

South-Eastern Europe has for a long time been considered the most problematic region of Europe and the source of continuous threats of internal and international crises and conflicts. For many epochs the region was known as the *Balkans,* after which the title *balkanization* took name, i.e. the situation of a constant conflict between the states concerning the territories and national-ethnic groups of population.

In the context of 20 century's European and international events the Balkans was unchangeably considered a negative colored geopolitical sphere. Yet the title *Balkans* itself characterized the region as a *powder magazine* of Europe. To this the factor of many years' selfish play of great world and European states on contradictions between the Balkan states could be added.

How and why these negative stereotypes and their objective reality have merged? What are their historic frames and prospects of stabilization's process in the Balkans, which is more often being called South-Eastern Europe? The answers to these questions will allow us to understand the reasons, contemporary situation and possible further evolution of 20 century's regional Balkan crises.

Many of nowadays complex problems of strategically importance and dense populated Balkan region are of objective character. The collision of Orthodox, Catholic and Muslim worlds since long ago has become the reason of many religious conflicts. The ethnic map of the Balkans due to its variety is hard to be compared with any other European region (except for the Caucasus). That was the result of multi migration processes of different ethnic groups for the last two thousand years.

For a long time being a part of the Ottoman and Austrian (then Austro-Hungarian) empires and affected by the constant pressure of the Russian empire, the peoples of the Balkan peninsula have been formed

under conditions of contradictory culture-political impacts. Finally, in 20 century, the great collision of political ideologies, a product of western civilization – communism, fascism and nationalism — strengthened ever more the conflict potential of the region.

Thus many of peculiar problems of the region and its characteristics have their roots in the past such as polyethnic element, nations and states' late establishment, frequent and forced reconstruction of frontiers, long term fight against foreign intervention and as a result of this – continuous economic backwardness.

The crush of authoritarian-totalitarian regimes in Romania, Bulgaria, Albania and their transition to collaborate with European and North-Atlantic's integration groups have changed power disposition in South-Eastern Europe. By the same time the region occurred to be a deeply depressed in 1990s and was involved as well in the new *arc of instability* after the collapse of Yugoslavia and a series of continuous military conflicts.

At the turn of the millennium the states of South-Eastern Europe began slowly to get over the problems of the past concerning the cooperation with OCSE, EU and NATO. Still the main question is where and how are they going, which shore will they land? So while the politicians arrange their recommendations, the events will go ahead of their prognoses. In 2004 two Balkan countries became members of NATO. They make up three along with Greece and four with Turkey which has a part of its territory in Europe also. Croatia, Macedonia and Albania are expected to be next and there is a prospect of entering for Serbia and Montenegro followed by Bosnia-Herzegovina.

Thus the states of South-Eastern Europe are not considered a bridge between Europe and Asia any longer; they surely will land the European shore accepting its system of values, political and economic standards but preserving their own unique culture and way of life. They understand that they will have to pay a very high price — losing a part of their sovereignty which cost them and others such a cruel bloodshed.

That is why maintaining and supporting traditional relations with Russia are of great importance to all the states of South-Eastern Europe. The need for their deepening on a new basis will be very efficient in the years to come as for them and as for Russia itself.

The given monograph was prepared by the Institute of Europe. The list of authors includes the specialists from different institutes of Moscow and other scientific centers from abroad. The chronological frames are outlined by the period from 1990 till 2005 except for some problems to be analyzed in historic retrospective.

Указатель имен

Серия: Старый Свет — новые времена

Последние два десятилетия стали для Европейского континента временем серьезных перемен. Глубина и масштаб произошедших изменений очевидны, однако их существо и перспективы неоднозначны. Перемены затрагивают все уровни социальной организации стран Европы и осуществляются как на национальном, так и на наднациональном уровне; как в регионах, охваченных интеграционным процессом в рамках Европейского Союза, так и за его пределами.

Изучению этих многоплановых перемен, прямо затрагивающих и самое большое европейское государство – Россию, посвящена новая монографическая серия Института Европы РАН под общим названием «Старый Свет – новые времена», издание которой ИЕ РАН осуществляет совместно с издательством «Весь Мир» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Подготовка серии представляет собой масштабный и долговременный научный проект, реализуемый преимущественно силами российских ученых. Руководитель научного проекта – академик, директор ИЕ РАН Николай Петрович Шмелев.

В течение нескольких лет предстоит выпустить в свет ряд монографий, посвященных комплексному изучению современной социально-политической и социально-экономической истории отдельных стран и регионов Европы.

В 2007 году вышли в свет:

Великобритания. Эпоха реформ
Под ред. д.полит.н. Ал. А. Громыко

Франция. В поисках новых путей
Под ред. д.и.н. Ю.И. Рубинского

Готовится к выпуску:

Испания: анфас и профиль
Под ред. В.Л. Верникова

Серия: Национальная история

В 2007 году вышла в свет:

История Австрии
Культура, общество, политика
К. Воцелка

В книге изложена история австрийских земель с древнейших времен до наших дней. Их развитие рассматривается в сложном контексте исторических судеб средневековой Германии, Священной Римской империи, Габсбургской монархии и Европы в целом. В поле зрения автора — становление комплекса наследных земель династии Габсбургов на немецком Юго-Востоке, их место в Европе средних веков и раннего нового времени, образование и крушение Австро-Венгрии, трагическая судьба Первой республики и политическая жизнь Второй республики. Особое внимание уделяется вопросам социальной и гендерной истории, а также освещению основных тенденций в области культуры. Книга адресована всем читателям, интересующимся историей центральноевропейского региона.

Готовится к выпуску:

История Британии
Пер. с англ.
Под ред. К.О. Моргана

Подготовленное британскими историками издание содержит богатейшую информацию по истории Великобритании – от прихода римлян до 90-х годов XX в.. Масса интересных, порой малоизвестных фактов, позволит широким кругам читателей лучше представить себе сложные перипетии этнического, государственного и культурного развития народов, населявших и населяющих территорию сегодняшнего Соединенного королевства. В поле зрения авторов – древнейшее население Британских островов, римское завоевание, вторжения германских племен англов, саксов и ютов, походы викингов, норманнское завоевание, складывание английской нации и ее взаимодействие с народами Уэльса, Шотландии и Ирландии – а также многое другое из того, что определило нынешний политический и культурный ландшафт Великобритании.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под
Ю 15 ред. А.А. Язьковой. — М.: Издательство «Весь Мир», 2007. —
352 с. — (Старый Свет — новые времена)

ISBN 5-7777-0353-8

Книга, подготовленная Институтом Европы РАН, посвящена Юго-Восточной Европе — важному и на протяжении длительного времени наиболее проблемному европейскому региону, из которого постоянно исходили угрозы международных кризисов и конфликтов. В монографии дан анализ внутренней и внешней политики государств Юго-Восточной Европы последних пятнадцати лет, определены место и роль региона в современной Европе и мире, рассмотрены цивилизационно-культурные и исторические особенности развития. Специальные разделы посвящены анализу системных преобразований стран Юго-Восточной Европы и их отношениям с Россией. Особое место в книге занимает оценка перспектив решения проблем региона в контексте сотрудничества с ОБСЕ, ЕС и НАТО. Монография опубликована в рамках серии «Старый Свет — новые времена».

УДК 323+327(398)
ББК 26.89(47)

Серия: Старый Свет — новые времена

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен

Под ред. А.А. Языковой

Младший редактор: *Ю.Л. Михайлова*
Художники: *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*
Верстка: *Е.А. Поташевская*
Корректор: *И.В. Леонтьева*

Подписано в печать 28.08.2007. Формат 60 х 90 1/16
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 22,0. Тираж 1500 экз.
Изд. № 15/06
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 978-5-7777-353-8

Книга, подготовленная Институтом Европы РАН, посвящена Юго-Восточной Европе — важному и на протяжении длительного времени наиболее проблемному европейскому региону, из которого постоянно исходили угрозы международных кризисов и конфликтов. В монографии дан анализ внутренней и внешней политики государств Юго-Восточной Европы последних пятнадцати лет, определены место и роль региона в современной Европе и мире, рассмотрены цивилизационно-культурные и исторические особенности развития. Специальные разделы посвящены анализу системных преобразований стран Юго-Восточной Европы и их отношениям с Россией. Особое место в книге занимает оценка перспектив решения проблем региона в контексте сотрудничества с ОБСЕ, ЕС и НАТО.
Монография опубликована в рамках серии «Старый Свет — новые времена».